

Игорь Бурдонов

АЛЬБОМ
ФОТОГРАФИЙ

роман-плач

Москва, 2008

*Совпадение имён, событий и фактов с тем, что считается реальным,
случайное.*

*В случаях, когда такие совпадения по непонятным автору причинам задела
кого-то из ещё живых (Бог им судья!), их имена там, где это было
возможно без разрушения текста, временно заменены на другие.*

*Поэтому текст оказался «живым»: он меняется и, может быть, ещё
будет меняться до тех пор, пока я жив.*

Ну, а после моей смерти – не обессудьте!

25 декабря 2007 года.

Он лежал на кухне лицом вниз, как будто встал со стула, сделал шаг и упал, и уже не встал. Цепочка, которую он носил на шее, что-то вроде чёток, рассыпалась.

1. Я боялся смотреть, вышел и снова закрыл дверь. Кадрия повторяла: ну, всё, всё, всё. Я обнял её, а она всё равно повторяла: всё, всё, всё. Колотилась мысль: ну, всё, закончились наши мучения, он больше не будет мучиться, и мучить нас, больше не будет мучений. Больше не будет, ничего не будет, его не будет, сердце не колотится. Как же не будет, как это.
2. В комнате сидел агент, он что-то говорил, что-то нам нужно. Это хорошо, что он говорит, это хорошо, что что-то нужно. Там, в морге, понадобится мыло, ещё бритва, вот его бритва, вата нужна, у нас где-то была вата, ага, вот она. Слишком много, я отрежу ножом, да зачем, говорит агент, вот я отдираю, нужно-то всего лишь клочок. Ещё какие-то вещи, что надеть, не обязательно новые, но чистые. Костюма нет, он не носил костюмов, вот есть пиджак такой, и ещё такой, нет, не подходят. Нужно купить костюм. Не надо, говорит агент, это совсем не обязательно, лучше, чтобы это было то, что он носил, любил носить. Вот брюки, почти новые, ему нравились, я постираю, говорит Кадрия. Агент: я утром завтра ещё приду, тогда заберу всё. Вот его любимая чёрная рубашка, она подходит, только чистая майка под неё и всё. Всё, всё, всё.
3. Таня, соседка сверху, вместе с нами. У неё лекарства есть, корвалол, чего-то успокоительное, таблетки какие-то, нужно две выпить. Хорошо, что она пришла, я позвонил ей ещё с работы, попросил придти, мне-то ведь больше часа ехать. Я тогда ещё ничего не знал. Я ничего не предчувствовал в тот день, мы обсуждали какую-то математическую проблему, исписали всю доску зелёными и красными фломастерами, чего-то не получалось или, наоборот, получалось, но как-то не так, как мы думали. На полужазе зазвенел мобильник, Кадрия звонила. Я думал: это как уже один раз было несколько лет назад или как было полгода назад, по-другому, но всё равно, нужно вызвать «скорую». Она говорит, что он, кажется, не дышит, но он тёплый. Я говорю, делай искусственное дыхание, вызывай «скорую». Успокойся, успокойся, успокойся. Позвонил Тане – спустись к Кадрие, потом позвонил Люде – приезжай к нам.
4. Поехал сам на метро, понял, что на такси будет только дольше. Ехал и боялся, но и тут не предчувствовал, только боялся, но, думал, приступ, наверное, врачи приедут, вытасят. Вышел из метро, идти пятнадцать минут, такси стоит, шофёр говорит: Вы знаете, что сто рублей стоит? Знаю-знаю, говорю я, не знаю, конечно, но какая разница, сколько стоит. Почему-то «скорой» нет у подъезда, почему «скорой» нет? Пришёл, а

Кадрия говорит: ну, всё. Поверил – не поверил, пошёл на кухню смотреть. А «скорая»-то уже уехала, констатировала и уехала.

5. Вот и Люда приехала, милиционеры пришли двое, ещё следователь из прокуратуры. Так полагается, потому что молодой, смерть внезапная. Молодой, молодой, молодой. А что это у него на пояснице, ссадина какая? Да это давно, полгода уже, прыщик был, скovyрнул неудачно, ямка получилась. Это Люда говорит. Что там «скорая» написала? Сердечная недостаточность, ну это предварительно, нужно в судебный морг, там анализы возьмут, потому что смерть внезапная, молодой. Молодой, молодой, молодой. А вот след от укола, это чего? Он лечился, ему в клинике укол делали. Это Кадрия говорит. Или это она мне говорит, а так молчит. Если наркотики, говорит милиционер, то такие обычно раньше умирают, ещё до тридцати. Нет, наркотиков уже лет десять не было. Это Кадрия говорит. Вы могли не знать, говорит милиционер. Могли не знать, раньше умирают, куда же раньше, тридцать четыре, это как же. Я думаю, всё нормально будет, говорит следователь, следов насильственной смерти нет, тогда на третий день хоронить можно, а иначе бы и на неделю могло затянуться. Я завтра всё уточню, говорит агент, но думаю, всё нормально будет, тогда на послезавтра назначаем похороны. Всё нормально будет, нормально будет, нормально будет.
6. Когда смерть наступила? Я звонила ему в 6 часов, говорит Кадрия, всё нормально было, а пришла около восьми, может быть, без пятнадцати или без двадцати. Значит, где-то в районе семи часов. Он ещё раньше мне звонил, это Кадрия уже мне говорит, блинчиков просил купить, и в 6 часов тоже просил, говорил, блинчиков очень хочется. У нас блинчики около метро в палатке продают, я тоже пробовал, действительно, вкусные. Что-то меня просят, я на кухню иду, вот блинчики на столе лежат, купила Кадрия их.
7. Милиционеры и следователь уходят, перевозку вызвали. Таня собирается возвращаться к себе. Говорит, что, пока меня не было, другие агенты приходили, их милиционеры вызвали, не те, которые при мне пришли, это специальная бригада, а просто милиционеры. А нашего агента «скорая» вызвала. Милицейские агенты с нашим агентом ругаться стали, какая-то женщина-агент кричала, что это её территория. Совсем ненормальные, я им говорю, вы что, совсем с ума сошли, я их выгнала. Это Таня говорит. Таня ушла, сидим с агентом, ждём перевозку. Вот альбом, тут можно посмотреть, какие гробы есть, а вот венки. Нужно заказывать, венок с белыми цветами, ну не с красными же, и не эти вот, помпезные. Агент считает, вот такая сумма получается, тут то-то, то-то, гроб у вас дорогой, поэтому вот такая сумма получается. Гроб дорогой, какая разница, какой, но почему-то кажется, что нужно дорогой.

8. Приехала перевозка. Они быстро всё делают. Закрываю дверь за ними, они ждут лифта, а мешок на полу лежит. Как же они его в лифт-то, он ведь не грузовой. Закрываю дверь побыстрее. Нужно на кухне убрать. Что убрать? Почему-то кровь, немного правда, наверное, так всегда бывает, я не знаю, как бывает. Бусинки рассыпались, нужно собрать. Пол мою. Потом собираю бусинки в цепочку, некоторые в крови были, но уже высохли, почему-то думаю, что мыть их не надо, никак концы ниток не завязываются, долго мучаюсь.
9. Агент тоже уходит, до завтра. Всё, говорит Люда, нужно водки выпить. Мы какие-то таблетки приняли. Это ничего, время уже прошло, и правда – уже после полуночи. Водки нужно выпить. Я ему звонила, говорит Кадрия, в 6 часов, всё нормально было, он блинчиков хотел. Ну, всё, всё, всё. Вот водка. Он блинчиков хотел. Вот пореветь можно. Но после водки не так страшно, страшно всухую реветь, а так вроде ничего. Как же мы спать-то будем, не будем, наверное. Вот водка. Нужно выпить, тогда спать получится, наверное. Ну, всё, всё, всё.
10. Первый день был вспышками. Ну, не весь день, а только вечер, а что было до вечера, я не помню, только какие-то красно-зелёные формулы на белой доске, но там всегда какие-нибудь красно-зелёные формулы, ещё синие и чёрные. Или это первая вспышка – когда Кадрия позвонила? Нет не первая, была ещё одна, утром, когда на работу уходил. Ну, я пошёл, говорю. Рустам с дивана поднялся, он телевизор смотрел, на меня посмотрел, сказал «счастливо». Он всегда говорил «счастливо». Сказал «счастливо», он ведь не собирался.
11. Второй день расплывчатый и туманный. Такой серый туман, будто краски все стёртые. Звонили, составляли список: кто придёт на похороны, поминки. Оказалось, много, одного автобуса не хватит. Откуда столько народа?
12. Нужно было идти к моей маме и говорить, что её внук умер. Как говорить, ей ведь 82. Хотели идти вдвоём. Но тут пришёл агент, а мы уже прикинули, что одного автобуса мало будет, два нужно, а тогда ещё шесть тысяч не хватает. Деньги у меня на работе, но это долго, пошёл к маме один. Прихожу, говорю, прошу шесть тысяч, всё скомкано, а не всё ли равно, скомкано или нет, как ни говори, а легче не будет, если сказать так, а не эдак. Потом ещё раз приходили, чтобы не торопиться, а всё уже сказано. Всё, всё, всё.
13. Проходит время, но ничего не проходит. Я не хочу забыть – я хочу осмыслить, чтобы жить с памятью о жизни, а не о смерти. Хотя смерть уже стала частью жизни. Поэтому пишу книгу.
14. Можно ли было его спасти? Я не знаю. И я знаю, что этот вопрос не имеет теперь смысла. Но человек не выбирает вопросы, с которыми ему приходится жить. Мы ищем ответы, но по-настоящему важны только вопросы.

15. Может быть, он и загубил свою жизнь, но – не душу. Он остался тем же, тем, кого мы любили.
16. Может быть, последние годы ему не хватало нашей ласки, мы слишком часто его ругали – от бессилия. Или родителям только кажется, что детям нужна ласка? Он уже не был маленьким мальчиком. Или был?
17. Это видно на фотографиях: тех, где он не пьян. Он был добрым и ласковым. Умным и даже мудрым, хотя ещё не старческой мудростью. Врождённой? Или мудростью глубоко страдающего человека? Эта тоска тоже видна на некоторых фотографиях. Даже на тех, где он пьян. Это такая мудрость, которую люди не называют мудростью, потому что путают мудрость с обычным умом, или старческим маразмом или младенческим безумием. Такая трезвая мудрость, даже на тех фотографиях, где он пьян. Такая спокойная мудрость, потому что спокойствие оказывалось последним защитным рубежом. Было бы проще, если бы он чего-то не понимал. Можно было бы попытаться объяснить. Но он всё понимал, и поэтому ничем нельзя было помочь.
18. Может быть, к лучшему, что он умер сейчас, а не позже – в болезнях и страданиях, которые его сломали бы? Это лучше и для нас и для него? Да, это может быть, но я всё бы отдал, чтобы вернуться назад, предотвратить, спасти. Пусть от этого было бы только хуже и нам и ему. Но ещё хотя бы чуть-чуть, пусть только десять лет, пусть пять, пусть год, месяц, сколько угодно, но ещё... Мне этого так хочется – ещё хотя бы раз обнять его. Сколько раз это можно было сделать до того, но, казалось, нет повода, казалось, ещё успею, казалось, всё впереди.
19. На похороны приехал из Казани брат Кадрии, Фарид. Вдвоём они ходили в мечеть.
20. После поминок мы сбежали в Казань. Я курю в тамбуре вагона поезда. Снежные звёзды на овальном окне, и прочерченные линии. Будто линии судьбы в звёздном небе, что небрежно и не задумываясь, прочертил ногтём Бог, куря в тамбуре своей Вечности. Небо в окне инвертировано – оно не чёрное, а белое, лишь немного темнее звёзд. И Бог инвертированный – не милосердный. Кажется, я богохульствую.
21. Казалось бы, не произошло ничего особенного: человек жил и умер. Все так делают. И я так сделаю. Удивительно: после стольких миллионов, даже миллиардов (хотя какая разница!) жизней и смертей люди так и не привыкли к ним.
22. Рустам прожил 34 года, точнее 413 месяцев, точнее 12575 дней.
23. Сорокоуст. В исламе 40 дней не имеют ни значения, ни смысла, пришло из христианской традиции.
24. Как мало вещей остаётся от человека после! Как мало...
25. Ну, что, Бог, добился своего?

26. В интернете «я Больше Не Лисичка» пишет отзыв на «Деревенский дневник»: «жесть... простите, но когда читала, ощутила страх... разве можно так жить?????????» «Жизнь в дневнике описали пустую... человек одинокий... есть родные, но он словно брошен...» «мальчик добрый... Тут не поспоришь... самостоятельный, но очень одинокий... не увидела за год этой жизни... праздника, радости... подарков, достижений, мечтаний... Мне казалось в деревнях большие семьи, счастливые люди... а Одинокие как раз и спиваются...?!!» «жизнь такая меня напугала... Я бы не смогла так жить... Хотя, конечно люди живут везде... и человек ко всему привыкает... Да и Парень другой жизни же не знал... в 22 года – это парень взрослый, я как-то упустила этот момент... я, оказывается, многое упустила, больше на чувства и ощущения опиралась...»
27. Отвечаю «я Больше Не Лисичке»: То, что Вы испытали страх, это правильно. Пустая жизнь... Но ведь никакой жизни не описано. Я сам напишу об этой жизни. Будет ещё страшнее. А в дневнике описано лишь несколько месяцев, даже не год, жизни в деревне. В этой деревне нет магазина, школы и т.п., нет работы. Это глушь. Но там тоже живут люди. У них у всех такая жизнь, различия лишь в количестве выпиваемой водки, некоторые даже не пьют. Почему живут? А почему человек вообще живёт? Грусть, тоска и чувство одиночества – нормальные вещи, которые просто в более чистом и остром виде проявляются в деревенской глуши. Жизнь в городе – быстрая, много людей, событий, и потому возникает иллюзия полноты. Но я опубликовал этот дневник не столько для того, чтобы показать жизнь в деревне, сколько для того, чтобы показать человека. Жизнь может быть пустой, а человек хороший. Это банально, и это трагедия. И я не знаю, лучше это или хуже, когда наоборот: жизнь полная, а человек – дрянь. Вы спрашиваете: разве можно так жить????????? А разве можно умирать?
28. Праздники, радости и подарки, конечно, были, Вы невнимательно прочли.
Достижений – не было, это верно.
Правда, какие в деревне могут быть достижения?
Наверное, для тех, кто там временно, всё же могут.
Можно писать стихи, рисовать картины.
Но не все пишут стихи и рисуют картины, в этом нет ничего удивительного или предосудительного, только некоторая неправильность.
Но – не было.
Если не считать самого дневника.
Почему не считать?
29. Почему жизнь человека нужно мерить достижениями? На это имеет право только сам человек. А вообще-то достижения – это такая чушь! По сравнению с мировой революцией, или Божьим промыслом – кому

что нравится. Достижения – разве что пена, которую оставляет на песке схлынувшая волна. Но что такое пена в сравнении с океаном, её породившим? Хотя китайцы и говорят, что человека надо мерить по его достижениям, но сами-то приравнивают человека ко всей Вселенной. Хотя человек, по их мнению, – всего лишь одна из десяти тысяч вещей, но зато центральная, что держит Небо и Землю в триаде. Достижения – это что-то вроде естественных выделений человека, подобно поту, моче и калу.

30. В деревнях, подобных описанной, нет никаких больших семей. Более того – нет даже детей, они появляются там только летом, как на даче, а время дневника – не сезон, вторая половина осени, зима, начало весны. Там живут-доживают свой век только старики и старухи. Ну, ещё немногочисленные "Коляшки", которые ещё что-то могут делать, слава Богу, что хоть они есть, а то не было бы кому дрова привезти, печь поправить и т.п. Вот они и спиваются. Но в деревне спиваются не так, как в городе. В городе всё быстро, раз – и спился, умер или в бомжах оказался. В деревне на водку или самогон нужно ещё заработать, достать их, что несколько притормаживает. Кроме того, свежий воздух и всё такое быстро протрезвляет. Я даже думаю, что в наше время в городе пьют гораздо больше, чем в деревне, и с худшими последствиями, поскольку выше доходы, больше возможностей, больше стресса и т.д. Просто меньше заметно – народу много, событий много, в городе вообще ничего не заметно, там и людей-то нет.
31. А одинокие... Вам не приходило в голову, что одиночество – естественное состояние человека, независимо от того, есть или нет у него семья, любящая жена (муж), дети, друзья, коллеги и т.д. и т.п. Тот, кто не чувствует себя одиноким хоть в какой-то степени, по-моему, идиотичен. Кроме того, одиночество в 22 года для мужчины нормально – в смысле отсутствия собственной семьи: жены, детей. Друзей может быть сколько угодно, но мужчина в 22 года мечтает не о друзьях, а о женщине. Если это затягивается, тогда другое дело.
32. С чисто литературной точки зрения дневник и не должен содержать всего того, о чём я написал выше. Тогда это был бы другой жанр. В дневнике вообще-то полагается писать то, что происходит, и самый минимум – оценка происходящего и сопровождающие это чувства и мысли. Иными словами, выразить нечто минимумом средств и не напрямую.
33. Зачем я отвечаю «я Больше Не Лисичке»? Что мне эта лисичка или не-лисичка? Ничего.
34. Представление о том, что мы кому-то нужны, кроме самых-самых близких людей, оказалось ошибочным.
35. И вот возникает вопрос: существует ли прошлое? Если прошлое не существует, то ничего не существует. Мы пусты.

Если прошлое существует, то оно оказывается реальнее жиденского настоящего и вовсе не обязательного будущего.

Но что это даёт?

В прошлом оказывается не только жизнь Рустама, но и его смерть.

Он уже умер, а я ещё жив. И это не помещается в сердце.

Как будто произошла какая-то вопиющая неправильность.

Так не может быть.

36. Вспоминаю Вадима Берова в мамином халате. Это он рассказывал. Когда умерла его мама, и он приехал в Кривой Рог на похороны. Он нашёл мамин халат, который она носила, надел его сам и ходил в нём по квартире, сидел в её кресле и всё такое. Я тогда подумал: вот дурь-то, он, действительно, чокнутый. А теперь я нахожу вещи Рустама и забираю их себе. У нас был один и тот же размер и одежды, и обуви. Мне стало нравиться надевать его майки, его ботинки, его кепку, его куртку. У него были хорошие вещи, говорит Кадрия. Ну да, только не в этом дело. Будто, пока его вещи не исчезли, не отданы кому-нибудь постороннему, пока я ношу их, он ещё как-то продолжает жить. Дурь какая-то.
37. И ещё, когда мы отдаём вещи Рустама Наде Красильниковой. Она тоже любила носить его вещи. Ещё тогда, когда они вместе жили в Липовке, и Рустам писал «Деревенский дневник». Пока она их носит, Рустам тоже как будто немножко живёт в Липовке.
38. Однажды Рустам привёл в дом бомжиху. Это Кадрия рассказывала, я сам не видел. Она приходит с работы, а на кухне сидит бомжиха, что-то ест и чай пьёт. Рустам говорит: ты, мама, не волнуйся, она сейчас уйдёт. Она ушла, а Рустам объясняет: ну, шёл я по улице, вижу, сидит. Что-то мне её так жалко стало, вот я и привёл её покормить, чаем напоить. Или не чай это был, а водка, не помню, но какая разница. И бомжиха-то не молодая, за сорок, просто ему её жалко стало. Вот я бы так не сделал. Может быть, позыв и был бы, стало бы жалко, но всё равно не привёл. А он привёл. Это нормально или нет? Наверное, ненормально, но хорошо.
39. Вот также он принёс к нам в дом котёнка в декабре месяце. Нашёл у подъезда нашего дома в Москве. Так я написал, так я и думал до того, как закончил книгу, и Кадрия стала её читать. Вот тут-то она мне и говорит: А ведь Рустам тогда нам наврал! На самом деле, они с Ольгой нашли этого котёнка где-то в Тёплом Стане или что-то вроде этого. Взяли его запазуху, пригрели, а потом стали думать. У Ольги дома был Флинт – здоровенная чёрная овчарка, которая жрала всё, что ни попадя, и, конечно, могла сожрать и котёнка. И Рустам взял котёнка себе. Из этого котёнка выросла наша кошка Бася. Какая это была замечательная кошка! Умная, красивая, стройная, хищная, самостоятельная и очень ласковая – но только, когда ей этого хотелось. В Липовке, охотясь на птиц, она ходила по плетню, уверенно переступая по верхним кончикам

тонких берёзовых кольев, будто шла по тропинке. Получилась такая красивая фотография, что нам советовали отправить её в “National Geographik”. Бася игнорировала псевдоеду для кошек, предпочитая сырое мясо и рыбу, а в деревне сама охотилась на мышей и птиц. И все её дети были такими же, даже коты, которые обычно слишком ленивы, чтобы охотиться. Она пропала внезапно, бесследно и навсегда.

40. Я пишу эту книгу, а кошка Бася смотрит на меня с «обоев» рабочего стола моего компьютера. Никогда я не буду в силах заменить её фотографией Рустама. Я напечатал много его фотографий, сделал большой стенд на поминках, но пока не решаюсь хотя бы одну из них поместить в рамку и повесить на стену или поставить на письменный стол. Только у моей мамы, которая живёт отдельно, две такие фотографии в рамках: одна висит на стене, другая стоит на буфете. А я всё пытаюсь понять смысл странной фразы: «Когда он умрёт и погибнет имя его».
41. Последователи буддийской школы *амритов* верят в закон сохранения страданий. Если кто-то страдает мало, значит, кто-то другой страдает много. Может быть, наш сын принял на себя всё то плохое, чего нам с Кадриёй счастливо удалось избежать в нашей жизни? Наши несбывшиеся страдания сбились в один плотный ком и погребли под своей тяжестью нашего Рустама. Теперь, когда он умер, этот ком остался нам в наследство. В нём уже не различить отдельных страданий, всё это слилось в одну боль по мёртвому сыну. Его смерть теперь внутри нас: сработал закон сохранения страданий. Избавление от страданий *амриты* понимают очень просто: страдания умирают, то есть превращаются в смерть, которая постепенно заполняет человека изнутри, подобно раковой опухоли. Когда весь человек поглощается смертью, наступает нирвана. Чтобы это произошло, нужно, по их подсчётам, прожить 120 лет. Только к этому времени умирают самые тонкие страдания, которые обычные люди и страданиями-то не называют. Это ощущение тепла от горящего огня, прохлада льющейся воды и свет звёзд в ночном небе. Поэтому, считают *амриты*, нужно стараться прожить как можно дольше, чтобы похоронить в себе всех близких людей. Именно так интерпретирует они библейскую фразу: «Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов» (Ев. от Матфея 7. 22).
42. 22 августа 1988 года. Перевал Гезевцек. Одно из тех мест и времён, что остались в моей памяти. Навсегда и навезде. Или это я остался там и тогда? Мы ли помним времена и места или времена и места помнят нас? Но у Вселенной нет памяти. Поэтому выражение «время и место помнят» может означать только «время и место существуют». Этот объект называется *времяместо*. Сеть таких объектов, связанных между собой довольно сложными связями, называется памятью человека. Это подобно ночному звёздному небу, а мигание звёзд – это пульсация сознания, происходящая в ритме биения сердца. Внутри *времяместа*

«Перевал Гезевцек 22 августа 1988 года» Рустам, сидя на камне, снимает горные ботинки, которые нам выдали в Северном приюте для подъёма по леднику, и надевает кроссовки, чтобы спускаться вниз – в Грузию (Осетию). А я стою и смотрю на южное горное море. Издалека, от самого горизонта голубые-серые-белые движутся волны гор, цепь за цепью, и бьются прибоем о скалы перевала Гезевцек. Рустам снимает ботинки. Я стою и смотрю. Навечно. Навезде. Всегда на перевале Гезевцек. Везде 22 августа 1988 года. Рустам снимает ботинки. Я стою и смотрю.

43. Перевал Гезевцек, 3498 м. от уровня моря. Соединяет ледник Западное Штулу в Балкарии и верховья реки Риони в Грузии. В интернете нашёл: слово *вцек* означает перевал, но значение слова *Гезе* неясно. Из записной книжки Рустама: «Гезевцек – судорожный перевал. Штулу – ущелье ветров».
44. Цитирую по интернету. Перевал Гезевцек расположен на участке между вершинами Гезетау и Пасисмта, ведет с ледника Западный Штулу в южный цирк вершины Пасисмта. Для прохождения достаточно полного горнотуристского снаряжения и навыков движения по снегу и скалам. Участок пути через перевал ограничен приютами, путь между которыми плановые туристы проходят за день (более 10 часов).
45. Рустаму исполнилось только пятнадцать лет, а нужно было хотя бы шестнадцать, и нам пришлось писать специальное прошение, чтобы ему разрешили вместе с нами пройти через перевал Гезевцек. В каждой группе с этого участка маршрута снимают несколько человек. В нашей группе сняли двух студенток, и они дальше ехали на автобусе в обход гор до Чаквы на берегу моря. А Рустам карабкался по скалам и леднику легко и весело. Он был юн, и вся жизнь у него была впереди: волна за волной.
46. От Северного приюта к перевалу движемся по тропе левого берега Карасу. В том месте, где со склона Шаритау в долину спускается безымянный ледник (2500 м), переправляемся на правый берег. Перейдя по мосту Карасу, продолжаем подъем вдоль берега реки, ориентируясь на изогнутую боковую морену. По пути преодолеваем вброд один из правых притоков Карасу, вытекающий красивым водопадом. С морены, уводящей постепенно вправо, идем на горизонтальную поверхность ледника. Ледник между Гезевцеком и вершиной Пасисмта разделен скальным выступом на две части с общим языком.
47. До начала ледника (или немного ниже) наши рюкзаки везли на себе ослики. На фотографии Рустам чешет себе нос ослиным ухом. Дальше ослы не могли идти, и мы взвалили рюкзаки себе на плечи.
48. Первоначально идем по правой стороне ледника, а через 1,5 км переходим на его левый край к подножию скального выступа, всё время лавируя среди трещин. Двигаясь вдоль восточного склона скального

выступа, достигаем обширных фирновых полей, в верховьях которых прямо на юге видна выемка перевала Гебивцек. Его седловина в середине лета свободна от снега, подъем к ней осуществляется по крутому, но короткому склону, подрезанному мощным бергшрудом. Обычно бергшруд преодолевается по снежному мосту, ранее искусственно поддерживаемому с помощью взрывов. Седловина осыпная, на границе снега и осыпи расположилось озерцо. От Северного приюта до Гезевцека 7 часов.

49. На леднике у нас был короткий отдых перед последним подъёмом на перевал. Мы сидели на снегу и ели горное «мороженое»: снег со сгущёнкой.
50. В точке, смежной с перевалом, от водораздельного гребня отходит на юг небольшой отрог, через него лежит путь с перевала Центральный Эдена. Вдоль его гребня и проходит 300-метровый, наиболее ответственный, участок спуска в сторону долины Риони. Первоначально идем по снежникам, затем – по разрушенным скалам, придерживаясь направления к левому склону ущелья; возле родника появляется хорошо заметная тропа. По ней сбегает в зону альпийских лугов, после чего траверсируем склон отрога, подпирающий правый край ледника Эдена. Перейдя по камням ручей, вытекающий с ледника Эдена, выходим к мосту через Риони, а вскоре и к Южному приюту на правом берегу реки. Спуск с перевала до приюта продолжается 3 часа, а до селения Геби отсюда ещё около 25 км.
51. Запись на форзаце старой записной книжки Рустама: «Эта записная книжка вместе со своим хозяином прошла через перевал Гезевцек. 22.08.88. 101 маршрут, 63 группа». Рустаму 15 лет и ровно 1 месяц. Рустам снимает ботинки на перевале Гезевцек. Я стою и смотрю. Волна за волной.
52. Диалог с никем:
- Я хотел бы прояснить один вопрос: где всё же находятся эти Ваши *временьместа*? Или, может быть, нужно спросить: когда?
 - Вопрос не имеет большого смысла, поскольку при обычных условиях такие *временьместа* недостижимы. Если взять их проекцию на временную ось, они оказываются в прошлом, которого уже нет. Из-за этого временного смещения их пространственное расположение тоже становится недостижимым: *временьместа* подобны звёздам в ночном небе. Разве звёзды достижимы? Вы можете только видеть звезду, но расстояния столь велики, а скорость света столь мала, что сама звезда уже не находится в том самом месте, где Вы её видите. Может быть, её вообще уже нет: взорвалась или потухла, а Вы видите только её свет, который всё летит и летит.
 - Вы сказали: при обычных условиях. А при необычных?

– При необычных условиях всё возможно. Это один из основных постулатов метафизики.

53. Читал Тейяра де Шардена и подумал: ложь религии не в том, что она даёт неправильные ответы на самые главные вопросы, а в том, что она даёт ответы. В тот момент, когда мне открывается смысл жизни, жизнь теряет смысл. Но на самом-то деле религия объясняет не жизнь, а смерть, и в этом объяснении смерть уничтожается, а трагедия превращается в фарс. Мне должно стать легче? Легче жить или легче умирать? Ни хрена не легче!
54. 11 февраля 2008. Сегодня встретил в метро Рустама. Я сразу узнал его по красной кепке. Он постарел, лицо как-то вытянулось. На нём была чёрная кожаная куртка и, что было странно, какие-то в лохмотьях джинсы с парой металлических цепочек, чего раньше он никогда себе не позволял. С ним была незнакомая мне блондинка с очень короткой стрижкой «ёжиком». Наверное, крашенная. Больше я ничего не успел рассмотреть, потому что вышел на станции Менделеевская, чтобы пересесть на станцию Новослободская, а они поехали дальше к центру.
55. Мы носим на себе смерти других людей, близких и дальних, как носят одежду. На мне майка – от бабушки Марфы, футболка – от бабушки Александры, трусы – от отца, брюки – от дяди Толи, рубашка с коротким рукавом – от дэв-ани, рубашка с длинным рукавом – от дэв-ати, пиджак – от Петра Николаевича, галстук – от Юрия Николаевича, обычные носки – от тёти Дуси, а тёплые – от бабы Любы, одна рукавица – от дяди Вани, а другая – от тёти Полины из Федюково, ещё запасные рукавицы – от моего троюродного брата из Федюково и двоюродного брата из Ленинграда, шарфик – от Нины Косачевой, ботинки – от Коляшек из Липовки, один – от Коли Дунина, другой – от Коли Панина, ручная бандана от Валеры Красильникова.
56. И это ещё не всё: есть шапка, два носовых платка, брючный ремень, двоюродные дедушка Лёня и тётя Нина, Андрей Судилковский, тёплый свитер, Юлия Шкаровская, замшевая куртка, Вадик Максаков и его жена Лена, пальто демисезонное, Дима Авалиани, домашние тапочки, Игорь Маев, пончо, хотя его и побила моль, Наталья Чаловская, резиновые калоши, Саша, муж Иры Ратафии, почему-то юбка (как мне её надевать?), Галя Смирнова, фартук, халат, шорты, Ахмет-абы, Нина Григорьевна с Савёловской, бабушка Кадрии, Евгений Соломонович Винников... и ещё Михал Михалыч Ахромов, бабы Любин Коля, Дедов, Володя Гуслистый, Андрей Соколов, академик Мельников, Игорь Борисович Задыхайло, Зоя Канатникова... и ещё Таня Белицкая, Валя Солодова, Витольд Лободенко, Володя Чехлов, Аня Фурман, Наташа Шляпкина,...и ещё... перечитывая этот абзац, вижу, что нужно дописать ещё Шурика Гавердовского, с которым мы вместе с Рустамом ходили в

- байдарочные походы по Селижаровке, по ТВДЖ, по Белой, и который умер несколько дней назад... и ещё...
57. Я слишком тепло одет! Даже для нашего климата и нашей зимы. И вот теперь поверх всего этого я с ног до головы закутался в плащ Рустама...
58. Когда человек умирает, его вычёркивают из всех списков: в паспортном столе – из списка проживающих в квартире, на избирательном участке – из списка избирателей микрорайона, в военкомате – из списка военнообязанных, и так далее. Вычёркивают длинной горизонтальной чертой поверх фамилии, имени и отчества. Этим заканчивается существование человека для государства. Длинная горизонтальная черта – это единственный государственный похоронный ритуал. Скоро выборы президента Российской Федерации, но я туда не пойду. И раньше не собирался, потому что зачем? Уже по всем каналам телевидения объявили, кто будет следующим президентом. И ещё: не хочу больше видеть длинную горизонтальную черту.
59. Ходил к ручью, что течёт вдоль кольцевой дороги и впадает в озеро около церкви в конце Алтуфьевского шоссе. От дороги и дальше вглубь уверенно шагают новые корпуса центра «Porsche». Я уж думал, что они сожрали ручей. Но нет: подошли почти вплотную, а тропинка всё равно вьётся и спускается к ручью. Сюда мы часто ходили все вместе, когда Рустам был маленький. С нами был и наш пёс Пушок. Тропинка пересекает речку по льду. Только у дальнего края в узких ледовых берегах течёт тонкая тёмная вода. Ивы голые и грустные, они здесь всегда почему-то грустные, даже летом, даже весной. Сухие жёлтые согнутые и поломанные стебли тростника. В одном месте один в один, как на моей старой акварели. Или наоборот? В лёд вмёрзли следы птичьих лапок. Скоро будет весна, и вода смоеет их широкой горизонтальной волной. На обратном пути меня провожают птицы. Это вороны, большие. Они перелетают с дерева на дерево и кричат над моей головой: «Смерть, смерть, смерть...»
60. Сегодня по-весеннему яркое солнце, синее небо, редкие облачка, снег блестит и Рустам не вспоминается. Точнее: не забывается. Картинки сменяют одна другую: Рустам на балконе, в кресле, на диване, двенадцать лет назад у полыньи Чёрного озера, юношей на перевале Гезевцев, мальчиком на камне у воды, в воде около камня, ребёнком с игрушкой. И снова на балконе – из последних фотографий, хотя даже не я снимал, да и увидел только после. Картинки скользят, но я не могу ни на чём сосредоточиться: стоит мне приблизиться, как Рустам уходит в другую картинку, а она дальше, я опять приближаюсь, а он опять уходит. Может быть, так и должно быть после 40 дней? Или это только сегодня?
61. В нашем парке умирают сосны. В повседневности жизни обычно не замечаешь смерти, но сегодня мне вдруг захотелось посмотреть на свои

любимые деревья. Вот здесь неподвижно летел над белой росой иероглиф сосны. Здесь на жёлтой ветви сидела ворона, круглая как шар. А здесь у вершины краснокожей сосны жил придуманный мной человек. Всюду взгляд упирался в пустоту. Лишь одна кривая сосна с плоской вершиной всё ещё держит небо. Это про неё Валера Красильников как-то сказал, что она искупит собой весь безобразный город. Но и ей, кажется, осталось жить недолго. Лет двадцать назад мы с Кадриёй ещё видели на поляне парка маленькие саженцы сосен. Мы тогда подумали, а я написал в стихотворении:

Если люди посадили сосны,
это значит: ожидают вёсны.
И надеются в душе:
в звёздном золотом ковше
есть ещё водица для полива.

Видимо, кончилась водица. И саженцы те засохли. Место благородных сосен занимают тёмные ели, укрывающие землю от неба. Это в лучшем случае. А так повсюду бестолковый лиственный плебс или просто пустырь. Как и в жизни людей.

62. Раньше лианозовский лесопарк подходил на востоке вплотную к Абрамцевской улице, огибая с севера огороженную площадь «психушки». Кажется, официально это сейчас называется реабилитационный центр для инвалидов. Мы часто гуляли там с Пушком. С каждым годом «психушка» разрасталась вширь, строились новые корпуса, и забор отодвигался всё дальше и дальше, поглощая дубовую рощу. Наконец с запада от «психушки», где раньше за дубовой рощей были садовые участки, вырос элитный посёлок «Дубки». Он тоже обнесён забором, они вообще похожи, и начинаешь думать, что не случайно соседство «элитки» и «психушки». Когда всё происходит постепенно, не всегда замечаешь разительность перемен. Сегодня я смотрел вокруг будто новыми глазами и обнаружил, что между «Дубками» и «психушкой» осталась только узкая полоса, через которую всё ещё вьётся тропинка. Но я даже не уверен, та ли эта тропинка, по которой мы всегда ходили, или уже другая, а та оказалась внутри забора «психушки».
63. Где-то здесь должен быть старый дуб, под которым всегда было много желудей. Под ним мы похоронили нашу маленькую собачку Жанку. Она прожила всего лишь год с небольшим и умерла от чумки. Я смотрел на деревья и кусты, пытался опознать старые места, и ничего не узнавал. Вот так: первую половину жизни человек открывает мир, а вторую половину наблюдает, как он закрывается.
64. Вот я тогда написал: Когда мы хоронили кусочек нашего сердца, весенний день был тёплым и солнечным. Таковы перемены жизни: ты

думаешь, что ещё что-то есть, там, за небольшой переправой, а оказывается, уже конец; ты думаешь, уже конец, и готовишься, а оказывается, ещё не конец.

65. *«Дорогой друг!*

Раз Вы читаете это письмо, значит, меня уже не стало.

Что ж, ведь врач так и сказал: “Шансов практически нет”.

Я знаю, Вы любили меня, и последние дни дались Вам тяжело.

Но, пожалуйста, не думайте только об этих днях – их было совсем немного даже в моей короткой жизни.

Я понимаю: Вам кажется, что моя жизнь оборвалась, не успев начаться.

Ведь Вам приходила в голову и такая мысль: а не лучше ли было, если бы я вообще не появлялась на свет?

Это потому, что Вы смотрите на мою жизнь со стороны, а для меня, поверьте, моя жизнь была наполнена до краёв.

В ней было так много всего!

Я узнала все времена года.

Помните, как год назад, в конце зимы, я удивлялась незнакомым запахам?

Проваливаясь в снег, я подходила к каждой веточке и нюхала её, этот запах волновал и дразнил меня.

Он был свежим, острым, каким-то чудесным и радостным.

Хотя совсем не напоминал ничего съедобного.

То начиналась весна, а ведь я ещё не знала, что это такое!

Теперь я знаю, я помню эту мою первую весну.

А ещё было лето – большое-пребольшое.

И осень – такая долгая, странная, необыкновенная.

И потом опять была зима.

Такая же, как первая зима, и совсем другая.

И сейчас снова весна.

Я рада, что дожидаясь до своей второй весны, хотя она принесла мне страдания и смерть.

Я снова возвращаюсь туда, откуда пришла в этот мир.

Я не знаю, для чего мне дана была жизнь.

Была ли в ней цель, которую я не достигла?

Был ли в ней смысл, о котором я не узнала?

Может быть, это всё не важно, и жизнь – просто единственное, что существует?

Вы знаете, летом мне было очень жалко бабочек – тех, что живут один день.

Они так радостно порхали в солнечных лучах среди цветов, а вечером падали на землю.

Во время вечерней прогулки я подходила и нюхала их маленькие невесомые тельца.

“Они не видели, что такое весна! – думала я. – Они даже про ночь ничего не знают”.

А сейчас я думаю: может быть и одного часа жизни, даже одной минуты достаточно?

Много ли времени нужно, чтобы ветер донёс запах земли, чтобы луч солнца упал с неба, чтобы сердце ударило раз, и другой раз...

Поэтому прошу Вас, мой дорогой друг, не думайте обо мне, как о чём-то неудавшемся.

У меня была моя жизнь, я прожила её рядом с Вами, я любила Вас.

Вспоминайте обо мне иногда.

Если Вам нетрудно, похороните меня в лесу, там, где мы так чудесно гуляли с Вами.

Помните старый дуб?

Все его желуди прорастали, и земля под ним была усеяна молодыми ростками.

В этой земле я хотела бы лежать.

Не печальтесь обо мне, живите долго, прощайте.

Ваша собака Жанка».

66. Когда мы хоронили кусочек нашего сердца, весенний день был тёплым и солнечным. Кадрия, прочитывая книгу, сказала: А ведь Жанку тоже Рустам притащил. Говорил: будет лайка, лайка. А вышла маленькая собачонка. Кусочек нашего сердца. Но похоронили мы её не под тем дубом – мы уже тогда подумали, что это слишком близко к людским жилищам. Мы похоронили её за кольцевой автодорогой, в лесу. Я ответил: это не документальная книга, в конце концов, я могу не только путать, но даже придумывать всё, что хочу. Вот только хочу ли я придумывать? Не хочу. Мне важно осмыслить то, что было; то, чего не было, не нужно осмысливать. Пусть это будут параллельные реальности, ведь реальность множится, опускаясь в прошлое по дорогам памяти нашей.
67. Когда мы хоронили кусочек нашего сердца, весенний день был тёплым и солнечным. Когда мы хоронили Рустама, зимний день был белым и серым. И ничего утешительного я написать не могу. Всё моё сердце похоронено. Нет, не всё: половина осталась – она нужна Кадрие. Поэтому я могу писать эту книгу. Себе я ничего не оставил. Или наоборот: я всё похоронил в своём сердце, и ему всё тяжелее биться в груди. Люди делятся на две категории: одни отращивают живот, другие – сердце. Поэтому у бессмертных ангелов нет ни сердца, ни живота. Так я забалтываю себя.
68. Прошлое отравлено смертью. Когда я смотрю на старую фотографию: на Волге, или в походе на Белой, или в Липовке, я непроизвольно хочу спросить: «Рустам, ты помнишь?». Я знаю, что даже если бы я спросил про фотографию, на которой он совсем маленький, например, в Симеизе, то и тогда он бы ответил: «Смутно, но что-то помню», только чтобы нас не обидеть.
69. Таня (мать Светы и бабушка Вики) сказала вчера по телефону: Я вашего Рустама всегда буду помнить. Я любила его, потому что он был добрым.
70. Кадрия всё время вспоминает, как где-то за неделю до... она подошла к Рустаму, он сидел на кухне. И она так гладит его по спине и говорит: «Ну, почему же ты у меня такой невезучий? И с Ольгой у тебя не вышло, и со Светой вон что получилось, и друзей-то настоящих у тебя нет. Почему у тебя никого нет? Ну, почему же ты у меня такой невезучий?». А он и отвечает: «Нет, я не один, ведь у меня есть вы с папой. Я ведь знаю, другие меня такого давно бы выгнали. А вы меня любите». Теперь и я буду всё время вспоминать этот разговор, как будто и я в нём участвовал. И каждый раз буду плакать.

71. Сегодня, прогуливаясь утром в парке, решил подойти к его углу. Раньше мы входили в парк на этом углу, ближайшем к нашему дому. Потом поставили высокую крепкую ограду, и я вдруг понял, что уже несколько лет не был здесь. Овражек, по дну которого весной струится ручеёк, был на месте, только засыпанный снегом. Именно здесь была та краснокожая сосна, на вершине которой жил придуманный мной человек. Я думал, её уже нет – издали никакой сосны не видно. Оказалось она ещё жива, а не видна потому, что вся её верхняя часть засохла: только голые ветви, постарчески скрюченные. Взгляд искал зелёную крону, а её нет. Сосна была ещё жива, но умирала. И не была она такой уж старой, нет, она была вполне молодой для сосны. Просто не выдержала жизни в нынешнем городе, среди нынешних людей. Так же и многие люди. Так же и Рустам. Тот мой рассказик заканчивался тем, что человек покинул вершину сосны и вернулся домой.
72. Кадрия боится, а я всё время хочу найти какую-нибудь вещь, принадлежавшую Рустаму. Кольцо, старую кассету с музыкой, любимую книжку, чётки, красную кепку... (долгое перечисление)... Мне кажется, пока я нахожу его вещи, он ещё немножко с нами. Я смотрю на них, вспоминаю, и слёзы сами... а всё равно ишу его вещи, ещё и ещё. Но что будет, когда вещи кончатся, когда уже ничего и нигде нельзя будет найти? Почему-то мне не кажется, что станет легче. От этой болезни, как говорят, лечит только время. Просто забыть. Но это лечение не хуже ли самой болезни? Забыть свою жизнь? Ведь вся жизнь Рустама – это и моя жизнь: много ли было до, сколько ещё там осталось после...
73. Первое время, как ни странно, было легче. Потому что не было осознания. Наверное, боль распространяется с какой-то конечной скоростью и не сразу заполняет человека. Мы сбежали в Казань. Перемена места тормозила время. Потом, в феврале, съездили в Липовку – впервые зимой за много лет. Потом ещё приезжали туда в мае, и в июне, и в июле-августе. А ещё была куча важных дел, а когда их не было, я их придумывал. И ещё была куча людей, а когда казалось, что маловато, я их находил. Но время движется неумолимо, и осознание растёт. Эта книга пишется, как наполняется бочка дождевой водой, когда вода переливается через край. Сначала я никак не мог её писать. И сейчас писать не легко. Но я уже могу себя заставлять. Потому что, пока я не напишу эту книгу, я ничего не смогу писать, и делать, и жить, и радоваться жизни. А ведь придётся радоваться, потому что иначе нельзя жить, а только умирать. Я буду радоваться и плакать: по очереди и одновременно. Смерть Рустама – это теперь неотъемлемая часть моей жизни. И в конце тоже слово, но слово это тяжёлое.
74. Рустам часто носил на правом запястье шерстяную повязку. Когда-то в Липовке он играл в волейбол и растянул связки. Рука время от времени

болела, ныла. Почему я вспомнил это? Теперь у него уже ничего не болит. Теперь у меня болит.

75. Иногда накатывает. «Эх, Рустам, Рустам. Что же ты бросил-то нас вот так. Господи, Боже ж ты мой». Скажешь что-нибудь вроде этого, потому что сказать нечего.
76. На днях мне приснился Рустам. Но сон я сразу забыл, почему-то помню только то, что приснился. Как будто ещё во сне я вдруг увидел: это же Рустам мне снится. И тут же проснулся, и всё забыл, кроме этого вот видения. Сказал Кадрие, она заплакала.
77. Сегодня мне приснился Рустам. Точнее, привиделся, потому что это было как сон наяву: какие-то смутные видения промелькнули. Будто бы я попал к нему туда, где он сейчас. Я хотел обнять его, но руки ничего не чувствовали и прошли мимо, только воздух один, даже ветра нет. «Ну, папа, – сказал он, – ты же понимаешь, тут не всё, как при жизни. Есть какие-то неудобства. А, в общем, всё нормально». Я понял, что он уже освоился, а что я тут делаю? Наверное, просто заглянул в гости, и уже пора возвращаться. И я вернулся. Наверное, каких-то фильмов посмотрел на ночь, вот и приснилось. Мне бы расспросить поподробнее, что там и как, но в какой же рассказ после этого я бы поверил, когда проснулся? Точнее, очнулся, потому что я не спал.
78. Гулял в парке. Уже трава зелёная, листья зелёные, птицы свистят, это весна. «Вот, весна, и когда листья зелёные, птицы, солнце светит, то плакать хочется», – говорит Кадрия. Но сегодня солнце не светит, накрапывает дождик, и это хорошо. Когда-то я написал в ответ на стихи Бо-цзюй-и такие строки:

Не в осеннем увяданьи,
а в рождении весны,
в раскрывающихся почках,
в прорастающей траве,
в новых птичьих голосах
бьётся сердце смерти.
Ибо суть небытия –
в возвращении.
Играй на чжэне до зари –
я разрешу тебе.

79. Такое чувство, что жизнь закончилась, она вся поместилась в тридцать четыре года, которые прожил Рустам. До этого была какая-то прелюдия, даже как будто и не совсем это я был, или я, но как бы в другой, прошлой жизни. А после осталось подвести итоги, чего-то осмыслить, вот книжку эту написать, да и всё, собственно. Поэтому книжка не получается как книжка о Рустаме, а получается о всей жизни: и его, и моей, и Кадрии. А другой нет.

80. Дом полон Рустамом. То он перед компьютером сидит в наушниках, то в кресле перед телевизором. Иногда вдруг чувство, что сейчас откроется дверь его комнаты, и он спросит, а нет ли у нас чего-нибудь поесть. Уходя на работу, хочется сказать: «Ну, я пошёл, Рустам, вымой посуду, пожалуйста». А когда приходишь, хочется спросить: «Рустам, ты чай давно заваривал?». Стараюсь не идти через двор: всё время кажется, что он там стоит у подъезда с ребятами.
81. Я пишу книгу о книге. Я не могу писать саму книгу. Я не могу писать книгу о Рустаме. Я не могу писать. Я не могу писать о Рустаме. Только выплёскивать. Как бочка с дождевой водой. Получается не очень изящно, и не очень красиво, я просто пишу, не пытаюсь бороться.
82. Кадрие приснился Рустам. Она всё говорила: что же он мне не снится? Что же он мне не снится? Вот приснился. Кадрия говорит: я выхожу из дома, а нашей машины нет. Какой-токой нашей машины? У нас ведь нет машины [появилась как-то одна старенькая, синенькая, доставшаяся от брата Кадрии, Фарида, но её угнали через месяц, ночью, и наутро мы вышли во двор с рюкзаками, чтобы ехать в Липовку, к пустому месту], а тут я знаю: и какая марка, и какой цвет – серебристый такой. И вот – машины нет. Вдруг подъезжает красивый спортивный автомобиль, красного цвета, с открытым верхом. А за рулём – Рустам. И он выпрыгивает из машины, не выходит, открыв дверь, а именно перепрыгивает легко поверх двери. И такой молодой, будто ему лет двадцать. А я думаю: ну, вот, ездит на красной машине, а нашей машины нет, серебристого цвета, наверное, он в этом как-то замешан. Я спрашиваю, а он говорит: А! Это мне покатайся дал такой-то. И я знаю этого парня, они дружили с Рустамом одно время. И ещё Рустам говорит: ты не волнуйся, мама, с нашей машиной всё в порядке, я тоже дал её покатайся такому-то, он скоро пригонит машину обратно. И такой молодой, будто ему лет двадцать, весёлый, радостный. Такой молодой, и на красной спортивной машине. А он ведь не умел водить, но это я во сне не понимаю. Вижу только, что молодой очень и весёлый.
83. Владимир Борисович Микушевич был у меня в гостях в Липовке. Я дал ему «Деревенский дневник», и он его начал читать. А утром сказал: я, может быть, напишу книгу о Рустаме, но Вам она, скорее всего, не понравится. Это будет книга о парне, который косил от армии в деревне, а потом не смог прижиться в городе. Я ничего не ответил, но потом подумал: да, наверное, мне эта книга не понравится. Потому что всё сложнее и хуже. Рустам и в деревне не мог прижиться: его же никто не гнал оттуда. Если бы захотел, мог бы жить дальше. Он не хотел. Не мог прижиться? Или, наоборот, легко приживался: и в деревне и в городе? Только не в жизни.
84. Нашёл в интернете текст об имени «Рустам». По-персидски оно означает «богатырь». Это люди, которые хорошо делают только то дело, которое

им по душе. Это яркие личности, импульсивные, эмоциональные, у них натура командира. Интересуются предметом лишь тогда, когда уверены, что смогут взять руль в свои руки.

85. Нервная система Рустама несколько неустойчива, поведение его нередко представляет загадку, никогда не знаешь, что он может выкинуть в следующую минуту. Склонен принимать рискованные решения, что скорее объясняется его смелостью, чем авантюристичностью натуры. Он никогда не испытывает страха перед новым начинанием, незнакомым делом, действуя по правилу: главное – ввязаться в бой.
86. Рустам плохо поддается влиянию, хотя внимательно выслушивает совет друга. Другам же у него нет счёту, общительность его не знает границ. С людьми он сходится быстро, но так же быстро может, часто под влиянием минутного порыва, разорвать все связи, о чём потом будет сожалеть.
87. Это активные, динамичные люди. Увлекаются спортом и делают в этой области неплохие успехи. Чтобы достичь в жизни каких-то высот, им нужно тщательно выбирать сферу приложения своих сил: они не из тех, кто готов заниматься чем угодно, – это мужчины, которые, напомним, хорошо делают только любимое дело! Рустамы сексуальны, но сексуальность их контролируется рассудком.
88. Вот ведь никогда не верил во всю эту чушь про магию имени! Точнее, соглашался, что такая магия существует, как существует вообще магия слова, философия слова. Хотя бы в духе Лосевской «философии имени». Что случается, когда дают имя? Что же дают? При этом не предлагается что-то, не передаётся ничего и, тем не менее, что-то случается, что восходит к дарованию – как говорил Плотин о Благе – того, что не имеют. Так писал Жак Деррида.
89. И имя человека, действительно, как-то связано с ним самим. Что, впрочем, не удивительно: ведь человек проживает жизнь под именем, которое дали ему, иногда случайно или из-за какой-то глупой прихоти, его родители. Как случайна страна, в которой человек родился, семья, в которой он рос, школа, в которой он учился, люди, с которыми его сталкивала жизнь, как случайны цвет его кожи, волос, глаз, форма носа, длина рук и ног и т.п., включая пол и размер гениталий. А ведь всё это разве не оказывает на человека влияния, иногда решающего?
90. Но только от любого конкретного текста о конкретном имени за версту несёт шарлатанством. А здесь почему-то слишком уж много совпадений, да всё совпадает! Как так получилось? И оспорить можно лишь совсем немного.
91. Рустам не был командиром. Хотя как-то так получалось, что он часто оказывался во главе разных мальчишеских начинаний. Но вот уже в более зрелом возрасте, хотя и был душой компании, но всё же – не

командиром. Наверное, с годами в нём росла какая-то пассивность. Ребёнком он был необычайно активным и динамичным, но с годами... Что-то в нём не находило выхода, и он опускал руки... Наверное, правда, что он был не из тех, кто готов заниматься чем угодно, и может хорошо делать только любимое дело! Но не нашёл, не нашёл он любимого дела. Почему?

92. Нет, так нельзя. Нужно писать книгу не в потоке воспоминаний, а хотя бы в более-менее хронологическом порядке.
93. Июль 1973 года. «У меня отошли воды» – сказала Кадрия, когда мы ещё лежали в постели в комнате квартиры №11 на втором этаже дома №57 по Бакунинской улице. Утро было раннее и летнее, то есть похожее на весну. А может быть, просто, когда говорят «отошли воды», думается о весне: тает снег, и отходят вешние воды. За окном поднималось солнце, и ночная вода заливалась поверху морем света. Оно плескалось по крышам домов, перехлёстывало через подоконник и забрызгивало пеной обои на стене комнаты. В тенистой глубине улицы троллейбус приостановился на светофоре у магазина «Продукты», всхлипнул и дальше уплыл. В тёмном омуте скверика что-то блеснуло отражённым светом.
94. Когда мать переживает своего единственного ребёнка... Всё-таки мужик, при желании, может продлить свой род, обрюхатив какую-нибудь бабу на стороне. Это можно сделать и в пятьдесят лет, и в шестьдесят, и в семьдесят. Только мне почему-то кажется, что мой род ушёл вместе с Рустамом в какое-то параллельное время, или, точнее, остался вместе с Рустамом в осевом времени, а моё время свернуло в сторону, в тупик, и вот уже конец его где-то вдали туманится. Совсем не хочется никого брюхатить.
95. Да вообще-то и нет никакого моего рода-времени отдельного от рода-времени Кадрии. Порой я ловлю себя на том, что её детские воспоминания путаю со своими собственными. Особенно, когда она рассказывает о летней жизни в татарской деревне на реке Мёша. Как будто те или иные *временеместа* её детства переселились в моё детство, рядом с моими *временеместами*, с той лишь забавной разницей, что там я оказываюсь не русским-на-четверть-еврейским мальчиком, а татарской девочкой. Наше общее род-время ушло вместе с Рустамом, а в оставшейся жизни – лишь его затухающий след.
96. Я узнал о рождении Рустама от своих коллег по работе: позвонила моя сестра, когда я ещё был в пути. Тогда мы делали программное обеспечение, включая операционные системы, для многомашинного вычислительного комплекса АС-6. Через два года он участвовал в управлении космическим полётом «Союз-Аполлон». Машины стояли в одном из центров управления, в воинской части в Болшево. Я шёл от станции через «комитетский лес». Высокие сосны, казалось, готовы

были взлететь, полыхнув оранжевым пламенем коры, отделяя нижнюю ступень коры тёмно-коричневой. Где-то вверху вращалось синее небо, зелёная трава разбегалась по обе стороны тропинки. Портфель с распечатками ничего не весил.

97. Едва я вошёл в машинный зал, мне заявили: «С тебя бутылка! У тебя сын родился!». С моим научным руководителем, Александром Николаевичем Томилиным мы отправились в дом офицеров, где он купил шампанское, отказавшись взять у меня деньги. Бутылки поставили охлаждать в МОЗУ (магнитное оперативное запоминающее устройство), где всегда было холодно. Машины гудели, программы работали как-то особенно исправно, всё ладилось.
98. После работы мы отметили это событие, добавили в «комитетском лесу» по дороге на станцию, и поехали на электричке в Москву. Там мои коллеги решили продолжить и отправились к Юрию Николаевичу Знаменскому на Сивцев Вражек. А я поехал домой, заявив, что завтра с утра мне нужно в роддом с цветами. Ребята продолжили празднество, уже ночью меняли сигареты на водку у каких-то прохожих, переговариваясь через окно на первом этаже, и тому подобное. Тогда произошёл забавный казус. Саша Косачев позвонил своей жене Нине и сообщил, что они отмечают у Знаменского рождение моего сына, а потому вернётся он домой только утром. Нина добродушно сказала «Ну, конечно». А.Н. Томилин, не зная об этом разговоре, утром сам позвонил Нине и уверял её, что Саша допоздна задержался в Болшево в связи с производственной необходимостью, и пришлось ему там заночевать. Нина опять сказала «Ну, конечно», но уже с другой интонацией. Такой вот казус, а потом Нина умерла: на несколько лет раньше Рустама по абсолютному времени и на много лет позже него по времени относительному – времени жизни.
99. Утром с цветами и чем-то ещё я был в роддоме. Кадрия что-то кричала мне из окна второго (или третьего, уже не помню) этажа. Но слышно было плохо, а мобильников ещё не было. Рустам родился восьмимесячным, но вполне здоровым, с длинными густыми чёрными волосами.
100. Вот эти вспышки: я вхожу в машинный зал, мы покупаем шампанское, ставим его в МОЗУ, и вот я уже стою под окнами роддома, и Кадрия машет мне рукой из окна второго или третьего этажа. Как давно это было. Давно это было. Это было. Было.
101. Задолго до этого мы выбирали имя своему сыну. Мы уже знали, что будет сын. Штудировали книжки имён, смеялись над забавными именами времён революции и гражданской войны: что-то вроде Артиллерийская Академия, Цветущая Вишня В Весеннем Саду, ГлавСпиртТрест и т.п. Фамилию выбрали мою (Кадрия носила девичью фамилию Галеева). Чтобы уравновесить русское отчество (вообще-то,

древнескандинавское или, по другой версии, кельтское), решили имя дать татарское или, шире, тюркское.

102. Из моего письма Кадрие в роддом, “1-ая палата”: «Вчера вечером я всё сидел и изучал имена. Ничего не могу придумать. Я вот тут выписал кое-какие имена, которые не слишком слух режут. Чёрточкой отмечены русские и славянские имена. Но мне большинство из них не нравится. Подумай сама, Кадриюнчик, может быть, ты вспомнишь какое-нибудь хорошее татарское имя? Крепко целую тебя. Дождусь от тебя записочку и пойду к окошку».
103. Уже когда Кадрия с сыном вернулись из роддома, мы вместе остановились на имени Рустам, это общетюркское имя. Получилось вроде неплохо, с аллитерацией: Рустам Игореви́ч Бурдонов. Мы говорим с открытым звуком «а», по-татарски звучит мягче, со звуком, промежуточным между «е» и «э». Сокращённого имени, фактически, нет, только ласкательно-уменьшительное: Рустик. Так звали его близкие: я, Кадрия, моя мама (баба Лида), мама Кадрии (дэв-ани), папа Кадрии (дэв-ати) и Фарид, брат Кадрии. Потом и другие.
104. Только перечитывая старые письма, я вспоминаю ещё одно имя: Руська. Так мы его называли, когда он был совсем маленький. Впрочем, и в этом имени всё те же шесть букв. Вот странно: я уже и забыл это имя, это детское, тайное, интимное имя. Оно осталось там, в далёком прошлом: светлое, «русое» имя на светлом фоне. Пусть там и остаётся, я больше не буду его упоминать в этой книге.
105. Среди друзей были у Рустама две клички, происхождения и смысла которых я не знаю: Бишеп (Bishep) и Бишкек. Так его называли до самой смерти. И уже после иногда раздавался звонок телефона, я говорил «алло», и кто-то спрашивал: «Это ты, Бишкек?». У нас были похожие голоса. Теперь остался один мой голос. Давно уже никто не звонит.
106. Осенью 1973 года Кадрия с Рустамом поехали в Казань. На самых первых фотографиях Рустик со своей казанской бабушкой – дэв-ани.
107. Из письма Кадрии: «Я без тебя тоже скучаю. А потом, когда ты рядом, я чувствую себя уверенней. Этот ребёнок меня совершенно замучил, и не только меня. Очень уж он нас напугал. Два дня орал. Просто страшно было смотреть. Я с ним ходила, успокаивала. Никакого толку. Мы с отцом таскали его по очереди. Он успокаивался только минут через сорок. Вчера у меня уже руки дрожали, так я перенервничала. Еле дождалась маму. Отец куда-то тоже ушёл. Схватили его в охапку и побежали в больницу. Врач был не наш. Она так его осмотрела и говорит, что у него болят уши. А мы всё думали, что живот. Мы не очень, конечно, в эти уши поверили. Закапали, правда, борного спирта. А сегодня потащили его к ушному врачу. Это было как раз тогда, когда ты позвонил. Ушной врач ничего такого не нашёл. Сказал, чтобы мы ещё пришли в понедельник.

108. Он плачет временами, а когда его ничего не мучает, он гуляет, смеётся, очень любит внимание к своей особе. Мы уж теряемся в догадках. В понедельник заскочу к участковому врачу. А так всё по-старому. Вот сфотографировали его. Фотографировал мой соученик, который с мамой в одной лаборатории работает. Мы тут его одели в ползунки, а сверху ещё – вязаные шапки. Это была умора! Он ошалел от новых ощущений. Сначала шевелил лапкой, пробовал ногу. Потом начал дрыгать ногами и, естественно, всё быстрее и быстрее, потому что это ни на что не похоже. При этом он взвизгивал, что-то бормотал и описался наконец. Посылаю тебе снимки нашего сынули».
109. Потом – весенняя фотосессия в Москве с приглашённым фотографом. Здесь мы с Кадриёй неприлично молоды, а Рустам похож на картинку с рекламы детских молочных смесей. И снова Казань, уже летом, точнее, под Казанью, рядом с селом Боровое-Матюшино, на острове на Волге, где был домик у дяди Кадрии. Его звали Муслим-абы, и он первый раз обрил Рустика наголо. Опасной бритвой. Мы с Кадриёй стояли, смотрели и боялись. Кажется, один раз Рустам мотнул головой и порезался. На фотографии он сидит задумчивый, с огромными чёрными глазами и большой головой. С большой бритой головой и долгим взглядом, похожий не то на маленького Будду, не то на уголовного пахана. Рядом с ним дедушка – дэв-ати, похожий на старого еврея.
110. Я смотрю на эти фотографии и думаю: путешествия в прошлое запрещены космическими законами, и даже бестелесная информация не может проникнуть из будущего в наш мир. Никто не знает часа своей смерти, пока она не подступит к тебе вплотную. Этим людям на фотографиях совсем не нужно знать, что Рустам проживёт всего тридцать четыре года. Совсем не нужно. Сначала умерла дэв-ани, через год умер дэв-ати. Они не знали, что пройдёт совсем немного лет и не станет их любимого и единственного внука. И Рустик не знал, хотя в то время, когда ему ещё не исполнился год, он, наверное, не понял бы, если бы узнал. Я смотрю на нас – себя и Кадрию – неприлично молодых. Мы бы поняли. И мне становится жалко нас, хотя то время было самым счастливым временем нашей жизни, и если уж жалеть, то нас нынешних. Тогда мы не знали, а просто были счастливы. Я смотрю и думаю: мы были счастливы, и не знали, что переживём своего сына. И становится жалко этого счастья, оно начинает казаться каким-то ущербным. Как если бы король идёт, счастливый своим новым платьем, а все люди видят и тыкают пальцами: король-то голый!
111. Фотография онтологизирует прошлое в настоящем. Без фотографии мы могли бы думать, что прошлого не было, что оно нам приснилось. Но фотография – это всего лишь изображение, а раньше аналогичную функцию выполняли вещи. Теперь, вместе с кино, видео, телевидением и интернетом, которые суть тоже изображения, мы потихоньку отвыкаем от вещей. Как в памяти о прошлом, так и в настоящей жизни.

Хотя сама память – тоже всего лишь изображение, но какое-то скрытое, и для его проявления нужно что-нибудь внешнее: вещь или фотография. Благодаря фотографии, Рустам, похожий одновременно на маленького Будду и уголовного пахана, летом 1974 года на острове на Волге, существует одновременно с Рустамом, который приподнялся с дивана и сказал мне «счастливо» 25 декабря 2007 года в нашей квартире в Москве.

112. Ещё фотографии того же лета 1974 года в Подольске у наших друзей дяди Лёни и Гали, которые теперь живут в Израиле. Рустам на низенькой коляске, доставшейся нам от кого-то по наследству. Кадрия потом говорила: «Я так хотела высокую, лёгкую, модную коляску [тогда такие коляски только-только появились. – И.Б.], а ты пожалел денег». Я отвечал: «Ну, я же предложил только. Нужно было настоять». Почему-то помнится это, и кажется, что это важно, что нужно было купить новую, высокую, лёгкую коляску. Может быть, всё было бы по-другому? Может быть, судьба человека определяется мелочами, а когда мы ищем и находим какие-то важные, с нашей точки зрения, события, будто бы определившие путь, то сами эти события – всего лишь кумулятивное следствие мелочей? Однажды в Москве коляска вырвалась у меня из рук и покатила вниз по улице, успев опрокинуться на бок, пока я её не поймал. Рустам вроде бы не ушибся, а я почему-то помню эту мелочь.
113. Запись, сделанная 20 января 1974 года в Москве, когда Кадрия с Рустамом были в Казани: «Нашему сыну половина года. Очень плохо представляю себе это в полной мере. А представить надо... От этого зависит будущее, зависит связь времён. Того, что было, и того, что будет. Что самое главное в настоящем? Не порвать тонкую нить, нить, ведущую из прошлого в будущее. Нить Ариадны...»
114. Первые годы Рустам больше жил в Казани, с дэв-ани и дэв-ати, чем в Москве. Мы с Кадриёй оба работали, моя мама тоже работала. Маму Кадрии, Иду Шамсеевну, он называл по-татарски дэв-ани, что значит бабушка, а отца Кадрии, Абдулвалея Фатыховича, – дэв-ати, что значит дедушка. Мою маму, Лидию Ивановну, его русскую бабушку, он называл баба Лида.
115. Из письма дэв-ани от 16 января 1975 года: «Вчера не могли послать фотокарточку, так как не было подходящего конверта. Сегодня сидим с отцом и делаем конверты вам и бабушке, а Рустика уложили спать. Не знаю, в каком состоянии вы найдёте своего сына, понравится или нет в какой он “форме”... Пишите и звоните почаще, а то Рустик скучает. Как только мы начали говорить, что, мол, звонить надо, он тут же понял и показывает на голову и на дверь к соседям. Оденьте, мол, мне на голову скорее и пойдём звонить [тогда телефон был только у соседей – И.Б.]. Себя называет Люлек или Люкка, рыбок – бабык и т.д. Одним словом,

он с каждым днём делается интереснее. Очень хитрый или, не знаю как сказать, вежливый что ли. Прежде чем что-нибудь запретное попросить, сначала поцелует, погладит, потом только переходит к деловому разговору».

116. Когда Рустам немного подрос, мы в Москве отдали его в ясли. Там ему не нравилось. После Казани он говорил «юк» вместо «нет», и жаловался, что нянечка его за это ругала и била. Мы забрали его из яслей.
117. Из письма дэв-ани от 20 февраля 1976 года: «Рустик похудел [они все переболели гриппом – И.Б.], но настроение у него хорошее. Вот он стоит около меня, а я пишу. Когда я ему сказала, что напишу паме с масой, что ты тулян [хулиган – И.Б.], и нас совсем замучил, он говорит: да, пиши. Иногда так нашкодит, что, видимо, самому становится неудобно. Тогда он говорит: “да, надо купить билет, Люкак поедет в Моке [Москву – И.Б.]”. Сейчас попросил “кимак-сырник” и чаю. Дала я ему. А он сначала часть кимака в кружку с чаем окунул, а потом, не успела оглянуться, полную кружку чая вылил на стол. Облил все газеты и журналы, и часть моего письма. Я сушу письмо, а он стоит и ржёт: “Люкак пипо облил!!!” Вот опять стоит около меня и ест сырую картошку. Говорю ему: езжай к себе в Москву, ты нам надоел. А он: “Нет уж, у тебя гага лёлёные, я тебя тьем, я змея-питон [глаза зелёные, я тебя съем]”. Теперь подошёл ко мне и говорит: “Давай читай пипо!” Главное, показывает, где написано “Рустик”, говорит, отсюда читай. Прочитала, он в восторге от услышанного. Весь сияет и ржёт от души. Говорит без умолку, обо всём. Каждое утро просит облить его голову “один калоном” [одеколоном – И.Б.]. Лазают везде, лезет даже на верх серванта, просто сил нет с ним справиться, ковыряет штукатурку на стене».
118. Может быть, если бы Рустам дольше оставался в Казани, он бы выучил татарский язык. Он и так понимал устную речь лучше меня, хотя я, строго говоря, почти ничего не понимаю. Несколько лет из его речи медленно исчезали *юк* [нет], *ипи май* [хлеб-масло], *баиш* [голова] и другие татарские слова, хотя вряд ли он их забывал. До конца остались только *дэу эни* (дэв-ани) [бабушка] и *дэу эти* (дэв-ати) [дедушка]. И ещё *чай*, потому что это и есть чай. Первые годы в Казани по ночам он требовал *чай*, ругался, если ему предлагали молоко, но пил именно тёплое молоко, в темноте так похожее на *чай*.
119. Нам не хотелось надолго расставаться с сыном. Вдруг он будет знать татарский язык, но забудет папу с мамой? Я говорил Кадрие в Москве: «Ты бы разговаривала с ним по-татарски. Может, и я бы чего запомнил». Но она отнекивалась. Не знаю, жалела она об этом потом или нет. Вот так же её бабушка пыталась научить Кадрию персидскому языку, но Кадрия-пионерка отнекивалась. Об этом она теперь жалеет.

120. И всё же месяцы, проведённые в Казани, не прошли бесследно. Рустам, повзрослев, считал себя мусульманином. По крайней мере, в той степени, в какой мусульманкой можно считать Кадрию, а меня – православным христианином, хотя оба мы, пожалуй что, в Бога не верили. Хотя дед Кадрии был муллой, а меня в детстве крестила бабушка, родители наши уже были далеки от религии, и воспитывались мы всё же в советских школах, вполне атеистических по духу и букве. Я даже помню, как в шестом классе исключали из нашей школы одного мальчика за то, что он участвовал в церковных обрядах вместе со своими родителями, кажется, в какой-то секте. А мы, руководимые классной руководительницей, всем классом его осуждали. Тогда я мало что понимал, но запомнил.
121. «По крайней мере» – это, наверное, слишком мягко. Похоже, что Рустам относился к вере более серьёзно, чем мы. У него была страсть к перстням и цепочкам с исламской символикой. Ему дарили, и он бережно хранил миниатюрные книжечки с цитатами из Корана. И всякие другие такого рода вещи. Вот только не знаю, читал ли Рустам сам Коран? Мне кажется, он этого избегал, интуитивно (а может быть, осознанно?) пытаюсь что-то нащупать через осязаемые вещи, а не через слово. Хотя читал он много, в том числе хорошие и серьёзные книги.
122. Мне кажется, вера не передаётся через текст, несмотря на всю его святость. Что толку, что я прочитал и Тору, и Евангелие, и Коран, и многие священные буддийские сутры? От этого я не стал ни иудаистом, ни христианином, ни мусульманином, ни буддистом. Чтение способно дать глубокое уважение к религии, к вере, но не саму веру. Кроме того, с Кораном ситуация особая, поскольку священным считается только текст на арабском языке, а вовсе не переводы. Точнее, только один текст, называемый «Мусхаф» (Свиток), с которого сделаны четыре дошедшие до наших дней копии, которые хранятся в Каабе, в мечети Пророка в Медине, в Египетской национальной библиотеке в Каире и в Ташкенте (Коран Османа, или "Мусхаф Усмани"). Впрочем, вряд ли Рустам знал об этом. Просто он больше доверял тактильным ощущениям, самым древним, чем способности чтения и самому языку, которые ещё слишком молоды. Я положил ему в гроб его любимый перстень, одну из книжечек с сурами Корана и цепочку, наподобие чётков, на бусинках которой уже не была видна высохшая кровь. Я хотел надеть цепочку на шею, как он и носил, но служитель морга сказал «так не делают, положите рядом, под покрывало». И я положил.
123. В детский сад Рустама водили тоже в Москве, но это был хороший ведомственный сад при заводе, на котором Кадрия работала. В отличие от яслей, куда мы ходили от своего дома пешком, путешествие в сад и обратно было не простым и долгим. Мы жили на Бакунинской улице, а детский сад располагался рядом с заводом на улице Расковой. Нужно было ехать две остановки на троллейбусе или автобусе до метро

Бауманская, потом на метро с двумя пересадками до Савёловской, потом опять на автобусе и ещё пешком.

124. Когда мы с Кадриёй поженились, мы снимали квартиру на Рязанском проспекте. Потом мы вернулись к моей маме, и у нас появился Рустам. Правда, и здесь мы жили вполне отдельно: в отдельной комнате и с отдельным хозяйством. Нам очень легко было жить отдельно в нашей квартире на Бакунинской улице, потому что в этой квартире жили отдельно тринадцать семей. Подобные коммуналки заслуживают, чтобы о них помнили. Длинный коридор, освещаемый тремя лампочками по сто ватт каждая. И это совсем не много для такого коридора, когда потолки под пять метров (до революции здесь был ресторанный зал) и по обеим сторонам четырнадцать дверей, не считая двух дверей в два туалета, двери на «чёрный ход» и двери на кухню. А кухня? Два окна, три газовые плиты, две раковины (вода только холодная), двенадцать кухонных столов – этих цифр вполне достаточно, чтобы представить всё остальное: кто жарит, кто варит, кто стирает, кто моется, кто гладит бельё, кто точит лясы, кто показывает обновку, кто ругается – и так далее и всё это одновременно. Эта кухня – вершина общего жития, здесь собиралось вече коммунальной квартиры.
125. Маленький Рустик выходит на кухню с игрушечным ножиком и говорит соседке: «Вавеву!». Он ещё не выговаривает несколько букв. У соседки взрослый сын Валера, и она довольна: «Валера? Ты хочешь к Валере? Валера любит детей. Но Валеры сейчас нет». Рустам настойчиво повторяет: «Вавеву! Вавеву!». Он имеет в виду «зарезу», но мы не открываем соседке эту страшную тайну.
126. Кадрия поправляет меня: Это не Рустам! Это был сын нашей соседки, а Рустик тогда ещё маленький был. Но мы решаем оставить эту историю как есть, ведь это мог быть Рустам? Все параллельности всё равно пересекаются в перспективе уходящего времени.
127. В 1976-ом году наш дом на Бакунинской сломали, и нам дали квартиру в Лианозово. Но путешествие не стало легче. Тогда ещё метро к нам не доходило, Кадрия с Рустамом ехали на автобусе до железнодорожной станции Лианозово, а потом на электричке до Савёловского вокзала. На заводе был строгий режим, опаздывать нельзя было, и утреннее путешествие было стремительным и нервным. Впрочем, и вечернее путешествие было не лучше, поскольку тоже приходилось на час пик.
128. «Вы все какашки сраные с говном!» – так он однажды закричал на весь автобус, зажатый со всех сторон дядьками и тётками, возвышавшимися над ним словно горы, когда Кадрия не могла поднять его на руки. Маленький Рустик ничего не боялся, и однажды, когда он раскапризничался в электричке, и какая-то женщина сказала: «Мальчик, ты не хочешь маму слушаться, тогда пойдём со мной», он сразу

успокоился, протянул руку и спокойно сказал: «Пойдём!». Тётя не знала, что ей делать.

129. В Казани мы вместе с маленьким Рустиком пришли в гости к дяде Лёне и Гале, у которых был сын Миша, немного моложе нашего сына. Рустам был тонким и юрким, а Миша был крепышом и немного увальнем. Взрослые сидели за новым раздвижным столом, обсуждали его конструкцию и пили чай. А дети играли в игрушки, но все игрушки были Мишины, о чём он периодически напоминал. Рустик задумчиво говорил: «И тут Миша, и там Миша». После чего они подрались. Так, что пришлось их разнимать.
130. Кадрия опять поправляет меня: Ты всё перепутал! Это было, когда не мы, а они были у нас в гостях, здесь в Москве. Тогда ещё мы подарили Рустаму большой грузовой автомобиль. Это Миша ходил и брал то одну игрушку, Рустам отдавал, то другую игрушку, Рустам отдавал, то третью... И в конце концов Рустам говорит: «И тут Миша, и там Миша», хватает автомобиль и пытается опустить его на голову Миши. А у них в гостях, в Казани, мы были позже, и там они тоже чуть не подрались. Рустам размахивал саблей. Да, самодельная сабля, металлическая и тяжёлая. Изготовлена эта игрушка была очень давно. В детстве ею играл Фарид, и однажды чуть не пристукнул свою сестру, Кадрию, этой саблей. Сабля была отобрана и спрятана. Пока тот же Фарид не извлёк её на свет божий, чтобы подарить племяннику – Рустикку. В конце концов, ввиду постоянной опасности сабля и на этот раз была отобрана и спрятана. Я не знаю, где она сейчас.
131. В 1995-ом году я написал маленький рассказик о нас: о себе, Кадрие, дяде Лёне, Гале, Мише и других наших друзьях. Кстати, «дядей» Лёню называл Рустик, когда был маленький, а потом и мы стали его так звать, так что ему пришлось как бы «в отместку» называть нас «дядя Игорь» и «тётя Кадрия». Я изменил все имена и фамилии. Вот этот рассказик, который я не стал править и который, по-моему, передаёт ощущение того времени.
132. *«В пустынях Израиля, возвращаясь домой из радиоэлектронной мастерской, где он работает, Лёва Файбисович останавливает машину и, выходя на обочину, шпыняет ногой подвернувшийся камень. Камень летит, рассыпаясь в песок. В пространство библейских холмов, плавающих под слишком ярким солнцем, говорит Лёва Файбисович: "Какого хрена!". Он продолжает говорить по-русски, постепенно примешивая слова иврита. Заканчивая чем-то ветхозаветным и ещё раз матюгнувшись, садится за руль и едет домой.*

Дома, вернувшись со своей программистской службы, Вера Черемшинова лежит на диване и читает женский роман про любовь. "Какого хрена!" – говорит Вера, переворачиваясь на другой бок. Она имеет в виду, что Лёва задерживается, но думает при этом о сыне

Боре. Который не захотел учиться в Иерусалимском университете на фельдшера и отправился в Россию учиться на хирурга. Побывав по дороге в Германии, которая ему понравилась. Но в которой оказалось невозможным устроиться барменом, чтобы подзаработать денег. На хрена он выучился на бармена? – там, в России ему ничего не светит, и в институт он не поступит.

"Какого хрена?" – думает в это время Боря, глядя с верхней полки плацкартного вагона в окно. На великую русско-татарскую реку Волга-Идель, по мосту через которую поезд проходит. Нужно навестить деда, который со своей новой женой наслаждается в Казани старостью и старческими болезнями и прихотями. Поезд проходит мимо острова, на котором стоит памятник героям Ивана Грозного, бравшим Казань. И въезжает в столицу ныне суверенного Татарстана.

А в это время в обратном направлении выползает пассажирский состав, в общем вагоне которого, забившись в угол лавки, сидит поэтесса Фатима Байрамова. За свою жизнь она побывала дочкой известного татарского писателя, студенткой Казанского мехмата и Московского Литинститута, неудачной женой – дважды, программисткой в научном институте, членом союза писателей и автором поэтической книжки, вроде бы гонимой КГБ при помощи специального излучения крайне вредоносного действия. А также матерью свихнувшейся дочери и потомком Чингис-хана. И остановилась на поприще православной нищенки и побирушки в храмах. Приняв крещение то ли в пику отцу, то ли вообще в пику всему на свете. Она едет в Москву, чтобы выволить дочь из психушки и устроить скандал в общезжитии литинститута. Откуда два года назад охранники-омоновцы выгнали её с дочерью и конфисковали картины. Которые она на время выпросила у друзей и развесила по стенам комнаты, устроив что-то вроде выставки. Ещё ей хочется навестить двоюродного брата, который не пустит её в дом. И своих друзей-художников, которым она тоже надоела, и которые злы на неё за исчезнувшие картины. Но которые, скорее всего, сжалятся и оставят переночевать. Она будет ходить по церквям и присутственным местам, называя себя и дочь представителями общества "Казанская сирота". В котором, кроме них двоих, никого нет. Она будет ходить с жестяной банкой для сбора подаяния. Священникам она будет объяснять христианские заповеди о помощи страждущим. Государственным чиновникам – что-то о социальной защите и правах человека. Богатым людям – о милосердии и спонсорстве. Выслушивая её, все они будут думать: "Какого хрена!"

А в это время Вера Черемшинова выслушивает Лёву Файбисовича. Который говорит о Вадике Беровиче. О котором он раньше даже не слышал. И который теперь тоже работает в радиоэлектронной мастерской. Который родом из Днепропетровска на тогда ещё не

суверенной Украине. И по этой причине прекрасно знает Эдика Живоглотова из штата Юта. Который тоже из Днепрпетровска. И от которого есть последние новости. Потом эти новости передадут в Москву Артёму Гардонову и Дание Раулевой. У которых перед своим отъездом из СССР жил около месяца Эдик Живоглотов. Пока хозяева двигались по горам из Кабардино-Балкарии в тогда ещё не суверенную Грузию через перевал Гезевцек. Эдик Живоглотов жил там со своим сыном от первой жены и выгуливал хозяйскую собаку. Которую не взяли на Кавказ, потому что по государственным туристическим маршрутам Советского Союза собакам ходить не разрешалось. А сам Эдик Живоглотов не взял с собой в Америку своего сына от первой жены, потому что тот был не вполне нормальным. А вылечить его за месяц методом интенсивного общения с отцом не получилось. Эдик Живоглотов уехал из СССР под видом еврея, хотя еврейкой – и то наполовину – была только его вторая жена и, с большой натяжкой, четверо их маленьких детей.

Новость, которую Вадик Берович сообщил Лёве Файбисовичу в радиоэлектронной мастерской, заключалась в том, что. Эдик Живоглотов преподаёт программирование в университете штата Юта, терпеть не может мормонов, и ругает капитализм, утверждая, что. "Даже самый плохой коммунист лучше самого хорошего капиталиста". Возвращаясь из университета домой, он встречает толпу орущих детей. Которые ходят полуголыми согласно климату и оригинальным медицинским теориям Эдика Живоглотова. И несколько гитар, барабанов и синтезаторов, которые только в Америке удалось купить. Чтобы играть оригинальную музыку Эдика Живоглотова. И на которых ему всё равно играть некогда из-за университетских занятий и общей гнусности капиталистического общества. И, особенно, мормонского штата Юта. Вот почему первое, что говорит Эдик Живоглотов, входя в дом: "Какого хрена!". Потом пытается говорить с детьми по-английски в образовательных целях и снова переходит на русский. В виду крайней невыразительности английского языка. И, особенно, его дерьмового американско-мормонского диалекта.

А Фатима Байрамова, приехав в Москву, таки останавливается у Артёма Гардонова и Дании Раулевой по причине слишком долгой истории жизни. Начавшейся на механико-математическом факультете Казанского университета. Где учились вместе Фатима, Дания и Вера Черемшинова. Откуда Дания после первого курса сбежала, заявив, что. "Там все слишком умные!", и поступила в Московский Институт Стали и Сплавов. Где она изучала стали и сплавы в одной группе с Лёвой Файбисовичем. Приехавшим из города Калараи тогда ещё не суверенной Молдавии. Дед Лёвы Файбисовича владел окрестными виноградниками, а дед Дании Раулевой, будучи муллой, держал большую пасеку. Но это всё было слишком давно и не

имеет отношения к последующему. Разве только, что в одно лето Лёва Файбисович, Дания и первая жена Эдика Живоглотова упились молдавским вином. Побывав в деревне по рекомендации Лёвиного отца и не сумев отказаться от приглашений во все дома, мимо которых они проходили.

"Какого хрена!" – думает Артём Гардонов, разливая чай себе, Дание и Фатиме, и вспоминая всё это. А особенно – историю своей женитьбы на Дание. Которая началась 23 февраля, в день Советской Армии и Военно-морского Флота. Когда Лёва Файбисович, снимавший комнату в той же коммуналке на Бакунинской улице, в которой жил Артём. Собрал у себя всю студенческую группу Института Стали и Сплавов. Когда Артём, заглянувший к Лёве перекурить ещё до начала вечеринки, застал у него Данию. Сидевшую нога на ногу, курившую сигарету и смотрящую на Артёма весело и нагло. Убежав в Московский Государственный Университет, где он учился на мехмате. И отчитав свой доклад на семинаре по математической логике. Артём вернулся, когда вечеринка была в самом разгаре. И пил вино, и долго беседовал с какой-то дочкой какого-то академика, и с кем-то ещё танцевал. И только, когда все разошлись, пошёл вместе с Лёвой Файбисовичем провожать Данию. Которая была в белом вязаном платке. И коротком сером в "ёлочку" пальто. И жила в конце Бакунинской улицы у знакомой старушки.

"Какого хрена!" – думает Лёва Файбисович, когда едет на работу в радиоэлектронную мастерскую по пустыням Израиля мимо библейских холмов. И вспоминает, как Дания, которую он познакомил с её будущим мужем Артёмом, познакомила его с его будущей женой Верой. Что и привело к многолетней жилищной эпопее поиска места для семейного очага. Которое так и не нашлось для них на просторах России. В результате чего они построили его в земле обетованной.

"Какого хрена!" – думает Эдик Живоглотов, заканчивая лекцию по программированию в университете штата Юта. И вспоминая, как он работал вместе с Артёмом в институте Академии Наук СССР. Откуда его выгнали за пренебрежение к программированию. И чрезмерное увлечение оригинальной музыкой и оригинальными медицинскими теориями. Хотя ничего диссидентского из этого не получилось, и гонений от КГБ не случилось. По причине общей КГБ-шной расслабленности в раннеперестроечные годы.

"Какого хрена!" – думает Дания Раулева, ссужая Фатиму Байрамову деньгами на обратную дорогу. И вспоминая, как проработала шестнадцать лет на заводе "Флаг Революции". А потом в творческой организации поэтов, литераторов и художников, скурвившейся на спекуляциях товарами широкого потребления. А потом

в частной фирме, развалившейся уже даже и не важно по какой причине.

"Какого хрена!" – думает Вера Черемшинова, зашвыривая в угол комнаты дома обетованного. За который ещё двадцать лет предстоит выплачивать ссуду. Цветистый томик женского романа про любовь.

"Какого хрена!" – весело думает Боря Файбисович. Скрывающийся от израильской армии в России, и от российской армии – в израильском подданстве.

"Какого хрена!" – философски думает Вадик Берович. Имея в виду спираль жизни, раскрутившуюся до чёрт знает чего. В результате чего. Эдик Живоглотов в штате Юта. А Вадик Берович в Израиле. А Днепрпетровск в ныне суверенной Украине.

И если бы Фатима Байрамова не была наполовину потомком Чингис-хана, а наполовину основательницей "Казанской сироты", она бы тоже подумала: "Какого хрена!".

133. Дед «Бори Файбисовича» (на самом деле, Миши Калиновича, дед по матери, Гале Чернобровиной, которая в рассказе названа Верой Черемшиновой) и отец «Лёвы Файбисовича» (на самом деле, Лёни Калиновича) умерли. Позже, уже в Израиле, умерла не упомянутая в рассказе мама Лёни. Первая жена «Эдика Живоглотова» на самом деле была женой другого человека, который умер от пьянства. Сам «Эдик Живоглотов» (на самом деле, Вадик Брюханов) оставил свою вторую жену и детей в штате Юта, уехал в Германию, стал антисемитом и германолобом, ночует в ночлежках и подрабатывает мытьём посуды в забегаловках и чем придётся, мечтая о своих будущих программистских достижениях и ругая Россию, КГБ и СССР, путая времена и факты. О «Фатиме Байрамове» (на самом деле, Фариде Расулевой) и её дочери Саиде уже много лет ничего не слышно. Творческая организация поэтов, литераторов и художников давно развалилась, а её основатель и руководитель, Евгений Соломонович Винников, умер. Памятник воинам Ивана Грозного в полном запустении.
134. Миша работал в Казани и в Японии, женился, развёлся, вернулся в Израиль и изучает программирование. Сегодня вечером я еду в аэропорт Домодедово встречать его вторую жену, которая направляется из Казани к мужу в Израиль. Миша всё такой же крепыш, но только теперь так не скажешь – «крепыш». Он вырос большим, высоким, видимо, в деда, потому что на две головы выше своего отца, Лёни. А Рустам остался таким же тонким, но уже не таким юрким, сравнялся со мной в росте. Или чуть выше меня, теперь не проверишь...
135. Когда Рустаму исполнилось три года, мы поехали в Крым вчетвером: я, Кадрия, Рустам и дэв-ани. На вокзале нас встретил мой отец, который

жил вместе с моей второй бабушкой (первая, по маме, умерла ещё до моего знакомства с Кадриёй) в Симферополе. Отца, Бориса Леонидовича, я не видел много лет, они с мамой развелись, когда мне было лет шесть-семь. Он был военным, участвовал в войне, даже был ранен и награждён. Он работал там же, где работала мама, – в Военной академии им. Дзержинского, тогда она называлась Артиллерийской, пока его не отправили в отставку в чине подполковника за неправильный характер.

136. Бабушку свою, Александру Ефимовну, еврейку, я знал лучше, школьником и студентом часто бывал у неё на каникулах в Риге, пока она не переехала к сыну в Симферополь. Кадрия тоже была один раз у моей бабушки в Риге вместе со мной, как только мы поженились. Бабушка жила за Двиной, на улице Кулдигас. Это была тихая, тенистая улица, с обеих сторон которой утопали в садах старые, ещё немецкие особняки. В одном таком трёхэтажном особняке жило несколько семей: русских, латышских, еврейских. На втором этаже была комната моей бабушки, там всегда стояли огромные букеты георгинов, и я до сих пор помню их сильный свежий запах. В Симферополе георгинов уже не было. Я любил мою бабушку и ещё помнил её мужа, хотя он и не был мне родным дедушкой.
137. Мы поехали в Симеиз, там сняли домик в частном секторе и жили целый месяц. К морю приходилось спускаться с гор довольно долго, но это было даже интересно. Рустам шлёпал сам, потом уставал и сидел у меня на плечах. Помнил ли он Симеиз, горы и море? Вот она – самая первая в наших альбомах цветная фотография: мы стоим среди кустов роз, за нами остроконечные кипарисы, дальше горы и дальше небо. Слева: Кадрия и я, молодые до неузнаваемости. Я гляжу и снова влюбляюсь в свою жену. Справа: Рустик в жёлтом костюмчике шуруется на солнце и Ида Шамсеевна, тоже молодая – как мы сейчас. Слева – живые, справа – мёртвые. От того, что фотография цветная, ещё горше. Наверное, вечность чёрно-белая, а пять цветов, как писал Лао-цзы, притупляют зрение, и мы не видим вечность. Мы видим жизнь, а её-то уже и нет.
138. Когда мы уже садились в поезд, чтобы вернуться в Москву, пришёл проводить нас, а заодно и познакомиться, мой брат Александр. Кажется, это называется «единокровный». Только спустя много лет мы встретились с ним ещё раз, он был у нас дома в Москве. Потом бабушка умерла, я не знал об этом, пока отец не приехал в Москву и не рассказал. Потом отец умер, но мне сообщили об этом уже после похорон. Теперь я отслеживаю Александра Бурдонова только по сообщениям в интернете: он занимает какой-то важный пост в туристическом бизнесе в Крыму. Впрочем, я думаю, Рустам совсем не помнил мою еврейскую бабушку, моего отца и моего брата.

139. А вот второе путешествие в Крым, летом 80-го года, Рустам помнил наверняка: ему как раз исполнилось семь лет. Теперь уже с нами был Фарид и их родственник, тоже из Казани, которого тоже звали Рустам, точнее, Рустэм, но все называли его Рустик. Мы снимали квартиру в Алушке на границе с Симеизом и купались на диком пляже, среди нагромождения камней и скал. На всех снимках Рустам энергичен сверх меры: всегда в движении, в брызгах воды, в бликах солнца, загорелый дочерна, карабкается по камням или в редкую минуту покоя задумчиво сидит на камне среди плещущих волн. Мы познакомились с парой из Ленинграда, у которых был сын чуть постарше Рустама, а может быть, что более вероятно, учитывая общительность нашего сына, это Рустам познакомился с мальчиком, а через него мы – с его родителями. На камнях под шум прибоя, под солнцем Крыма взрослые играли в преферанс, а дети – в «дурачка», взрослые пили вино, а дети ели мороженое. От чего, между прочим, Рустам и подхватил ангину.
140. Наверное, с этого времени мы поняли, какая в нашем сыне бушует неуёмная, неуправляемая энергия. Или это началось раньше, когда он позировал перед фотоаппаратом в татарской тюбетейке с «шашкой» наголо? Или скакал по квартире на деревянном коне? Или, корча страшные рожицы, прыгал на кровати, «боролся» с Кадриёй, кого-то «страшного» изображал под новогодней ёлкой, ругался, пытаюсь содрать с головы кусачий шерстяной «шлем», или больной, «рвал и метал», не желая фотографироваться? Кричал «Вы все какашки...» и угрожал «Вавеву!». Или когда замышлял всё это, сидя на кровати с обритой головой, похожий на маленького Будду или уголовного пахана, с долгим взглядом исподлобья?
141. Летом 79-го года Кадрия отдыхала в Карпатах, а я оставался с Рустамом. Потом приехала дэв-ани. Я писал Кадрие: «У нас всё по-старому. Руська сегодня первый раз пошёл гулять в парк с дэв-аникой [до этого он болел – И.Б.]. Набрал желудей и грибов-поганок. Очень был доволен... Руська последнее время слишком много кривляется. Ты знаешь, как он умеет. Всё-таки когда он ходит в детский сад, он достаточно устаёт и игры у него более тихие. А тут энергия из него так и лезет. Иногда, чтобы дать этой энергии выход, он начинает кружиться на одном месте вокруг своей оси. Особенно его забавляет, что при этом всё вращается быстрее, чем он сам – голова кружится». Из следующего письма: «Руська удивил меня сегодня тем, что хотел убедиться в том, что палка, которую он с дэв-аникой вчера спрятал в парке, лежит на прежнем месте. Так и сказал: “я хочу убедиться”. Откуда что берётся».
142. Ближе к зиме Рустам опять в Казани. Мы получаем письмо, написанное дэв-аникой со слов Рустика: «Мама, папа, мои дорогие родители! Я живу здесь очень хорошо. Фарид приедет через 2 дня. У меня здесь удочка самая настоящая, но нельзя ловить настоящую

рыбу. Дэв-аника сказала, что у неё есть магнит, и что можно сделать магнитную воду. Я держу эти магниты в руках. Ехали мы очень хорошо, но только было очень жарко, и я сбросил с себя одеяло, и всё время ворочался с боку на бок, и потом сидел. Встречала нас дэв-ани и мы ехали домой на такси очень хорошо. Я всё время смотрел в окно. А в вагоне, когда мы ехали, с нами ехали все дядечки и ни одной женщины и девочки не было. Они все со мной разговаривали. Один даже шутил и сказал, что, когда я лягу спать, он меня привяжет верёвками к постели, чтобы я не упал, что у него есть длинная верёвка. А на самом деле он не положил меня на кровать и не завязал верёвками.

Я сделал себе комнату около кладовой, и я храню там свои маленькие барахлишки. Дэв-ати подарил мне маяк, а дэв-ани – белочку, только я им сказал, что они у меня останутся в Казани, потому что я ещё приеду с ними играть. Одну игрушку, маяк, наверное, заберу с собой. Когда я вырасту и стану школьником, дэв-ати подарит мне аквариум».

И далее – про поход в магазин, посещение института, где работала дэв-ани, про собак около института, про кинофильмы. «У меня есть здесь лошадка. Я её очень очень люблю. Я её уважаю и даже очень очень и преочень много люблю... Есть кормушки, куда прилетают одни синички, воробьи сюда не прилетают, они боятся, что это для них ловушка. Обязательно вам в Москве надо купить пылесос, потому что им очень легко собирается пыль... Дорогие родители, я Вас целую. Ваш сын Рустик».

143. 28 августа 1980 года Рустам учится печатать на пишущей машинке (то, что там напечатано, разобрать трудно, но я разобрал, а ещё исправил орфографические и грамматические ошибки):

Жили-были папа, мама и Рустам-мальчик. И вот однажды пошла мама на работу, а Рустам и папа остались дома. И вот задумали они пойти погулять. Взяли с собой сумку и пакет, и пошли на улицу. Вот вышли во двор и пошли к шестнадцатому дому, а потом свернули налево и пошли в сторону Алтуфьевского шоссе. Потом они пошли вдоль Алтуфьевского шоссе по направлению к маленькой церквушке, потому что они видели, что она открыта, и решили зайти. Когда они вошли в церквушку, то они увидели разные иконы. Потом они вышли из церквушки и пошли по

кольцевой. И встретили одного дядю, у него был пакет, а в нём были грибы. Мы у него спросили, и он нам сказал, где он их нарвал. Тогда мы пошли в лес, где он их нарвал, мы искали их нарочно, но всё равно еле-еле нашли только два гриба сыроежки. Потом мы захотели домой, но, когда мы пошли домой, то мы заблудились. Потом мы вышли на дорогу, прошли меньше половины километра и вышли на кукурузное поле. Да, и кстати говоря, когда мы шли домой, мы собирали цветы, и когда мы пришли домой, у нас был целый букет №-/" „_?ъ!

144. Как это там про людей с именем «Рустам» сказано? Активные, динамичные, яркие личности, импульсивные, эмоциональные, нервная система несколько неустойчива, поведение нередко представляет загадку, никогда не знаешь, что он может выкинуть в следующую минуту, склонен принимать рискованные решения, никогда не испытывает страха перед новым начинанием, незнакомым делом, действуя по правилу: главное – ввязаться в бой, плохо поддается влиянию.

145. Акростих от 6 февраля 1982 года:

Ребёнок резв не по годам.
Ужасный шум, ужасный гам!
Сирена, грохот, шторм, буран,
Тайфун, цунами, ураган!
А там, глядишь, уже он стих:
Мой изучает акростих.

146. Естественно, не обошлось без травм. Когда Рустаму ещё не было шести лет, он сломал руку, прыгая со стула. Поначалу не чувствовал боли и только пугался: «Ой, смотрите – она извивается». У него был сложный перелом. Мы поехали в травмпункт, откуда на «скорой» нас отправили в Русаковскую больницу. Там сделали операцию, и целый месяц Рустам лежал на кровати с подвешенной рукой. Конечно, ему было трудно и скучно – при его-то энергии! Он лежал на спине с подвешенной рукой, но умудрялся как-то изгибаться и ходить ногами по стенке. Он мужественно переносил всё это. Мы приходили к нему, что-то приносили, разговаривали. Кадрия договорилась приходить в любое время в обмен на мытьё полов в палатах. Мы разговаривали, а потом нам нужно было уходить. Я видел, что ему не хочется, чтобы мы уходили, но он не показывал виду, даже говорил: «Ну, вы идите уже. Только потом приходите». И ходил ногами по стене.

147. Потом были два месяца в санатории в Подмосковье, около станции «Турист». В августе Кадрия поехала отдыхать в Одессу и Молдавию, а я работал и навещал Рустика. Из моего письма Кадрие: «Руська чувствует себя хорошо, домой не просится. Но он считает, что скоро уже уколы

его кончатся, и тогда его выпишут. В прошлое воскресенье мы с ним поиграли в шахматы. Он уже знает, какие фигуры как называются, и как их надо расставлять на доске. Но ходит одними пешками. Я его немного поучил, но на середине партии ему надоело. Воспитательница жалуется, что он ленится читать. Она говорит, что у них есть специальные часы для чтения, и что он читать умеет, но ленится [Рустаму недавно исполнилось 6 лет]. Сегодня привезу ему тонких книжек для чтения. И ещё воспитательница просила привезти 2 комплекта шашек и оставить у них, так как Руська все шашки “расстрелял” в щелкунчики».

148. Из следующего письма: «У Рустика я был позавчера. Привёз ему шашки. У него всё в порядке. Чувствует себя хорошо. Домой не просится. По-моему, даже и не скучает по нас с тобой. Мне, говорит, всё равно, кто ко мне приезжает: мама или папа. Сёстры говорят, что он начал понемногу хулиганить. В этот раз он был наказан: все дети пошли смотреть какую-то оперу, а он остался со мной. Наказали его, как он говорит, “за хулиганство” – обливался водой из кружки. А так как он маленький, то наказали и того мальчика, которого он обливал...

Скучно мне без тебя, Кадриюшка. И без Руськи. Поскорей бы собраться нам всем вместе за нашим кухонным столом или на нашей продавленной кровати перед нашим чёрно-белым телевизором. Хорошо бы было».

149. Хорошо бы было.
150. В санатории Рустик был самым маленьким, но самым общительным и стал всеобщим любимцем. Потом он долго вспоминал это время. Там ему разрабатывали руку разными упражнениями. Делали массаж, он запомнил и потом демонстрировал Кадрие. Заканчивая колотить, щипать и поглаживать её спину, он звонко шлёпал и восклицал: «Будь здоров!». Наверное, так делал его доктор.
151. Он ломал руку дважды, второй раз в восьмом классе. Удивляюсь, как он ничего себе не сломал в горах: на Урале и на Кавказе, где мы были в походах. А я вот никогда себе ничего не ломал. Впрочем, может быть, всё ещё впереди: старики часто ломают свои высохшие кости. И не ходят ногами по стене.
152. «Платон был прав, когда говорил, что все наши открытия и озарения – всего лишь воспоминания. Наверное, мы всю жизнь вспоминаем то, что открыли в детстве. Одно время наш сын увлекался придумыванием сказок. Узнали мы об этом не сразу, а когда узнали, у него уже был готов целый цикл. Главным героем этих сказок был робот с холодильником в грудной клетке, причём этот холодильник, мне кажется, одновременно служил энергетической установкой и химическим синтезатором. Оттуда же появлялись на свет и малыши-роботы. Когда-нибудь сын вспомнит эти сказки. Однажды ночью, во время болезни, наш сын здорово напугал нас. Он боялся. Глаза у него

были широко открыты, он то прижимался к нам, то вскакивал и всё смотрел в одну сторону, где ничего не было. Конечно, это было от высокой температуры, но всё же взрослый человек не способен испытывать такой чистый и абстрактный ужас, страх небытия. У взрослого всё это серенько: серая тоска, серая скука и так далее. И если иногда всё же поднимается откуда-то изнутри что-то большое, страшное, то это тоже – воспоминание».

153. Так написал я в 1981 году. Так я мог бы написать и сейчас: я всё помню. Только одну фразу придётся выкинуть: «Когда-нибудь сын вспомнит эти сказки».

154. В 80-м году, после Крыма, Рустам пошёл в школу. Я смотрю, как меняется его взгляд на нескольких снимках, сделанных первого сентября. Начиная с хитрого и озорного, когда Рустам ещё лежит под одеялом вместе с дэв-ати (бабушка и дедушка приехали из Казани проводить внука в первый класс) и не хочет вставать, взгляд становится всё более сосредоточенным и теряет искру по мере того, как мы собираем Рустама в школу, и заканчивается недоумением и вопросом, когда он стоит уже одетый с букетом гладиолусов.

155. Но это ненадолго. В первых же числах сентября Рустам умудряется проломить себе голову. На фотографии Кадрия, Рустик и наш кот Черныш, фотография называется «втроём горюют».

156. Новый год Рустам встречает в Казани. Он пишет нам письмо, уже сам:

Дорогие мои родители! Поздравляю Вас с новым годом. Желаю вам крепкого здоровья, большого счастья. Доехали хорошо. Поезд опоздал на 30 минут. Встретил нас Фарид и Дуаника Достали ли вы мне дневник? Привет бабе Лиде, бабе Лизе и тёте Ире. Максиму тоже. Пишите ответ! Целую, ваш сын Рустик. 29 декабря 1980 года.

157. На фотографии после нового года взгляд Рустама печальный, глаза огромные – он болеет. Потом его привёз в Москву Фарид. В Москве Рустам печатает на пишущей машинке:

12 января 1981 года: Мы доехали хорошо! Я кричал на весь вагон. Потом мы подрались. Я ободрал все руки об его часы. Потом я как собака вылизал все царапины. Потому что раны были кровавые. Я всё спрашивал у Фариды, когда же мы приедем?

28 января 1981 года: Как я в школу ходил. Меня разбудила мама. Потом я пописал, умылся и поставил чайник. И воду для яичек. Я приготовил всё для яичек.

158. Запись 29 января 1981 года: «Рустам принёс вчера 2 по поведению и 5 по математике. Я его ругал. А за что, собственно? Видимо, для воспитания – у него недоразвито чувство социальной иерархии: отвечает старшим в

том же тоне, в котором они к нему обращаются. Это называется грубостью».

159. Школьная фотография после окончания первого класса. Густые чёрные волосы, отнюдь не короткие. Непонятное выражение сжатых губ. Брови взрлёт, длинные ресницы. Огромные глазищи, будто состоящие только из сверкающих белков и чёрных зрачков, без радужной оболочки. Взгляд очень странный: как будто с поволокой и одновременно пронзительный. Чем-то он похож здесь на тот свой портрет, с обритой головой. Но только этот Будда (или пахан) уже вышел из своей нирваны (или что там было?) и на что-то решился, к чему-то готов, вот только снимать закончат и тогда...
160. Кадрия сказала, когда увидела Рустама в гробу: «Он стал строже, как будто обрёл свой истинный возраст». И я тоже увидел. Казалось глупым и даже кощунственным делать фотографии на похоронах. Раньше так делали, и, может быть, это было правильно. Теперь лицо Рустама в его истинном возрасте осталось только в памяти, где оно будет медленно тускнеть и стираться от времени. Он лежал под белым покрывалом в чёрной рубашке, которая ему очень шла, с чёрными волосами, чёрными бровями и длинными ресницами, но глаза его были закрыты, и я не видел его истинного взгляда. И уже никогда не увижу.
161. Детство – любое детство – счастливое. Ну, почти любое. Но человек, будучи ребёнком, этого не понимает, потому что ещё не знает другой жизни и другого возраста. Юность не оглядывается назад, и только в поздней зрелости, на пороге старости человек обращается к памяти детства. Но к этому времени памяти уже нет: так, несколько особо ярких картинок, а всё остальное стёрто, унесено временем. Нужно долго вспоминать, чтобы что-то ещё вспомнить. Взросление – это забвение. Позже, в старости, детство уже слишком удалено, старик вспоминает молодость, которая оказывается на том же расстоянии, что раньше – детство. Но теперь уже есть время и желание оглядываться, потому что впереди не на что смотреть. И вспоминая свою молодость, человек вспоминает детство своего ребёнка. Может быть, детство Рустама значит для меня больше, чем оно значило для него самого?
162. Гуляю по августовскому лианозовскому парку. В дубовой роще тепло, прохладно, тенисто. Нет ещё ни одной осенней приметы, только ощущение конца лета, ещё даже не предчувствие будущей осени. Призрак Рустама-мальчика катается на велосипеде по всем дорожкам, тропинкам и полянкам. Где этот Рустам-мальчик? Умер 25 декабря 2007 года? Но его не было и 24 декабря, и год назад, и два, и десять. Почему же оплакиваю я его сейчас, а не год, не два года и не десять лет назад? Сколько было Рустамов? И где они сейчас? Только одно: глядя на Рустама в 34 года, я мог увидеть всех Рустамов, мог увидеть Рустама-мальчика. Мог, но так редко делал это!

163. Мне кажется, здесь, около 81-го года, проходит черта, отделяющая первый период жизни Рустама. Или второй, если первым считать младенчество: от чего-то маленького, почти невидимого и кричащего, завёрнутого в пелёнки, через ребёнка с рекламы детских молочных смесей, до бритой головы и долгого взгляда. Эта черта условна, размыта, но всё же различима. Хотя было немного яслей, довольно много детского сада, была Русаковская больница и санаторий «Турист», всё же этот опыт социального общения, то есть общения с чужими, не был главным. Главным была жизнь с мамой и папой в Москве и – с дэв-ани, дэв-ати и Фаридом в Казани. На фоне старого ковра, где бурые медвежата всё карабкались и карабкались по стволам обрушившихся сосен. И хотя энергия Рустама была направлена за пределы этого кокона любви и покоя, к границам мира, она имела свой источник внутри него и каждый раз возвращалась, чтобы «зарядиться». Ещё при жизни Рустама эта капсула *вреяместа* была запечатана и пустилась в путь, относимая волнами времени вспять, к истокам мира. И только память поддерживала с ней связь, неустойчивую и слабеющую. Память и альбом фотографий, парадоксальным образом неизменных и всё же чуть-чуть меняющихся из-за того ли, что желтела бумага, и тускнело изображение, или потому, что жизнь продолжала движение навстречу волнам времени, и с каждой новой точки прошлое виделось чуть иначе.
164. Параллельно, почти не пересекаясь с жизнью Рустама, проходили значимые для меня события моей жизни. Годы с 73-го по 80-ый были самыми напряжёнными в моей профессиональной деятельности. В 75-ом году наша вычислительная система АС-6 участвовала в советско-американском космическом проекте «Союз-Аполлон», в 79-ом я защитил кандидатскую диссертацию, АС-6 прошла государственные испытания, а в 80-ом я вместе со всем нашим коллективом уволился из Института Точной Механики и Вычислительной Техники АН СССР (ИТМиВТ), чтобы перейти в НИИ «Дельта» Министерства Электронной Промышленности – делать первый советский суперкомпьютер «Электроника СС-БИС».
165. Я помню только один эпизод, связанный с Рустамом: новогодняя ёлка в ИТМиВТ. Рустаму было тогда, наверное, года два. Он был маленький, одетый во всё белое, мы смотрели представление, получали какие-то подарки, а потом поехали домой. Не знаю, помнил ли он тот новый год.
166. Переход в «Дельту» оказался переломным во многих смыслах. На работе я стал начальником группы, потом, после перевода в Институт Проблем Кибернетики АН СССР (ИПК), – заведующим лабораторией. Будучи кандидатом, я стал зарабатывать значительно больше денег, но административная составляющая работы мне совсем не нравилась, и после смерти академика Владимира Андреевича Мельникова, когда ИПК разделился и появился Институт Системного Программирования РАН (ИСП), в котором я работаю и сейчас, я с облегчением ушёл из

начальников, к счастью, ничего не потеряв в деньгах. В научном плане работа по суперкомпьютеру оказалась для меня, занимавшегося периферийными машинами, малоинтересной. Зато удалось инициировать, увлечь этим целую группу моих коллег и довести до создания прототипа разработку новой операционной системы, основанной на тех принципах, которые выкристаллизовались в процессе работы над АС-6. Мы назвали её КЛОС – кластерная операционная система. Её создание стало для меня основным содержанием работы следующих десяти лет.

167. До 80-го года программирование отнимало у меня так много времени и энергии, что на литературу почти ничего не оставалось – то время было пустой дырой в творчестве. Но я ни о чём не жалею: время было прекрасное и дало мне очень много. В декабре 80-го, одновременно с переходом в «Дельту», я начал потихоньку писать: сначала дневниковые записи, потом стихи, потом рассказы. А в 85-ом начал рисовать свои акварели в «китайском» духе. Это художественное творчество прекрасно сочеталось с научным творчеством по КЛОСу. И это сочетание мне удалось сохранить и потом, когда я стал заниматься уже не созданием операционных систем, а тестированием программ.
168. Девять следующих лет жизни Рустама: до Липовки. Школа, остров на Волге под Казанью, байдарочные походы и Гезевцек.
169. В туристические походы мы ходили всегда, но сначала это были походы пешие. Рюкзаки, спальники, палатка, котелок, еда и чай – всё это на спину и – дня на два-три по Подмоскovie. Походов было много, но вспоминается почему-то чаще всего один, к северу от Москвы. Мы стояли в лесу около ручья. Ночью кто-то громко топал около нашей палатки. Утром выяснилось – кабаны. Мы уже собирались идти к шоссе и возвращаться в Москву, но то ли опоздали на автобус, то ли просто решили остаться ещё на одну ночь, я не помню. Вечерело, лил дождь, мы шли, и Рустам вдруг сказал: «Что-то я упал духом!». Это был единственный раз, когда он «упал духом». Мы снова поставили палатку на новом месте и кое-как разожгли костёр. Сидели в палатке, пили чай, и Рустам сказал: «Кажется, я уже не упавший духом».
170. В 81-ом году у нас появилась собака, и мы купили байдарку. Собаку звали Пушок. Соседка Таня привела его к нам и попросила: пусть побудет немного у вас, а то они с моей собакой дерутся, я потом заберу. Пушку было уже года два или три. Сначала он жил у какой-то старушки, но та стала дряхлой и не могла больше справляться с собакой. Сын старушки отвёл Пушка на какую-то автобазу. Там он сидел в углу, весь в мазуте и никого к себе не подпускал. Короче, у него было трудное детство.
171. Не помню, как он оказался у Тани. Она отмыла его в ванне с шампунем, и выглядел он красиво: белая с чёрными пятнами шерсть, уши с

кисточками, хвост немного крючком, длинный нос и большие чёрные глаза под свисающими прядями. Ему потом в ветлечебнице написали в паспорте: метис тибетского терьера. Написали с наших слов, потому что вроде бы тибетский терьер, но ведь наверное не чистокровный. Согласно определителю пород, шерсть должна быть волнистой, но не курчавой, а у него немного курчавилась ближе к хвосту. Правда, потом, когда я услышал, как Эдуард Успенский гордо величает свою собаку тибетским терьером, и увидел, как она выглядит, я понял, что наш Пушок гораздо «терьеристее».

172. Таня сказала: пусть побудет немного у вас, я потом заберу. А когда пришла забирать, уже стало ясно: Пушок остаётся у нас. С нашим котом Чернышом они быстро подружились. Кот был старше, к тому же первый появился в квартире, и Пушок это признавал. Черныш от рождения не имел голоса, только шипел, а вместе с голосом у него не было и инстинкта продолжения рода (к нашей радости). Поэтому ему не было нужды метить свою территорию. Они и спали в обнимку. Иногда Пушок что-то с интересом вынюхивал у кота под хвостом, или Черныш сидел за углом и ждал, когда пройдёт собака, чтобы поиграть лапой с её хвостом.
173. Не помню, как это оказалось связанным, но байдарку мы купили отчасти из-за появления собаки. Мы решили вместе с ним отправиться в наш первый общий байдарочный поход. Рустаму оставалось совсем немного до восьми лет. В походе я каждый день писал путевые заметки, которые вечером в тот же день зачитывались вслух при свете костра.
174. **«ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ, ИЛИ ПРАВДИВЕЙШЕЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РЕКЕ ДУБНА.»**
175. *День первый. 11 июля 1981 года, суббота. Проснулись мы ещё в Москве, у себя дома в Лианозове. В 7 часов, согласно будильнику. Собирались не торопясь, и около 9 часов вынесли вещи к подъезду. Оставили при байдарке сына Рустама, а папа Игорь и мама Кадрия надели рюкзаки и пошли. Нас сопровождал до станции больной дядя Лёня. Со своим ушибленным ребром он был, конечно, нам не помощник. Доехали на автобусе до станции, оставили дядю Лёню сторожить вещи и вернулись за Рустамом, собакой Пушком и байдаркой.*

В 12.22 электричка приехала в Вербилки. В два приёма, короткими перебежками добрались мы до реки. Расстояние от станции до реки не больше километра. У железнодорожного моста расположились и начали собирать байдарку. Дело продвигалось легко и споро, хотя и не обходилось без переругивания. Нервишки, подпорченные московской суетой и длительной предотпускной неопределённостью, пошаливали. Но вот в ответственный момент сломались какие-то маленькие штучки на большой штуковине. О горе!

Однако близость природы и сознание отсутствия пути назад возродили к жизни нашу природную смекалку. Маленькие штучки

заменяли деревянными колышками. Наконец байдарка собрана! Но что это? Заднее (называется кормовое) сидение присоединено не там, где надо. Папа Игорь вынимает такую маленькую штучку, соединяющую две большие штуки и заодно сидение. Возникает расцентровка дырочек в этих штуках. Маленькая штука не лезет в дырочки. Чёрт с ней! Ещё немного, укладываем вещи, и вот он – долгожданный момент. Спуск на воду! Усаживаемся и плывём!

Хорошая река! Хорошая вода! Хорошая байдарка! Хорошая погода! Плывём!!!

Плывём и плывём. Но хочется есть – с утра голодные. Находим прелестное местечко. С песчаным пляжиком, костровищем с рогульками, местом для палатки с лапником, с брёвнами для сидения, с запасом берёзовых дров и даже с урной (какая-то металлическая дырявая чаша на трёх ножках). Идеально! Вытаскиваем вещи из байдарки, вытаскиваем байдарку. Ставим палатку, разводим костёр. Что там у нас на ужин? Суп из двух пакетов, чай и колбаса, жареная на палочке, с хлебом. Обедение!

В первый вечер мы успеваем: выкупаться, почитать (мама Кадрия), безуспешно половить рыбу на хлебный мякиш или просто на пустой крючок (папа Игорь), погулять в окрестном лесу и покататься на байдарке. Ох уж это гуляние, ох уж это катание! Плывём на байдарке, приближаемся к своему пляжику. И вдруг видим! Но мы забыли сказать, что у нас с собой была бутылка “Салюта”. Это, конечно, не шампанское, но ведь и байдарка – не корабль. И всё же мы собирались вечером, у костра отпраздновать спуск на воду нашего замечательного судна. А день был жаркий, и вино требовалось охладить. Папа Игорь заботливо уложил бутылочку в белую авоську, привязал белую верёвку к прибрежным кустам. Как всё славно было продумано и как тщательно подготовлено! А для сына Рустама имелась баночка сока.

Так вот. Подплываем мы с прогулочного катания на байдарке к нашей стоянке и сворачиваем к прибрежным кустам, проверить нашу заветную бутылочку. Но что такое? Как это может быть? Увы! Болтается на прибрежных кустах огрызок нашей белой верёвочки. Такой маленький, такой жалкий. Украли! Украли нашу заветную бутылочку. Срезали нашу белую верёвочку. Ограбили. Сын Рустам кричит: ограбили нас! Он замечает на другом берегу мальчишку, который ловит рыбу. Эй, ты, – кричит Рустам, – это ты украл нашу бутылочку? Мальчишка обзывает Рустама салагой! Ах, как жалко бутылочку! Но больше всех обеспокоен Рустам. Нас так всех ограбят, говорит он. А если кого-нибудь из нас украдут? Вон тот мальчишка уходит, уносит “грабленое”. Мы пытаемся его успокоить, но Рустам

продолжает разглагольствовать об ограблении. Эта тем грабежа не даёт ему покоя и на следующий день.

А что же наш верный сторож, что же наш пёс Пушок, который не даёт спокойно пройти мимо ни одному живому существу и старательно облаивает всех в радиусе ста метров? Что же он-то не устерёг нашу бутылочку? Эх ты, Пушок, Пушок! Ведь ты, Пушок, полночи не давал нам спать своим лаем. Кого ты облаивал? Куда ты бегал ночью, пока замёрзший папа Игорь не привязал тебя у себя в ногах? Что ты лаешь на человека, которого только ты один и чуешь в двухстах метрах от нас? Где ты был, дурной пёс, когда нехороший воришка срезал нашу белую верёвочку и уносил нашу охлаждённую бутылочку в белой авоське? Эх ты, Пушок!

176. *День второй. 12 июля 1981 года, воскресенье. Проснулись мы в 10 часов. Развели костёр, сготовили завтрак. А на завтрак у нас была гречневая каша с молоком и, само собой, непрменный чай. До чего же вкусная, эта гречневая каша! А как много сил прибавилось после каши! Мы опять плывём. Папа Игорь гребёт себе и гребёт. И мама Кадрия хочет грести, но вредный Пушок не даёт ей грести и требует постоянного к себе внимания. Чуть зазеваешься – и вот уже пожалуйста! Пушок в воде и стремительно плывёт к берегу. Приходится причаливать.*

Два раза пёс Пушок прыгал в воду с байдарки и совершенно измучил бедную маму Кадрию. Всё! С завтрашнего дня привязываем его ко дну байдарки (называется кильсон).

Ах, какая красивая река! Очень, очень красиво! Что ещё сказать? Это неопишимо, невыразимо! Не описать пером. Да и кистью тоже, хотя завтра и надо бы порисовать.

В пути одна остановка для купания. Короткая – слепни не дают покоя. Видим белые лилии. Специально подплываем поближе и рассматриваем эти краснокнижные цветы. Но не срываем! Плывём дальше. Уже пора приставать к берегу. Ищем хорошее место. Находим, причаливаем. Но рядом оказывается ещё лучше, переправляемся туда.

Высокий берег круто обрывается на две стороны: к реке и к овражку, по дну которого течёт мелкий ржавый ручеёк. Изумительный вид на реку и оба берега. Большая поляна, с костровищем и запасом дров. А вокруг – сосны! Высокие, золотистые, красивые! Между ними попадаются берёзы и ели. Внизу никаких кустов – травка. Это место мы назвали “Царская палата”.

Выкупались, разожгли костёр, приготовили чай. Хорошо горят сосновые дрова! Ярко и жарко. А теперь – эксперимент. Мама Кадрия достает противень и начинает печь блины. Блины удаются на славу и

тут же съедаются. Папа Игорь и сын Рустам хором кричат: “Слава мамульке! Слава блинам!”.

Забыли сказать, что в этот же день, пока плыли по реке, нашли игрушечный самодельный деревянный кораблик. Это нечто вроде компенсации за нашу украденную бутылочку. С этого момента сын Рустам только тем и занимался в байдарке, что играл с корабликом, держа его в воде за бортом.

После блинов мы поставили палатку и отправились на прогулку по лесу. Дошли до линии высоковольтной передачи, которая жужжала. За линией – царство поваленных деревьев. Нагромождение стволов, вывороченные корневища, жужжащие провода в небе – напоминает Стругацких, “Пикник на обочине”.

На своей “Царской палате” мы поставили “царский трон” – надувной матрас, сложенный в виде шезлонга при помощи специальных застёжек. Папа Игорь сидит на этом “троне” и пишет “Жизнеописание”. Перед ним открывается вид на реку и берега. Не описать пером!

На другом берегу ещё днём мы обнаружили шалаши, и чуть было там не остановились. Вечером в этот шалаши пришли какие-то дяди с собакой, и пили алкоголь. Пушок лаял на чужую собаку и бегал по берегу. Рустам опять начал про ограбление говорить. Постепенно стемнело, и все уgomонились. Однако ночью часа в 4 Пушок снова начал бегать и лаять, и никому не давал спать. Пришлось папе Игорю идти за ним, привязывать в палатке. Ещё папа Игорь отхлестал Пушка за непослушание, а тот огрызнулся».

177. День третий. 13 июля 1981 года, понедельник. Утром дяди из шалаша оказались косцами. Они косили сено и были уже совсем не страшные. После завтрака мы снова плывём. Плывём и плывём. Река стала шире, леса меньше. Приплываем к мосту через реку и причаливаем.

Около байдарки остаются Рустам и Пушок. Мама Кадрия и папа Игорь идут по шоссе в деревню, в магазин. Это место – Юдино. Пройдено больше половины пути. В магазине покупаем свиную кооперативную тушёнку, солянку овощную с грибами, кисель, плавленый сырок и брынзу. Хлеба нет. Папа Игорь хочет купить водку, но мама Кадрия говорит, что она водку пить не будет. А никакого вина нет в магазине, одна водка. На обратном пути проходим мимо зарослей тростника. Для Рустама срываем одну штуку.

Садимся в байдарку и плывём дальше. Жуём плавленый сыр и брынзу, запиваем чаем из фляжки. Река сначала сузилась, но потом стала очень широкой. Всё шире и шире, глубже и глубже. Исчез лес по берегам. Мы уже давно ищем место для стоянки и никак не можем найти. Приходится плыть дальше. Папа Игорь устал, мама Кадрия

устала, сын Рустам устал и Пушок устал. Но надо грести и грести. Хочется пить.

В деревне с названием “Бережок” пьём воду из ключа, наполняем фляжку. Рядом женщина полоскает бельё. Узнаём от неё, что до города Дубна километров 8, но это по дороге, а не по реке; до Карманово километров 5, но тоже по прямой; до слияния с рекой Сестрой уже недалеко. Женщина обещает нам лес впереди, и мы снова плывём.

Гребём и гребём. А солнце светит, и мы, кажется, обгорели. Ноги устали от согнутого положения, хочется распрямить их и закинуть куда-нибудь повыше. Не выдерживаем и пристаём к берегу. Выползаем из байдарки и падаем в траву. Блаженство! Поза савасана – поза трупа. Однако здесь нет тени, и мы скоро опять плывём. Хочется есть и пить.

Рустам теряет пробку от фляжки. Пробка железная и тонет. Папа Игорь стучает Рустама веслом по балде. Все устали.

Проплываем мимо сборного домика и палатки на берегу, мимо палаточного городка с катерами и кухней под навесом, и с печкой, мимо деревни. Но вот видим лес. Сосны! Наконец-то!! Причаливаем немедленно! Лес клином подходит к берегу, но от реки его отделяет маленькое поле – горох. Кушаем горох, хотя он ещё не созрел: горошинки маленькие. По берегу сушится скошенное сено. Встречаем старушку, которая советует нам остановиться здесь. Недалеко деревня, но, видимо, за лесом, так как её не видно, а только слышно. Вытаскиваем вещи из байдарки. Очень устали!

Вдруг замечаем – на середине реки что-то трепыхается, что-то живое. Мама Кадрия высказывает предположение, что это большая стрекоза. Рустам предлагает поехать и посмотреть, спасти стрекозу. Мама Кадрия возражает, папа Игорь колеблется. Но сын Рустам заявляет, что он член общества охраны природы, и надо спасти стрекозу. Этот аргумент решает дело. Папа Игорь и сын Рустам плывут спасать стрекозу. Большая стрекоза сваливается с весла, так как сразу начинает трепыхать намокшими крыльями. Наконец удаётся забросить её в байдарку.

Когда причаливаем и уже собираемся тащить байдарку к лесу, стрекоза взлетает. Крылья у неё высохли. Она делает прощальный круг над нашими головами, покачивает крыльями, как самолёт, и улетает.

А мы таскаем вещи к лесу. Здесь, среди сосен, есть костровище и рогульки. Собираем дрова, разводим костёр. Мама Кадрия находит в лесу малину и чернику. Теперь маму Кадрию не дождёшься к костру, она всё бродит и бродит по лесу. Она получает удовольствие от собирания ягод. Рустам читает книжку “Тореадоры из Васюковки”. Пушок

бегают и облаивают окрестности. Папа Игорь возится у костра, потом валится на спальные, постеленные под сосной. Поза савасана – поза трупа. Неописуемое блаженство! Над головой – радостно искривлённые золотые от солнца ветви сосен, ещё выше – голубое небо. Фенимор Купер, Майн Рид, Вождь краснокожих, детство, мечтания...

Ночь проходит спокойно – привязанный Пушок не лает.

178. День четвёртый. 14 июля 1981 года, вторник. Первым просыпается, конечно, Пушок. Потом папа Игорь в 9 часов выходит из палатки. Выкуривает сигарету, расстилает спальник на солнышке и засыпает. Мама Кадрия отправляется за ягодами. Рустам спит.

Наконец через час папа Игорь встаёт, собирает дрова и готовит их для костра. Возвращается мама Кадрия, просыпается сын Рустам. Идём умываться.

Горит костёр, готовится еда и чай. В чай добавлены листья смородины – очень вкусно. После завтрака никому не хочется снова собираться и плыть. Все отдыхают. Сын Рустам читает книжку. Мама Кадрия занимается собирательством ягод. Папа Игорь пишет “Жизнеописание”. Где-то бегают Пушок. Все отдыхают. Плыть не хочется – может быть, устроим днёвку. Вот только купаться плохо – дно илистое.

Подходит вчерашняя старушка и разговаривает с нами. Жалуется на житьё-бытьё. Раньше, говорит, в деревне было 70 коров, а теперь только 3 осталось. Свою корову тоже продам – сил нет сено заготавливать. Лошадей мало, приходится на своём горбу таскать. А старик больной, не может помогать. Контуженный он на войне. Поговорила старушка и пошла сено ворошить. Тут мама Кадрия велит папе Игорю и сыну Рустаму идти к старушке, помочь ей с сеном управиться. Идём к старушке, помогаем ей сено в копну собирать. Помогли, старушка подарила для Рустама две конфетки, а сам Рустам уже убежал – надоело ему. Мама Кадрия у реки бельишко стирает.

Снова собираемся все вместе, и вдруг решаем всё же сниматься с места и плыть.

Плывём. Река стала очень широкая, плыть уже не так интересно. Берега в основном безлесные, то есть лес есть, но не подходит вплотную к берегу, как раньше. Довольно скоро доплываем до слияния с рекой Сестрой. После минутного размышления решаем следовать по заранее намеченному маршруту – вверх по Сестре до Карманово. Находим то место, где папа Игорь и мама Кадрия были несколько лет назад с Надей Агеевой и её мужем Колей, и причаливаем.

На берегу ловит рыбу старик. Лицо его кажется нам знакомым. Выясняется, что это дед Данила, Надин свёкор. Он вот уже 5 лет каждое лето живёт здесь в палатке и ловит рыбу. Дед Данила

показывает нам колодец, который он вырыл в прибрежной глине. Это небольшая ямка с чистой водой, которая просачивается сквозь глину. Располагаемся у прибрежных кустов, на краю поляны. Купаемся. Готовим ужин. Ложимся спать.

179. День пятый. 15 июля 1981 года, среда. Просыпаемся около 9 часов. Плыть никуда не надо. После завтрака идём в лес за малиной. Вдоль высоковольтки, где мы раньше собирали малину, сплошные огороды – всё огорожено. Но всё же набираем немного малины. Рустам от жары, мух, слепней и колючей травы падает духом. Возвращаемся. Идём купаться. Учим Рустама плавать, но получается плохо. Он боится воды.

У Пушка обнаруживаем клещи. Папа Игорь держит его за пасть, а мама Кадрия вытаскивает клещей. После третьего клеща Пушок вырывается и нападает на папу Игоря, даже немного кусает его. Бедный Пушок! Нельзя ему гулять по лесу.

Потом мы отдыхаем. В 5 часов вечера едем на лодке в Карманово, в магазин (он в 6 закрывается). Покупаем буханку чёрного хлеба, плавленый сыр, борщ в пакете, сахарный песок, бутылочку Муската (6.90) и по стаканчику сока. Возвращаемся, закидываем пакет с продуктами в палатку и едем кататься по заливу, на берегу которого мы остановились.

Вечером папа Игорь делает для Рустама лук и стрелу. Хороший получился лук, далеко летит стрела, высоко летит стрела – исчезает в синем небе. Потом папа Игорь и сын Рустам играют в волейбол. Потом все лежат на спальниках, а папа Игорь – на надувном троне, и разговаривают. Сначала говорят про географию, про разные реки, моря и страны, про разные народы. Потом про политику, про наших и про американцев, и про телепередачу “Сегодня в мире”.

Потом Пушок обнаруживает ежа. Наш пёс очень забавно ищет ежей и всегда находит. Мы рассматриваем ежа – он ещё совсем маленький, свернулся в сплошной колючий шарик.

Спать ложимся поздно.

180. День шестой. 16 июля 1981 года, четверг. Проснулись папа Игорь и мама Кадрия в 6 утра – идёт дождь. Папа Игорь накрывает палатку полиэтиленом, прячет дрова в полиэтиленовый мешок. Тем не менее, утром, когда дождь уже прошёл, папа Игорь очень долго не может развести огонь. Точнее, огонь есть, но слабенький, и вода долго не может закипеть. Наконец мы садимся завтракать. Снова ярко светит солнце. Мама Кадрия читает, папа Игорь пишет “Жизнеописание”, сын Рустам играет с луком.

Мама Кадрия пытается вытащить Пушку остатки клещей. Пушок кусает маму Кадрию и царапает её. Все злые на Пушка. Мама

Кадрия обещает, когда приедем в Москву, отвести Пушка к Татьяне и сказать, чтобы она забирала его, куда хочет.

Жарко. Мама Кадрия идёт за банкой сгущёнки, которая стоит рядом с Пушком. Пушок опять кусает маму Кадрию. Проклятый пёс! Папа Игорь наклеивает на раны Кадрии пластырь и завязывает руку.

Мы вдруг решаем поплавать на байдарке, если удастся – доплыть до слияния Сестры с Дубной или даже до Волги. Пушка папа Игорь привязывает около палатки и сильно стегает ремнём. Жалко собаку, но ничего не поделаешь – надо наказывать. Пушок с нами не поплывёт, он наказан.

На пустой байдарке плыть легко. Теперь Рустам сидит впереди, а раненая мама Кадрия – в середине, на надувном матрасе. Гребёт папа Игорь. Однако до слияния оказывается далеко. Тут ещё начинает моросить мелкий дождичек, и мы решаем возвращаться. Все берега Сестры усеяны рыбаками. Мы плывём вдоль берега, но то и дело шархаемся к центру реки, боясь наехать на полавки.

Дождик кончается. Мы решаем заехать в магазин, папа Игорь налегает на вёсла, даже раненая мама Кадрия помогает. Но магазин оказывается закрытым. “Ушла на базу”. От магазина до нашей стоянки гребёт один Рустам. Сначала у него получается плохо, но постепенно всё лучше и лучше. Лодка набирает скорость. Папа Игорь совсем не гребёт, даже к вёслам не притрагивается. Сидит, курит и рулит.

Пушок встречает нас вилянием хвоста. Чувствует себя виноватым, но всё равно плохо слушается. После ужина залезли в палатку, листали “С удочкой по Подмосковию” и пытались выбрать дальнейший маршрут. Немного поговорили и заснули.

181. День седьмой. 17 июля 1981 года, пятница. Утром встали и решили ехать в Москву. Мама Кадрия пошла за малиной. Папа Игорь вымыл посуду, разжёл костёр – на этот раз очень быстро и удачно. Сын Рустам сходил за водой. Позавтракали. Потом папа Игорь и мама Кадрия пошли в лес ещё немного пособирать малины, а Рустам вымыл посуду и собирал вещи. Потом у Рустама заболел живот, а потом прошёл.

Вернулись папа Игорь и мама Кадрия, и все стали быстро собираться, потому что до электрички (14.11) оставалось мало времени, а следующая – через три часа (17.15), и есть больше нечего, а магазин не работает. Собрали рюкзаки и байдарку. Папа Игорь и мама Кадрия скупнулись напоследок, а Рустам не захотел.

Тут приблизилась большая чёрная туча, и начал греметь гром. Мы быстро нагрузили на себя вещи, и пошли – до отхода поезда оставался один час. Мы пошли, и дождь пошёл. Когда мы подходили к

железнодорожному мосту, дождь хлестал уже вовсю. Мы все промокли, особенно, Рустам, так как он был в одной майке и шортах. Было очень тяжело идти, но мы мужественно перенесли все трудности. На мосту папа Игорь кричал Рустаму: “Смотри, не свались с моста! Держись, Рустик!”. А Рустам кричал: “Ой, папа! Осторожнее! Ой, не упади, папа!”. Так мы друг о друге заботились. Добрались до станции, Рустам переоделся, купили билет. Тут и электричка подошла.

Вот сидим в электричке на сидении для двоих, закрытые со всех сторон рюкзаками. На рюкзаке лежит лук со стрелой. На крючке висит полиэтиленовый мешок, а в нём – две банки малинового варенья и ещё свежая малина в котелке, и игрушечный корабль, найденный нами на реке Дубна. Пушок тихонько сидит у нас в ногах, мокренький от дождя. Рустам сначала читал промокиших “Тореадоров из Васюковки”, а потом положил маме Кадрие голову на колени и заснул. Мама Кадрия смотрит в окошко. Папа Игорь пишет “Жизнеописание”. Очень трудно писать в электричке – $\kappa^{au}AE_m$ и $ТОЛ_{ка}e^m$. А Вы думали, это у МЕНя по^{че}рк так Ой с^{та}л, δ^a ?

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ».

182. За двенадцать с лишним лет, что Пушок прожил с нами, он покусал, и не раз, нас всех: и меня, и Кадрию, и Рустама. Наверное, больше всех – Рустама, потому что он очень любил Пушка, и вечно лез к нему играть и «целоваться», даже тогда, когда это было совсем не безопасно. Особенно весной, когда Пушок был особенно возбуждён, мы называли это «весенний покус». Я знаю, знатоки скажут: это неправильно, собака не должна кусать своих хозяев, её надо было учить. Ну да, я и пытался учить первое время. Сразу после «покуса» хлестал ремнём. Кадрия и Рустам старались не участвовать в этом. А мне казалось, что нужно «воспитывать», чтобы потом Пушок больше не кусался. Лучше бы я этого не делал: было страшно жалко бедного пса. Он ведь и сам чувствовал свою вину, уходил в угол, поджимал хвост, и только во время «воспитания» был вне себя, рычал, кричал и скалил зубы. А зубы, нужно вам сказать, у терьеров, даже у тибетских, весьма внушительные – почти как у овчарки. В конце концов, я понял, что своим «воспитанием» делаю только хуже. А потом прочитал: тибетский терьер имеет очень тонкую нервную организацию (и, кстати, к терьерам, которые родом из Англии, никакого отношения не имеет). И мы никогда не забывали, что у нашей собаки было «трудное детство».
183. Конечно, Пушок кусал нас не по злобе, а просто «от нервов». И ещё, когда было уж очень больно при вытаскивании клещей, но тут мы сами виноваты: надо было не вытаскивать, а поливать их подсолнечным маслом, тогда они сами отваливаются. Пушок нас очень любил и был бесконечно предан. Однажды, в конце байдарочного похода мы стояли

на острове на Жижицком озере. Решили прокатиться на лодке, оставив Пушка на берегу, где оставались и наши вещи, и наша палатка, и другие люди, что путешествовали вместе с нами. Мы отплыли уже довольно далеко, к зарослям тростника, когда увидели: Пушок плывёт за нами. Как-то он узнал, что нас нет, углядел нашу лодку и поплыл через широкую воду. И это собака, которая терпеть не могла купаться! Он только по брюхо заходил в воду, промочить лапки. Однажды, в другом походе по тем же местам, когда было очень жарко, и я видел, что собака мучается от жары, я решил искупать его, подхватил и окунул в воду. За что и поплатился: Пушок преследовал меня по всему лагерю, догнал в палатке и укусил, а потом долго нервничал и переживал, что сделал что-то не то.

184. Пушок сопровождал нас всюду: и в Казань, и во всех наших байдарочных походах. Вот он с нами в лодке на острове на Волге, вот в обнимку с Рустамом – только что вылезли из пещеры на Южном Урале, а вот дома в Москве, когда Рустам схватил его за уши, скалит длиннющие зубы и косится на кусочек сахара, который Рустам держит в другой руке. Потом он был с нами в деревне Липовка, но тогда у нас не было фотоаппарата, и не осталось ни одной фотографии. Только моя маленькая акварелька, где Пушок лежит на песчаной дороге среди травы. В одну из поездок в Липовку в Москве умер кот Черныш, наверное, съев отраву для тараканов, которую моя мама насыпала в туалете и ванной. Нам самим не пришлось его хоронить, и нет фотографии, на которой было бы запечатлено, как «мы горюем». Но мы горевали.
185. Пушок умер в Липовке в августе 1993 года под утро. Мы с женой похоронили его у края большого луга недалеко от Чёрного озера в тени дубовых деревьев. Там, где в начале лета он лёг на траву и долго не хотел подниматься, и мне пришлось сесть рядом и ждать его. Тогда было очень жарко, он устал на прогулке и не захотел идти с нами дальше. Я один провожал его обратно домой. Так мы сидели в тени деревьев, глядели на синее небо и белые облака, на алые цветы гвоздик и голубые цветы колокольчиков и белые цветы ромашек. В то время было очень много цветов на лугах. Потом мы пошли медленно, и именно тогда стали возникать строки:

Над лугами цветов ветер кружит.

Ты спросишь, что видел я в этой жизни?

- алый туман гвоздик.

Ты спросишь, что слышал я в этой жизни?

- колокольчиков звон голубой.

Ты спросишь, что знаю я в этой жизни?

- белой ромашки судьбу.

Ты спросишь, что я забыл в этой жизни?

- зелёной травы забвеньё.

Ты спросишь, что будет после?

- буду ветром кружить над лугами.

Тогда я не мог знать, что эти слова не про меня, а про нашу белую собаку. А может быть, всё же про меня? А может быть, про Рустама?

186. В то утро Рустаму нужно было уезжать в Москву. До этого мы с ним поругались, уже не помню из-за чего, он два дня болтался со своими липовскими приятелями, но последнюю ночь провёл дома. Рустам проснулся, но не вставал с верхнего этажа двухэтажной кровати, пока мы заворачивали нашу собаку в белую простынь. Пушок лежал на кушетке, около печки, где спал. Рустам спустился вниз. Мы сидели троём и плакали. Потом Рустам пил чай перед дорогой и молчал. Мы знали, что он очень любил нашего Пушка. Как он ехал в Москву один? О чём думал? Что вспоминал?

187. Я написал такое прощание с Пушком:

Мокрых лугов раскинулись крылья

Уходит ветер в ткань дождя

Струится вода по лицу

вымокли рукава одежд

Тринадцатое лето проводив

не остался со мною на осень

тот кого называли

белая собака

188. Осенью Рустам принёс маленького щенка, которого он вместе с ребятами купил на рынке. Чтобы после Пушка не было пусто, – сказал Рустам. Но у Кадрии уже была аллергическая астма, причём аллергия была, в том числе, на собачью шерсть. Пушка мы не могли выгнать, но и новую собаку брать не могли. Нам пришлось отдать её Саше Третьякову, и щенок вырос в огромного рыжего пса по имени Гера. Саша часто заходил к нам с Герой, и Гера, видимо что-то помня из своего собачьего детства, уверенно проходил на кухню, заваливался на пол и с благодарностью принимал еду в подарок. Но потом ему становилось скучно, хотелось гулять, и он ложился у входной двери и ждал хозяина. А вот на кошачью шерсть, как ни странно, у Кадрии аллергии не было. Тогда Рустам и принёс котёнка – нашу Басю. Но всё это ещё будет, а пока – новое путешествие лета 1981-го года.

189. **«ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ (продолжение), ИЛИ ПРАВДИВЕЙШЕЕ И БЕСПРИСТРАСТНЕЙШЕЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РЕКЕ УГРА.**

190. День первый. 20 июля 1981 года, понедельник. Два дня – субботу и воскресенье – мы пробыли в Москве, готовясь к следующему путешествию. Фарид не смог приехать, и мы снова собирались отправляться втроем, не считая собаки. Два дня мы выбирали реку. Папа Игорь сидел за столом, обложившись картами и справочниками, зачитывал вслух особо привлекательные живописания природы разных рек. Чем интереснее оказывалась река, тем труднее до неё было добраться. Тут и река Медведица, впадающая в Волгу, и река Волчина на северо-западе Калужской области, и река Нерль, и многочисленные притоки Оки, и Москва-река, и подмосковные водохранилища – Рузское, Озернинское, Истринское, и прочая, прочая, прочая... Голова шла кругом. Дядя Лёня ходил вокруг стола и причитал: “Ну, куда вы так далеко собираетесь? Вы же не дотащите вещи. Ехали бы куда-нибудь поближе. А ещё лучше – поедем вместе в Молдавию”. Но путь в Молдавию был закрыт – у нас на руках наш противный верный пёс Пушок. Наконец решили: едем на Угру, приток Оки. Течёт эта река в Смоленской и Калужской областях, впадает в Оку недалеко от Калуги. Но добираться до неё тяжело: от Вязьмы на поезде или на автобусе, а до Вязьмы из Москвы электрички не ходят. Решили так: едем на электричке от своего Лианозово напрямик до Можайска, а там, смотря по обстоятельствам, либо пытаемся добраться дальше до Вязьмы, либо идём на Москва-реку.

Из Лианозово электричка отправляется в 9.58. Долгий путь – два с половиной часа – до Можайска. Рустам читает “Тореадоры из Васюковки”, папа Игорь удерживает Пушка, который всё время куда-то рвётся, мама Кадрия смотрит в окно. Потом Рустам засыпает. Наконец приезжаем в Можайск, в 12.33. И тут оказывается, что очень скоро, в 12.49, идёт электричка от Можайска до Вязьмы. Она уже стоит на той же платформе. Перетаскиваем вещи. Папа Игорь стоит в очереди за билетом. И вот уже едем. Сын Рустам хулигански требует мороженого. А мороженое продаётся в городе, и папа Игорь не успел бы на электричку, если бы пошёл ещё и за мороженым. Это мы всё объясняем сыну Рустаму, а он хулиганит. Папа Игорь делает врезание. Постепенно все успокаиваются и дремлют. Едем часа два.

В Вязьме выгружаемся на платформу. Мама Кадрия, сын Рустам и пёс Пушок остаются с вещами, в тенёчке под мостом, а папа Игорь отправляется на разведку. Поезд до станции Угра отправляется только в 19.20, автобус до Знаменки – в 18.00 (хотя есть и в 17.20, но он проходящий, и на него может не быть билетов). Папа Игорь всё это разужнаёт и возвращается. По дороге он покупает на вокзале долгожданное мороженое. Мороженое весовое – по двести граммов на картонной тарелочке. Рустам очень рад, мама Кадрия тоже кушает, хотя ей вяземское мороженое и не нравится. Но больше всех доволен, кажется, Пушок, которому достаётся облизывать тарелочки.

Потом все вместе идём на автостанцию. У нас 3 часа времени. Перекусываем в “Минутке” рядом с автостанцией, заходим в магазин (покупаем, между прочим, бутылочку латвийского сухого плодово-ягодного вина за 1 р. 32 к.), мама Кадрия даже забегают в универмаг. Таскаем во фляжке воду из вокзала. Покупаем билеты на автобус за полчаса до отправления. В 18 часов загружаемся в автобус и едем. Народу мало. Автобус – “Икарус” – почти пустой. Хорошо ехать, мягко! Кругом красоты природы: леса, поля.

Проезжаем деревню Веики, значит, скоро и Знаменка. Просим водителя остановиться около моста через Угру. На мосту выкидываемся из автобуса, таскаем вещи к реке. Здесь четыре человека (папа, мама, дочь и дед) уже собирают две байдарки. Они тоже из Москвы, приехали в Вязьму на поезде, а от Вязьмы – на попутной машине. Наши соседи отплывают раньше нас. Но скоро и мы собираем байдарку, загружаем её и плывём. Нас провожают коровы, пришедшие на водопой, и пастух с собачкой.

Плывём! Время – около 21 часа. Проезжаем Знаменку, в конце деревни преодолеваем первое препятствие – мостки через реку. Река красивая, но по берегам вместо леса какие-то кусты. Плывём дальше. Надо торопиться – время уже позднее, и скоро станет темнеть. Около какой-то деревни проезжаем наших попутчиков – они уже расположились на ночлег. Но мы плывём дальше. Вот впереди виден лес. Налгаем на вёсла. Места начинаются получше. Плывём и выбираем место. Наконец находим рядом с быстрым фарватером тихий мелкий заливчик с каменистым дном и пляжиком. Рядом течёт ручеёк с ключевой водой. Чуть дальше – костровище с рогульками. Перетаскиваем вещи туда. Быстро темнеет. Папа Игорь лезет на крутой склон за дровами. Там растут восемь сосен.

Горит костёр, расставлена палатка. Сын Рустам улёгся около костра на матрасе и заснул. Готов ужин. Уже совсем темно. Первый час ночи. Папа Игорь ищет бутылочку и не может её найти. Неужели забыли на берегу, когда собирали байдарку? Мама Кадрия и папа Игорь немножко ругаются. Но вот бутылочка находится. Скоро ложимся спать.

191. День второй. 21 июля 1981 года, вторник. Просыпаемся часов в 10. Пушок слегка кусает папу Игоря. Пушка привязывают и сильно хлещут ремнём. После этого он ходит как шёлковый. Жалко его, но надо его учить. Нельзя кусать хозяина. Завтракаем. Мама Кадрия роняет котелок с вермишелью. Остатки кушает Пушок. А мы с чаем налегаем на огурцы, помидоры, консервы, хлеб, изюм. Все сыты.купаемся.

Опять плывём. Начинаются красивейшие места. Жарко светит солнце. Ветер дует то в спину, то в грудь – то помогает плыть, то

мешает. По берегам встречаются палатки туристов, отдыхающие из деревень купаются в реке. Встречаем рыбаков на резиновых лодках.

Река раздваивается, обтекая длинный остров. Плывём по левому рукаву. Видим хорошее место для купания и останавливаемся. Хорошо в воде! Речку в этом месте можно перейти вброд. Сильное течение сбивает с ног. Плывёшь вверх, а сносит вниз. Дно каменистое и песчаное. Вдруг в кустах начал скулить Пушок. Папа Игорь спешит к нему. Эх, и дурной же ты пёс, Пушок! Зачем ты полез в кусты? Замотался хвостом за какую-то палку и не можешь освободиться. Ещё и рычишь, бессовестный, когда тебя освобождают.

Плывём снова. На правом берегу начинается сосновый бор. Удивительно приятные места для стоянок. В одном месте не выдерживаем и пристаём к берегу. В воде сходни в виде бревна. Наверх тянется тропинка. Поднимаемся и ахаем. Какая чудесная полянка в окружении сосен! Костровище с рогульками, с брёвнами для сидения, с запасом дров. Рядом высокий пенёк, кто-то вырезал из него идола, да не закончил. В отдалении ещё один идол – уже вполне сформировавшийся. А какой вид открывается на реку, на другой берег! Между стволами сосен, стоящих на самом краю обрыва, видна широкая панорама холмов, полей, перелесков. Посередине по склону холма лепятся домишки деревни. Это деревня Дрожжино.

Мама Кадрия сразу отправляется в лес за ягодами. Папа Игорь и сын Рустам перетаскивают наверх все вещи, ставят палатку, разводят костёр. Приносят воды – чистой, холодной, ключевой. Родничок выбивается из земли рядом с рекой, рядом со сходнями.

Мама Кадрия приносит ягоды: чернику и малину. Правда, ягод в лесу мало. Только чтобы немного поесть.

Уже скоро закипит вода на костре, но мы решаем сначала искупаться. На пустой байдарке переправляемся на другой берег – там хороший пляжик. Идеальное место для купания! Не глубоко и не мелко. Учим Рустама плавать, и сами барахтаемся в воде. Наслаждение!

Возвращаемся и обедаем. Ещё в этот день мимо нашей стоянки проходит дядя, как будто лесник или что-то в этом роде. Просит закурить, присаживается. Мы угощаем его только что принесённой ключевой водой. Разговариваем. Он берётся уточнить нашу карту. Называет ещё десять деревень, которых нет на карте, указывает, в каких из них есть магазины. В деревнях можно приобрести молоко, лук, огурцы... Воспользуемся. То место, где мы находимся, относится к, так называемому, мешку. Здесь Угра делает большую петлю, километров на 50, образуя как бы мешок, в горловине которого мы и находимся. По прямой дороге до другого конца горловины километров 8-10. Добрый дядя обещает нам сосновый бор во всём мешке, вплоть до впадения реки Вори. Дальше он места плохо знает.

После обеда мама Кадрия, как всегда, занимается собирательством, а папа Игорь и Рустам разговаривают. Папа Игорь рассказывает сыну про мировую историю: от древних греков до монголов и Александра Невского. Попутно обсуждаются мировые религии: христианство, ислам, буддизм и, заодно, иудаизм и еврейский вопрос.

Уже вечером, когда начинает темнеть, мы пытаемся ловить рыбу. Около берега, видно, рыли червяков – земля вскопана, и валяется банка с двумя полудохлыми червяками. Мы пытаемся отыскать червяков, но они куда-то исчезли. Пока мы рыли землю, уползают и два полудохлых червяка. Ловим на хлебный мякиш. Конечно, ничего мы не поймали. А рыбаки ловят. Надо будет узнать, как они ловят, на какую наживку, какую рыбу. Рыбы в реке, видно, много. Мальки так и крутятся у берега, и на середине плещется крупная рыба.

Ужинаем, допиваем бутылочку и ложимся спать. Завтра у Рустама день рождения. Мы его немного сегодня отпраздновали, а завтра продолжим.

192. День третий. 22 июля 1981 года, среда. Первый раз папа Игорь просыпается полшестого утра. Совсем светло. Лает Пушок – мимо нас проезжает телега с лошадьёю. Но вставать нам лень. В семь утра тоже лень вставать. Встаём в 8 часов. Завтракаем.

Приходит наш сосед за водой, к нашему родничку. С ним большая овчарка Фрам. Дурной пёс Пушок лезет к овчарке, бежит за ней вниз к реке. Туда же идёт Рустам. Вдруг раздаётся лай, рычание, скулёж. Рустам кричит: “А-а-а!”. Папа Игорь идёт и видит: овчарка стоит над Пушком и рычит на него. Бедный Пушок лежит на спине, барахтается лапками кверху и скулит и визжит. Хозяин кричит овчарке: “Фрам, ко мне!”. Наконец Фрам слушается и отходит. Папа Игорь забирает дрожащего перепуганного Пушка. Дурачок ты, Пушок. Совсем глупый пёс. Ну, куда же ты полез на овчарку – ведь она в 4 раза больше тебя! Вот так тебе и надо – не будешь приставать. Это почище, чем ремень папы Игоря. Пушок, поджав хвост, уползает в палатку. Мы привязали его, но вскоре он уже рвётся на волю. Отпускаем Пушка, он садится рядом с папой Игорем – своим защитником от овчарки.

Скоро надо плыть. Над нами прошла туча, погромела громом, попугала дождём и ушла. Синее небо, солнце светит. Папа Игорь сидит на надувном троне и пишет “Жизнеописание”, а мама Кадрия и Рустам собирают вещи. Пора и папе Игорю помогать им.

Плывём. Проезжаем деревню Дмитровка. Согласно расписанию. Сегодня не жарко. То слева, то справа грохочет гром. Какая-то туча то ли нас преследует, то ли мы её. Иногда капает дождь, иногда светит солнце, иногда всё одновременно. Дует ветер. Мы хотим

добраться до деревни Расолово, там должен быть магазин. Постепенно дождь кончается. Тучи разлетаются, но ещё разные облака плывут. Подъезжаем к Расолово, одеваемся и хотим идти в магазин, но выясняется, что никакого магазина там нет. Раньше был, а теперь нет.

Плывём дальше. Проплываем Новую деревню по правому берегу. Плывём и плывём. Ветер крепчает. По реке пошли волны. Уже есть и белые барашки. Ветер дует прямо нам в грудь. Грести тяжело. Начинаем искать место для стоянки. Одно место вроде бы хорошее, недалеко деревенька. Но что-то нам не нравится, и мы плывём дальше. Ещё одно место, с костровищем. Но, увы, там кто-то нагадил посреди полянки. Плохие люди. Плывём дальше. Осматриваем разные места. То занято, то не нравится нам.

Проплываем по протоке мимо небольшого острова. А там голые мужики. Один загорает, другой, увидев нас, с гоголом валится рядом на песок. Мама Кадрия отворачивается и демонстрирует спортивную греблю.

Плывём дальше. Уже большие волны на реке. Эх, надо было останавливаться на первом подходящем месте. Вскоре проезжаем деревню Ивановское. Там есть магазин, но он работает до 17 часов (с 10 утра), а сейчас уже 17.30. Думаем немного проплыть и остановиться. Но нет подходящих мест, и мы всё плывём дальше.

Ветер стих, небо прояснилось. По правому берегу тянется ряд палаток соответственно подходам к воде. На берегу стоят сосны, чуть в отдалении от воды. Доплываем почти до конца этого соснового места и находим незанятую стоянку. Здесь мы и выгружаемся.

Горит костёр, готовится ужин (или обед?). Уже 9 вечера. Бессовестный Пушок наелся где-то дерьма. Второй раз за сегодняшний день. Привязываем его к пню.

Вдруг подъезжает человек на лошади с ружьём и в форменной фуражке. Это оказывается егерь. От деревни Станино до впадения Вори государственный заказник. Всякая охота и рыбная ловля запрещены. Вообще-то такую табличку мы встретили на острове посреди реки в районе дер. Станино. Но мы же не охотники и не рыболовы. Егерь сказал, чтобы мы поаккуратнее с костром. Утром нам следует отплыть дальше. А кто хочет отдохнуть долго, тот должен ставить палатку вблизи селения, а не в лесу. Рядом есть, кстати, дер. Курёнки. Магазина в ней нет. Ближайший магазин в Федоткино. По словам егеря, мы сегодня проплыли от Дрожжино примерно 30 км, а до р. Вори осталось примерно 40 км. Туристы, говорит егерь, должны проплывать в день 25-30 км. Так что мы сегодня норму выполнили. Между прочим, на удочку в заказнике рыбу ловить можно. А вот с собаками быть нельзя. Они звериную молодёжь пугают и

ловят. Даже пастухи не имеют право собаку использовать, одного пастуха на 25 руб. оштрафовали. К нашему Пушку это вряд ли можно отнести – он больше по дерьму специалист. В лесах здесь водятся звери: лось, лиса, кабан, волк, белка, енот, барсук, куница пробегает и даже рысь встречается. Егерь отказался от чая, сказав, что “мужчины чай не пьют”, и поехал инструктировать других туристов. Папа Игорь пишет “Жизнеописание”, но уже пора есть суп. Суп мама Кадрия сварила преотменнейший. Пальчики оближешь! После ужина вскоре ложимся спать.

193. День четвёртый. 23 июля 1981 года, четверг. Проснулись утром часов в 10. Папа Игорь немного заклеил пластырем задиры на байдарке. Позавтракали, собрались и поплыли. Проплыли мимо дер. Курёнки справа по берегу недалеко от нашей стоянки. Мы хотели доплыть для начала до дер. Федоткино – там есть магазин. Плывём. Ветер сильный. На открытых местах волны, а под защитой леса хорошо, вода спокойная. Догнали четыре байдарки. Они плывут вместе. Весь день то мы их немного обгоним, то они нас. Пушок облаивает байдарки, но не особенно активно – надоедает и ему лаять. Плывём и никак не можем доплыть до Федоткино. Уже и на берег выходили, смотрели кругом. Наконец видим впереди, справа на берегу деревню. Это Федоткино. Мама Кадрия и папа Игорь идут в магазин. Он работает до 19 часов, а сейчас 17 часов. Покупаем разных супов и каш в пакетах, вафли, ириски. Мы уже проголодались, по дороге ели изюм – очень хорошая вещь, изюм! Теперь съедаем по вафле и плывём дальше.

В Федоткино в магазине хлеба не бывает. Жители пекут его сами из муки. Но нам говорят, что ниже по реке, в 7 километрах есть дер. Абрамово. Там магазин тоже работает до 19 часов, и туда уже привозят хлеб, и вообще магазин побогаче. В Федоткино мы расспрашиваем насчёт молока, овощей. Оказывается, в деревне много дачников, и вряд ли мы найдём молока. Искать мы не пытаемся.

Абрамово находится на левом берегу реки. Но мы решаем не заходить в магазин, и проплываем мимо. Уже устали грести, ищем место для стоянки. Вскоре после Абрамово на повороте реки, справа открывается прекрасный песчаный пляж. Сосновый лес чуть в отдалении. На берегу уже стоит одна байдарка, но места ещё много. Однако мы, как всегда, решаем плыть дальше. Вот такие мы энтузиасты. Те лодки, что плыли вместе с нами, вероятно, остаются на этом пляже. Мы в этот день их больше не видим.

После поворота направо по левой стороне реки лес на крутом склоне. Прельстительные отмели и песчаные мели. Но подходов к берегу нет – заросли тростника и прибрежных кустов. Плывём дальше. Видим впереди по правому берегу ещё одну деревню. Называется

Песково. В ней магазина нет. Нам говорят, что дальше будет деревня Старая Лука. Река плавно поворачивает налево.

По левому берегу находим хороший подход. Дно песчаное, ходить по нему одно удовольствие. Вблизи берега совсем мелко, дальше дно медленно понижается и где-то на середине реки воды уже по грудь, а дно понижается и дальше. На противоположном берегу крутой склон, поросший сосновым лесом. На нашем берегу чуть в отдалении от берега стоит сосновый бор. Есть место для стоянки: костровище, брёвнышки для сидения, примятая трава – там, где стояла палатка. Дров очень много, совсем рядом поваленные сосны. Разводим костёр. Сосновые дрова горят ярко и жарко. На ужин у нас гречневая каша с молоком и рыбные консервы “Минтай”, чай с лимоном и сахаром.

Мама Кадрия, конечно же, бродила в окрестностях и собирала малину и чернику.

Вечером мы сидим у костра и играем в “морской бой” втроём. Папа Игорь соорудил “икебану” из сосновой коры. Потом стемнело. Мы разговаривали – сначала у костра, потом в палатке. Сын Рустам делился с нами своей мечтой о шкатулке бордового цвета с голубой крышкой на пружинах, которая при захлопывании должна издавать определённый звук. Потом Рустам рассказывал, какие цвета и какие звуки ему нравятся, а какие нет. И, наконец, Рустам делился с нами своими впечатлениями от посещения Оружейной палаты. Очень интересно рассказывал Рустам о шкатулках, часах с ангелами, орлами и жемчужинами, о сервизах, оружии и прочем. Потом мы уснули.

194. День пятый. 24 июля 1981 года, пятница. *Мама Кадрия проснулась в 8 часов и пошла за ягодами. Папа Игорь встал около 10 часов и стал мыть посуду и умываться. Вскоре к нему присоединился Рустам, а потом и мама Кадрия с Пушком.*

На завтрак был суп из двух разных пакетов (картофельное пюре и вермишель с мясом) и консервы “Кильки в томатном соусе”. И, конечно, чай с лимоном и малиной. После завтрака мы пошли за ягодами. Ох, как много здесь малины! Мы собрали целый котелок. Жалко, что нет песка и стеклянной банки, и нельзя сварить варенье. Черники мало – она уже отошла. Но мама умудрилась набрать маленькую кружку земляники! Сейчас мы собираем вещи, чтобы плыть дальше, а папа Игорь заканчивает писать “Жизнеописание”.

Опять плывём. Угра – река сравнительно полноводная. Даже в районе Знаменки она полноводнее Дубны в районе Вербилкок. Иногда встречаются большие валуны, обещанные нам в описании в книжке “Водоёмы Подмосковья”. Но вообще крупных камней мало, большинство из них лежит на достаточной для прохождения байдарки глубине. На камни напороться трудно. Но на Угре часто встречаются отмели и перекаты с мелкими камешками. Несколько раз мы

проезжались по ним “брюхом”. От этого образуются мелкие задиры. Во время плавания на дне байдарки, как раз под папой Игорем, который сидит сзади, скапливается вода. Но немного – не выше поперечных планок на кормовом кильсоне. Изредка папа Игорь использует клизму. После того как мы заклеили задиры пластырем, воды стало набираться меньше. Хотя пластырь частично отлепился, и образовались ещё задиры в результате ползания на “брюхе”. Наверное, если бы папа Игорь не ленился почаще выпрыгивать из байдарки на мелководье, задиров почти бы не было.

Всё же в основном дно реки песчаное. Прекрасный мелкий песочек. Ступать по нему – одно удовольствие. Вода очень чистая, прозрачная. Там, где не очень глубоко, хорошо видно дно. Часто дно понижается уступами, и его рельеф напоминает барханы пустынь. У берега, там, где есть водоросли и тростник, дно бывает илистое, но в целом дно Угры гораздо приятнее дна Дубны. Плывём и видим, как плавают рыбки. Очень много мальков на Угре, да и вообще рыбы много. Жаль, что мы не ловим её. Один раз совсем рядом с байдаркой проплывает целый косяк рыбы. Это не малёк, хотя и не очень крупная рыба, молодая. Мы поздно сообразили, а можно было бы погнаться за косяком и попытаться поймать рыбу каким-нибудь платком, мешком или просто руками.

На дне Угры есть ракушки моллюсков, часто их бывает довольно много. Мама Кадрия говорит, что это от чистоты воды – в Дубне, где вода вообще-то тоже не грязная, да и в других реках Подмоскovie моллюски уже не живут. Угра часто петляет, образует протоки, острова, заливчики. По берегам много леса. Крутой, высокий берег обычно бывает поросший лесом до самой воды. На более низком берегу лес немного отступает от реки, метров на пятьдесят, и между ними ровное место – луг или поле. Если бы подходы к воде везде были одинаково хороши, на Угре можно было бы останавливаться на ночлег почти в любом месте. Но бывает так, что и лес хорош, и наверху, на ровном месте полянки красивые, однако у берега тростник, кусты и крапива мешают проходу. А иногда открываются прямо-таки идеальные пляжики с мелким песочком, постепенным понижением дна и соснами невдалеке.

Лес по берегам Угры смешанный. Тут и ольха, и берёза, и осина, и ель, и сосна. Главное, конечно, сосна. Часто на опушке леса стоят прекрасные золотистые сосны, под которыми так и хочется расположиться. Есть и большие сосновые боры, в которых совсем нет подлеска. Опавшие иголки и сухой мох хрустят под ногами. Это лето очень жаркое и очень сухое. На опушках много сухой травы, которая вспыхивает от огня, как порох. Дров на Угре много, в этом мы совсем не испытываем нужды. Мы даже стали привередничать – подавай нам непременно сухие сосновые ветки да ольховый сухостой. И чтобы всё

уже было срублено и свалено. Чтобы только подбирать и раскалывать на ровные полешки и палочки. И стоянку мы выбираем такую, чтобы все условия соблюсти: и дно песчаное, и чтобы не глубоко было, и подход к воде должен быть хороший – подавай нам протоптанную тропинку, и полянка должна быть ровной на опушке леса под редкими деревьями, под соснами, ну, может быть, ещё и ели или берёзы пусть стоят, и чтобы костровище уже имелось, а если оно без готовых рогов и нет рядом готовых брёвен для сидения, то это уже не очень хорошо. Вот какие мы стали привередливые!

В этот день мы отправились в путь уже поздно. Проплыли деревню Старая Лука. По дороге мы видели коров на водопое. В этих местах все коровы непривычного нам мышинного цвета. Видели дикую утку. Часто на обрывистых берегах склон под самым обрывом усеян мелкими дырочками – это норки ласточек-береговушек. Мы видели, как они влетали в свои норки и выпархивали оттуда. Чем дальше, тем больше встречается туристов и рыболовов. Здесь их больше, чем на Дубне. Многие приезжают на автомашинах. Наверное, нам надо было вставать пораньше и пораньше начинать плавание, чтобы раньше других занять хорошее место для стоянки. А мы почти всегда ищем место уже вечером, плывём позже других. Но так сладко спать поутру! Надо бы раньше ложиться спать, но так хорошо вечером, когда после жаркого дня наступает прохлада. Не хочется уползать в палатку. В результате мы встаём по утрам часов в 10 – совсем обленились!

Делаем остановку у деревни Кобелево (на левом берегу) и идём в магазин. Мама Кадрия явно злоупотребляет возможностью посещать магазины на Угре. Ничего себе поход – ходим в магазин чуть ли не через день! В Кобелево мы покупаем овощную икру в банках, пряники, хлеб, сахарный песок для малины и пластмассовый бидон для малины же. Отъехав немного от деревни, останавливаемся на берегу. Покупаем, перекусываем. Плывём дальше. После перекуса есть не хочется, и мы полны решимости плыть и плыть. А время между тем уже близится к вечеру. Проплываем устье Вори – остался позади государственный заказник. В месте впадения Вори расположена дер. Александровка – магазина в ней нет.

Начинаем искать место для ночлега. Нам нужно очень хорошее место, потому что мы хотим сделать днёвку. Но время позднее, и места заняты. Мы всё плывём и плывём. Уже 8 часов, 9 часов. Скоро стемнеет. Проплываем какой-то палаточный городок. Пора, пора останавливаться. 10 часов. Всё, дальше искать бесполезно. Нет времени. Надо было раньше останавливаться, были хорошие места. Но мы перекусили, есть не хотелось, хотелось плыть, и вот результат. Причаливаем на первое подходящее место. Располагаемся, как и в первую ночь, на лугу около реки. Лес недалеко, но плохой – сосен нет.

Папа Игорь тащит ольховый сухостой – дерево всё-таки было срублено не нами. Надо было лишь порубить его на поленья и притащить. Костровище без рогулёк – приходится самим делать. Горит костёр, расставлена палатка. Мама Кадрия перебирает малину, засыпает её песком.

Уже темно. 11 часов, идёт двенадцатый. Готов чай, Рустам его разливает. И вдруг... Крик, вопль, Рустам катается по земле и кричит: “Ой, ой, ой, мама!”, Пушок лает испуганно. Что такое? Рустам ошпарился чаем из кружки. Папа Игорь сдёргивает с него тренировочные брюки. Ошпарена нога, немного рука, тело предохранила куртка. И как это Рустам умудрился вылить на себя чай? Мама Кадрия тащит топлёное масло, подсолнечного у нас нет. И, конечно, мы не взяли никаких лекарств от ожогов – кто же знал?! На ноге большой волдырь. Смазываем всё маслом, завязываем бинт. Рустам причитает: “Ой, зачем я баловался! Ой, зачем только я брал этот чай! Ой, что теперь будет! Ой, как всё было хорошо! Ой, что ж я такой невезучий!».

195. Когда я читаю это место походных записок, я плачу, потому что Рустам умер, а я причитаю: «Ой, как всё было хорошо! Ой, что ж мы такие невезучие!».

196. *«Потом Рустам начинает задавать вопросы. Его интересует, не отвалится ли у него нога. Мы его успокаиваем, и съём в рот таблетку валерианы. Брали мы это лекарство, чтобы Пушка успокаивать, чтобы не гавкал попусту, а пришлось успокаивать Рустама.*

Залезаем в палатку, пьём чай. Первый час ночи. Рустам потихоньку успокаивается. Хорошая, говорит, таблетка. Засыпает. Ложимся и мы. Сначала не спим, потом всё же засыпаем.

197. День шестой. 25 июля 1981 года, суббота. *Просыпаемся. Быстренько завтракаем остатками вчерашнего супа и чаем. Мама Кадрия вчера вечером для скорости сварила суп из единственной дефицитной банки “вермишель с мясом”. Спешка и злосчастный ожог не дали возможности нам оценить этот дефицит по достоинству. Утром суп уже не тот, да и мы думаем совсем не о том. Теперь нам надо искать не место для стоянки, а медпункт, аптеку, врача или фельдшера.*

Папа Игорь заявляет, что он пал духом. Тем не менее, павший (или даже – падший) духом папа Игорь вместе с мамой Кадриёй упаковывают вещи. Садимся в байдарку и плывём. Раненый Рустам сидит в середине на надувном матрасе и изредка интересуется насчёт отпадения ноги и ставит под сомнение необходимость медпункта, опасаясь больницы. Мы говорим, что больница ему не грозит.

Плывём мы не долго и видим на правом берегу, на повороте реки маленький причал с катерами, лестницу, ведущую наверх, и дома

наверху. Это оказывается спортлагерь МВТУ им. Баумана. У них есть медсестра. Папа Игорь остаётся в байдарке, а мама Кадрия и Рустам поднимаются в лагерь. Через полчаса они возвращаются. Рустаму сделали повязку с мазью Вишневского, завтра утром – снова перевязка.

Теперь нам надо искать место для стоянки неподалёку. Мы немного отплываем и за поворотом реки причаливаем к левому берегу. Лес здесь на некотором отдалении от воды, их разделяет поле – овёс с горохом. На опушке леса стоят палатки – на приличном удалении друг от друга. Мы находим свободную полянку с костровищем и свободный подход к воде. Имеется и тропинка через поле. На нашей полянке – сосны и берёзы. Дальше в лесу много дров. Разводим костёр, готовим еду и чай. Отдыхаем на спальниках, на ветерке. Правда, предварительно приходится очищать место от шишек.

Рустам читает, а папа Игорь и мама Кадрия идут в лес на прогулку. Самое главное – продраться сквозь узкую полосу кустарника и крапивы. Дальше – сухой сосновый бор, поля, за ними лес, лес, лес – до самого горизонта. В сосновом бору видим полузасыпанные ветками, иголками и землёй окопы, видимо, времён войны. Островками встречается малинник. Ягод много, хотя не вся она крупная. Вся красная, но много мелочи. Это следствие жары и сухости. Наедаемся и набираем кружку для Рустама – большие посуды с собой не захватили, да и лень собирать.

Возвращаемся. Ставим палатку. Папа Игорь роет ямку, получается погребок для бидона с малиной и масла. Ужинаем гречневой кашей. Мама Кадрия варит горох – хотим попробовать ловить на него рыбу. Темнеет, идём к реке смотреть рыб. Мама Кадрия видела больших, когда мыла посуду. Но сейчас уже темно и ничего не видно. Перетаскиваем байдарку из прибрежных кустов к месту стоянки. Собираемся ложиться спать, разговариваем. Засыпаем.

198. День седьмой. 26 июля 1981 года, воскресенье. Встаём в 10 часов. Завтракаем. Вермишель с “килькой с овощами” и чай с лимоном, сахаром, изюмом, пряниками, хлеб. После завтрака папа Игорь и Рустам плывут в спортлагерь на перевязку. Вверх по течению грести гораздо труднее, добираемся за 25 минут. Теперь повязка с другой мазью. Завтра из лагеря медсестра уезжает, перевязку поедом делать сегодня вечером. А потом поплывём дальше. В пути будем искать медпункты в деревнях. Должно ещё быть Беляево – оно даже есть на нашей карте, а там и Юхнов недалеко.

Сегодня у нас днёвка. Мама Кадрия читает – впервые за весь поход появилось свободное время. Папа Игорь тоже хочет читать, но долг прежде всего, и папа Игорь пишет “Жизнеописание”. Рустам перебирает пакеты с супами и кашами, читает вслух названия и состав. Очень ему нравится эта инвентаризация. Пёс Пушок лежит,

отдыхает в тенёчке около погребка. Всканивает, бежит к краю полянки, осматривает окрестности. Над нами на сосне стучал дятел, теперь перестал – должно быть, улетел. Мы все располагаемся в полутени, мама Кадрия и Рустам – на спальнике, папа Игорь – на надувном троне. Приятно веет ветерок. Надо бы пойти рыбку попробовать половить. Время – 15.20.

Сначала мы ловим рыбку все втроём, не считая собаки. Потом папа Игорь остался один. Рыба горюх не ела, а хлеб весь обрывала с крючка. Наверное, это были мальки. Ничего мы опять не поймали.

Потом мы ужинали. После ужина папа Игорь поехал с Рустамом на перевязку. Одна девочка лет 10-12 всё смотрела, как Рустаму ногу перевязывают. Наверное, она собиралась стать врачом. Рустам за терпение заработал шоколадку. Он вообще-то отказывался, но поскольку ему её обещали, Рустам шоколадку взял. И там же съел её, потому что до стоянки она бы растаяла.

На обратном пути папа Игорь и Рустам рассматривали красный надувной плавучий домик на резиновой лодке. А потом впереди из кустов вдруг выплыла дикая утка, взлетела и с кряканьем полетела на другой берег. А чуть дальше мы увидели выводок утят. Их было штук 10. Мы проплыли совсем близко от них. Утята поплыли от нас в тростник, забарахтались, и мы не стали ближе к ним подплывать. Рустам решил, что та утка была их мамой, и она нарочно взлетела, чтобы отвлечь наше внимание от утят.

Обо всём этом мы рассказали маме Кадрие, когда вернулись. Вечером мы поговорили и легли спать.

199. День восьмой. 27 июля 1981 года, понедельник. Утром после завтрака мы поплыли дальше. Сначала мы проплыли деревню Беляево. Там нам сказали, что до Юхнова плыть километров 30. Потом мы проплыли мимо двухэтажного каменного дома на правом берегу над заливчиком. Это оказался дом охотника Министерства обороны СССР. Об этом нам сказал дядя в лодке. Дядя был толстый, и Рустам предположил, что это от “дикого утячьего мяса”. В доме охотника медпункта не было. Ещё дядя нам сказал, что до Юхнова плыть километров 15-20. Мы подумали, что, наверное, сможем сегодня доплыть до Юхнова. И мы поплыли дальше.

Мы плыли и плыли. Берега были усеяны автотуристами, которые часто располагались целыми лагерями. Наконец мы доплыли до деревни Бараново на правом берегу. Сразу за деревней находился Юхнов. На берегу шумело какое-то предприятие. Мы причалили к камням, привязали лодку и Пушка, и пошли по тропинке вверх. Наверху был сосновый бор, и проходила дорога. Мы пошли по дороге влево и вскоре увидели шоссе и автовокзал на нём. Около автовокзала мы купили у бабушки яблок и узнали, как пройти в больницу.

Мы долго шли в больницу. По дороге пили воду из колонок, что стояли на перекрёстках. Наконец дошли до больницы. Там врач из “скорой помощи” перевязал Рустаму ногу. Опять мазь Вишневского. Теперь перевязку надо делать через день. Из больницы мы пошли обратно другой дорогой, через центр Юхнова. По мостику пересекли речку, впадающую в Угру. Юхнов приятный городок. Он больше похож на большую, ровно распланированную деревню или дачный посёлок. Дома в основном одноэтажные и самые разные. И деревянные избы, и кирпичные домики. В центре магазины, ресторан и пивной бар. Если бы мы были получше одеты, мы могли бы зайти в ресторан и пообедать. Но ещё мы беспокоились за Пушка. Уже почти 2 часа, как мы отсутствовали. Мы купили кое-каких продуктов в магазинах, в частности, пряники, пирожки с мясом и рисом, и бутылочку “Осенний сад” (17,5⁰, 1 р. 27 к.). Наконец мы вернулись к нашей байдарке и нашему верному сторожу Пушку.

Поплыли дальше. Время уже близилось к вечеру. Мы хотели найти место недалеко от Юхнова, но не нашли. Берега были усеяны автотуристами и отдыхающими. Все купались. Одно место мы осмотрели, но оно нам не понравилось, и мы поплыли дальше. Решили, что плывём ещё максимум час и останавливаемся.

Так мы плыли и вдруг увидели впереди мост через реку. Это был первый мост на Угре после Знаменки. По нашей карте мы определили, что доплыли до Колыхманово. Проплыли под мостом и на левом берегу увидели целый городок автотуристов. С берега какие-то дяди крикнули Пушку, чтобы он плыл к ним, бросил своих хозяев. Но верный Пушок остался с нами и совсем даже не потому, что был привязан, а потому, что он нас не бросит, и к нам уже привязался. Мы остановились невдалеке от автотуристов. Место не ахти какое, но не так уж плохо. От воды небольшой подъём, потом узкая полоса ровного места и крутой склон, поросший лесом. Конечно, растут сосны. В этом месте почему-то ужасно много лягушек. А Рустам их не любит. Он говорит, что не боится лягушек, но они противные, скользкие. Рустам всё вскрикивал: “Ой! Ой! Ой! Ох уж эти лягушки!”.

За ужином мы открыли бутылочку. Папа Игорь стал очень добрый, как сказал Рустам. И мы хорошо поговорили про разные вещи. Папа Игорь, по словам Рустама, как один дядя из “Песочных часов” Каверина. В одно время суток он добрый, а в другое время – не очень. Папа Игорь сказал, что он добрый, когда поест и всё в порядке и можно отдыхать.

Потом мы легли спать.

200. День девятый. 28 июля 1981 года, вторник. С утра Рустам был навший духом. Он просился в Москву и никак не хотел снимать носки, брюки и свитер, хотя было уже жарко. Ещё вечером ему не нравились лягушки и

автолюбители. Рустам с мамой Кадриёй обсуждали меры пресечения автолюбителей, а мама Кадрия не хотела использовать чайник, висевший на дереве, опасаясь, что автолюбители в него налили что-нибудь нехорошее из вредности.

Мы собрались и поплыли. Хотя утром папа Игорь опять заклеивал байдарку пластырем, она всё так же немного протекала. Но в этот раз клизма была куда-то далеко засунута, и мы ею не пользовались. В общем-то, за день воды набралось немного.

Сначала мы доплыли до деревни Палатки. Ещё издали мы увидели возвышавшиеся над кромкой леса башенки. Это было похоже на древний замок. Рустам всё просил пристать к берегу и сходить посмотреть замок. Так мы и сделали. Замок оказался полуразрушенной церковью, рядом было маленькое кладбище с могилами 70-х годов. Дальше находилась деревня.

У берега мы набрали ключевой воды в банку, и сами напились, и поплыли дальше. Мы проплыли Олоньи Горы. Искали место для стоянки, но не нашли ничего достаточно хорошего. Проплыли ещё один автолюбительский палаточный городок с флагом на вершине сосны – не поленились залезть наверх автолюбители. Мы всё плыли и искали место. Уже надоело грести, и мы уже устали, как вдруг папа Игорь увидел после поворота реки подход к воде на левом берегу и сразу причалил. Раньше на берег выходили по очереди то мама Кадрия, то папа Игорь. Теперь решил выйти посмотреть место Рустам. С ним пошёл папа Игорь.

Мы немного поднялись от воды наверх по песчаной тропинке, пересекли полосу скошенного сена и слабо различимые колеи дороги и ахнули. Прекрасный лес! Три самых красивых вида деревьев: сосна, ель, берёза. Полянка. Костровище с роговками и палкой. Прислонённая к дереву стоит метла. И главное – стол с двумя лавками! Идеальное место! На столе лежала даже варёжка для снятия котелков с огня. Были заготовлены дрова. Рустам сам рассказал обо всём этом маме Кадрие, и мы стали, не мешкая, вытаскивать вещи из байдарки.

Ярко горит костёр. Первым готов чай со смородиновыми листьями, которые мы нашли на берегу. Мама Кадрия делает дополнительно лимонный напиток. Охлаждённый – он великолепен! Едим овощную икру, вскрываем банку рыбных консервов, остатки хлеба доедаем с луком и солью. Обедение! Когда готов суп, мы уже немного наелись. Но суп таков, что съедается без остатка. Картофельный суп без всяких пакетов!

После еды мы валимся на спальник, расстеленный в тенишке. Рустам делает маме Кадрие и папе Игорю свой знаменитый массаж спины. У папы Игоря от обжорства болит живот, когда на него

нажимаешь. Потом папа Игорь садится писать “Жизнеописание”. Рустам отправляется на прогулку.

В этот день мы успели и искупаться, кроме Рустама, конечно. Дно в этом месте превосходное! Когда уже начинает темнеть, мы отправляемся на прогулку. Нас ведёт Рустам. Он вручает каждому специальный посох. Один посох особенно хорош: с еловой шишкой наверху. Мы видим поле, идём по дороге, что проходит мимо нашей стоянки. Разглядываем мощные дубы. Один дуб особенно поражает воображение. Огромное разросшееся дерево, ствол в три обхвата. Частично дуб разворочен молниями, но он ещё силён. На таком дубе мог бы сидеть соловей-разбойник. Когда папа Игорь качает огромную ветвь, кажется, что сейчас засвищет, закричит по-соловьиному, по-разбойничьи...

Темнеет и мы ложимся спать.

201. *День десятый. 29 июля 1981 года, среда. Утром мы думаем, делать ли днёвку или плыть дальше? Уж очень хорошее место для днёвки! Но что делать с ногой Рустама? Сегодня её надо перевязывать. Но тут из палатки вылезает Рустам и испуганно говорит, что повязка у него сползла. Действительно, сползла. Только марлевая салфетка прилипла к ране. Делать нечего – будем перевязывать сами. Этим занимается мама Кадрия. Рустам лежит на спальнике и дрыгает здоровой ногой. Папа Игорь ходит кругом и курит. Нога оказалась лучше, чем мы ожидали. Уже подживает. После перевязки стало ясно – делаем днёвку.*

Завтракаем. Мама Кадрия идёт на реку – у неё постирушка. Папа Игорь ремонтирует погнувшийся кол для палатки, потом садится писать “Жизнеописание”. Мимо нас ещё вчера проходили тракторы на работу, вечером проехала одна машина. Утром проехал трактор с механизмом для ворошения сена. Но эти тракторы не мешают – они почти часть окружающей природы. Даже Пушок не лает – развалился в тени под столом, как хрюшка. Рустам выполнил спецзадание – сходил к трактористу с картой в руках и узнал, где мы находимся. Мы проехали дер. Горячкино, но до Плюсково ещё не доплыли.

Утренний трактор, оказалось, не ворошил сено, а сгребал в ровные полосы. Сейчас мимо нас проезжают два трактора со специальными машинами, которые собирают сено в большой бункер. Техника на грани фантастики!

В этот день папа Игорь и мама Кадрия купались. Мама Кадрия сделала Рустаму кораблики из сосновой коры и научила самого делать кораблики. Рустам играл с корабликами у берега. Потом папа Игорь собрался рисовать традиционный походный рисунок, а мама Кадрия и Рустам захотели ехать в магазин, в Плюсково, до которого, по словам

проезжего велосипедиста, было километра 3. Папа возражал против магазина. В конце концов, привязали Пушка у палатки и поплыли.

Плывём-плывём, а деревни нет. На берегу у девочек спрашиваем, где Плюсково. Недалеко, говорят, за поворотом. Плывём за поворот – деревни нет. Опять спрашиваем у рыбаков, где Плюсково. Недалеко, говорят, за поворотом. В общем, мы плыли 50 минут. Папа Игорь был совсем злой. Он остался на берегу, а мама Кадрия и Рустам пошли в магазин. Купили рыбные консервы, солянку в стеклянной банке, чёрный хлеб и ирисок. А бутылочку не купили. Говорят, она плохая – для здоровья вредная. Ладно, поплыли обратно. Обратно плыть – совсем другое дело. Иногда течение такое сильное, что совместные усилия папы Игоря и мамы Кадрии едва продвигали лодку вперёд. А Рустам вскрикивал: “Ой, мы не движемся! Ой, мы назад плывём!”. И всё просил маму Кабрию или папу Игоря выйти из байдарки и изобразить Гулливера в стране лилипутов. Один раз папе Игорю пришлось выйти и изобразить Гулливера, потому что было мелко. На всё путешествие в магазин у нас ушло 3 часа. Под конец папа Игорь стал уже не такой злой, потому что, во-первых, ему надоело злиться, а, во-вторых, Рустам всё уговаривал его стать добрым и улыбаться.

Ещё по дороге из магазина мы жевали чёрный хлеб. А когда приехали, мама Кадрия приготовила жареный хлеб. Объедение! После ужина папа Игорь тоже сделал Рустаму кораблик – авианосец с жестяными самолётками и якорями. Потом папа Игорь делал разных зверюшек: телёнка и дикобраза. Рустам делал кораблики сам.

Вечером мама Кадрия позвала всех к реке. Там, говорит, огромная рыба-хищник. То ли щука, то ли сом. Мы увидели, как шёл от этой рыбы длинный густой косяк малька. Папа Игорь пошёл побродить по воде, но хищник уже давно уплыл куда-то.

Спать мы легли рано – в 10.30.

202. День одиннадцатый. 30 июля 1981 года, четверг. Сегодня мы поплывём дальше. Время – 12 часов. Всё уже собрано. Мы поели гречневую кашу на сгущенных сливках. Рустам вымыл посуду. Мама Кадрия приготовила в дорогу лимонный напиток. Пьём чай. Пёс Пушок от каши отказывается. Видно, тоскует по московской косточке. Ничего, скоро уже близок конец путешествия.

Опять плывём. Сегодня сильный ветер навстречу. До Плюскова добираемся за те же 50 минут, хотя гребём весьма активно. После Плюскова, сидя в лодке, жуём хлеб с изюмом и запиваем лимонной водой и чаем. Сосём ириски. Пристаём к берегу, и мама Кадрия собирает ежевику. Есть отлично оборудованная пустая стоянка, рядом автотуристы. Но нам надо плыть дальше. Ещё одна ежевичная остановка. Мама Кадрия встречает на берегу змею. То ли уж, то ли гадюка. Рустам сидит в лодке и поет – рядом в водорослях виднеется

голова огромной лягушки. Папа Игорь от нечего делать пишет “Жизнеописание”, сидя в лодке, и обещает Рустаму врезать веслом за нытьё. Рустам просит прогнать лягушку. Папа Игорь тыкает в неё веслом, и она прыгает в сторону Рустама. Крик! Рустам мгновенно оказывается на середине лодки, перелетев через шпангоут. Книга “Тореадоры из Васюковки” оказывается в воде и плавает. Папа Игорь совершает обещанное врезание и велит Рустаму достать книгу. Но Рустам лежит на дне лодки и ревёт. Папа Игорь достаёт книгу, срывает мокрую обёртку. Возвращается мама Кадрия, интересуется, что случилось. Плывём дальше.

В этот день из-за ветра плохо плыть. Наконец добираемся до Пахомово. Решаем немного отплыть дальше и остановиться. Рустам видит по правому берегу стол со скамейками. Это теперь его больше всего интересует на стоянках. Причаливаем к настоящим мосткам, довольно далеко уходящим от берега. Папа Игорь и Рустам идут осмотреть место. Пологий склон, затем ровная площадка, на которой группа мощных дубов. Под дубами как раз и находится стол со скамейками, ещё около самых стволов – что-то вроде этажерки. Чуть дальше с одной стороны – костровище, с другой – место для палатки. Тут, видно, стоял целый дом, наша палатка занимает только половину площадки, покрытой ровным слоем сена. А дом был ещё больше – это видно по выкопанному ровику, окружающему место. Вероятно, под тентом находился низенький столик – от него остались четыре ножки.

С этого места открывается очень красивый вид на реку и её долину. Вечером ветра уже нет. Поверхность воды не шелохнётся, и в неё, как в зеркало, глядятся прибрежные кусты. Маленькие лужки вдоль реки, полянки, лес. Выше нашей стоянки – крутой склон, поросший молодыми дубами вперемежку с берёзой, осиной и прочей лиственностью. Папа Игорь поднимался наверх и видел большой луг с одинокой сосной на краю, и за лугом лес, лес, лес.

Рустам в восторге от этой стоянки. Раньше, говорит, цари под дубами обедали. А теперь мы расположились под дубом, как цари. Мы развели костёр, приготовили ужин, съели его. Покрутились ещё немного: кто бродя по окрестностям, кто около реки наблюдая за всплесками рыбы, а кто сидя на лавочке и покуривая. Потом легли спать.

203. День двенадцатый. 31 июля 1981 года, пятница. Встали мы утром опять около 10 часов. Отплыли в час дня. Фактически, сегодня последний день нашего путешествия. Мы собираемся доплыть до дер. Балабаново и оттуда автобусом начнём добираться до Москвы.

Плывём. Сегодня ветра почти нет, а когда немного всё же дует, то в спину. Плыть гораздо легче, чем вчера. Быстро доплываем до Никола-Ленивца. Эта деревня с таким странным названием красиво

расположена на высоком левом берегу, на повороте реки вправо. На холме возвышается церковь. Всё-таки для церквей раньше выбирали удивительно удачные места. В наше время дома слишком велики, слишком многоэтажны и слишком прямоугольны, чтобы так же красиво вписываться в природный ландшафт. В крупных городах его и нет вовсе – природного ландшафта.

После Никола-Ленивца плывём до дер. Звизжи. Следующая деревня, обозначенная на нашей карте, – Балабаново. Но мы проезжаем ещё несколько деревень. Сегодня печёт солнце, и мы в последний плавающий день дополнительно поджариваемся. Рустам периодически ноет. Надоело ему уже плыть. В Москву хочется. Разнылся так, что пристаём к берегу. Врезаем. Обтираем холодной водой. Даём в руки весло – трудотерапия. Плывём дальше.

Наконец доплываем до Балабаново. В отличие от Балабáново – районного центра Калужской области, эта деревня называется Балáбаново. Собираемся уже выходить на берег. Но тут купающиеся мужчина и женщина советуют нам проплыть дальше – до Товарково. Там и магазины дольше работают, и автобусы ходят чаще, и есть автобус до Калуги. А от Балáбаново автобусы идут только до Кондрово. До Товарково километров 8.

Мы плывём дальше. Видимо, 8 километров – это по прямой, потому что после часа плавания до Товарково оказывается 4-5 километров. Плывём.

Проплываем сосны на левом берегу, и сразу за поворотом видим на холме многоэтажные дома. Московские, как говорит Рустам. Где-то тут впадает и речка Шаня – сразу и не разглядишь. Так, кусты какие-то. Впереди виден мост. Справа от него на высоком берегу здание, похожее на церковное. Проплываем под мостом и причаливаем к левому берегу. Здесь пляж с кабинками, лодки стоят на приколе.

Оставляем Пушкиа около лодки и идём вверх по дороге к зданиям рабочего посёлка Товарково. В магазине покупаем белые булочки. Объедение! Тут же съедаем пару штук. Идём дальше по улице к автостанции. По дороге покупаем мороженое – одно, последнее. Его съедает Рустам. Дальше на маленьком рынке приобретаем яблоки и малосольные огурцы. Первые оказались кислыми и червивыми, зато вторые – великолепны. На автостанции узнаём расписание автобусов до Калуги. Рядом заходим в универмаг. На первом этаже там продают продукты. Пьём сок, берём пару консервов и две бутылки сливок. Нет сахара – не с чем нам будет пить чай.

Возвращаемся и угощаем булкой Пушкиа. Время уже вечернее, мы решаем не искать уж больно хорошего места для одного ночлега, и переплываем просто на другой берег. Там картофельное поле, рядом ровная поляна и даже костровище есть, дальше лес поднимается. Едва

мы причалили, как упали первые капли. Начинается дождь. Мы быстро-быстро таскаем вещи. Первым делом ставим палатку и накрываем её полиэтиленом. Вытаскиваем лодку. Едва мы забрались в палатку, как дождь пошёл по-настоящему. Еле-еле успели. Сидим в палатке с “видом на город”, пьём сливки с белыми булками, едим малосольные огурцы и грызём яблоки. Хороша всё же цивилизованная еда!

Пушок вырывается кого-то облаивать, под самый дождь. Поводком дёргает за кол палатки, и одна планка сгибается. Чёрт с ней, и так продержимся. Мокрого Пушка укоряют, потому что лупить себя он не даёт – рычит. Но тут дождь начинается с новой силой, сверкают молнии, гремит гром, и Пушок испуганно затихает, жмётся под бок к маме Кадрие. Рустам хочет в Москву. Я, говорит, боюсь за Москву – как она там без нас.

Темнеет. Не понадобился нам сахар – чая всё равно не будет. Идёт дождь. Мы засыпаем.

204. День тринадцатый. 1 августа 1981 года, суббота. Кончился июль месяц, кончается и наше путешествие. Утром дождя нет, но всё кругом мокрое. Палатка под полиэтиленом почти не намочила, хотя и влажная, конечно. Хуже с байдаркой – как её сушить? Солнца нет, да и времени мало остаётся. Мы хотим поспеть на автобус 12.20. До Калуги из Товарково автобусы ходят практически каждый час до 6 вечера, но днём есть трёхчасовой перерыв с 13²⁰ до 15⁴⁰, а мы думаем, что с 12²⁰ и торопимся.

Собираем рюкзаки. Кое-как кладём их в байдарку, садимся сами и переплываем на другой берег. Вытаскиваем лодку сушиться. Сами умываемся и переодеваемся. Утром мы вскрыли одну консерву, но есть пока не хочется.

На настоящую сушку байдарки времени уже не остаётся. Тут ещё с неба какие-то капли падают. Разбираем мы наш корабль. Папа Игорь разбирает, мама Кадрия вытирает детали от воды и песка. Рустам то помогает, то мешает, а большие хулиганит, за что и получает врезание. Торопимся.

Добираемся до автостанции. Скоро подходит автобус. Это не тот “Икарус” с нумерованными местами, на котором мы ехали от Вязьмы до Знаменки. Это обычный автобус, хотя и с закрытой наглухо задней дверью. Туда мы и пробираемся со своим багажом, садимся на рюкзаки. Многие пассажиры стоят. Наверное, много народу, потому что сегодня суббота.

Пушок вертится как заводной, пока папа Игорь не берёт его на руки. Тут он затихает и засыпает умиротворённый. Рустам восседает на рюкзаке с байдаркой около двери и смотрит в окно.

До Калуги едем 1 час. Выбрасываемся из автобуса где-то в центре города. Берём такси за 2 рубля (на счётчике будет 87 коп.) – так мало по московским меркам – и едем на вокзал. Здесь берём билеты. Папа Игорь таскает вещи на платформу, а мама Кадрия покупает мороженое и пирожки с мясом и рисом по 7 коп. До электрички (14.47) есть время, чтобы съесть мороженое и пирожки, покормить тем и другим Пушка, купить ещё пирожков, напиток газированной воды, сходить в туалет, набрать газводы во фляжку, сесть в подъехавшую электричку и перекурить. Едем в Москву! Пушок спит под лавкой, мама Кадрия – на лавке. Рустам читает своих “Тореадоров из Васюковки”. Папа Игорь пишет “Жизнеописание”, последний раз пишет, потому что

205. **КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ И ЕГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ или, как его называет Рустам, ОПИСЬ ПРЕДМЕТОВ, НАЙДЕННЫХ В КАРМАНЕ ЧЕЛОВЕКА-ПРИРОДЫ».**
206. Я читаю эту «Опись», и мне хочется совершить путешествие во времени. Вернуться туда, подойти к лагерю кем-нибудь: лесником, егерем, крестьянином или просто прохожим. Присесть к костру, попросить чаю. О чём-нибудь поговорить, не важно о чём: о том, будет ли дождь, какие деревни есть дальше по реке, про магазины в них... Ничего я им не смогу сказать про будущее, ни о чём не смогу предупредить, ни от чего не смогу отговорить, ничего не смогу посоветовать. Буду просто слушать, и смотреть на этих троих: папу Игоря, маму Кадрию и сына Рустама. И Рустама... Наверное, потому путешествия в прошлое запрещены законами физики, что их не выдержало бы сердце человека.
207. Вернуться в прошлое, оставшись в настоящем. Не как у Фауста: юное тело и старый ум. А чтобы и тело, и ум, и душа были одновременно: и юны и стары.
208. Рустам много раз читал и перечитывал эти походные дневники, даже будучи взрослым. Они и хранились-то в его комнате в Москве, а потом отправились в Липовку, где Рустаму особенно нравилось их листать. Поэтому, даже если бы в них не было ничего интересного, и они были бы не нужны для ткани книги, я бы всё равно постарался опубликовать их. Хотя, наверное, сделать это нужно было раньше, чтобы Рустам тоже мог прочесть их в печатном виде: хоть в Москве, хоть в Липовке. Хотя рукопись в старой толстой тетрадке с коленкоровым переплётом всё же лучше, и иногда даже кажется, будто она ещё чуть-чуть припахивает дымком костра.
209. В свой следующий байдарочный поход Рустик отправился вместе со мной в 1982-ом году, когда ему было девять лет (или восемь, но незадолго до дня рождения). Кадрия с нами не поехала, она работала. Мы плыли от Селигера по реке Селижаровка и дальше по Волге до

Ржева. Нас было около восьми человек на трёх байдарках. Потом были ещё походы.

210. *«УДИВИТЕЛЬНЫЕ И НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И РАЗНООБРАЗНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ, ПРОИЗОШЕДШИЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ УВЛЕКАТЕЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА ДППнеОБ, ДОСТОЙНЫЕ УПОМИНАНИЯ И ПОСЕМУ УПОМЯНУТЫЕ В НЕОБЫЧАЙНО ПРАВДИВЕЙШИХ И ПОДРОБНЕЙШИХ, А ТАКЖЕ ЛАКОНИЧНЫХ И КРАСОЧНЫХ ЛЕТОПИСЬМАХ ПОД ОБЩИМ НАЗВАНИЕМ «19 ДНЕЙ ПО ТВДЖ» с высоконаучными Комментариями вкпе с Лирическим и Топографическим Приложениями, а также с Предисловием Издателя и Иллюстрирующим Фото-Дополнением».*
211. Так назывался дневник, который я вёл во время нашего байдарочного путешествия с Рустамом в 84-ом году. Нас было десять человек: четверо мужчин, две женщины и четверо детей. Кадрия опять работала и осталась в Москве, вместе с Пушком. ДППнеОБ – это четыре байдарки, включая наш «Таймень». Аббревиатура расшифровывается как «Длинные Подозрительные Предметы, не Обёрнутые в Брезент»; по дороге туда до воды, и обратно после воды это были ДПНОБ. ТВДЖ, хотя и созвучно, не имеет никакого отношения к железной дороге и расшифровывается по названиям рек: Туросна-Велеса-(западная)Двина-Жижица. **Летописьма** означает, конечно, «летние письма» или «письма о лете».
212. Я перелистываю этот объёмный труд, рассматриваю фотографии и рисунки, и вспоминаю. Как мы попали под ливень в первый же день на воде, как Рустам выздоровел (он кашлял перед походом), а я заболел, но, наевшись сульфадиметаксина, тоже выздоровел, как, не выходя из лодки, мы собирали грибы, что росли на берегу у самой воды. Вспоминаю сбор брусники и черники, ловлю рыбы, купание. Как сидели у костра, говорили и пели песни. Как плели корзинки из ивовых прутьев (некуда было собирать бруснику). Как Рустам позировал перед фото- и кинокамерами: его зарыли в песок, оставив только голову и поставив рядом кружку с водой. Как дети мастерили деревянное оружие и играли с ним. Как ходили в деревню за молоком. Как мы с Рустамом изо всех сил работали вёслами на Жижицком озере, когда ветер и волны пытались сбить нас с пути. Как...
213. За спиной у меня стоит Рустам и подсказывает: это было вот так, это было там-то, это было тогда-то. Ну, ты что, папа, забыл что ли? Вот на фотографии все четверо детей стоят на большом валуне: самый старший Фима и самый младший Лёша Фурманы, Серёжа Косачев и Рустам – с какой-то сосновой дубинкой в руке сложил губы трубочкой, будто-то что-то насвистывает.
214. Обе женщины, что были с нами тогда в походе, умерли. Миша Фурман с двумя детьми эмигрировал в Америку. Умер Шурик Гавердовский.

Серёжа Косачев, на три года младше Рустама, считал его своим другом детства. Они особенно подружились в нашем первом байдарочном походе по реке Белой в Южном Урале. У Серёжи всё хорошо сложилось: он женат, растит маленькую дочку, имеет квартиру и машину, увлекается охотой и, по-прежнему, водными походами, в которые берёт с собой и жену, и дочку и отца, работает системным администратором там же, где работают его отец и я – в Институте системного программирования РАН.

215. Эх, если бы у Рустама сложилось хотя бы вполовину так хорошо, может быть, он был бы жив? Так я иногда думаю, хотя что толку так думать? Вот он стоит рядом с ребятами на камне: самый энергичный, самый озорной, самый спортивный, самый самостоятельный, самый общительный, самый инициативный из них. Но и самый неуправляемый, самый непослушный, самый несобранный и самый упрямый. «Ему было так много дано!» – говорит Кадрия: – «И куда всё ушло? Как же он всё растерял? Почему?». Она говорит это не тогда, когда Рустам умер, она говорит это раньше, много раньше, последние несколько лет.
216. На следующий год мы повторили путешествие по ТВДЖ, уже вместе с Кадриёй и Пушком. Фотоаппарата на этот раз ни у кого не было, и никаких снимков не осталось. «Летописьма» тоже не писались. Я сочинял стихи:

Ушли дожди. Сухое солнце
оранжевые сосны прокалило,
стволы берёз до боли забелило,
и высветлило травы у дорог.

И нам идти по солнечному лету,
внимая звукам и цветам.

В песке иссохшем сосны и трава,
И дикий вереск возле пня,
И мох зелёный по низинам.
О, как кружится голова!
В тоске ухода солнечного дня
От тишины и недвиженья.

И всё же высший смысл есть
в засохшем пне,
в сосне,
что малому ребенку по колено,
в сосне, летящей в небо,
в белых облаках
уходящих.

Эта сосна была по колено Рустаму.

217. Мы с Кадриёй рисовали акварели. В том числе те, с тростниками, из-за которых Пушок поплыл к нам с острова через Жижицкое озеро. На своей картинке я написал:

Искупавшись в зелёной воде озёрной,
волосы долго сушу на ветру.
Тростник вдруг покажется
 таким беспризорным –
меж волною и облаком,
 на самом краю.

Белоснежная пена
бежит на прибрежный песок.
Дождь начнётся, наверное,
в тёмных тучах восток.

К дальним зарослям цапля
бесшумно летит.
Вот и первая капля
на ладони лежит.

218. Опять было много брусники, и мы с Кадриёй плели корзинки из ивовых прутьев. Руководила этим делом Нина Косачева, которая имела соответствующую теоретическую и, что более важно, практическую подготовку. Её корзинка была похожа на корзинку, а наши творения напоминали каких-то чудовищных монстров. Но всё же бруснику в них мы довели до Москвы. Потом несколько лет эти «корзинки» лежали у нас на балконе – рука не поднималась выбросить.

219. В этом походе был один эпизод, о котором мне нужно рассказать. Мы были на воде, когда внезапно поднялся сильный ветер и пошёл дождь. Рустам озорничал, не помню уже, что он делал, но мы сильно отстали, другие лодки ушли далеко вперёд. Я устал, грести было тяжело, хлестал встречный ветер. Тут дождь превратился в ливень, засверкали молнии, я испугался. Не помню уже, что ещё сделал Рустам, но я не выдержал и резко причалил к выступающему мыску. Рустам выскочил из лодки и побежал в тростники. Я был в ярости, бросился за ним, я хотел его наказать. И вот эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами: высокие тростники, ветер и дождь, Рустик упал, весь мокрый, маленький, какой-то скрюченный смотрит на меня испуганными глазами. Это меня отрезвило. Мы поплыли дальше, и только Кадрия плакала.

220. С тех пор прошло много лет, но я так и не решился спросить Рустама, помнит ли он эту сцену? Сейчас я бы спросил, и, мне кажется, он

ответил бы: «Нет, папа, я ничего такого не помню, то есть была какая-то гроза, мы тогда здорово вымокли, а потом сушились у костра, пили чай, и всё стало нормально». Он ответил бы так, даже если бы соврал. Кадрию я не спрашиваю, потому что знаю: она заплачет.

221. 1986 год. Наш первый поход по реке Белой. Опять мы с Рустамом вдвоём, то есть без Кадрии и Пушкиа. Правда, с нами был Фарид. Я написал тогда «УРАЛЬСКИЙ ЦИКЛ».

222. *Этим летом я совершил путешествие по реке Белой, что течёт среди гор Южного Урала, в Башкирии. В июле месяце было много цветов на лугах и на склонах, среди камней. Над ними непрестанно вились бабочки. Сосновый лес покрывал горы, в небе часто кружили орлы.*

Мы плыли на байдарках, ночевали в палатке, готовили еду на костре. Не так уж много оставалось свободного времени, но всё же мне удавалось найти минуты уединения, поднявшись вверх по ручью или взобравшись на скалу. С собой у меня были краски и тушь, кисти и бумага.

223. *Две книги служили мне источником вдохновения, удивительным образом соединившись с красотой гор и вод, деревьев и цветов, камней и облаков. Облаков, которые ранним утром и вечером опускались по склонам белым туманом. Это сборник корейской классической поэзии в переводе Анны Ахматовой и томик древнекитайской философии.*

*Так жизнь моя становится всё проще,
И вот при мне остались, наконец,
Лоз виноградных, может быть, десяток,
И списки всех мне дорогих стихов.
И никогда меня не покидают,
А значит - любят: ветер и луна.*

(Ким Су Чжан)

224. *Я читал Лао-цзы: “Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его”. И в движении облаков, в струях ручья или очертаниях гор, мне казалось, я улавливаю, пусть смутно, но искренне, правильный Путь. Я пытался понять слова Конфуция: “Человек может сделать великим путь, которым идет, но путь не может сделать человека великим”. Это звучит как предупреждение? Мне бы хотелось повторить вслед за Конфуцием: “Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю её”. Может быть, прошлого вовсе нет, а настоящее началось очень давно, как эти горы и сосны на них, эти реки и облака над ними. Трудно выразить это словами, и иногда мне казалось, что я тоже “сердце глупого человека”.*

225. *Обстоятельства так сложились, что моя жена осталась дома, в Москве. Я скучал по ней, и могла ли разлука не обострить мои чувства?*

Дует ветер или нет,

Хлещет дождь иль снег белеет, -
Если нет тебя, мой друг,
Это душу занимает.
Но когда со мною ты,
Всё на свете безразлично.

(неизвестный автор)

226. *Но мой сын путешествовал вместе со мной, и это доставляло мне не только хлопоты, но и радость. Так родились эти строки.*

Леса сосновые на склонах
и разнотравье над рекой.
Здесь солнце бьёт земле поклоны
ежевечернею зарей.

Кукушка в роще у дороги
накуковала сотню лет.
Жаль, на картине этой нет
хотя бы хижинки убогой,
где поселился бы поэт.

Розовый тысячелистник,
детства древний цветок,
в этом краю, где я так ненадолго,
как привольно
ты растешь!

На склонах гор твоих, Урал,
так хороши цветы!
Букет я долго подбирал,
... и выбросил его.
Моя любимая так далеко!

227. Из моего письма Кадрие: «Сегодня пятница, вечер. Идёт дождь, я сижу в палатке и пишу тебе письмо. Первый дождь за наш поход. Рустам тут же читает путеводитель по р. Белой и изучает карты. Фарид читает книжку, которую в Уфе купили Рустаму: Рустам её уже успел прочитать».

228. *Я долго сидел на берегу горного ручья. Я подумал: тишина природы – это великое множество нерождённых звуков. И я вспомнил своего самого близкого и уже ушедшего друга.*

Сосны в горах -
ветер в вершинах.

Вода на камнях -
говор быстрины.
И всё кажется, будто меня
окликает друг.

Я поднялся на вершину скалы:
одинокая сосна и цветы.
Ветер бабочку принёс мне в друзья!
Это сон уходящего дня.
Кем проснусь я, спустившись вниз?

229. *Не раз в этом путешествии я испытывал светлое чувство. А однажды мне стало смешно.*

Кто говорит, что мир устроен плохо?
По-моему, так это просто вздор!
Я рву стручок незрелого гороха
в зелёном сердце Уральских Гор.

Страна Утренней Свежести
так далека от Уральских Гор!
Но здесь я понял стихов её нежность
и древних людей разговор.

Здесь, на высокой скале одинокой
ветер в соснах шумит.
И та же Луна, что в Корее далекой
в том же небе блестит.

230. Из моего письма Кадрие: «Фарид, Рустам и Сергей всё ловят рыбу. Позавчера Рустам поймал первую рыбу, которую мы зажарили в фольге, и каждому досталось по малюсенькому кусочку. Сегодня Фарид поймал уже 7 штук. Правда, рыбки всё маленькие».

231. *Я доволен, что взял с собой в путешествие сына. Не знаю, видел ли он то, что видел я? Не знаю, видел ли я то, что видел он?*

Мой сын, я тебе покажу
горный ручей,
цветы на склоне
и небо над головой.
Если поймешь своё сердце,
остальное увидишь сам.

Я стою под сосной одинокой.
Склоны гор вдалеке и лес.
Половинка Луны невысоко
светит с самого края небес.
Заскучаю и сразу вспомню
облик милой моей жены.
Длится дума моя о доме...
Ты свети, половинка Луны.

232. *Один раз я проснулся раньше обычного. Солнце ещё не поднялось из-за гор.*

Я сегодня увидел, что есть красота!
Ранним утром на горы спускался туман.
Он – скрывающая – её показал.

233. *Уже вечером мы поднялись на вершину горы, поросшей молодым дубовым лесом. Остальные вскоре ушли, а я остался писать пейзаж тушью и акварелью. Солнце село и стало быстро темнеть. Сверху было только небо, река – далеко внизу.*

На вершине горы стоят дубы,
окружая поляну.
Огромный паук раскинул сеть
на мёртвых ветвях великана.
Здесь, вдали от долин и рек,
на закате дня,
ещё не раскрыто, творится
таинство жизни и смерти!
Лишь только снизу всплывёт Луна,
и птица с шумом слетит вниз,
уйду отсюда и тихо спущусь
к огню костра у ручья.

Будто белое дыхание несётся
над вершинами скал,
над зубцами нагорного леса.
Восточный ветер, ты лети в столицу!
Там отыщи мою жену,
и передай ей, чтобы не скучала,
и что я скоро возвращусь домой.

234. Из моего письма Кадрие: «Вчера мы устали, Рустам грести устаёт быстро. Но сегодня всё было хорошо, Рустам, особенно поначалу, грёб хорошо».

235. *Когда люди в разлуке, их взоры невольно поднимаются к небу.*

Небо раскинуло крылья облака
над зубцами высоких гор.
Солнца закатного красное яблоко
выключает горный орёл.

Ночь придёт и по зеркалу вод
тихо всплывёт Луна.
Задумаюсь: как там одна живёт
моя любовь и жена?

Там, в нашем доме, в столице страны
она подойдёт к окну.
И тоже посмотрит с другой стороны
на отплывающую Луну.

236. *В горах небо кажется шире, и старше.*

На холме над рекою
в берёзовой роще
в котловине Уральских Гор
деревенское кладбище
заросло цветами,
и кресты деревянные
полускрыты травой.
Этим людям, наверное,
позавидовать можно,
что под небом широким
обрели покой.
С фотографий округлых
одни старики и старухи
спокойно глядят.

237. Из моего письма Кадрие: «Рустам пока ведёт себя сносно, и я стараюсь его не воспитывать: он больше делает, если его не стыдить и не приказывать... Если не пытаться заставлять его, он делает достаточно много и сам, добровольно. И у меня нервы целее».

238. *Однажды к вечеру разразилась большая гроза с градом и сильным ветром. Молния ударила где-то неподалёку – был слышен треск. Ночью долго кричала какая-то птица. Утром я закончил чтение “Дао дэ цзин”.*

Птицы ночной крик,
облаков через небо бег,
омута тёмного муть,
или воздух после грозы, –
вот в чём я вижу суть
учения Лао-цзы.
И как же может не быть
правильным этот путь?

Голубое озеро. Блики на скале.
Оранжевый лишайник. Бабочек круженье.
Как одно мгновенье человека век.
Голубое озеро. Камень в глубине.

239. *Так получилось, что к провалу Сумган-Кутук мы подошли уже вечером. Только что кончился дождь, и небо было серым. Этот колодец, глубиной семьдесят пять метров, затерян среди лугов и рощиц нагорного плато. Совсем рядом можно собирать луговую клубнику, но, заглядывая вниз, лучше обвязаться верёвкой. Из тёмной глубины веет холодом и душу охватывает мистическое чувство – провал притягивает и не отпускает. Два человека – юноша и девушка – нашли свою смерть на дне Сумган-Кутука. Об этом сообщает памятная плита, вбитая в скалу. Уходя, можно обернуться и увидеть лишь холмы и зелёный лог между ними. Очень много цветов на лугах.*

Сумган-Кутук, дыра в земле, могила двух людей.
Звезда, заглядывая вниз, её не видит дна.
Сумган-Кутук, твой чёрный склон давно обледенел,
растут берёзы на краю и зелена трава.
Сумган-Кутук, я ухожу, ты за моей спиной.
Широк земли и неба круг под светлую Луну.
Я перейду цветущий луг и возвращусь домой.

240. Из моего письма Кадрие: «Я рисую, пишу стихи. Что получается – дома будет видно. Рустам разрисовывает тушью камни – занятно выходит. Все здоровы. Скучаем без тебя».

241. *Мы возвращались из путешествия через город Салават. Народный герой Башкирии, Салават Юлаев был сподвижником Пугачёва, образованнейшим человеком и поэтом. Приговорён к вечной каторге, умер в 1800 году.*

В пустынном зале ожидания
на вокзале города Салават
я читал Конфуция русского издания.
Этой встрече странной был я странно рад.

242. *Прежде чем вернуться в Москву, я прожил ещё с неделю на Волге, на острове. Здесь я учился писать листья ивы. На Дальнем Востоке ветвь ивы – напоминание о разлуке.*

Я простился с горами, цветами на склонах и горным ручьём,
но ещё не вернулся в столицу, в заполненный книгами дом.
Здесь на Волге широкой есть маленький остров,
где ивы густы, высоки.
Что же сердце моё: с кем в разлуке оно грустит?

243. *Возвращение. Может ли человек окончательно вернуться в этом мире, где ни от чего нельзя окончательно уйти?*

Я вернулся. Стоят у тропинок дубы.
А цветы у ручья среди гор затерялись.
Лист уже пожелтел. Уже жёлудь созрел и свалился.
Уже белый туман опустился на сосны и камни.
Я вернулся? Как странно!

Иду в парк выгуливать собаку».

244. Помнил ли Рустам провал Сумган-Кутук? Голубое озеро? Горный ручей? Дубы на вершине горы? Белый туман? Половинку Луны? Деревенское кладбище? Наверное, помнил. Понял ли он «своё сердце»? Не знаю. У него было мятущееся сердце. И мне кажется, он хотел понять не себя, а то, почему мир людей не такой, как голубое озеро, горный ручей, дубы на вершине горы, белый туман и половинка Луны? Почему так страшен провал Сумган-Кутук? Или это я хочу понять? Это мне страшно? Кладбище, где похоронен Рустам, совсем новое, и редко когда найдёшь могилу старика или старухи, с округлых фотографий смотрят молодые и совсем юные лица. Как странно!

245. Может быть, я романтизирую Рустама или проецирую на него свои собственные чувства и мысли? Всё же, хотя и близкий, но другой

человек. И другой возраст: я уже не чувствую самого себя, когда мне было тринадцать лет. Возраст перехода: мне кажется, я лучше чувствую себя в семилетнем возрасте или в семнадцатилетнем, но не тогда, когда всё менялось и плыло. Хотя мне всегда казалось, что никакого перехода у меня не было: всё двигалось плавно и целеустремлённо. Или только казалось? У Рустама переход точно был.

246. На следующий год мы повторили путешествие по Белой, но теперь уже вместе с Кадриёй, Фаридом, его друзьями из Казани и нашим Пушком. Рустам уговорил нас взять с собой Гену Коротаева, с которым они учились в одном классе и дружили. Вот они стоят рядом на берегу и позируют при съёмке. Гена почти на голову выше Рустама. Потом, после школы, Рустам вытянется вверх и обгонит Гену. Тогда, на реке Белой, Гена был хорошим мальчиком, более «правильным», чем наш озорной сын. Жизнь его тоже пошла как-то не так. Женился, разводился, пил. Раньше он жил в нашем доме с матерью, сестрой и бабушкой. Взрослым уехал на другой конец Москвы, но время от времени приезжал в Лианозово, где у него были старые, ещё школьные друзья, где был Рустам. Приходил к нам, приносил пиво и водку, они сидели с Рустамом, пили, о чём-то говорили, наверное, что-то вспоминали и что-то оплакивали. Я не знаю, о чём они говорили, что вспоминали и что оплакивали. Мы только ругались на него, на них обоих за то, что они пили. За то, что всё у них вкривь и вкось, а они пьют, хотя, наверное, они и пили потому, что всё у них вкривь и вкось.
247. Эти походы, и ещё Казань и Волга многое дали Рустаму. Он был ловким и быстрым, гребля на байдарке требовала силы и выносливости, хорошо плавал, нырял. Для справки: я так и не выучился плавать, так, могу метра три протянуть, задрвав голову над водой, только вдоль берега, где ноги могут достать дна. Хотя бы в этом Рустам меня превзошёл. Это к вопросу о «достижениях». Но сколько же в нём осталось нереализованного, не нашедшего выхода! Будто прекрасную картину замазали грязной краской наркоты, водки и не сложившейся жизни. Но картина-то оставалась – там, под краской – и только смерть выключила свет. И надежда, которая всегда оставалась, ушла.
248. Разглядываю фотографии. В каменный рот неглубокого грота лодка уткнулась, держит весло на весу, обернулся и смотрит: где же другие, плывите сюда, здесь так интересно. С другом на камне сидит, взъерошенный, что-то взгрустнулось, за камнем река, дальнего пляжа песок и горы, заросшие лесом. С другом в обнимку, оба смеются, смеются глаза. В речку заходит, сейчас поплывёт. Вышел из речки, похожий на чёртика водяного. Лезет на скалы, ободранный и загорелый, совсем не боится, мне не угнаться за ним. Вот у края пещеры руками, ногами упершись в стены, словно парит над рекою, и лесом, и небом. Машет рукою – сейчас упадёт. Камни, трава и цветы, устал и присел отдохнуть, на солнце прищурился. Из-под земли вылезает как маленький

гном, вылез, сидит полуголый с собакой в обнимку, с большим фонарём подземельным. Сидит под нависшими глыбами, на камне в лишайниках рыжих и белых, задумчиво смотрит, как утекает вода из ручья, и не может утечь. Сосну обнимает, такой же грустный, а сзади обрыв и река. Соты медовые держит: смотрите, что мы принесли с пасеки дальней, вот то-то же. В прозрачной накидке стоит под дождём и собаку жалеет: мокнет собака, нужно её уберечь. Кончился дождь, снимает накидку и смотрит так долго, долго. Прыгает в речку вниз головой, пальцами в воду вошёл. Бежит по поляне, на крик обернулся. Взлетает вдоль белых стволов берёз, туда – к кронам зелёным. В автобусе стоя, руками держит крышу. Ухом ослиным щекочет себе лицо. На леднике, между снегом и небом пишет что-то в маленькой записной книжке. На перевале, между горою и небом снимает ботинки и смотрит на горное море внизу и вдаль: волна за волною. Рядом с девушкой, присевшей на рюкзак, стоит, о чём-то задумался. На групповой фотографии я, Кадрия, студенты и студентки, и Рустик присевший, и бамбук.

249. Наверное, совсем не случайно Дмитрий Авалиани, в сущности, не знавший Рустама, перебросившись с ним лишь парой слов, написал ему такой листовертень (это когда текст остаётся осмысленным при перевороте на 180°): **RUCEI FM** (РУСТАМ – ТУРИСТ).
250. Трудности и радости походов, общение с людьми, горы и воды, цветы и птицы, солнце и дожди не могли ведь не оставить следа в его душе. Когда в 90-ом году мы купили дом в Липовке, мы забросили наши походы. Ну, ладно, нам с Кадриёй было уже за сорок. Но почему же Рустам не ходил больше в походы: не с нами, с друзьями? А сколько у него было друзей! В Москве, в Казани, после Липовки – в Рязани и Рязанской области. Он получал письма из Нальчика от нашего проводника во время похода через Гезевцек. Из самых разных мест от студентов и студенток, что были с нами в нашем походе и составляли основную часть группы. Может быть, след в его душе был слишком сильным, и он боялся, что повторения не будет, будет разочарование? Не в том же дело, что он не хотел идти в поход без папы с мамой: в 90-ом году ему исполнилось семнадцать.
251. Я снова рассматриваю школьную фотографию Рустама после окончания первого класса. Здесь он не улыбается, но кажется, вот-вот улыбнётся. После второго класса появляется улыбка, а после третьего улыбка становится шире. Учительница была немолодой и похожей на всех учительниц начальной школы. Они все немного старомодны, в меру строги и любят детей.
252. В четвёртый класс пришла новая девочка. Её звали Яна, и она была глухонемой. Точнее, она могла говорить, но, поскольку почти не слышала, то и говорила с трудом. Обычно такие дети учатся в специальных школах, но здесь был особый случай. Вместе с девочкой в

класс пришла её мама – она стала учительницей. Звали её Рая Гершзон, она была одного со мной и Кадриёй возраста. По-настоящему мы познакомились с Раей и её мужем, Володей Ерохиным, зимой 85-го года. Они снимали домик в Ларинском посёлке в Лианозово, недалеко от школы и от нашего дома. Я пришёл к ним домой не то, чтобы что-то передать от Рустама, не то, чтобы что-то получить для Рустама.

253. Рая писала картины смесью акварели и белил, на которых непременно были изображены ангелы с трубами, увлекалась театральными постановками и пыталась увлечь этим школьников. Володя считал себя литератором, педагогом и музыкантом. В 86-ом году они переехали в другое место Москвы, где ещё некоторое время мы бывали у них на литературно-художественно-музыкальных вечерах. Одно время Володя был близок к музыкантам из ансамбля Три«О», куда входили Сергей Летов, Аркадий Шилклопер и Аркадий Кириченко, но потом отошёл от них, по его словам, из-за эстетических разногласий: он считал, что «музыка должна быть красивой», а они так не считали. Мы были на паре концертов этой четвёрки в каких-то клубах Подмосковья. Через Раю и Володю мы познакомились с художниками, жившими в посёлке Ларинское: Валерой Красильниковым, Сашей Белугиным и Витей Николаевым.
254. Валера был учеником Белютина, участником знаменитой (благодаря Хрущёву) Манежной выставки 1962-го года и, наверное, последним представителем старой лианозовской школы художников. Он тоже снимал дом в Ларинском посёлке, вместе с Белугиным. Сначала дом 33 по Угличской улице, а потом дом на углу Набережной и Молокова. Мы с Кадриёй подружились с Валерой и любили бывать у него. Художники жили бедно, и Кадрия всякий раз старалась принести с собой чего-нибудь вкусенького. Вместе с нами бывал у Валеры и Рустам.
255. Я помню один такой визит. Мы опять принесли какой-то еды, а Валера решил угостить нас супом из коровьего вымени с добавлением всяких травок, которые можно было набрать в лианозовском лесопарке. Суп очень понравился Рустуку, который не уставал нахваливать необычное для него блюдо. Потом мы все вместе что-то рисовали. Кадрия писала маслом на большом листе картона, который ей дал Валера. Картина называлась «Сад», и в ней было много зелёного цвета разнообразных оттенков. Валера смотрел-смотрел и, наконец, сказал: «Кадрия, ты шизофренически врубаешься в зелёный цвет». Вот и не знаю, похвала это была или критика? Сам Валера писал тогда пейзажи, насыщенные цветами самыми разными, и, глядя на мои по-китайски пустотные акварели, говорил: «А для меня мир такой плотный, что руку просунуть некуда». Когда я пишу эти строки, картина «Сад» висит на персональной выставке Кадрии в библиотеке № 29 в Бибирево.

256. Зарабатывал Валера в то время, в основном, ретушью фотографий. Нужно напомнить, что тогда ещё не было цифровой фотографии, персональных компьютеров, Adobe Photoshop`а и других программ обработки изображений. Всё делалось вручную. Работа была тяжёлой и требовала сильного напряжения, глаза быстро уставали. Это и стало для Валеры причиной первого инсульта. После второго он не выжил. Одна картина Валеры Красильникова хранится у нас дома, несколько небольших работ – у его дочери Нади, остальные картины оставались у его третьей жены, Вали, часть из них побывала на какой-то выставке, но судьба их мне, увы, неизвестна.
257. С Надей Красильниковой мы познакомились, когда ей было 19 лет. Она приезжала к отцу в Лианозово: с большим чёрным ньюфаундлендом и мужем Авениром. В 91-ом году она приехала первый раз к нам в Липовку, потом купила там дом, а в 95-ом осталась на зиму вместе с двумя своими мальчиками-близнецами и Рустамом. И сейчас Надя живёт в Липовке, сдавая свою московскую квартиру.
258. С Сашей Белугиным мы всё это время поддерживали тесные отношения, он часто бывает у нас дома в Москве, мы вдвоём курируем Литературный клуб «Подвал №1», проводим Липовские вернисажи.
259. К Вите Николаеву мы с Кадриёй ходили весной 86-го года, чтобы рисовать, почитать и послушать стихи, и просто поболтать с ним и его гостями: художниками, поэтами, музыкантами. Среди них были Володя Герцик, Ваня Ахметьев, Миша Файнерман. Миша несколько лет назад умер, а с Володей и Ваней мы видимся время от времени. От этих визитов у Кадрии сохранилась большая серия графических работ, выполненных в очень свободной манере. Хотя и не таких абстрактных, как у Вити, который называл себя «спонтанным абстракционистом», а Кадрию «упрекал» за склонность к наивному искусству. Мы уже давно не виделись, Витя большую часть времени живёт в Германии.
260. На школьных фотографиях 84-85 годов Рустам уже с пионерским галстуком, но улыбка его медленно тает. Думаю, Рая Гершзон была для Рустама не лучшей учительницей. Она отдавала предпочтение девочкам, считая их более хрупкими, уязвимыми и имеющими более тонкую организацию души и тела, чем у мальчишек. Это можно понять, учитывая ситуацию с её дочкой, но это не верно. Девочки быстрее взрослеют, легче приспособляются к жизни и более выносливы в житейском плане. Потому и живут дольше.
261. Впрочем, после 5-го класса, когда Рая ушла из школы, новая учительница Рустама была не лучше, а пожалуй что и хуже.
262. В то время у дэв-ани, дэв-ати и Фариды был уже свой домик на Волге – там же, где домик Муслим-абы, только на другой стороне острова. Фарид купил катер, мы катались на нём, ловили рыбу, купались, ездили на берег в лес собирать грибы, или на другую сторону Волги – ловить

рыбу около фарватера на донную удочку или на берегу собирать луговую клубнику. У Рустама появилось здесь много друзей, появились подружки. Гораздо позже он как-то растерял связи с ними, когда перестал ездить в Казань. Это было тогда, когда дэв-ани тяжело заболела: у неё был рассеянный склероз, страшная болезнь, которая и свела её в могилу. За ней ухаживал Фарид. Кадрия могла бывать лишь наездами, но тогда она не брала с собою в Казань даже меня.

263. Из письма Рустаму из Казани от 11 января 1986 года: *«Здравствуй Рустик! Пишет тебе Хуснутдинова Нелла (с. Боровое-Матюшино). Как ты поживаешь? Очень обидно, что ты забываешь старых друзей. Алексеева Ира так ждёт твоих писем! Напиши ей, пожалуйста, первым. Ладно?»*.
264. Из письма Рустаму из Казани от 8 апреля 1986 года: *«Здравствуй Рустик! С большим приветом к тебе Ирина!.. Ты спрашиваешь, где я буду отдыхать на Юге? У меня ведь там мама с братишкой живут, вот я к ним... Пиши ты, чаще»*.
265. Из письма Рустаму из Казани от 9 сентября 1986 года: *«...Приезжай зимой! Мы тебя ждём! (опять встретимся). Я тоже скучаю по острову и по друзьям, так жаль, что лето кончилось. Адрес твой я узнала от Дениса. Пока! Катя»*.
266. Из письма Рустаму из Казани от 25 сентября 1986 года: *«...С приветом к тебе Ирина... Учусь я нормально, только настроение паршивое, скучно. Я тоже очень хочу на дачу. Скорее бы лето. В школе у нас ничего нового нет. Ну, может и есть, только мне на всё наплевать. Как всё-таки плохо, что ты живёшь не в Казани... Жду тебя. Целую крепко. Ира А. Зимой приезжай обязательно!!! Пиши, пожалуйста, чаще!»*.
267. Из письма Рустаму из Казани от 19 октября 1986 года: *«...Недавно мы встречались с девочками. Мы надеемся, что и с тобой увидимся зимой. Обязательно приезжай... Катя»*.
268. Спустя много лет, в 2004-ом году, когда дэв-ани и дэв-ати уже умерли, мы встречали вместе с Рустамом Новый год в Казани. Он связался по телефону со своими старыми друзьями и поехал на встречу с ними. Вернувшись, был молчалив и ничего не рассказывал. Видимо, тяжело встречаться через много лет и видеть, как всё изменилось, почти не узнавая и лишь сожалея о прошлом.
269. В 87-ом, 88-ом и 89-ом годах Рустам делал записи в маленьких записных книжках. Я прочитал их только после смерти. Записи более чем лаконичные.
270. Из записной книжки 87 года: *«Январь, 1: Новый год! 2: Каникулы. 3: Выходной. 4: Каникулы. ... 10: Выходной. 11: Каникулы. ... 17: Выходной. 18: Будни. ... 24: Выходной. 25: Будни. ... Февраль, 1: Выходной. 2: Будни. ... 27: ВДНХ. 28: Выходной. ...*

Март, 8: Международный женский день. 14: Выходной. 18: Музей. 20: Выходной. 23: Каникулы. ... 27: Выходной. 28: Каникулы. ... Апрель, 1: Первое апреля никому не верь. 3: Выходной. 17: Выходной. 22: Будни. ... Май, 1: Первомай. Салют. 9: День Победы! Салют. 11: ВДНХ! 13: Будни. ... Июнь, 1: Летние каникулы. 3: Практика. ... 17: Нечего делать. ... 22: День рождения у бабушки!!! 23: Подготовка к походу. 24: Нечего делать. ... 29: Разрешили взять Генку в поход. Ура!!! Июль, 1: Поход!!! 2: Едем в поезде. 3: Едем в поезде. 4: Первый день на воде. 5: Поход. ... 22: Мой день рождения. Справляю в поезде. 23: Мы в Казани. 24: Первый день на даче. Встреча с Ирой».

271. Дальше в записной книжке несколько дней подряд стоит странная пометка «Ш.Н.». Потом: «Июль, 30: Отъезд родителей. Август, 1: Дача. 2: Ссора с Ирой. 3: Дача. ... 9: Примирение. 10: Дача. ... 19: Начинаю гулять с Ирой! 20: День блаженства. ... 25: РАЗЛУКА. 26: Отъезд в Москву».

272. Из письма Рустаму из Казани от 30 августа 1987 года: «...Сегодня, т.е. 30/VIII, приехала с дачи и сразу села писать тебе письмо. Рустик, ты даже не сможешь себе представить, как мне скучно без тебя. Я не знаю, что буду делать эти четыре месяца до нашей встречи (если конечно ты приедешь на Новый год в Казань). Лучше, чтобы ты приехал... Вот и каникулы кончились, послезавтра в школу (как неохота). Опять эти уроки... Целую. Ирина. Люблю. Жду. Ира. P.S. Посылаю тебе, как обещала, свою фотографию».

273. Из письма Рустаму из Казани от 12 сентября 1987 года: «...Здравствуй, любимый мой! Я каждый день ждала от тебя письма. И вот наконец-то сегодня, т.е. 11, IX я его получила. Утром я пошла в УПК и заглянула в наш ящик №68, он был пустой. Затем я случайно заметила в ящике №75 письмо, оно было от тебя. Ты, наверное, забыл, что я живу в 68 кв., а не в 75. Я так обрадовалась, что прочитала его по дороге, пока шла. Как хорошо, что ты прислал фотографии, я теперь каждый день буду на них смотреть и думать, что ты рядом, и что мы скоро встретимся. Ты только обязательно приезжай! Я тебя очень, очень, очень... ЛЮБЛЮ! Я каждый день думаю о тебе и очень скучаю. Вот сейчас пишу тебе письмо, а сама сижу и плачу. И я даже не знаю от чего: может быть от радости, что получила от тебя письмо, а может и от того, что тебя сейчас здесь, рядом со мной нет. И всё-таки я счастливая, я теперь точно знаю, что ты любишь меня... В школе у меня всё нормально. Ты представляешь, у нас теперь каждый день по 6, по 7 уроков. Устаёшь от них, как собака. Приходишь домой в 3-ем часу, башка ни черта не соображает, ляжешь и тут же заснёшь. А когда проснусь, вспомню, что во сне видела тебя. Ты мне ещё с дачи каждый день снишься... Я тебя люблю. Твоя Ира».

274. Из письма Рустаму из Казани от 29 сентября 1987 года: «...*На листе бумаги белой // Я в стихах пишу тебе письмо, // А ты читай его от скуки, // Ведь от души написано оно. // Пишу тому, о ком скучаю, // О ком я вспоминаю каждый день, // Кого я лучше всех считаю // И не забуду никогда. // Пишу тебе, от скуки слёзы льются, // Чернила нет, бумага рвётся, // Где надо точку. Ставлю две.. // Скучаю Рустик по тебе!... Ну вот и ответы на твои вопросы... Пишу на алгебре и думаю только о тебе. Я очень люблю тебя. Пиши!!! Ирина*».
275. Я вспоминаю свои школьные влюблённости и... обнаруживаю, что все их помню. Значит, и Рустам помнил. В этих влюблённостях есть нечто такое, что потом утрачивается. Ещё не любовь, а только мечта о ней, неожиданно получившая возможность материализации, концентрации на живом человеке, которого можно увидеть, потрогать, которого можно помнить. Всё как у взрослых, не понарошку. Возможность временная, некий призрак, вдруг ставший видимым, но вскоре тающий. А человек остаётся, но только уже где-то вдали, и нет уже желания его видеть, трогать, и, если он вспоминается, то не столько он, сколько любовь к нему. В этой эфемерности и заключается неизъяснимая прелесть детских и юношеских влюблённостей. В эфемерности и чистоте: если не материально, то и не может испачкаться грязью мира. Но, впрочем, чувства, которые человек испытывает, пусть краткий миг и без достаточных на то оснований, как бы от заблуждения, чувства эти на самом деле настоящие. Они ничем не отличаются от тех, что придут (если придут) позже: в молодости, в зрелости. Это такая тренировка чувств, формирующая личность. И что-то ещё, что утрачивается навсегда...
276. Из записной книжки 87 года: «27:Приезд в Москву. 29:Встречи в школе! Сентябрь, 1:В школу. ... 12:Выходной. 13:В школу. ... 19:Выходной. ... Октябрь, 8:Мне купили SANUO. 10:Выходной. 11:В школу. ... 17:Выходной. ... Ноябрь, 5:Каникулы!!! 7:70-летие ноября. Салют. 10:В школу. 11:Начинаю новую жизнь».
277. Почему собирался Рустам начать новую жизнь 11-го сентября? Какую новую жизнь?
278. В следующей записной книжке 88 года, той самой, где на форзаце написано о переходе через перевал Гезевцек, записи становятся более подробными: «Январь, 1:Праздник!!! 2:Каникулы. ... 10:Бросил курить!!! 11:Всё нормально. 12:Хочется курить. 13:Очень хочется курить. 14:Перетерпелся. 15:Учусь. 16:Нашёл рубль. Ровесник [по просьбе Рустама мы выписывали ему журнал «Ровесник» – И.Б.]. 17:Сделал запись на студии. 18:Отдал долг 3 рубля. 19:Купил ручку. 20:Получил запись. 21:Всё о`кей. 22:Учусь. 23:Получил «5». 24:Прогулял 1 урок. 25:»Круиз». 26:Сломал руку, положили в больницу. 27:Больница. ...

Февраль, 3: Сделали контрольный снимок, всё о`кей. 4: Выписали из больницы. 5: Отдыхаю. ... 8: Вышел в школу. 9: Всё о`кей. 12: Первый раз сняли гипс, пришлось одеть снова. 13: Заболел. 14: Болею. ... 19: Выписали. Сняли гипс! 20: Учусь. 21: Выходной. Март, 1: Наконец-то весна. 6: Сделал подарки. 7: Купил цветы. 8: Праздник. 9: Праздника не было. 10: Приезжал Фарид, должен ещё приехать 26 марта. 11: Очень болело горло. 12: Был фильм о Шерлоке Холмсе. Долг 2 рубля. 13: Выходной. 6 рублей. Буду покупать ... [неразборчиво – И.Б.!] 14: Лабораторная работа по физике. Писали песни SHARP. 15: Репетиция не состоялась. Потерял ручку и карандаш. 16: Была проведена лекция. Начал делать «бизнес». 17: Рисовал «бизнес». Была самостоятельная по физике. Телемост. Осталось 21 шт. 18: Рисовал «бизнес», осталось немного. Учил стихотворение. 19: Заболел Лёха Шведов. Приезжает Фарид. Иду в кино. 5 - по алгебре. 20: Выходной. Ходил в кино. Играли в «бизнес». Девочки. 21: Военное положение. 8⁰⁰. Играли в «бизнес». 22: Военное положение. Ездил в кино. «Короткое замыкание». 23: Военное положение. Кино «Тарзан». 24: Каникулы. Сделали 3 бомбы. Жгли бенгальские огни. Война».

279. Может быть, именно тогда, во время игры в «войну», я увидел среди вещей Рустама следующий «официальный документ» из Неизвестной мне Страны Большой Игры:

ДОГОВОР

Совет Старейшин острова решил:

- а. Убитые в войнах будут жить.
- б. Оружие будет прежним.

Так как на острове установился мир.

Или это было раньше, зимой 86-го года? Наважно. Эх, если бы мир был устроен так же, как этот остров. Буддисты именно в это и верят. Но я не буддист.

280. Из записной книжки 88 года: «Март, 25: Каникулы. Кино «Новые похождения Швейка». 26: Каникулы. 2 раза ездили за стёклами. Кашель. 27: Выходной. Познакомился с братом Андрея Нужного Алёшей. Начал курить. 28: Каникулы. Курю «СМ». Сделали мне заподлянку. Гуляю с Колодой. [в другом месте книжки, в разделе “Для заметок” есть запись “28 числа, марта приехали Дуатика с Дуаникой”. – И.Б.] 29: Каникулы. Купил пачку «Пегас». Всё хорошо. Кино «Семь самураев». 30: Каникулы. Гуляю. «Пегас». Бобруйск. Ходил на крышу. 31: Каникулы. Гуляю. Крыша. Завтра в школу. Апрель, 1: Апрель - никому не верь. Начал учиться. 2: Лазил по крышам. Курил. Дома засекали!!! 3: Выходной. Взял у Димона перчатки поносить. Стоят 5 рублей. Фелица. 4: Ездил в кино «Айвенго».

Двухкассетник SHARP. 5: Долг Семёшину 3 рубля. «Чёрный кофе». 6: Большой скандал вечером. Генка хочет гулять с Катькой. Сражение. 7: День борьбы с курением. Бросаю курить. (Клянусь.) Честно. Орден рыцарей храма. 8: Курил. Предатель. Геннадий ездил в спортивные. 9: Ездил в спортивные ... [неразборчиво – И.Б.] Динамо. 10: Вчера справляли день рождения Максима. Лето до 3 часов ... [неразборчиво – И.Б.]».

281. Максим – двоюродный брат Рустама, сын моей сестры Ирины. Максим немного младше Рустама, они дружили, когда Максим с сёстрами, Ирой и Катей, мамой, папой и бабой Лидой жили в трёхкомнатной квартире на одной лестничной площадке с нами. Много лет спустя моей маме и остальным дали по отдельной квартире, но старая квартира осталась, и Максим какое-то время жил там один. Тогда у него и собирались мальчики и девочки из нашего двора, Рустам часто там пропадал. Нам с Кадриёй это не очень-то нравилось. Потом пошли наркотики. А может быть, это началось раньше. Кто из них начал первым, кто кого пристрастил, я не знаю. Да это теперь и не важно.
282. Максим ездил с нами в Липовку несколько раз. Один раз зимой на Новый, 1999-ый год. Тогда ещё с ними был другой Максим – Юшманов, из друзей Рустама по московскому двору. Мы хорошо провели время. Заготовливали дрова, играли в «маджонг», собирали пазл, лепили снежные бабы, драконы и крепости – снега было много, но внезапно началась оттепель, и снег хорошо лепился, правда, потом стало совсем тепло, и наши бабы, драконы и крепости поплыли.
283. Другой раз дело было летом. Когда Максим (наш Максим, Юшманова в этот раз не было) уже должен был уезжать, накануне отъезда, ребята собрались в избе у Жени Мересьева – совсем рядом с нашим домом. Тем летом там часто собиралась молодёжь. Теперь знаю, что были там и наркотики. Когда не хватало, Женя, который учился на химика и потому имел прозвище «химик», сам «варил» какое-то зелье, используя мак, который можно было наворовать по дворам и палисадникам в деревне. Но в этот раз не то Женя ошибся, не то его не было, и ребята решили сделать сами, уже не помню. Не знаю, кому пришла в голову эта дурацкая идея: Рустаму или Максиму. Кончилось тем, что наутро пришлось их везти в больницу с заражением крови. Хорошо ещё, что в Демушкино есть очень хороший врач, бывший афганец (он и там был врачом – хирургом), глава семейного детского дома, и наш хороший друг Юра Игнатов. Он положил ребят к себе в больницу и стал лечить. Рустам ещё легко отделался, а Максим лежал дольше, потом его забрал отец в Москву, и там он долечивался.
284. Но это не стало для них уроком. Той же осенью Максима поймали на продаже порции героина. Конечно, была подставная девочка, которая попросила его достать дозу, а сама сообщила в милицию. Но разве это

что-то меняет? Максим «загремел» в тюрьму по полной – на семь лет. Конечно, несправедливо, притом, что оптовики оставались на свободе и продолжали свой бизнес. Рустама, который тоже крутился где-то неподалёку, пронесло. Максим слал Рустаму из тюрьмы душещипательные письма, называл «старшим братом» и т.п., но суть их всегда сводилась к одному: пришли денег. Он и нас с Кадриёй просил о том же, не говоря уже о родителях (или, наоборот, когда родители отказывали). «Пришли срочно, а то мне не жить». Не знаю, ответил ли Рустам хотя бы раз, каждое письмо Максим начинал с упрёков: почему ты не пишешь мне, ведь ты мой брат.

285. За то время, что Максим сидел в тюрьме, в жизни Рустама произошло много важных событий. Когда Максим вернулся, они уже мало общались. Максим стал работать, женился. А Рустам всё так и продолжал болтаться без дела и без семьи. Но всё это, как и рассказанный случай в Липовке, произошло намного позже апреля 88-го года, когда справляли день рождения Максима.
286. Из записной книжки 88 года: «Апрель, 11: Вчера заделал камеру, катаюсь на велосипеде. 12: Фильм «Короткое замыкание». Доктор Кросби, Говард, Скротер 13: Вчера меня покусал Пушок. Палец опух, не двигается велосипед. 14: Сегодня выпал снег, даже удивительно. Палец постепенно проходит. Катались до «Будапешта» [кинотеатр – И.Б.]. 15: Прогулял первые два урока. Контрольные. Бросил курить до каникул. 16: Всё-таки курю, но меньше. «Ровесник». Дэв-атика с дэв-аникой уезжают. 17: Катаюсь на велосипеде. «Новости» - сигареты. 18: Запустили с Семёшиным яхту - 30 рублей. Завязла в водорослях. 19: Взял билеты по геометрии у Нужного. Приезжали англичане. 20: Пишу билеты. Катаюсь на велосипеде. 21: Билеты. Велосипед. Познакомился с Катей. Фильм «Чапаев». 22: Ездил в спортивный, купил фонарь, 5 руб. 23: Был дождь. Генка хочет гулять с Катей. Велосипед. 24: Концерт. Латыши. 3 руб. Генка гуляет с Катей. 25: Вчера приезжал Вадик Брюханов. У меня угнали велосипед Соловьёва. 26: Меня допрашивал милиционер по поводу велосипеда Соловьёва. 27: Шёл снег. Вечером сидел с Маринкой. Дал послушать С.С.Сатис. 28: Всё отлично. Вечером ездили в бассейн. Я, Нужный, Воробьёв. 29: Мама купила диск «Чёрный кофе». Дал Илюхе кассету. Апрель, 30: Дал Машке Кащеевой билеты по геометрии. Взял у Глуни по-русскому.»
287. Наверное, это тот Илья, который и позже дружил с Рустамом. У него тоже были проблемы с наркотиками, а может быть, и сейчас есть, не знаю. Однажды что-то у них в семье случилось, денег не было, и Рустам уговорил нас купить у мамы Ильи два мельхиоровых кубка и чайник. Мы купили, хотя они нам ни разу не понадобились. Илья был на похоронах Рустама, но не поехал на поминки. Сидел в автобусе весь

какой-то нахохлившийся и на обратном пути вышел раньше вместе с Максимами (нашим и Юшмановым) и Ольгой (о ней речь ещё впереди). Через несколько месяцев Скин и Лось (это прозвища) – ребята из нашего двора, которые были наиболее близкими друзьями Рустама последние годы, сказали нам с Кадриёй, что они вроде бы выяснили. Это Илья был тогда с Рустамом, наверное, были и наркотики, Рустам ли принёс, Илья ли принёс, не суть дела, но главное, что Илья ушёл, когда Рустам упал, не помог, не вызвал скорую, а может быть, ушёл раньше, но ведь был там. Что делать-то с ним будем, спрашивают нас Скин и Лось. А что делать? Пусть живёт, говорит Кадрия. Если это он, пусть с этим живёт. Правда ли это или нет, не знаю, и знать не хочу, ничего это не меняет.

288. Наверное, это та Маша Кашеева, которая гораздо позже, уже после школы попала в какую-то очень плохую историю. Что-то связанное с милицией, отбиранием квартир у стариков и даже их смертью. Сидела в тюрьме. Теперь не знаю, что с ней и как.
289. Из записной книжки 88 года: «Май, 1:1 мая - праздник. Катаюсь на велосипеде. Магнитофон. 2: Ходил в поход. Я, Бобан, Юшман, Колода, Женька, Мифа. Ели шашлыки. 3: Не пошёл в школу. Вчера поранил ногу. Катаюсь на аттракционах. 4: Прогулял все уроки, кроме первого. Сидели с Семёшиным у Кашеевой. 5: Ушёл с двух трудов. Купался около церкви. Взял у Соньки анкету. 6: Двухчасовая контрольная по геометрии. Вроде написал. 7: Зарядил дождь. Нам ко второму уроку. 8: Праздник. Ездил на Сходню. Вчера играл в лото. 9: Праздник. Идёт дождь. Вечером ходил на крышу смотреть салют. 10: Распогодилось. Ездили с Семёшиным на студию. 11: Подготовка к походу. Играли в ... [неразборчиво – И.Б.]. 12: Ездили с Колодой на студию, встретили Семёшина. Колода записал "THE HIPHOP MIX MEGA MIX", 3 ЧАСТЬ. 13: Нам надо было идти к 3-ему уроку, а я прогулял весь день. 14: Отпросился с двух последних уроков. Едем в поход!!! Турист ... [неразборчиво – И.Б.]. Пили вино, ели шашлык, пускали «маг». 15: Поход. Я спал всего лишь 2 часа. В 1 поехали домой. Кашель. Чуть не заболел. 16: Вчера ходили все, кроме Межевова, Торинова, Воробьёвой, Рожковой, Тарасовой. ... [неразборчиво – И.Б.]. 17: Писали 3-х часовое сочинение по русскому. Гулял. Писал в автобусе (ТДК). 18: Ездил на студию с Голубом, ходили в ЦУМ, купил батарейки. 19: Было два урока. 4-7 классы - поход. Столетов испиздил Димона. 20: Ездил на студию. Взял кассеты. Взял у Колоды hip-hop. 21: Был у Голуба. Он починил филипс. 5/4 по зачёту. 22: Выходной. Играли с Игорьком в бадминтон. 9 чемпионатов по 3 сета. 23: Чемпионат. С Игорьком. С ... [неразборчиво – И.Б.]. С Генчиком. Все я выиграл. 24: Ездили купаться к озеру. Уроков не было. 25: Прощальный звонок. Ездили всем классом на ВДНХ. Катались на лодках. 26: Взял у Лёхи кассету, чтобы записать Минаева. 27: Скоро экзамены. Учу билеты. Димон предлагал

протеин. 28:Купался в озере. Учу билеты. Зажигалка. 29:На двор покатила волна игры в яйцо. Играю не очень хорошо. 30:Играли в яйцо. Достиг совершенства. 31:Ездили в Виноградово на велосипедах».

290. Из записной книжки 88 года: «Июнь, 1:Экзамен по русскому (сочинение). Ездили в Виноградово. 2:Купались, я прямо в одежде. Играли в козла в ворота. Завтра экзамен. 3:Экзамен по русскому. Я - II группа, билет №19. 4 по экзамену. 4:В 9⁰⁰ консультация по алгебре. Ездили на Клязьму. Я, Мифа, Ю.С.Ж. 5:Лагерный день. Ездили на Клязьму. Я, Костик, Глуня, Кира, Данька, Лёха. 6:Ездили на Клязьму. Я, Кочет, Бриткевич, Г.Д., Женька ... [неразборчиво – И.Б.] скандал. 7:Ездили на Клязьму. Полно народу. У Кирьы украли штаны. 8:Вчера приехал Вадик Брюханов с Ромкой - полный идиот. Весь день как в аду. 9:Учу билеты. Гулял. Вечером шёл дождь. 10:Экзамен по геометрии. 18 билет. Ответил на 5. 11:Кончились все экзамены. Гулял. Вечером на гитаре. 12:Выходной. Вадик с Ромкой и не собираются уезжать. 13:Первый день практики. Комиссия по приёму в 9 класс. Мне не хватило места».
291. Хотя Рустам не показывал виду, но перевод в другую школу, наверное, стал для него тяжёлым ударом. Он потерял интерес к школе, стал часто прогуливать уроки и хуже учиться. А ведь он всё схватывал «на лету», ему достаточно было немного позаниматься, и он получал «отлично». Но не было интереса к учёбе, пропал куда-то интерес. И повторяющийся рефрен «всё о`кей!» прочитывается как «всё плохо!».
292. Из записной книжки 88 года: «Июнь, 14:Ходил в школу №655. Сказали, что, наверное, примут. 15:Практика. Почти ничего не делали. Играли в карты. Я - майор 4-4-фут. 16:Сегодня дождь. Практики не было. Фильм «Фотография женщины с диким кабаном». Ходил в 655. ... [неразборчиво – И.Б.]. 17:Был дождь. Ходил в 655 школу. Взяли. 18:Дождь. Практики не было. У меня закрылась дверь. Были у Ирки. 19:Погода улучшилась. Кира поставила Колоде фингал. 20:Дождь. Приехал папа из командировки. 21:Ездили с Глуней на «Танцор диско» и на рынок. 22:Практика. Отрабатывали на поле. Полем свёклу. 23:Ездили с ребятами на «День гнева». Вечером - футбол. 24:Практики не было. Смотрели «Разорванный круг». 6:5 «Ереван». 25:Гулял. Сидели в подъезде. ТУ-134. Наши проиграли голландцам 2:0. 26:Сегодня жарко. Ездили в Водники. Вечером лил дождь. 27:Сегодня не пошёл на практику. Ездили на Клязьму. Вечером футбол 6:2. 28:Ездили на практику. Около Клязьмы. Пололи капусту. Купались. Без обеда. 29:Объявил забастовку. На практику не ходил. Были у Оксанки Полетаевой. Торт. 30:Последний день практики. Уехал Брюханов. У нас живёт Люда».
293. Из записной книжки 88 года: «Июль, 1:Ездил на вокзал (Киевский), провожал Люду. 2:Приболел. Весь день сидел дома, лечился. 3:У мамы

был день рождения. Я потихоньку выздоравливаю. 4: Поезд в 7¹⁵ на Казань. Вечером и ночью играли в карты. 5: Был у Фариды на работе. Играл в компьютеры. 6: Приехали на дачу. Встретил Дениса, Димона, Ирку. Вечером скандал. 7: Купались. Очень жарко. Показали мне место для курения (харчевня). Вечером ездили на диско. 8: Ездили в Дергачи. Купили блок ТУ-134. 9: Устроились на коряге. Устроили там тайник. Купались. Наладил контакт. 10: Встретил Ирку Алексееву, Нельку, Катю. С Ирккой всё. 11: Приехал большой Олешка с Танькой из Одессы. Купались, курили. 12: Узнали о том, что Ирка с Катюшкой курят. Курили вместе. 13: Решил, что буду гулять с Ирккой. Нырнул с понтонов. Ездили на диско. 14: Денис на спор топил Нельку. Я ему помогал. Мы выиграли. 15: Сменили место на болото. Димон сильно порезал ногу. 16: Курили на болоте. 6 числа познакомился с Андреем. Костёр. 17: Приехал Борька из Германии. Фотографии. Жвачка. 18: Курили Арктику, Петровские. В деревне купили ... [неразборчиво – И.Б.] и NB. 19: Купались. Гуляли по острову. Снял с Ольги цепочку поносить. 20: Сделали место в камышах. Нас засекли на коряге. Скандал. 21: Пили у Ольги с Юлькой чай. Потом нас заставили убираться. Ходили на дискотеку. 22: Мой день рождения. Купили Космос, фильтр, сок. Костёр. Сидели до 12. 23: Дуаника уехала в город. Вчера целовался с Ирккой. 24: Остался с Дуатикой. Полный балдёж. 17 числа приезжал Фарид. 25: Позавчера приезжала Инка. Курили Яву 100 и Югославия. 26: Пили у Дениса водку. Гуляли по острову. Всё о`кей. 27: Испортилась погода. Сменили место. 2 раза за день. 28: Всем дали кликухи. У Борьки - Лапушка, Денис - Чибис, я - Bishop, Домин - батон. 29: Обыкновенный день. 18 числа гулял с Макаровой, а Борька с Нелькой. 30: Уехала Нелька. На память оставила кольцо. 31: Вчера приехал Виталик. Ходит теперь с нами. Всё о`кей».

294. Из записной книжки 88 года: «Август, 1: Сменили место 29 числа, целая камчатка. Ходили за яблоками к мар... 2: Приехал Олешка. Мы с ним вдвоём. Новое яблочное место. 3: Сделали ... [неразборчиво – И.Б.]. Приехал катер ... [неразборчиво – И.Б.]. Ирек - новый друг. 4: Остались впятером. Сидели у Дениса. Дождь. Обнимались и целовались с Ирккой. Полный кайф. Катюшка уехала. 5: Большая утрата. Уехал Андрей с Димоном. Нас засекли. Дома скандал. 6: Каторжный день. Мою посуду. За водой. Бабка смирилась. 7: Приехал Мишка Калинович. Остался у нас. Видеосалон. «Охотники за привидениями». 8: Мишке не отдал деньги ... [неразборчиво – И.Б.]. У Ирки взял адрес. Уехали в Казань. Всё!!! 9: Целый день в Казани. Помылся. Скукота смертельная. Поезд 8³⁰, еду в Москву. 10: Первый день в Москве. Встретил почти всех. АФАМІА. 11: Весь день в Москве. Ездили в видеосалон. Я, ... [неразборчиво – И.Б.], Генка».

295. Дальше Рустам описывает день за днём наш поход по Кавказу через перевал Гезевцек. Маршрут 101, группа 63. Это единственное, насколько я знаю, описание того похода.
296. Из записной книжки 88 года: «Август, 12: Утром самолётом в Нальчик. Изучаем базу. Нервный срыв. Купались. 13: Экскурсия в город. Езда на канатке. Ходили в зоопарк, минералка. 14: Ездили на канатке на гору Нартан (Большая Кизилровка). Ходили в город. Дискотека. 15: Приехали на базу «Голубые озёра». Экскурсия: озёра, водопад «Мужские слёзы». 16: Встреча 64 группы. Экскурсия в пещеру Бабугент, водопад, озеро. 17: Был медосмотр. Получили сухой паёк ... [неразборчиво – И.Б.] 5 штук. 18: Выехали с базы. Черекское ущелье. Идём пешком 18 км. Дых-су. Прибыли. НАРЬІ [вместо кроватей – И.Б.]. 19: Отдыхаем, волейбол, грибы, малина, туман. 20: Идём на приют Северный. Нарзанные ванны. Нарзан. Ели чернику. 21: Ходили в долину нарзанов. Гуляли, видели разбитый вертолёт. Волейбол 3:2. 22: Идём через Гезевцек. Прошли 3 взлёта. Лёд, снега. Пришли к приюту Южный».
297. 22 августа 1988 года на перевале Гезевцек Рустам снимает туристические ботинки, я стою и смотрю на горное море. Волна за волной.
298. Из записной книжки 88 года: «Август, 23: От приюта Южный идём до Геби 18 км. Потом на автобусе до Они. Пили вино. 24: Целый день в Они. Ходили к минеральным источникам, купались в бассейне. 25: Они. Группа ходила в город на экскурсию. Торжественная раздача значков. Обмыли это дело. 26: Едем в Чакву. 5 часов. Кутаиси. Приехали. Чёрное море. Пили кофе. 27: Экскурсия по городу Батуми. Купались в море. Вечером в гостях. 28: С утра дождь, целый день дождь. Раздавал адреса. Пили вино «Алазанская долина». 29: Ездили в Батуми. Восточные сладости. На море шторм. Дождь. 30: Целый день дождь. Сидел в треске весь день. Я, Света, Лена, Инна. 31: Ходили в Чакву 2 раза. Вино. Ходили в чайный домик. Всё!!!».
299. В стопке писем и открыток, которую Рустам хранил в специальном деревянном ящике, я обнаружил 18 открыток от тех, с кем мы ходили в поход через Гезевек. Особенно Рустам сдружился с несколькими студентками, которые были, конечно, старше его, но не намного. Он часто пропадал у них в гостях, когда мы отдыхали после похода в Чакве. Одна из них, Света, потом в Москве была у Рустама в гостях. На фотографиях Света, Рустам, Рустам со Светой и Рустам с Пушким – там, где Рустам держит одной рукой Пушка за уши, а другой – кусочек сахара.
300. Из записной книжки 88 года: «Сентябрь, 1: С утра уезжаем. 8 часов сидели в аэропорту. Вылет в 8⁰⁰. Прилетели в 12 ч. ТУ-134. 2: Встретил

почти всех. Гулял весь день. В школу не ходил. За кольцевую. 3: Первый день ходил в школу №655. В классе я, Ленка, Людка, Вадим. 4: Ездили в кино «Бей первым, Фреди». Я, Женька, Димон, Глуня, Генчик, Статуя [прозвище «нашего» Максима – И.Б.]. Дискотека. 5: Ходил в школу, смотрелись с Вадей с физики, сделал уроки, гулял до 10³⁰. 6: Отпустили с 4-х уроков. Ездили в поликлинику насчёт УПК. Везде «да». 7: Ходил в школу. Завтра УПК, уроки делать не надо. Космос, Ява, играли в квадраты. 8: Ходил в УПК. Записались на столяра-плотника. Встретил Макаркина. Засекли в УПК, что курю. Квадраты. 9: Смотрелись с физ-ры и с истории, ходили в нашу школу [школу №214, где Рустам учился с 1-го по 8-ой классы – И.Б.], взяли мед. Карты. Квадраты. 10: Показывали фильм «Иди и смотри». Засекли дома, что курил. Жвачка. 11: Сидел с Колодой у Катьки. Колода с ней поссорился. Были на ярмарке. День города. 12: Всё нормально. Вечером играли в квадраты по странам. Я – Америка. 13: Ушёл с физ-ры и с химии, ходил в школу №214. Взял ... [неразборчиво – И.Б.]. 14: Отдал Соньке кассету послушать. Вечером устроили у меня фанатство. 15: Ездили за вином, купили две бутылки водки. Вечером играли в квадраты. За ... [неразборчиво – И.Б.] не ездили. 16: На английском меня пронесло. Вечером играли в квадраты. День рождения Серого К. 17: Ходим в поход. Пили спирт, самогон, водку. В доску пьяные. 18: С утра едем домой. Я заиграл кассету. Домой пришли в 2 часа, спал до вечера. 19: Я заболел, в школу не ходил. Вызвали врача. У меня ОРЗ. 20: Болею, очень сильный кашель. Смотрел Олимпиаду в Сеуле. Селитра. Вечером лечился. 21: Лечусь, стало легче. Приходил Глуня, делали ракетки, пожар. 22: Ездил в поликлинику. Меня выписали с понедельника. Встретился с Машкой Кащеевой. 23: В школу не ходил. Вечером уже гулял. Играли в квадраты. 24: Колода хочет гулять с Землянкой. Заходили за ней. 25: Воскресенье, целый день гулял во дворе. Вечером ходили к Землянке. 26: Ходил в школу. Писали самостоятельную по литературе. 27: В школе ничего интересного. 25 числа записал Наутилус-Помпилиус. 28: Ко мне в школу приходили Глуня с Сёмой. Статуя взорвал бомбу, и осколок – в старика. 29: Было УПК, проходили по профессии слесарь. Скоро отпустили. 30: Всё хорошо. Вечером играли в ... [неразборчиво – И.Б.]».

301. Из записной книжки 88 года: «Октябрь, 1: Вечером гулял. День учителя. Отпустили с НВП. Над Максимом суд. 2: Встреча нашей 63 группы [группа в походе через Гезевецк – И.Б.]. Было очень много народу. Памятник Пушкину, 12⁰⁰. 3: Уроки прошли хорошо. Ездил с Глуней и Сёмой на «Кинг-Конг» в «Ладугу». 4: Учусь, ушёл с физкультуры. Вообще в школу не ходил. Ходил в 214 школу. 5: Ушёл с английского. Вызывали к директору. Больше не прогуливаю. 6: УПК. Нашу группу расформировали.

Я пошёл на маляра. Сегодня нас отпустили. У папы день рождения. 7: День конституции. Мы не учимся. Ездил на Рижский рынок. 8: Утром играли в квадраты. Вечером ездил на курсы по английскому языку. 9: Весь день играли в квадраты. Решил взяться за ум. Постирал джинсы и кофту. 10: Отсидел все уроки и УПК. Ездил с Сёмой, Глуней и Резником на «Сюрприз Афродиты». 11: Получил «5» по истории. Стал гораздо меньше курить. Вечером учил физику. 12: Зачёт сдал на «5». Нам раздали зачётные книжки. Вечером немного гулял. 13: Был на УПК. Переквалифицировался на маляра-строителя (мед-карта). 14: Играли в квадраты. Сдал зачёт по физкультуре. 15: Было родительское собрание. Мне влепили общешкольный выговор. 16: Выходной. Приехал Фарид. Привёз фотографии на даче, 86 год. 17: НВП проводили в классе. Собрали зачётные книжки. 18: Получил «5» по зачёту по истории. Занимаюсь с отцом. Доп. Задание. 19: Всё нормально. По английскому нужно Moscow News. Основные тригонометрические теоремы. 20: На УПК отнёс справку. Было 4 урока, всё время писали. Ездили с Фаридом на Рижский рынок. 2 значка, 2 дональда 6 р. 21: Проходил с Папой формулы приведения. Вечером гулял. 22: Шёл снег. Пошёл в школу в куртке. Фарид купил себе парашют. 23: Я, Сёма, Глуня ездили в «Космос» на «Заклятье долины змей». Фильм отличный. Уехал Фарид. Жалко. 24: В парикмахерскую ходил. Мы с Глуней постриглись. Написал контрольную по геометрии. 25: Ездили с Геной, Глуней в «Ереван» на «Заклятье долины змей». Ян, Травен, Бричер. 26: Вечером гулял. Мама мне купила зимние полусапоги на липучках. 27: По УПК писали контрольную. Получил 5 за ведение тетради. Вечером готовился к контрольной. 28: Писали контрольную по физике. Повторил с отцом формулы двойного угла. 29: Вечером в 214 школе была дискотека. Rock`N`Roll, DEPESH MODE, METAL. 30: В парке была ярмарка. Вечером сидел у Статуи. Потом у меня Иркино день рождения. 31: Вечером гулял. Дома засекали, что я курил».

302. В Рустамовых записных книжках Глуня (Сергей Глушков) встречается 45 раз. Позже, в 91-ом году, когда Глуня служил в армии, Рустам получил от него 13 писем (по крайней мере, столько писем лежало в деревянном ящике). В основном, Сергей пишет о том, как он служит. А ещё, как реакция на письма Рустама и других московских друзей, о том, как ему не хватает прошлой вольной жизни «на гражданке», «водки и баб» и т.п. Он пишет: «...Бишен, сейчас бы посидеть у тебя на кухне с сигаретой в зубах, вот моя мечта. Правда, здесь я бросил курить, но по такому случаю я бы снова начал...». И ещё пишет: «...Это хорошо, что ты от армии скопил на 3 года. Приду из армии, вот тогда погуляем мы с тобой. И вообще, на хуй тебе армия нужна. Сиди дома, пей водку, баб еби, не хуя этот Узбекистан защищать...».

303. Из записной книжки 88 года: «Ноябрь, 1: В школе всё о`кей. На физкультуре играли в волейбол. Взял у Семёшина DEPESH MODE. 2: Дал 30 числа Костику кассету с Наутилусом. Вечером сидел у Статуи. 3: На УПК писали контрольную. Вечером играли в слона. Ездил на курсы. 4: Писали сочинение по литературе. Последний день I четверти. 5: Каникулы. Играли в слона. Вечером сидел у Статуи. 6: Гуляли. Играли в квадраты. DEPESE MODE - 87, 87 А-НА-85. 7: Вечером это дело отметили. Сидел у Статуи. 8: Петровка 38. Огарёва 6. Приболел. Сидел весь день у Статуи. Играли в карты. 9: Сидел у Семёшина. Курили трубку с голландским табаком. 10: УПК. Нужно сделать реферат по современному строительству. По контрольной «4». 11: Переменилось расписание. Было 6 уроков. Ездили на курсы английского языка. 12: Ездили с Семёшиным на студию записи. DEPESE MODE - 84. 13: Утроя сидели у меня. Днём играли в слона и в квадраты. Вечером занимался. 14: Ездили с Семёй и Глуней на студию за кассетой. Вечером играли в слона. 15: Ездил на курсы по английскому. По дороге заехал на студию, записал EXOPUS-87. 16: Писал реферат. Списал у Семёшина DEPESE MODE - 86. Вечером играли в слона. 17: Ездил на студию, взял EXOPUST. Записал DANET JAKSON. Купил «Яву», Москва. EXOPUS. 18: Получил 4 по английскому. Первенство школы по волейболу. 9а-9б. 19: Вечером ездили гулять по Москве. Алису отменили. Гриль-бар, такси. 20: Ездили в кино «Сплошные неприятности с двойником», «Волга» [кинотеатр – И.Б.]. 21: Всё нормально. Вечером играли в слона. Собрали зачётки. 22: Ездили с Семёшиным на студию за А-НА-88. На курсы не ходил. 23: Вечером с Геной ездил на концерт Бони Тайлер. Солидно. 24: Понедельник. Играли в слона. Капас - 70 копеек. 25: УПК. Получил 5/5. Сидел у Семёшина. Потом у Колоды. Слон. 26: Было 3 урока, смотрели фильм про ... [неразборчиво – И.Б.]. Вечером играли в слона. 27: НВТ не было. Ходили на дискотеку в 214 школу. Я, Серго, Гена. 28: Днём сидел дома, решал примеры. Вечером гулял, играли в слона. 29: Заболел, не ездил на курсы. Вечером не гулял, сидел дома. 30: В школу не ходил. Сидел дома. Вечером гулял. ALFA-BILLE».
304. Из записной книжки 88 года: «Декабрь, 1: Ходил на УПК. Сегодня все были дома. Вечером ходил гулять. 2: В школу не ходил, сидел дома. А-НА-88. Делать нечего. 3: Сидел дома, пришёл ко мне Генка. Вечером немного гулял. 4: Почти целый день сидел у Генки. Я, Конст, Вита, Димон. Гулял. 5: Пошёл в школу. Была контрольная по химии. Вечером сидел дома. 6: Заболела училка по биологии. Вечером гулял. ... [неразборчиво – И.Б.] машины. 7: После уроков ходил сдавать зачёт по алгебре. Вчера ездил на курсы. 8: Притащил на УПК магнитофон. На курсы не ездил. Вечером не было никого дома. Гулял с ... [неразборчиво –

И.Б.]. 9: Всё хорошо. Вечером гулял. Играли в слона. Стояли в подъезде. 10: По литературе писали анализ стихотворения. Вечером гулял. Играли. 11: Ездили в кино я, Серго, Глуня. «Комиссар» в «Марсе». Вечером немного гулял. 12: Ходил на информатику. Вечером сидел дома. 13: Ездил на курсы по английскому. Очень много задали. Вечером гулял. 14: Сдал деньги за экскурсию. Сидел у Семёшина. Вечером гулял. 15: Ездил на курсы. УПК - самостоятельная. Вечером поскандалили с матерью. Немного гулял. 16: Всё отлично. Вечером гулял. Играли в слона. 17: Ходил на дискотеку в 166 школу. Уроков почти не было. 18: Ездили в кино я, Глуня, Const в «Ереван». «Лентяй». Вечером сидел дома. 19: Ходил в школу. Всё хорошо. Вечером гулял, сидели в подъезде. 20: В школу не ходил, сидели у Глуни я и Сёма. Купили пластинку M.Jakson. 21: Был зачёт по химии. Вечером гулял с магом. Был скандал с родителями. 22: По УПК был зачёт, сдал на 2 и в полугодии 5. Днём писал доклад по географии. Вечером сидел дома. 23: Сдавал зачёты по геометрии (+) и по английскому (?). Сидел дома. 24: Сдавал зачёт по литературе. Осталось ... [неразборчиво – И.Б.]. Гулял. 25: Весь день сидел, писал билеты по географии. Вечером немного гулял. 26: Писали зачёт по НВП. Я написал на 4,4,4. На информ. не ходил. 27: На курсы не ездил. Сидел дома с Глуней. Вечером гулял. Сдавал химию. 28: На УПК был один урок. Дискотека в 214 школе. 29: На дискотеке было: DEPESHE MODE, ROCK`N`ROLL METAL. Генка, кажется, будет гулять с Катькой. Зачётку не брал. 30: Каникулы. Водили с Колодой бабку в парикмахерскую. Ездили с ним на станцию, пили вино. Убирался. 31: Ходил по магазинам, искал сметану. ... [неразборчиво – И.Б.]. НОВЫЙ ГОД!!! Было большое пиршество. Приезжал Вита. Я пьяный гулял».

305. Поздравительная открытка от 21 декабря 1988 года из города Очамчира Абхазской АССР: *«Рустем! Поздравляю тебя с Новым 1989 годом! В кругу друзей под звон бокалов желаю встретить Новый год! Чтоб ничего не оставалось: ни дум, ни горя, ни забот. Пусть на твоём лице всегда сияет радостная улыбка! Ирина».*

306. Из записной книжки 89 года: «Для заметок: Эта книжка появилась у меня 10.10.88. Январь, 1: Ночью гулял со Статуей. Ездил с Гешой и Констом в «Ладогу» на «Короткое замыкание». 2: Ездил с Глуней и Михасей в «Орион» на «Кинг-Конг жив». Фильм Джона Гиллермина. 3: Ездили на «Кинг-Конг жив». Я, Глуня, Кэп, Конст, Геша. Сидел у Глуни. Гулял. 4: Ездили в «Будапешт» на «Ловушка для кошек». Сидели у меня. Я, Глуня, Геша, Людка, Лена. 5: Утром немного гулял. Сходил за зачёткой. Сидел дома. Скандал. 6: Весь день сидел дома. Приходил Статуя, Колода. Перемирие. 7: Ездил во Владимир, со мной Ванька, Васин, Долин, Рядовая, Германова и т.д. Церкви, выставки. Грамота. 8: К нам приехали:

Света, Инна, Лена, Лена, Саша. Играли, музыка, фото. 9: Ходил с ребятами в «Будапешт» на «Воры в законе». Сидел дома. 10: В школу не ходил. Ездил на курсы с Геней. Вечером сидел дома. 11: Ходил в школу, ничего новенького. Днём сидел дома. Вечером гулял во дворе. 12: Было УТК. Ездили к «Комсомольцу» на курсы по технике безопасности. 13: В школу не ходил, сидел весь день у Глуни. Вечером сидел с Гешой у меня. 14: В школу не ходил. Ездил с Глуней, Сёмой в кинотеатр «Мир» на «Легенду о Нараяме». Вечером гулял с ребятами. 15: Играли в футбол и в квадраты. Гулял. Всё хорошо. 16: Заболела Ольга Евстигнеевна [классная руководительница Рустама – И.Б.] и Маргарита Моисеевна. 17: На этой неделе наш класс дежурный. Дежурил на истории. 18: Вчера ходил на курсы. Всё хорошо. Вечером гулял! Шухерили. 19: На УТК не ходил. Взял у Глобуса кассету про Фелисту [? – И.Б.]. 20: Сегодня смотался с физкультуры. Вечером немного гулял. 21: Сегодня было 4 урока. В школе родительское собрание. Про меня не говорили. Ходил к Ирке. 22: Выходной. Весь день сегодня играл в футбол. Я, Игорь, Сёма. Вечером сидел дома. 23: Ходил в школу. Учителя все вышли. Вечером гулял. 24: Отпросился с двух уроков. Сидел у Илюхи. Гулял с ним. 25: В школу не ходил, сидел у Илюхи. Ходили в кино «Ассоциация злоумышленников». 26: На УТК не ходил. Ездили в «Марс» на «Как три мушкетёра». 27: Сидел у Илюхи. Плакаты, календари, автомат. Гулял. Джинсы. 28: Притворился, что болею. В школу не ходил. Сидел дома. 29: Ездил в «Марс» на «Как три мушкетёра». Заболел. 30: Болел. Вызвали врача. Сказал, что у меня грипп. 31: Заболела мама. Сидим вместе с ней дома».

307. Из записной книжки 89 года: «Февраль, 1: Болею. Утром смотрю Колумба. Мама выписалась. Приходил Гена. 2: Ходил выписываться. Сказали в понедельник ехать в 105. 3: Сижу дома один. Мама ушла на работу. 4: Выздоровел. Ходил к репетитору Марине Львовне по математике. Всё о`кей. 5: Устроили у меня пир. Я, Илья, Юшман. Купил значок DEPRESHE MODE. 6: Ездили с Глуней выписываться. Г. выписался во взрослой поликлинике. 7: В школу не ходил. Ездили в «Ереван» на «Беглецы». Позвонила О. Евстигнеевна. 8: Первый раз вышел в школу. Ушёл с двух уроков. На курсы не ездил. 9: На УТК не ходил. В 9-этажке открылся видеосалон. Смотрел «Большой переполох в маленьком Китае». 10: Смотрел в видеосалоне «Смертельное оружие». Стоит 1 рубль. 11: Ушёл с двух уроков. Смотрел «Чужие» и «Горец». Не пошёл москонцерт. Не ходил к репетитору. 12: Выходной. Смотрел «Улица в огне», «Rocky-III», «10 минут до полуночи». 13: Ольга Евстигнеевна обещала прийти ко мне домой в гости в среду, а так всё о`кей. 14: Ходил опять в видеосалон, смотрел «Полицейскую академию» I часть и

«Командо» 2-ой раз. 15: Смотрел «Rocky-III» и «Миллионы Брустера». О.Е. всё-таки пришла. Почти ничего не было. 16: УПК. Таскали кирпичи, пыль попала в глаза. Смотрел «36 ступеней Шао-Линя». 17: Было 2 урока. Флюорография. Ездил на курсы. Вечером сидел дома. Фильм по Агате Кристи. 18: Не ходил к репетитору и на встречу с ветеранами. Смотрел «Киборг-убийца». Немного гулял. 19: Утром играл с Максом. Ходил в видеосалон на 6 часов. «Полицейская академия - III». 20: Отвечал по алгебре. Ходил к Ленке Р. в гости. Ходил к репетитору. Гулял с Ильёй. 21: Писали самостоятельную по алгебре. Сидел дома. Гулял с Глуней на станцию. 22: Ушёл с первого урока. Ходили с Мифой и Констом в «Ереван» на «На следующее утро». 23: УПК. Убирал комнату. День советской армии. Смотрел «Конан-варвар». 24: Ушёл с четырёх уроков. Сидел у Ильи. Смотрел «Полицейская академия IV». 25: Писали лабораторную по химии. Ходил к репетитору. Вечером сидел дома с Глуней, пили коктейль. 26: Чувствую себя плохо. Купил в универмаге зимние ботинки. Заболел. 27: В школу не пошёл. Заболел. Смотрел «Рабыню Изауру». Врача не вызывали. 28: Болею. Пришёл Геша, целый день писали кроссворды. Чувствую лучше».

308. Из записной книжки 89 года: «Март, 1: Первый день весны. В школу не ходил. Сменял кассету на фото. 2: УПК. Смотрел «Кошмар на улице вязов». Фредди Крюгер. 3: На курсы не ездил. Сидел с Глуней у меня дома. Ушёл с двух физкультур. 4: Ходил к репетитору. Вечером гулял с Ильёй. Стреляли в тире. 5: Смотрел фильм «Кошмар на улице вязов» IV часть. Гулял. «Космос». 6: Не было 3-х уроков. Смотрели фильм «Пётр I». Съездили за цветами. Смотрел «Горячая жевательная резинка». 7: Ушёл с двух уроков. Ездили на станцию. Купил нарциссы, подснежники. 8: Международный женский день. Поздравил маму, бабушку. Смотрел «Переполох», «Нечто». Гулял вечером. 1р.50к. 9: На практику не ходил. Засекла Ольга Евстигнеевна. Смотрел «Кобра». Ездили в кино с Глуней. 10: На курсы не ездил. Сидел у Ильи дома. Вечером ходил стричься. Всё о`кей. 11: Ездил на станцию за семечками. Ходил к репетитору. Вечером гулял. 12: Хорошая погода. Ездили на станцию. Купил «Родопи». Гулял. 13: Ходил на информатику. Смотрел ... [неразборчиво – И.Б.]. Гулял с магом. 14: Приехали Дуани с Дуати. Привезли самоучитель, телефон. Гулял. Карты. 15: Гулял с Глуней. Вечером ходили в народ искать бомжей по квартирам. Зажигалка. 16: УПК. Красили окна. Днём гулял с Глуней. Уроки. Магнитофон. 17: На физкультуре бегали 3000 м. 12 кругов вокруг школы. Вечером гулял с ... [неразборчиво – И.Б.]. 18: НВТ не было. Вечером ходил в видеосалон с Генкой. ... [неразборчиво – И.Б.]. 19: Расклеивал листовки. Смотрел «Ночные ястребы», «Безумный Макс» (MAD MAX)».

309. В то время шла кампания по выборам на Съезд народных депутатов. Мы с Кадриёй взяли расклеивать листовки Аркадия Мурашёва, а Рустам нам помогал. Заклеили всё Лианозово, Мурашёв победил.
310. На собрании по поводу этой победы мы познакомились с Семёном Шилкопером, который агитировал за вступление в движение «Демократическая Россия». Потом, уже на собрании ДемРоссии, точнее, после собрания, когда мы с Кадриёй стояли на остановке автобуса, чтобы вернуться домой в Лианозово, к нам подошёл Саша Третьяков, который тоже был на собрании. Так мы познакомились и с ним, он тоже жил в Лианозово, около Алтуфьевского шоссе.
311. Потом все вместе вступили в Демократическую партию России (ДПР), председателем которой стал Николай Травкин, а его заместителями Аркадий Мурашёв, Геннадий Бурбулис и Гарри Каспаров. Мы с Кадриёй входили в Правление партийной организации Тимирязевского района, позже – Северного округа, Кадрия была казначеем, а я возглавлял Лианозовскую группу ДПР и одно время входил в Политсовет Московского регионального отделения партии. Наш ближайший товарищ, Женя Малкин, стал одним из 14 депутатов первой государственной Думы от ДПР, а я – помощником депутата в числе прочих помощников (первое время это даже давало право на бесплатный проезд в городском транспорте).
312. Потом мы исключали Мурашёва из ДПР на собрании нашей партийной организации, на учёте в которой он состоял. Потом Травкин покинул ДПР, его сменили Сергей Глазьев (председатель партии) и Станислав Говорухин (глава думской фракции). К нам приходил Дмитрий Рогозин, от Конгресса русских общин, мы помогали ему в предвыборной кампании, правда, первый раз он, кажется, проиграл выборы. Чем дальше, тем страннее и малоинтереснее для нас становилась политика. В конце концов, мы ушли из ДПР вместе с большинством старых «партийцев». Теперь раз в год, а последние годы и того реже, мы собираемся узким кругом, чтобы обменяться впечатлениями о текущей политике, что-то вспомнить, пообщаться и просто выпить водки: я, Женя Малкин, Юра Никаноров, Семён Шилклопер, Саша Третьяков, Серёжа Вдовин, иногда кто-то ещё.
313. Рустам всё это время не проявлял особого интереса к политике, да и лет ему ещё было мало. Вот только в его бумагах я нашёл «Свидетельство» об окончании бизнес-школы при Северном отделении Московской региональной организации ДПР от 20 мая 1992 года, регистрационный номер 42, подписанное Председателем Северного отделения МО ДПР Семёном Шилкопером и Директором бизнес-школы Л. Малиновским. Вот только не помню, был ли Рустам на занятиях этой школы больше, чем два-три раза?

314. Немного позже Саша Третьяков и Семён Шилклопер, приехав ко мне в Липовку, полюбили это место и тоже купили себе там дома. Мы часто встречали в Липовке Новый год, Семён был у нас неизменным дедом Морозом, а его жена Наташа – Снегурочкой. Потом Наташа умерла, мы перестали встречать Новый год в Липовке, и Семён больше не приезжает туда, только его сын Ромка навещается к своему другу Лёше-леснику. В «Деревенском дневнике» Рустама есть только одно упоминание о ДПР и одно – о Ромке.
315. Из записной книжки 89 года: «Март, 20: На арифметику не ходил. Сидел у Генки дома. Гулял. Зажигалка у Ильи. 21: Ушёл с истории. Ходил с Глуней гулять. Купили мягкую мебель: диван и кресла. 22: Был классный час. Ездил на курсы по английскому языку. Вечером сидел дома. 23: УПК. Работали до 10 часов. Возвращались на такси. Днём и вечером гулял. 24: Вчера было Генкино день рождения. Сегодня справляли. Пили шампанское. Я, Димон, Женька, Глуня. Гуляли. 25: Сегодня справляли день рождения бабушки. Статуя ночевал у меня. 26: Каникулы. Целый день гуляли. Сидели у Геши, играли в карты. 27: Ездили на Рижский рынок. Я, Геша, Глуня. Купил брелок 2 Дональда. 28: Ходили за окружную. Пили пиво, костёр, еда. Ходили на дискотеку в 166 шк. 29: Ездил на курсы по английскому языку. Вечером гулял. Играли в карты. 30: Гуляли целый день. Я, Глуня, Конст. По телевизору «Графиня де Монсоро». 31: Гулял. К репетитору не ездил. Сидели у Ленки, ели блины, пили чай. Вечером гулял».
316. Из записной книжки 89 года: «Апрель, 1: Ходил в школу. 1 апреля – никому не верь. Всё хорошо. К репетитору не ходил. 2: Ходил в гости к Людке Кручининой. Ходил к репетитору по математике. 3: Выходной. Ходил в видеосалон. Смотрел «Командо». Вечером гулял во дворе. 4: Сидели у меня, играли в карты. Я, Глуня, Симон, Геша, Колода. Гулял. 5: Сидели у Геши, играли в карты. Вечером гулял во дворе. Магнитофон. Взял ДДТ. 6: На курсы не ездил. Гуляли с Глуней. Вечером сидел дома, немного гулял. 7: На УПК не ходил. Сидел всё утро у Илюшки. Вечером гулял во дворе. 8: К репетитору не ходил. Сидел дома. Потом ходили гулять по улицам. 9: Отрабатывали ОПТ. Генеральная уборка класса. Вечером гулял. 10: Ходил на «Полицейскую академию» V часть. Вечером ездили с Гешой на балет во Дворец съездов. 11: Притворился больным, в школу не ходил. Вечером гулял во дворе. 12: К репетитору ходил. Возвращался на электричке. Вчера смотрел «Муха». Ужасы. 13: УПК. На теорию не ходил. Купил ручку. Вечером гулял на крышу с магом. 14: На практику идти не надо. Вчера ходили смотреть ... [неразборчиво – И.Б.]. Фотографировались. Ездили в ателье. 15: Всё хорошо. Заходил в 214 школу. Ездили с Глуней за семечками. 16: Целый день отвратительная погода. Выходной. Туши с утра. Сидел у Глуни. Гулял. 17: В школе всё

хорошо. Отработал ОПТ. Сидели с Глуней у Мезиной. К репетитору не ходил. 18: Ходил к репетитору по математике. 5 рублей. Вечером гулял. 19: Ездил последний раз на английский. Купил плакат Beatles и журнал. 20: УПК. Не работали. Ездили к «Волге». Вечером гулял. Сидели с Ирккой. 21: Сидел дома. Приходили Ольга Мезина и Глуня. Сидели, пили чай, играли. Гулял допоздна. 22: Погода испортилась. Играли в квадраты. Немного гулял. Сидел у Ильи. 23: Весь день лил дождь. Немного гулял. К вечеру распогодилось. Гулял во дворе. Взял сочинения. 24: Написал сочинения. Сдал все зачёты по литературе. Сидел у Геши. Играли в футбол. 25: Играли в квадраты. Ходили с Глуней в *** [неразборчиво, ниже ещё несколько раз встречается это слово, но я так и не смог его расшифровать; обозначаю тремя звёздочками. – И.Б.]. Смотрели концерт. POP-PUNK, ROCK. 26: Ходил к репетитору. Вечером играли в футбол на 10 бутылок. Мы выиграли 10:3. 27: УПК. Красили забор. Вечером играли в футбол. Сидел дома. Немного гулял. 28: Отпросился с 4-х уроков. Ездили с Батей на станцию. Ездил в ателье. Вечером гулял. Немного приболел. 29: Приболел. В школу не ходил. Сидел дома, весь день лечился. Вечером немного гулял. 30: Утром пошёл к Геше. Пили вино. Я, Геша, Колода. Был пьяный. Гулял вечером».

317. Из записной книжки 89 года: «Май, 1: Праздник. Ходили в поход. Я, Ирка, Ольга, Конст, Букварь. Они пили спирт. Были пьяные. Вечером гулял. 2: Ходили в поход. Почти всей мафией. Пили вино. Геша подрался с Констом. Вечером гулял во дворе. Помылся. 3: Ходил в школу. Ушёл с 2-х уроков. Заходил к Ирке. Вечером играли в сифу. Играли в карты. 4: Сидели у Ольги: я, Ирка, Геша. Вечером ездили с Гешой в театр-студию «Гамбринус». 5: Был на практике. Вечером гулял. На теорию не ходил. Сидел у Геши. 6: В школе всё хорошо. Получил 4 по английскому. Сидел у Геши дома. Вечером гулял. 7: Было 4 урока. Димон взял BROS. Сидел дома. Вечером гулял, играл в карты. 8: Ходили за окружную. Выпили чуть-чуть шампанского. Вечером гулял во дворе. 9: Родители уехали на весь день. Вечером гуляли я, Ирка, Геша. Сидели до 2-х у Геши. 10: Ночевал у Геши. Сидели весь день. Вечером играли в сифу на велосипедах. Ходили смотреть салют. 11: УПК. Днём сидел дома. Вечером играли в бадминтон. Гулял до 10³⁰. 12: Ходил к репетитору. Вечером с Игорьком и Димой играли в бадминтон. Пришёл в 1 час. 13: Ушёл с 2-х уроков. Вечером играли в бадминтон. Я, Колода, Геша. 14: Ночевал у Геши. Сидели у меня дома с Оксанкой и Ольгой. Вечером гулял. 15: Сдал информатику. К репетитору не ходил. Вечером гулял до 11³⁰. 16: Сдал зачёт по биологии. Потерял ключи. Пришлось высаживать дверь. Гулял. 17: Ушёл с двух уроков. Ходил к репетитору. Сидел дома. Вечером гулял. 18: Ездил за курткой. Заехал на Рижский рынок. Вечером гулял. Куртка - класс. 19: Ушёл с алгебры. Всё хорошо.

Вечером гулял. Ночевал у Геши. С Ирккой очень хорошие отношения. 20: Ходил в школу. Всё хорошо. Писали зачёт по химии. 21: Ходили в ***. Смотрели «Убийство в общежитии». Гуляли. 22: Вчера ездили с Констом и его родителями на военные базы на ночь. 23: Гулял. Всё хорошо. Вчера сидели у Ирки до 1 часа ночи. Целовались, обнимались. 24: Экзамен по литературе. 12 билет. Сдал на «4». Вечером гулял. 25: Отдыхал. Ездили в Водники. Я, Ирка, Тормоз, Глобус, Конст. Вечером гулял. 26: Всё хорошо. Днём гулял. Сидел у Ирки. Вечером гулял. Ночевал у Конста. 27: У Генки сегодня экзамен. Гулял во дворе. Смотрел «Пятница-13» - 3 часть. 28: Выходной. Ходил в ***, смотрел «Пятница-13» - 2 часть. Фильм ужасов. 29: Готовимся к экзамену по географии. Вечером гулял, готовимся к экзамену. 30: Экзамен по географии. 22 билет - сдал на «4». Вечером гулял. 31: Ходил в школу, отнёс учебники. Нужно сдать зачёт по химии».

318. Из записной книжки 89 года: «Июнь, 1: Началась практика. Работаем мы в 5-ой детской больнице. Проезд: автобус 294. Эстафета. 2: Практика. Убирали мусор. Работают: я, Шведов, Семёшин, Колодиев, Бушев, Помовский, Зудиллов. Обедали в сосисочной. 3: Ночевали у Наждака. Ездили на Клязьму купаться. Я, Машка, Игорь, Наждак. Упал в воду. 4: Выходной. Гулял во дворе. Взял послушать SIGUE SIGUE SPUTNIK. 5: На практику не ходил, сидел у Илюшки. Вечером гулял, начали строить столик. 6: На практику не ходил, сидел у Илюшки. Продал плакат ... [неразборчиво – И.Б.]. Купил «Алису». 7: На практику не ходил, сидел у Илюхи. Достроили столик, сделали себе местечко. 8: Чуть не выгнали с практики за прогулы. Убирали мусор. Вечером гулял до 1 ночи. 9: Работали на практике. Опять убирали мусор. Подрался с Семёшиным. Вечером гулял во дворе. 10: Выходной. Днём гулял. Вечером остался ночевать у Наждака. Легли в 2 часа. 11: С утра поехали на Клязьму купаться. Я, Глуня, Тормоз, Глобус. Вечером шёл дождь. Гулял. 12: Ходил на практику. Смотрел в *** фильм «Вепрь». 13: Ходил на практику. Начали проолифливание поверхности. Гулял поздно. 14: Ходил на практику. Олифили стены. Очень устал. 15: Сменял у Илюхи кассету Vaf на джинсовку. Убирали мусор на 6-ом. 16: Ночевал у Бобоновых вместе с Колодой. Купил у Илюхи джинсы AVIS за 25 руб. 17: Выходной. Ходил в ***. Смотрел «Кровавый ... [неразборчиво – И.Б.]». 18: Ходил в ***. Смотрел «Миллион лет да нашей эры». Гулял. 19: Практика. Убирали мусор. Ходил в ***. Смотрел «Возвращение живых трупов». 20: Илья подарил джинсовку. На практику не ходил. Смотрел «Роковая ошибка». 21: На практике убирали мусор. Вечером гулял. Дал Консту DEPESHE MODE. 22: Практика. Колодиева выгнали с практики. Днём спал. Вечером гулял. 23: Убирали мусор. Взял у ... [неразборчиво – И.Б.] послушать АВИА и

Алису. Сидели у Генки. 24:Выходной. Ездили в спортивный, купил ботинки и палку. Сидел у Ильи. Вечером гулял. 25:Выходной. Ходил в *** вместе с Цыганом и Констом. Смотрели «Разрушитель». Вечером гулял. 26:На практике ничего не делали. Заехал к Глуне. Ходили в ***. Смотрели «Остров дракона» 27:На практику не ходил. Сидели у меня дома с Семёном. Вечером гулял. Зажигалка. 28:Последний день практики. Приходил Михася. Ходил на «Кошмар на улице вязов» I часть. 29:Ходил в ***. «Кошмар на улице вязов» II часть, «Брюс Ли наносит удар». Начался кашель. Лечился. 30:Весь день сидел дома, лечился. Приходил Глуня. Вечером собирали вещи, ведь завтра в Казань».

319. Из записной книжки 89 года: «Июль, 1:Поезд в 16⁰⁰. Едем в Казань. В поезде спал. Пили чай. Лёг в 10 часов. 2:Приехали в Казань в 6 часов. Нас встретил Фарид. В этот же день приехали на дачу. 3:Встретил Дениса, Димона, Нельку. Живём с Папой и Дуати. Вечером они уезжают. 4:Остался один. Вчера приехала Алексеева. Ходили продавать рыбу. Ездили в Дергачи. 5:Вчера ночевал у Дениса. Приехали Папа с Дуати. Вечером гулял. 6:Приехал Андрей. Купили 3 пачки «Космоса», 2 пачки «Нашей марки». Гулял. 7:Приехали Мама и Фарид. Испортилась погода. Вечером гулял до 12⁰⁰. 8:Приехала Димина сестра. Сделали себе новое место около болота. Гулял. 9:Уехали Димка, Денис. Сидели, играли в карты. Вечером жгли костёр. 10:Оборудовали место. Слушали магнитофон. Играли в карты. 11:Купались, играли в догончики. Сидели на месте. Вечером гулял до 12⁰⁰. 12:Уехала Нелька. Купались. Весь день в целом провели как и вчера. 13:Каждый день похож на другой как две капли воды. Странно. 14:Ходил в видео-салон. Смотрели фильм ... [неразборчиво – И.Б.]. Я, Ирка, Денис, Нелька, Димон, Олег. 15:Приехал Мишка Калинович. Вечером его мать уехала. Гуляли. Курили. 16:Гуляли все вместе. Сидели у Ирека до 3 часов ночи. 17:Уехали в ... [неразборчиво – И.Б.]. Съел мороженое. Завтра собираюсь вернуться. 18:Приехал на дачу. Приехала Нелька. Сидели на даче у Артёма. Слушали музыку. 19:Опять сидели у Артёма. Артём хочет гулять с Ирккой. Я напился в дерьмо. 20:Начинается какая-то ерунда. Сплошные интриги. Артём, Дима, я - любим Ирку. 21:Оказалось, что Ирка любит Ирека. Стали строить домик. Украли ДСП. Шувалов разъярился. Чуть не убил Мишку. 22:Мне исполнилось 16 лет. Справляли у меня день рождения. Вечером гуляли до 1 часа ночи. 23:Состоялся разговор с Артёмом. Уехала Ирка. Признался ей в любви. 24:Гуляли, купались. Ездили в Дергачи, купили курить. Вечером гуляли. 25:В целом день прошёл так же как и вчера. Скучно без Ирки. 26:Перенесли место на болото. Сидим там уже 4-й день. Наконец приехала Ирка. 27:Сидели у Димки на даче, играли в карты. Вечером сидели на мостках. 28:Уехал в Казань. Напились. Испортилась погода.

Шёл дождь. Скоро заснул. 29 : Приехал из Казани. Целовался с Эвелинкой. ... [неразборчиво – И.Б.] её. Развлекался. 30 : Ходили в лес, жгли костёр. Вечером сидели на мостках до 12 ночи».

320. Из письма Рустаму в Казань от 5 августа 1989 года из города Очамчира: «... С утра был небольшой дождь, а сейчас пасмурно. Вот решила сесть и написать вам всем письма. Начала по алфавиту, чтобы не забыть кого-нибудь. Артёму написала, теперь тебе начала. Прости, сейчас маленькая отлучка. Пока сидела, погода разгулялась, пойду искупаюсь... Сейчас смотрю детский фильм и тебе заодно пишу. Только вот не знаю, что бы тебе такого написать... Пока. Целую. Ирина».
321. Из записной книжки 89 года: «Август, 1 : Ходили на озеро. Купались. Вернулись с грибами. Прощались с Ирккой. 2 : Уехала Ирка. Ездили с Артёмом к ней. Возвращались на попутках в 1⁰⁰. 3 : Сидели у Димона. Приехала Эвелина. Ходили звонили Ирке. Вечером сидел дома. 4 : Дуаникино день рождения. Уехали в Казань. Купил «Югославию». Сидели. Ирка улетела на юг. 5 : Приехали на дачу. Приехал Олешка. Курили «Югославию». 6 : Денис с Олешкой сделали новый штаб в кустах. Приехала Катька. 7 : Сидели в штабе, играли в карты. Вечером смотрели «Спрут» 1 серия. 8 : Денис с Димой и с Олегом забрались к Славке. Нас засекли, но всё обошлось. 9 : Ездили в Дергачи, купил 4 пачки «Астры». Сидели в штабе. 10 : Сидели в штабе. Приходили Катька с Маринкой. Сидели, играли в карты. 11 : Ездили в Дергачи, купили 7 пачек «Астры». Приехал Глеб. Пришло 3 письма от Ирки. Глебу, Денису, Эвелинке. 12 : Вечером жгли костёр на берегу. Награбили досок в саду. 13 : Уехали Глеб с Артёмом. Сидели в штабе. Я прочитал книгу. 14 : Вечером провернули операцию. Сняли стекло на базе. Смотрели «Спрут». 15 : Уехали Денис и Димон. Ели у Катьки блины. Вечером гулял с Катькой. 16 : Встретились в Казани: я, Димон, Денис. Ходили в гриль-бар. Встретили Эву и Олега. 17 : Ездили с мамой в ЦУМ. Купил себе диски. Купили сервиз. Вечером поездом 8²⁰ в Москву. 18 : Прибыли в Москву в 10⁴⁵. Встретил Гешу, Конста, Джона, Димона, Ирку. Вечером гулял. 19 : В парикмахерскую сходил, постригся под депеш. Играли в хаки-сак. Гулял. 20 : Приехал чекист. Играли в хаки-сак. Вечером гулял. Целый день дома один».
322. В разделе «Для заметок» в записной книжке Рустама написано: «В конце лета на двор накатила игра: хаки-сак. Хаки – цвет хаки, сак – мешок. В эту игру играли американские солдаты I-ой мировой войны».
323. Из записной книжки 89 года: «Август, 21 : Приехал Цыган. Собираемся в детском саду. Гулял до 11³⁰. 22 : Сменял Наждаку кассеты на джинсы LEE. Блин, к вечеру образовался кашель. 23 : Вчера ездил фотографироваться на паспорт. Вечером гулял в детском садике.

- 24 : Звонила Эвелина. Вечером родители уехали. Сидел у Геши. Гулял.
25 : Отправил Ирке письмо. Ездили с Гешей за фотографиями на паспорт.
Гулял. Испортилась погода. 26 : Вечером уехали родители. Сидел у
Игорька, смотрел «До и после полуночи». 27 : Приехал Глуня. Сидели с
ним и Констом у меня. Сменял у Шохи плакат. 28 : Приехали Семёшин и
Букварь. Ходил сдавать зачёт Ольге Евстигнеевне. Не сдал. 29 : Ходил в
паспортный стол. Оформил заявление. Вечером сидел у Игорька.
30 : Ездил за формой. Купили с Констом себе Бэги за 17р. 50коп. Гулял.
31 : Сдал зачёт по химии. Получил учебники. Вечером гулял».
324. Из письма Рустаму в Казнь от 1 сентября 1989 года из города Очамчира:
*«...Знаешь, Рустик, я думала, что наша с тобой дружба и любовь давно
прошли. А ты, оказывается, всё ещё любишь меня. Хотя я это поняла
даже не в автобусе (ну ты помнишь, когда вы меня с Артёмом
проводжали в Казань), а в самый последний вечер, когда меня не
выпускали, а ты всё не отпускал меня, а в последний момент хотел
поцеловать, но я не захотела. А знаешь почему? Потому что рядом
стоял Артём, который и так был на меня обижен, ну сам знаешь.
Знаешь, а ведь когда мы с тобой в этом году увиделись, мне казалось,
что всё у нас получится и будет всё здорово. И так и было, пока не
появился Ирек, а потом и Артём. Правильно Денис сказал в последний
вечер. Вспомните, говорит, как было здорово раньше без всяких
Артёмов и Иреков. Только одна наша компания: я и ты, Денис и Нелька
и т.д.»*
325. Из записной книжки 89 года: «Сентябрь, 1 : День знаний. Встретил всех
наших. УПК. Нас отпустили. Смотрели с Глуней фильм «Демоны» - I.
2 : Днём гулял во дворе. Слушали музыку. Вечером сидел у Машки. Пили
кофе. 3 : В школу ходил без формы. Смотрел фильм «Гуманоид». Вечером
сидел у Машки. 4 : Днём гулял. Ходил в школу. Вечером сидели у Машки,
играли в карты. 5 : Не ходил на физкультуру. Пили пиво с Данькой. Сидел
у Даниловой. 6 : У Игорька уехали родители. Вечером ходил к нему. Всё
отлично. 7 : Сегодня 4 урока. После уроков сидели у Игоря, играли в
шахматы. 8 : На УПК не ходил. Сидел у Игоря. Пили кофе. Играли в
шахматы. Разгадывали кроссворды. 9 : Ездили с Машкой, Игорьком, Генкой
на Калининский проспект. Гуляли по Арбату. Купил кассетницу.
10 : Сидели у Игорька. Решали кроссворды. Пили кофе. Смотрели
«Дискотеку». 11 : Сидели у Игоря. Генка не пошёл в школу. Вечером
пошли к Машке. 12 : Не пошёл на историю. Сидели у Игоря. Играли в
теннис. 13 : День рождения у Соколовой. Ходил к нашим чувакам. Вечером
гулял. 14 : Сидели у Игоря. Не пошёл в школу. Играли в теннис. Вечером
гулял. 15 : Ездили на улицу ... [неразборчиво – И.Б.] в магазин «Триумф».
Ходили в зоопарк. Вечером гулял во дворе. 16 : Сидел у Игоря. Пили
вино. Остался ночевать у него. Смотрели телевизор. 17 : Ездили с Генкой

в центр. Всё везде закрыто. Вечером сидели у Машки. 18 : Ходил в школу. Писали ... [неразборчиво – И.Б.]. Сидели у Игоря. Дал ему почитать книги. 19 : Взял у Игоря послушать плеер. Ходил с ним в школу. Вечером сидел у Игоря. 20 : Игорёк занимался уборкой. Играли в теннис. Пили чай. Ушёл сегодня с химии. 21 : Не ходил на две алгебры. Сидел у Игоря. А вечером ходил к Машке. 22 : УПК. У нас было 3 урока. Ко мне приходил Игорь. Ездили в «Малахит». Купили ... [неразборчиво – И.Б.] книжку. 23 : Ездил с Мамой устраиваться в кооператив. Купил нефритовое колечко. Вечером гулял. 24 : На днях ездил в центр, гуляли по ГУМу, заходили в «Золотую розу».

326. Из письма Рустаму в Казнь от 1 сентября 1989 года из города Очамчира: *«...На следующий год мы, наверное, с тобой и не увидимся. Оба будем куда-нибудь поступать. Всё лето будем заняты. А переписываться нам нужно и мы будем, слышишь? Будем переписываться!!! Если не хочешь, не пиши, а я всё равно буду тебе писать... Пока. Целую. Ирина».*
327. Рустама не допустили к выпускным экзаменам. Потом только выяснилось, что вряд ли школа имела на это право. Через несколько лет ему пришлось сдавать экзамены в другой школе экстерном.
328. Ходил в школу или прогуливал школу, гулял, смотрел фильмы, слушал музыку, играл с ребятами, целовался с девочками... Наверное, не только это, но кто знает, почему Рустам выбирал именно эти события для записи в книжку. Он знает. Но его нет.
329. После 6-го класса нет школьных фотографий Рустама. Только в 87-ом году на школьной дискотеке Рустам в окружении ребят стоит на столе, чтобы поставить кассету в магнитофон, водружённый на шкаф. И в 88-ом за праздничным столом в кругу школьных друзей. И вот он там же пьёт из бокала вино или шампанское с каким-то задумчивым видом.
330. Когда последняя фраза из записных книжек Рустама была введена в компьютер, я вдруг ощутил некую опустошённость: как будто мне больше нечего сказать, как будто уже всё сказано, как будто цель этой книги – опубликовать все записи Рустама. Но цель ведь другая, сначала я даже не предполагал, что включу в книгу эти записные книжки, только «Деревенский дневник», с которого книга и началась. Это выглядит странно, а, по сути, естественно: я прощаюсь с письменным текстом Рустама. Больше не на что опереться, остались только моя память, пара писем и фотографии из альбомов. Но и с фотографиями не всё просто: после Гезевца шесть лет нет никаких снимков, кроме случайных двух, предположительно 92-го года, наверное, тогда у нас не было фотоаппарата. А ведь моя работа над книгой сделана меньше, чем наполовину: в 89-ом Рустаму исполнилось 16 лет и до 2007-го осталось ещё 18.

331. Времена, как и люди, бывают старыми и молодыми. 22 августа 1988 года на перевале Гезевцек моё время вдруг стало молодым, хотя и не таким юным, как у Рустама, потому что в волнах горного моря, в волне за волной, моё время смогло почуять другое время – столь старое, что оно выходило за пределы летосчислений. А время Рустама, снимавшего туристические ботинки, наоборот, вдруг повзрослело, хотя осталось моложе моего, потому что ещё чувствовало свою связь с детским временем, оставшимся где-то позади-внизу в долине. Наши времена сблизилась и на один день, 22 августа 1988 года, даже меньше, чем на день, а лишь пока мы были на перевале Гезевцек, стали хотя и не сверстниками, но погодками.
332. Но у человека не одно время. В каждом взрослом живёт время детства и юности, которое, конечно, стареет со временем, почему и называют его «старое дитя». В каждом ребёнке есть время зрелости и старости, пока ещё не проявившееся, а только ждущее, о котором говорят «юный старик». Иногда на лице человека одновременно оставляют след оба времени, и оно кажется загадочным. Как улыбка Моны Лизы, как неулыбка годовалого Рустама с бритой головой, как недоулыбка Рустама на школьной фотографии после окончания первого класса, как улыбка Рустама на фотографии в июньской Липовке за полгода до. Человек – сосуд для многих времён, всю жизнь этот сосуд полнится, напоминая магнитную ловушку для плазмы, и только после смерти человек обретает своё истинное время. Но эта истина мертва.
333. Почему Рустам после 89-го года перестал вести свои записные книжки? У каждого на то есть своя причина, даже не причина, потому что причина всегда одна – взросление, не причина, а повод свой у каждого, кто пишет дневник. Но я не знаю, какой повод был у Рустама. Жаль, потому что жизнь, расписанная по дням, даже столь скудно, как в записных книжках Рустама, всегда интереснее, а главное точнее и правдивее самых мощных воспоминаний и самых красочных описаний. До «Деревенского дневника» было ещё шесть лет, но и он не показывал жизнь так, как её показывали сверхлаконичные записные книжки, потому что то время в Липовке было временем покоя. В жизни человека время покоя и время движения существуют вместе и переплетаются, они оба нужны, как кровь и лимфа, но иногда какое-то одно из них выходит на первый план, а другое отступает в тень.
334. Рустам много читал, но почему-то не пишет о прочитанных книгах. В детстве его любимыми книгами и авторами были «Приключения Незнайки», «Старик Хоттабыч», Аркадий Гайдар, «Песнь о Гайавате» Лонгфелло – в детстве, во время болезни, ему нравилось слушать, как я читаю вслух по главке в день, «Приключения Гулливера» Джонатана Свифта – полное академическое издание, и многие другие.

335. А ещё, как ни странно, «Жизнь и ловля пресноводных рыб» Леонида Сабанеева. На острове на Волге все рыбачили, а Муслим-абы, дэв-ати и Фарид были заядлыми рыбаками. Рустам, конечно, тоже ловил рыбу, но так и не полюбил это занятие. Наверное, для него оно было слишком тихим, он не мог усидеть на месте, а его энергия не могла успокоиться в рыбалке. Время движения бушевало в нём, а время покоя скрывалось в тени. Но книжку о рыбах и рыбной ловле он читал и перечитывал много раз. Что он в ней находил?
336. Став старше, Рустам читал ещё больше. Очень любил Чехова и, особенно, Тургенева. Перечитал кучу фантастики и детективов, в основном, хороших, которые мы собирали, что, впрочем, не удивительно. Удивительно то, например, что он с интересом прочитал двухтомник Готорна – я не смог его осилить.
337. Иногда книга идёт, а иногда – не идёт. И тогда я ловлю себя на мысли, что это меня расстраивает больше, чем смерть Рустама. Пока я не начинаю об этом думать. А тогда уже ничего не идёт: ни книга, ни жизнь. Нужно отойти. Но отойти надолго я не могу, иначе я никогда не закончу книгу.
338. Сначала я думал, что книга будет более художественная и менее документальная. Но документы: фотографии, дневники, письма, – имеют страшную силу. Всякие «художества» кажутся мелкими, скучными, искусственными, глупыми и пошлыми. Нужно бы это сначала переосмыслить и перечувствовать, а потом уж писать. Так я и буду делать – потом. Эта книга и есть мой способ переосмысливания и перечувствования. Теперь меня уже не очень волнует, получится книга хорошая или плохая.
339. Но нужно, чтоб получилась хорошая. Чтобы Рустам, прочитав её, сказал бы... или, наоборот, не сказал бы ничего. Удачно, что сослагательное наклонение в русском языке, фактически, не имеет времени. Более того, оно образуется из глагола, стоящего формально в прошедшем времени. Потому что теперь Рустам формально есть только в прошедшем времени, и только вне времени фактически.
340. В 1990-м году мы купили дом в деревне Липовка. С этого момента прекратились наши туристические походы: вместо похода мы ездили в деревню. Позже, в 94-м году, за год до «Деревенского дневника», я написал книжку «Дао Дэ Липовка вэй» – «Книга о Дао и Дэ Липовки».
341. *«Это книжка о деревушке, потерянной... то ли в шири российских просторов, то ли в выси древних времён, то ли в глубине человеческого сердца».*
342. Первые лет десять поездка в Липовку напоминала наши походы. Поезд, автобус, а потом 12 километров пешком с рюкзаком за спиной или раза в два меньше, но зато с преодолением двух водных преград: Мокши и

Старицы, – на лодках летом или на лыжах зимой. Теперь жизнь протекала в двух параллельных пространствах и временах, в двух *временах*: в Москве-зиме и в Липовке-лете, в Москве-лете и в Липовке-зиме.

343. В предисловии я написал: *«2.500 лет назад Лао-цзы решил покинуть пределы Поднебесной. По просьбе начальника пограничной заставы он написал книгу в пять тысяч иероглифов, в которой изложил своё учение. После чего сел на буйвола и отправился на запад. Больше о нём никто ничего не слышал.»*

Так появилась одна из самых удивительных книг в истории человечества – “Дао Дэ цзин” – “Книга о Дао и Дэ”.

“Дао” переводится как путь, принцип, закон, истина, абсолют. “Дэ” переводится как добродетель, благодать, потенция, сила, манифестация “Дао”. Но лучше эти слова оставить без перевода.

Учение Лао-цзы положило начало даосизму – одному из “трёх великих учений” китайского мира, наряду с конфуцианством и позднейшим буддизмом. Долгая история Китая породила тысячи комментариев и толкований великой книги, а число переводов её на иностранные языки давно уже перевалило за сотню. Сегодня “Дао Дэ цзин” известен во всём мире, и влияние его на мировую культуру, похоже, только усиливается со временем.

Этим летом, в августе, я, как всегда, поехал в свою деревню Липовка. Я взял с собой новый перевод книги Лао-цзы на русский язык, сделанный Александром Кувшиновым, чтобы на досуге сравнить его со старым переводом Ян Хин-шуна из двухтомника “Древнекитайская философия”. Ещё у меня была переведённая с английского книга Джона Хейдера “Дао Лидера” – своеобразная импровизация на темы “Дао Дэ цзина”.

Я бродил вдоль Чёрного Озера, в лесу искал грибы, в лугах собирал землянику и луговую клубнику, купался в Старице, копался в огороде, пристраивал веранду и новое крыльцо к своему старому дому, рисовал акварели, сочинял стихи, принимал гостей и занимался тысячью других обычных для Липовки дел. А по вечерам, когда выдавался свободный час-другой, изучал и сравнивал три текста.

Однажды мне пришло в голову: а что, если попробовать написать книгу о Дао и Дэ моей Липовки? Я продолжил работу в Москве, подключив к делу ещё один, только что вышедший, перевод “Дао Дэ цзина” Бронислава Виноградского в “Антологии даосской философии”.

Так появилась эта книжка. Я назвал её “Дао Дэ Липовка вэй”. Дело в том, что “цзин” – это “канон” и одновременно “основа ткани”, а “вэй” – это “уток”. Две тысячи лет назад, в эпоху Хань, создавалось много текстов на темы древнекитайских канонов-цзин, в том числе и

“Дао Дэ цзина”. Эти тексты тогда назывались “вэй”, что можно, наверное, перевести как “апокриф”. Вот и моя “Книга о Дао и Дэ Липовки” – уток по основе “Дао Дэ цзина”.

Потом мне захотелось сделать транслитерацию названия моей книжки китайскими иероглифами. Нужны были два иероглифа, которые читались бы как “ли” и “по”. Таких иероглифов, конечно, можно найти несколько, поскольку в китайском языке почти все слова односложные и поэтому очень много омофонов.

Я подобрал иероглиф “ли”, означающий меру длины (примерно, полкилометра). В древности у него ещё было значение “деревушка”; от этого и происходит мера длины как расстояние между ближайшими деревьями.

Иероглиф “по” я взял в значении “земная душа человека”. Китайцы считают, что у человека две души: небесная душа “хунь” и земная душа “по”. Когда человек умирает, душа-хунь улетает на небо, а душа-по уходит в землю.

Так получилось ещё одно название книжки “Дао Дэ Ли По вэй” – “Книга о Дао и Дэ деревушки земной души человека”.

В своей книге я старался следовать структуре и духу канона. У меня тоже 81 главка, по-китайски, “дан” или “чжан”. Содержание каждого чжана соответствует тексту Лао-цзы. Когда это было уместно, я использовал прямые цитаты из “Дао Дэ цзина”, выбирая вариант перевода по своему усмотрению. Ну и, конечно, я писал, прежде всего, о моей Липовке.

Правда, теперь, когда работа закончена, я затрудняюсь ответить на вопрос: что же такое Липовка? Существует ли она на самом деле? Где проходит её путь? В чём заключается её благодать?

Похоже, я проделал свою работу только для того, чтобы вопросы остались без ответа, неясное стало смутным, нечёткое – расплывчатым, а непонятное – загадочным.

Липовка-Москва,
август-ноябрь 1994».

344. Сейчас, когда я пишу эти строки, кончается август 2008 года. Три недели назад мы с Кадриёй вернулись из Липовки. Это было первое лето в Липовке без Рустама за все восемнадцать годов или девятнадцать лет. Я решил взять «Дао дэ Липовка вэй» за основу, утком по которой буду писать об этих годах и летах, о Липовке, о Рустаме. Это получится вторая производная текста, если отсчитывать от Лао-цзы. Это даст мне

道 德 經 卷 之 一

опору, удержав от падения в отчаяние. Это даст мне воздух, чтобы можно было вздохнуть.

345. Я не пытался как-то соединить «Дао Дэ Липовка вэй» с рассказом о Рустаме, его жизни и жизни, его окружавшей: это два параллельных текста. Если они где-то перекликаются, то случайно, если они где-то противоречат друг другу, то тоже случайно.

346. *Чжан I. Липовка, которая может быть описана словами, не есть истинная Липовка.*

То, что можно сказать о ней, – меньше, чем голос ветра, перелетающего с луга на луг мимо моего дома между небом и землёй.

Я чувствую, что у неба и земли Липовки есть единое начало, но оно не имеет имени.

То, что имеет имя и зовётся Липовкой, – мать всех вещей, окружающих меня в этой деревне.

Когда я бреду бесцельно по песчаной дороге, огибающей опушку соснового леса, мне кажется, я ощущаю сокровенную тайну Липовки.

Когда я озабочен простыми деревенскими заботами, я вижу её в простых вещах деревенского быта.

Но и то, и другое имеют один исток и различаются лишь названиями.

Все категории Липовки в глубочайшей сути своей есть одно.

Вход в это глубочайшее – дверь ко всему чудесному.

347. Как мы оказались в Липовке? История эта началась в 1987-м году, когда я пришёл в Некрасовскую библиотеку (тогда она располагалась в усадьбе А.С. Салтыковой, расположенный на пересечении Сытинского переулка и Большой Бронной улицы). Там проводились вечера Творческого объединения Литературная студия «Сокольники» под руководством Евгения Соломоновича Винникова. Я принёс свои стихи. Помню, в марте месяце пришёл с веточкой вишни, которую я до этого держал дома в бутылке с водой, и на которой уже распустились цветы. К ветке в духе японской, ещё хэйанской, традиции, прикрепил красный листок бумаги с текстом одной из первых моих танок:

Вишня расцвела –

одинокая ветка

в вазе у окна.

Пусть снегом заполнен сад,

у сердца – свой календарь!

348. Позже Винникову удалось получить для Студии прекрасное помещение из нескольких комнат с отдельным входом с улицы на первом этаже нового дома на Свободном проспекте. Ему много чего удалось сделать, например, «Сокольники» имели юридическое лицо, соответственно, печать, логотип, фирменные бланки и т.п. Каким-то образом удавалось получать деньги, чтобы всё это содержать и платить тем, кто работал в

Студии как штатные работники, в том числе, самому Винникову. При этом «Сокольники» были совершенно самостоятельны – у них не было «вышестоящей организации», что, конечно, по тем временам казалось невероятным.

349. В Студию приходили не только литераторы, поэты и прозаики, но ещё и художники, музыканты. В «Сокольники» влился театр «Восточные ворота». Было много выступлений на различных площадках, где студийцы читали свои произведения, организовали целый ряд художественных выставок. Пожалуй, самая большая была в Доме культуры завода им. Владимира Ильича: она занимала два этажа. Вслед за мной в Студию пришли Кадрия и Саша Белугин. Кадрия даже стала там работать, когда наконец-то уволилась со своего завода «Знамя революции», где проработала 16 лет. Вместе с ней пришла и Люда Василенкова, наша очень старая знакомая, о которой я ещё напишу.
350. Рустам тоже любил бывать в «Сокольниках». Особенно ему нравилось сидеть и болтать с Винниковым. У того была колоритная внешность: густая грива волос с сединой и большая борода, которая Рустаму очень нравилась. Винников был того же еврейского типа, что Валера Красильников (хотя Валера был не евреем, а наполовину татрином), или отец Кадрии, Абдулвалей Фатыхович (хотя тот был стопроцентным татаринном, но в Москве его постоянно спрашивали, как пройти в синагогу), или Иисус Христос. Но, главное, Евгений Соломонович был необыкновенно интересным собеседником. Рустам даже несколько раз оставался ночевать в Студии. Винников последние годы жил там постоянно. Ближе к концу он стал много пить, но этого мы уже не видели.
351. **Чжан 2.** *Тот, кто ожидает найти в Липовке альтернативу миру, будет разочарован.*
Когда он увидит прекрасное, рядом же обнаружит и безобразное.
Встретившись с добрыми людьми, на следующий день увидит и злых.
Рождение и смерть переплетены здесь.
Слушая тишину, можно услышать и шум мотора или пьяные крики.
Любуясь закатом, можно вернуться домой с лицом, опухшим от укусов комаров.
Высокое и низкое взаимно дополняют друг друга.
Лёгкая беззаботность и тяжесть быта и труда ограничивают друг друга.
Прошлое и будущее деревни соединяются в настоящем причудливо и ненадёжно.
Понимающий это, живёт себе спокойно, он не старается непременно отдыхать или непременно работать, и все дела

совершаются как бы сами собой, а здоровье и силы прибавляются и покой обретается.

Мудрость Липовской жизни заключается в том, чтобы жить.

Здесь удаётся это естественное соединение праздности и труда, когда дело – это то, что хочется делать: собирать грибы, поливать огород, топить печь, даже строить забор.

Я давно заметил, что в Липовке не нужно о чём-либо беспокоиться: всегда так получается, что всё движется без усилий, во всяком положении откроется выход, любая потеря обернётся приобретением, столпотворение гостей не мешает одиночеству, если кончится хлеб – появится хлеб, каждому найдётся постель для сна и место за столом.

В Липовке можно вдоволь наговориться друг с другом, а можно вовсе не прибегать к словам.

Главное – не останавливаться в потоке естественного времени, не пытаться свернуть в сторону, находясь в покое, плыть по его течению, как во время купания в Старице.

Липовка – это не место, а путь – во времени и даже в пространстве, потому что дороги входят в деревню и выходят из деревни, бегут по лугам и кружат по лесу, пересекаясь, сближаясь и расходясь по всем восьми направлениям.

И только тот, кто не останавливается, не отстанет в пути.

352. В Студии «Сокольники» Кадрия познакомилась с Наташей Селиваненко. Наташа окончила ГИТИС, играла на гитаре и пела песни. Её коронной песней была «Виноградия», исполнявшаяся только в Липовке, только акапелла и только после хорошей стопки водки. Есть у неё и несколько песен на мои стихи. После того, как мы купили дом в Липовке, Наташа много раз приезжала в деревню и останавливалась у нас. Через несколько лет тоже купила дом недалеко от нашего, на той же улице, которая называется Песчаная или, по-местному, Куток. Сидя на крыльце своего дома, я могу видеть вдали крышу и синие наличники окон её избы. Теперь уже кто-то из наших гостей, когда их оказывается слишком много, и все они не помещаются в нашей избушке, селятся у Наташи. Впрочем, все наши друзья давно стали общими.
353. Наташа была знакома с Верой Евушкиной из театра Лены Камбуровой. Вера была и остаётся одним из лучших делателей песни. В этом она напоминает мне нашу соседку по Липовке бабу Любу, тонкость пения которой особенно заметна в сравнении с исполнением её дочери Валечки – та поёт громче, но грубее, а дело ведь вовсе не в силе голоса. Я скучаю по пению бабы Любы, я скучаю по бабе Любе; когда она умерла, из Липовки как будто что-то ушло: исчезла неуловимая «липовская» тонкость, которая чувствовалась даже в движении воздуха, полёте облаков и походке подвыпивших мужиков.

354. Примерно в то время (точнее, в 1988-ом году) они вместе с молодой Леной Фроловой образовали дуэт «Верлен». Я ещё помню, как Лена сидела на кровати в Липовском доме Веры, что-то подбирала на гитаре и писала стихи в тетрадке. Потом их пути разошлись, хотя вот недавно был совместный концерт, посвящённый двадцатилетию дуэта.
355. В одно из интервью Вера сказала: «Мне Всевышний послал деревню и я познала мудрость, что природа так прекрасна, это действительно рай, а сегодняшний город, мегаполисы – это проклятый рай. Природа настолько красива, настолько гармонична, и она для человека, а человек её не видит. Но многие всё равно бросаются на дачи. Этот глоток воздуха необходим человеку, это инстинкт самосохранения. Я в деревне много и часто пребываю, и она мне многое дала для моего внутреннего мироощущения, взросления, постижения глубинных вещей, то есть вертикальных. Есть крест, и от него никуда не денешься – есть горизонталь и вертикаль, вот вертикаль – это связь с небесной родиной нашей, если говорить таким метафорическим языком. Вот для меня эта связь существует именно в деревне. Созерцательное состояние человеку необходимо – это элемент богообщения. Ты тогда постигаешь некие красоты небесного порядка, они и здесь – на земле – существуют, но мы их не видим. Вот этим деревня для меня и ценна, может быть, я и совсем туда уеду».
356. **Чжан 3.** *Оставь свой ум на том берегу Мокши и в Липовке у тебя не будет повода для раздражения и ссор.*
Пусть твой дом будет прост, а используемые вещи – самые обыкновенные.
И тогда известные Липовские ворюжки обойдут твой дом стороной, а в сердцах соседей не поселится зависть.
Живя в Липовке, делай своё сердце пустым и открытым, но не забывай наполнять желудок.
Не стремись к причудливым развлечениям, только самые простые дела: носить воду в вёдрах, собирать ягоды в лугах, рубить дрова во дворе, – приносят отдых, радость и удовлетворение.
В Липовке нет многих вещей, к которым человек привыкает в городе: телевизора и газет, мороженого и кока-колы, горячей воды и ватерклозета, автобусов и метро, театров и музеев, коммерческих палаток и универмагов, телефонов и электрических звонков.
Это даёт возможность освободиться от ненужных желаний и укрепить свой дух.
Если у тебя есть знания, забудь о них, а те, что остались, старайся не использовать.
Умные разговоры здесь, едва вспыхнув, затухают – воздух Липовки слишком чист и свеж для них.
Живи свободно, без задних мыслей, только тогда ты не связан ничем и достигаешь спокойствия.

357. На одном из Грушинских фестивалей Вера Евушкина встретила ребят из деревни Демушкино. Те уговорили её приехать и посмотреть, какие там места. В то время в Демушкино создавался экспериментальный детский центр, съехались энтузиасты из разных концов страны: из Тольятти, с Украины, даже из Владивостока. Одновременно были созданы четыре семейных детских дома. Врач Юра Игнатов, приехавший из Приднестровья и ставший впоследствии нашим другом, был главой одного из таких домов.
358. Вера Евушкина посмотрела вокруг, место ей вроде бы понравилось, но тут ребята из детского центра сказали: а давай съездим за реку, там есть деревня Липовка, а рядом бывший интернат. Оказавшись в Липовке, Вера сразу поняла: это то место, которое она искала. В 1989-м году вместе с Леной Камбуровой они купили «напополам» маленький домик.
359. Когда Наташа Селиваненко узнала, что мы тоже ищем какой-нибудь дом в какой-нибудь деревне, она посоветовала нам съездить в Липовку: вот сейчас туда собирается ехать Надя Крупп, присоединяйтесь к ней. И мы поехали.
360. *Чжан 4. Липовка – это просто деревня между небом и землёй, среди лугов, лесов и озёр.
Чего здесь больше всего, так это простора.
Простор – это пустота, то неисчерпаемое, благодаря которому всё существует.
Он кажется праотцем всех вещей.
Здесь свободно летит и ветер, и луч солнца, и взгляд человека.
Благодаря простору вещи не теснятся и сохраняется их острота, бесчисленные нити вещей, событий, чувств и мыслей не превращаются в хаос.
В этом объёме много места для света и каждая пушинка травы имеет право на свободный полёт и независимое существование.
Простор уравнивает между собой все существа и хранит их жизнь.
Я не знаю, кто создал эту пустоту, но кажется, она существовала прежде неба.*
361. Надежда Николаевна Крупп – писательница. Собственно, писательницей она стала на моей памяти, в «липовские» годы. Начинала с книги, посвящённой её мужу, барду Арику Круппу, трагически погибшему в горах. Потом пошли книги мемуаров о её собственной жизни. О Наде Крупп лучше всего узнать из её книг, а здесь я могу лишь привести свой маленький текст, написанный в 1995-м году.
362. «Надежда Николаевна нравится мне тем, что она меня не любит. Сколь удивительно, что ей понравилась моя книга [речь идёт о «Дао Дэ Липовка вэй» – И.Б.]. Она даже сказала, что радикально изменила своё отношение ко мне, как человеку, написавшему такую книгу.

Это значит, что теперь у неё будет ещё меньше оснований меня любить, потому что всё больше и больше будет видеть она расхождений между мной и тем человеком, который написал *такую* книгу.

Сколь удивительно не омрачённое ничем для меня приятным доброе отношение ко мне Надежды Николаевны. Что бы я ни сделал и ни сказал, это не может улучшить мой образ в её глазах, и тем самым её доброе отношение ко мне останется чистым и незапятнанным.

Я знаю, что в главном всегда могу положиться на Надежду Николаевну, хотя чисто по-житейски ужасно трудно бывает выносить её общество без раздражения».

363. Летом этого, 2008-го, года Надежда Николаевна решила продать свой дом в Липовке: ей стало тяжело ездить туда одной, без машины. И Надя Красильникова сказала: «Ну, конечно, «Крупа» [так её называют в Липовке – И.Б.] тяжёлый человек, это только Кадрия может с ней общаться. А всё-таки зря она продаёт дом. Она ведь стала непременной частью деревни, и Липовка без неё уже будет не той, что раньше». Красильникова не совсем права. Кадрия, действительно, одна из немногих, кто может выносить общество Нади Крупп без раздражения и даже с удовольствием. Надежда Николаевна считает её своей ближайшей подругой. Кадрия, конечно, особенная, но не единственная. Ещё одним другом Нади Крупп остаётся музыкант-виртуоз Игорь Канцеус из Демушкино, а, впрочем, он тоже не от мира сего. Но в главном Надя Красильникова права: Липовка без «Крупы» будет уже не та. Это как если бы скульптор решил отсечь всё, что выпирает из камня, не разбирая, что лишнее, а что нет. Получилась бы плоская стена.
364. Мы шли в Липовку ранним майским утром 1990-го года. Когда переплыли на лодке через Мокшу и вышли на луг, медленно проясняющийся в бледном свете раннего утра, Надежда Николаевна сказала: «Вот, теперь вы почувствуете, что попали в другой мир». И мы почувствовали.
365. **Чжан 5.** *Небо Липовки высоко, а земля широка.*
Они лишены желаний и не имеют целей, поэтому равнодушны к деревне, лежащей между ними, и предоставляют ей возможность жить собственной жизнью.
Живи и ты так, будто и ты сам и все люди вокруг и близкие и далёкие – подобны деревьям в лесу, или траве в лугах, или облакам в небе, или их отражению в воде Чёрного Озера.
Разве пространство между небом и землёй не подобно внутренности свирели?
Ветер летит над Липовкой и ранней ночью я слушаю музыку цикад, лай собак, разговор людей, потрескиванье поленьев в печи, шорох листьев в ветвях берёз за окном и шёпот звёзд в августовском небе.
Много говорить об этом – толку мало, так не лучше ли забыть слова!

366. Дом, который нам предлагали купить, был в ужасном состоянии. В нём уже лет десять никого не было. Когда-то здесь жил старик-бондарь. Первая его жена умерла, вторая его бросила, он болел. Баба Люба, наша соседка, носила ему еду, жалела его. «Старик-горюн», – так она его называла. Потом он умер.
367. Было грязно, крыльцо разваливалось, крыша, крытая дранкой, требовала ремонта. Из мебели – сундук, стол, пара лавок и старая железная кровать, которую мы выбросили. Всю одежду мы тоже выбросили, только на старую солдатскую шинель рука не поднялась, да и сукно хорошее. Одно время соседи держали в клетке поросят, но на избу не покушались. В клетке стояли бочонки с солью, соль впиталась в половые доски, и они мокли. Я их пытался мыть с мылом, просушивать на жарком солнце, но ничего не помогало. Так они и мокли, пока много лет спустя, когда поднимали дом и перекрывали все полы, эти доски просто не выбросили и не заменили другими.
368. Печка тоже не работала. Точнее, две печки, как раньше было, а кое где и сейчас есть, во всех домах Липовки: русская и «группка», которая соединялась с дымоходом русской печи железной трубой. На самом деле, дом этот ещё осенью 89-го года купил один Надин знакомый, но ему не понравилось в деревне, и он решил продать дом. На этой «операции» он заработал 400 рублей, так как купил дом за 200 рублей, а продал нам за 600 рублей. Впрочем, тогда уже была инфляция, может быть, он ничего не заработал. Зато успел зачем-то наполовину разобрать боровок. Дело было, конечно, не в боровке, а в своде русской печи: с него сваливались кирпичи, и это означало, что нужно полностью менять печь.
369. Андрей Купавский, Надин знакомый, который поехал вместе с нами, ходил вокруг нас и говорил: «Ребята! Неужели Вы купите этот ужасный дом? Вам же не удастся ничего сделать. Посмотрите, как всё плохо. Неужели вы *это* купите?».
370. Мы пошли на прогулку по дороге через луг, мимо Старицы к ближайшему лесу. Дорога была песчаная, сосны стояли высокие. Я вспомнил лето своего детства, где были такой же песок и такие же сосны. И я сказал Кадрие: «Знаешь что, Бог с ним, с домом, давай считать, что мы покупаем землю. Вот эту землю».
371. Шалатовский, который продавал нам дом по доверенности, говорил: «Вы делаете очень важное дело. Это изменит вашу жизнь. Запомните мои слова». И мы запомнили.
372. **Чжан 6.** *Тёмное начало Липовки называется Чёрным Озером. Его впадина скрыта в тени прибрежных деревьев, кустов и тростника и напоминает глубочайшие врата рождения. Его вода темна и чиста.*

Корни водяных трав сплелись и невидимы точно корни неба и земли.

В извилах воды, в тёмных зарослях, в мути омутов прячется влажное женское начало Липовки.

Чёрное Озеро тянется нескончаемо, словно живая нить и течение его неисчерпаемо.

373. Мы переночевали в доме Веры Евушкиной, вернулись в Демушкино и за полчаса до отправления автобуса оформили дом в сельсовете. Шалатовскому я обещал бутылку коньяку. И вот уже прошло сколько лет, а я так и не выполнил обещанное – всё никак не могли встретиться, а теперь его уже нет в Демушкино.

374. На поверку дом был не так уж плох, как нам показалось. Баба Люба, наша соседка, сказала: этот дом старый, но крепкий. Из сосен не выгоняли живицу, поэтому брёвна хорошие. Дом срубили ещё до войны в Кадоме, а потом сюда сплавили по Мокше. Конечно, руки нужно приложить. И я стал прикладывать.

375. Первым делом я приехал ещё раз, в начале июня, чтобы построить туалет. Мой друг, Саша Косачев, сказал: «Я к тебе приеду, если ты туалет построишь». Я выкопал глубокую яму и, по совету соседа, укрепил её стены бросовыми досками. Потом кто-то говорил, мол, сосед пошутил. Но, на самом деле, это было правильное решение: за все восемнадцать лет мне не пришлось копать новую яму, только домик над ней один раз поправил.

376. Я купил рубероид в Сасово и договорился с людьми из Демушкино, чтобы они покрыли им крышу поверх дранки. Так я познакомился с Игорем Канцеусом – замечательным музыкантом: виртуозом и импровизатором, приехавшим в Демушкино с Украины, и Борисом Константиновичем Васильевым – физиком-теоретиком из Владивостока. Но тогда я знал только, что эти люди могут крышу покрыть.

377. **Чжан 7.** *Величайшее и просторнейшее из существ Липовки – небо над ней.*

Древнейшее и широчайшее из существ Липовки – земля под ней.

Многочисленные и долговечные существа Липовки – луга, леса и озёра вокруг неё.

Они живут, словно забыв о себе.

Небо не знает себя в прозрачности своей.

Земля не помнит себя в беспамятстве своём.

Травы лугов отдаются ветру, мхи лесов лежат без сознания, вода озёр неподвижна в забвении.

Они не знают себя – поэтому достигли покоя, красоты и долголетия.

И ты, живущий в Липовке, пренебреги собой, и твоя жизнь сохранится.

Не пекись о своём теле, и тело само выберет дорогу.

Забудь о своём "я", и оно вернётся к своей природе.

Это и значит действовать в личных интересах и достигать полноты своих свойств.

378. Нужно было привезти какую-никакую мебель, какие-никакие вещи. Тогда дядя Лёня с Галей уже собирались эмигрировать в Израиль: учились водить машину, учили иврит, распродавали и раздавали вещи. Они отдали нам две-три кушетки и книжный шкаф. Посоветовавшись с Рустамом, мы решили заменить его детскую кровать на одну широкую кушетку, и отправить кровать в Липовку. Эта кровать была двухэтажной и входила в комплект немецкой детской мебели, которую мы купили Рустаму, когда он был ещё маленький. Три шкафа из этой мебели: два книжных и один платяной, – до сих пор стоят в комнате Рустама в Москве. Они уже разваливаются, мы давно собирались их поменять, но не успели. Теперь, когда меняем, это будут уже не его, а наши с Кадриёй шкафы. А двухэтажная кровать до сих пор крепкая, и на ней спят наши многочисленные гости в Липовке.
379. Дядя Лёня работал тогда на заводе АЗЛК, там были дальнобойные Камазы, которые что-то перевозили из Москвы в Куйбышев и обратно. Трасса проходила через Сасово, откуда недалеко до Липовки. Дядя Лёня договорился с водителем, мы погрузили мебель и вещи, и поехали. Когда Камаз съехал с шоссе на просёлочную дорогу и проехал по ней примерно половину пути, он застрял. Точнее, попал в такое место, где не смог преодолеть крутой подъём. Правда, я сам был виноват: мы немного сбились с пути.
380. Вот тогда я первый раз и понял, что в Липовке не нужно о чём-либо беспокоиться: всегда так получается, что всё движется без усилий, во всяком положении откроется выход. Я пошёл вперёд, вышел на луга и тут же увидел два грузовика, которые ехали наперерез нашей дороге. За пару бутылок водки договорился с водителем одной машины: грузовик подъехал сзади борт к борту КамАЗа, мы быстренько перебросили наши вещи, отпустили КамАЗ (назад он мог выехать), и помчались к Липовке.
381. **Чжан 8.** *Высшее Дэ подобно воде.*
Вода Липовки приносит пользу всем существам и не требует ничего взамен.
Вода бежит из колонки около моего дома, и мы пьём её.
Вода наполняет Старицу, и мы в ней купаемся.
Вода течёт вдоль Чёрного Озера и мы любим её.
Вода падает с неба дождём и поливает огород и грибницу в лесу.
Вода выступает росой на рассвете и омывает травы в лугах.
Вода стелется вечерним туманом вдоль улиц Липовки.
Вода плывёт облаками в небе и отражается в воде озёр.

*Зимой падает снегом, сковывает льдом реку Мокша и покрывает
инеем ветви деревьев.*

Весной заливают луга талая вода.

*Мир воды Липовки огромен и пронизывает всё между небом и
землёй.*

Но, может быть, самый главный дар воды – уединение.

Она отсекает Липовку от остального мира.

*И на берегу Чёрного Озера, или Старицы, или какого-нибудь
маленького пруда, затерянного в лугах, ты чувствуешь особенно сильно
единение с миром и уединение в интимности этого чувства.*

*Ты живёшь в Липовке как на острове, если считать лес зелёным
морем.*

*И ты сам становишься подобным воде: уступчивым в общении,
искренним в словах, в делах исходил из возможностей, в действиях
учитываешь время.*

*В Липовке человек селится близко к земле, следует желаниям
своего сердца и, подобно воде, не борется с вещами.*

Поэтому он не совершает ошибок.

382. Теперь нужно было что-то решать с печкой. Я отправился в Кадом – там жила семья потомственных печников, их адрес дала мне Надя Крупп. Нужно было купить кое-какие детали для печки и договориться с печниками о дне их приезда в Липовку. Отправился пешком до деревни Мыс Доброй Надежды, которая располагалась на шоссе Сасово-Кадом. Согласно одному из липовских мифов, столь странное название деревня получила от своего хозяина, помещика, который не то плавал, не то мечтал плавать на корабле, огибая Африку с юга. Вскоре меня подобрала какой-то машина и довезла до Мыса. Дальше – автобус. Кадом – старинный русский город (первое упоминание в никоновской летописи в 1209 году), с XV по XVII века входил в состав Касимовского ханства. Город славится вышивкой в технике «Кадомский вениз». Через Кадом проходят паломнические маршруты до Дивеевского и Санаксарского монастырей – в Кадоме имеются свои церковь и монастырь с богатой и древней историей.
383. Историческая справка: «заштатный город Тамбовской губернии, Темниковского уезда, при реке Мокше. Один из древнейших городов Мещерской области, купленный вел. кн. Дмитрием Донским в 1381 г. у князя Александра Увковича. В смутное время был занят поляками, но в 1609 г. воевода Шереметев их оттуда изгнал. В 1779 г. был уездным городом Тамбовского наместничества; в 1787 г. оставлен за штатом. Жителей 7412. 5 православных церквей, 2 начальных училища, 3 церковно-приходских школы. Городских доходов в 1892 г. – 19333 руб., а израсходовано 15852 руб., в том числе 1823 руб. на учебные заведения, 850 руб. на благотворительные учреждения, 1385 руб. на врачебную часть, 3920 руб. на самоуправление. Земли 8887 дес., в том числе

пахотной 50 дес., сенокоса 2888 дес., выгонов 1207 дес., леса 4212 дес. Пристань на реке Мокше (отправка леса и хлеба). Оборот ярмарки до 180000 руб.». Правда, это данные позапрошлого века. В 2002 г. в Кадоме жило 6,2 тыс. человек, в 2006 году – 5925.

384. *Чжан 9. Время в Липовке бежит быстро и жизнь полна.
Но не стремись наполнять её искусственно – лучше ничего не
делать.
Желание полноты жизни есть проявление алчности.
Тот, кто копит, не убережёт накопленное.
Липовка показывает, как можно освободиться от того, что
обычно свойственно человеку.
По сравнению с городом жизнь в Липовке кажется пустой,
поэтому она и полна.
Это и есть небесное Дао Липовки.*
385. К этому времени уже прибыли в Липовку Кадрия с Рустамом и Максим (наш). Потом к нам в гости приехали Саша и Нина Косачевы с сыном Серёжей. Я выполнил обещание: туалет был построен. Я встречал их на Ласицкой переправе через Мокшу (тогда понтонный мост был там). Саша тащил огромный рюкзак, который был явно тяжёл даже для него. Я его спросил: «А чего это ты такой синий? Давай я немного понесу». Нести мне пришлось недолго: мимо проезжал на телеге Лёша-цыган из Липовки.
386. Гости попали, конечно, не в самое лучшее время. Нужно было разбирать печку. Пыль и грязь стояли страшные. Кадрия и Серёжка, страдавшие бронхитами и астмами, уходили спать к Наде Крупп. Через какое-то время Нина не выдержала и уехала с Серёжой. А мы разбирали печь и чистили кирпичи от песка и глины – из них нужно было делать новую печь. Но кирпичей всё равно не хватало: мы с Сашей и Рустамом ходили к интернату и добывали кирпичи там: в старом здании, где оставались фундаменты печей, в каком-то колодце. Сначала кирпичи сдуру (по незнанию) складывали прямо в избе около окна. Видимо, из-за этого пол дополнительно просел, и выпрямился только через несколько лет, когда поднимали дом.
387. Ещё нужно было приготовить глину. Белую глину мы копали в старой яме за деревней недалеко от погоста. Это место показал нам Коля Хват, он же привёз глину к нашему дому на телеге. Не знаю, за сколько лет до того была выкопана эта яма, но и сейчас, в 2008 году, из неё ещё изредка берут глину. Когда всё было приготовлено, приехали печники. Их было трое или четверо: отец с сыновьями. Они ехали из Кадома на велосипедах с моторчиками двадцать километров по старой лесной кадомской дороге. Дед, глава семейства, с которым я договаривался в Кадоме, не приехал – был уже стар. Печку делали одну, но зато

комбинированную: русская печь с большой топкой, с лежанкой, и ещё одной закрытой топкой, как в группке, под чугунной плитой.

388. Первым делом выяснилось, что под печь, оказывается, нужно подставлять дубки, а дубки под старой печкой почти все уже сгнили. Я бегал по деревне, спрашивал, нет ли у кого дубков, но ни у кого не было. На самом деле, конечно, было, просто меня ещё никто не знал: и помогать не торопились. За так отдают только добрым соседям, продавать задёшево жалко, а задорого совестно. Это я потом понял. В конце концов, печники нашли какие-то дубки на моём же дворе, за домом, скрытые густой травой.
389. Самым долгим и занудным делом оказалась чистка старых кирпичей. Занимались этим, в основном, ребята: Рустам и Максим. Они были молодцы. Через несколько лет Рустам, уже как большой специалист, помогал чистить кирпичи Наде Красильниковой, о чём он вскользь пишет в «Деревенском дневнике», ещё позже – Наташе Селиваненко, когда она меняла свою печку. Вспоминаю один эпизод лета 90-го года: мы повздорили с Рустамом, он обиделся и убежал. Наверное, я почувствовал, что был не совсем прав и слишком суров с ним, и побежал за ним. Я догнал его на задах деревни, обнял за плечи и стал уговаривать: «Ну, Рустам, не обижайся. Ну, прости меня. Ну, смотри, как всё было хорошо: мы печку разбирали все вместе, кирпичи чистили. Ну... Что же мы будем ссориться, давай пойдём домой, нам ведь хорошо вместе, правда?». И мы пошли домой вместе.

390. *Чжан 10. В отсутствии городского комфорта жизнь в Липовке кажется жёстче, поэтому человек становится мягче.*

Когда работаешь с твёрдым деревом, кожа ладоней делается нежной и розовой как у младенца.

Также и дух делается податливым и ты приближаешься к бесстрастию новорождённого.

Как небо и земля Липовки действуют согласованно, также душа и тело твои пребывают в единстве.

Можно ли сохранить его?

Подобно утренней заре, когда малиновое солнце вырастает из земли рядом с ветряной мельницей без крыльев, или подобно закатному небу, когда оранжевое солнце опускается в резные деревья на том берегу Старицы, созерцание твоё становится чистым.

И возможны ли тогда заблуждения?

Небесные врата открываются на востоке и закрываются на западе, может ли это происходить без участия женского начала в центре?

Липовка – это слово женского рода.

Если сердцем постигнуть этот вечный круговорот всей тьмы вещей, совершаемый без чьего-либо вмешательства, разве не возможно осуществление мягкого самотечения жизни, называемого надеждой?

Если бы правители страны пожили немного в Липовке, может быть, они смогли бы воспринять эту мудрость, необходимую для того, чтобы любить народ и управлять государством?

Создавать и воспитывать: создавая, не обладать тем, что создано; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином – вот что называется глубочайшим Дэ, которому можно научиться в Липовке.

391. В то лето Рустаму исполнилось семнадцать лет. Он закончил школу, но не получил аттестата, потому что его не допустили к экзаменам. Наверное, ему было не очень хорошо из-за этого. И что делать дальше? Но что же? Я не знаю, о чём тогда думал Рустам, что переживал, что было у него на душе. Может быть, я забыл? Может быть, последующие события вытеснили из памяти то время? Или я не знал и тогда? Он не очень-то делился с нами своими переживаниями. Ему было семнадцать лет, и это не то время, когда делятся своей жизнью с родителями. Мы рано начали считать его самостоятельным человеком, не в житейском, а в личностном плане: сам должен отвечать за свои поступки, сам решать, как ему жить, на него не нужно давить... А может быть, нужно было? Нам казалось, что он растёт самостоятельным, но эта самостоятельность начиналась и заканчивалась во дворе московского дома и на улицах Липовки. А в жизни? Нам казалось, что рано или поздно ему захочется жить самому, без папы с мамой, пусть трудно, мы бы помогли. Но он почему-то не хотел, и это было неожиданно для нас, хотя эта «неожиданность» растянулась на долгие годы.
392. Однажды мы даже предложили ему пожить одному. Договорились с нашей знакомой (ещё по Студии «Сокольники»), она согласилась сдавать комнату в Беляево. Но ничего из этого не вышло: чуть ли не в первый же день он собрал у себя кучу друзей, они выпили, что-то там не то разбили, не то сломали, уже не помню. Потом ещё что-то такое пару раз, и нас попросили забрать Рустама. А он как будто и не расстроился, как будто не очень-то хотел жить один. Сначала согласился, но внутренней потребности не было. Почему?
393. Как получилось, что он не нашёл какого-то дела, какой-то привязанности, какой-то цели, которые увлекли бы его, заставили собраться, отказаться от многого ради одного, но важного? А ведь он искал. Его увлекала музыка, он хорошо разбирался в ней, завёл специальную тетрадь под названием “MUSIC BOOK”, в которой написал: «моя книга даёт маленькое представление об ансамблях». Там была собрана информация о 46 группах с «генеалогическим деревом» от джаза к disco, rock и metal. Это 87-ой год, когда Рустаму было 14 лет.
394. **Чжан 11.** *Полезность чего-либо зависит от пустоты.
Дрова горят в печи потому, что внутри печи пусто.*

Липовка существует потому, что между небом и землёй имеет простор.

Жизнь в Липовке приятна из-за отсутствия лишних вещей.

Когда идёшь по лесной дороге, или бродишь среди цветов в середине луга, или пробираешься по узкой тропе вдоль Чёрного Озера, понимаешь смысл одиночества.

И, достигая понимания, чувствуешь вдруг одиночество смысла.

395. Липовская жизнь резко контрастировала с жизнью московской. Казалось, они протекали не только в разных пространствах, но и в разных временах, с разной скоростью, по разным причинам и с разными целями. Перелом 80-х и 90-х годов переломал карьеру, судьбу, жизнь многим людям. Всё быстро менялось, было очень плохо и очень интересно.
396. Талоны на водку, и сама водка в трёхсотграммовых бутылочках из-под минеральной воды и соков. Много лет спустя я попробовал этой водки в гостях, хозяева были непьющие, и одна бутылка сохранилась с тех времён. Гадость страшная, а тогда казалась вполне нормальной. Неожиданное исчезновение табака из магазинов, страшные очереди за сигаретами, естественно, тоже по талонам. Я тогда перешёл с болгарских сигарет, которые курил с конца 60-х, сначала на «Яву», потом на «Пегас» и, кажется, что-то ещё совсем уж непотребное.
397. Из письма Рустаму от 28 сентября 1990 года от Люды, с которой он познакомился в Липовке: «Привет из Барыша! ... Я уже успела по вас всех соскучиться. На тот год я обязательно поеду в деревню, и ты тоже приезжай, обязательно... Насчёт сигарет, то у нас хуже, чем у вас: негде вообще купить, даже махорки нет. А у вас в Москве скоро они появятся, т.к. по телеку говорили...»
398. Вдруг стало не хватать денег. Зарабатывал я вполне прилично. Как-то раз, в начале восьмидесятых, подсчитал, сколько мне нужно денег разом, чтобы нам можно было до конца жизни не работать и жить, пусть не богато, но вполне прилично, как мы и жили, на проценты со вклада в сберкассу. Получилось не так уж много. Во времена жестокого дефицита я говорил: «Пусть лучше всё будет в два раза дороже, лишь бы всё было, и в очередях стоять не приходилось». Вот ведь наивность: я и представить себе не мог, что будет не в два раза дороже, а двадцать, двести... Как-то в детстве, в начале 60-х, мне приснился страшный сон: я захожу в книжный магазин на Бакунинской улице и вижу замечательные книги, которые очень хочется купить, но цена у них оказывается невообразимая – по 50 рублей...
399. **Чжан 12.** *По сравнению с телевизором краски Липовского заката бледны.*

По сравнению с музыкальным радио звуки Липовских песен монотонны.

По сравнению с московскими ресторанами Липовская пицца пресна.

Чёрно-белой зимой слушать потрескивание поленьев в печи и завывание метели за окном и пить крепкий чёрный чай без ничего.

Разве не в эти минуты становится зрение зорче, слух тоньше, чувства глубже и мысли яснее?

Отказываясь – обретаешь.

Отказываясь от отказывания – достигаешь края истины.

Приближающийся смысл подобен сумеркам.

Когда над Липовкой смеркается, я задёргиваю красные занавески на окнах, зажигаю свет и пью чай.

400. На работе вдруг оказалось, что делать нам нечего: советская вычислительная техника враз стала не нужна, целая отрасль промышленности и науки рухнула. Хуже всего было, конечно, инженерам – там мы называли электронщиков, специалистов по «железу» или, как теперь говорят, *hardware*. Их специальность просто исчезла. Инженеры высочайшей квалификации, создававшие машины, в своё время конкурировавшие с американскими, обеспечивавшие оборону, космос, ядерную физику и т.п., стали лишними. Особенно это коснулось инженеров нашего института, занимавшихся созданием суперкомпьютеров. Какие на фиг суперкомпьютеры, когда заводы встали, а помещения сдавались в аренду всем, кому не лень, а не лень было, конечно, в первую очередь, криминальному бизнесу. Даже у нас в институте долгое время была «чеченская квартира»; не без труда много позже удалось избавиться от этих арендаторов, в «чеченской квартире» расположился первый кабинет нашего теперешнего директора, а сегодня там сижу я с коллегами.
401. Нам, программистам, математикам, было проще: программы могли работать и на чужих компьютерах. Но мы занимались операционными системами, а они, без новых-то компьютеров, на фиг были не нужны. Именно тогда я сменил направление своей работы и стал заниматься тестированием. Понятное дело, тестированием чужих (канадских, американских и т.п.) программ. Важно то, что за океаном были не только программы, но и деньги, чтобы платить за тестирование их программ.
402. Но это позже, а в то время в обеденный перерыв мы варили суп из пакетиков на электрической плитке. Столовые не работали, да и денег не было. Нас было четверо или пятеро в комнате, и мы варили суп по очереди. Запах разносился по всему институту, и все уже знали, что именно мы будем есть на обед сегодня.
403. Обидно было то, что идея кластерной операционной системы (КЛОС), над которой мы работали последние десять лет в восьмидесятых, которая сама родилась из опыта десяти лет работы в семидесятых, идея,

которая была разработана уже до стадии прототипа, – от дальнейшего воплощения этой идеи пришлось отказаться. А ведь эта идея была одновременно и очень своевременной и значительно опережающей своё время. Прошло ещё десять-пятнадцать лет, и сейчас, уже в первом десятилетии двадцать первого века, к этой идее приходится время от времени обращаться, когда видишь, что её реализация решила бы те или иные проблемы, только сейчас возникающие, когда читаешь о суперновых предложениях, которые, при ближайшем рассмотрении, лишь повторяют, в лучшем случае, те или иные аспекты этой нашей идеи, а то и просто совпадают с отброшенными вариантами. Может быть, эта идея ещё будет реализована, конечно, в модернизированном виде, и, конечно, силами более молодых наших коллег.

404. Кадрия во-время уволилась со своего завода: авиационная промышленность тоже рухнула (её завод делал агрегаты для самолётов). Да и в «Сокольниках» медленно началось разложение: вдруг объявившаяся свобода разом девальвировала все достижения Винникова – то, чего он добивался с таким трудом, теперь ничего не стоило (кроме помещения, конечно). А творческий энтузиазм студийцев как-то разом улетучился, как только исчез ореол независимости, нонконформизма и литературного «диссидентства».

405. **Чжан 13.** *Если у тебя есть слава, по дороге в Липовку оставь её на том берегу реки Мокша.*

Если у тебя есть положение в обществе, по дороге в Липовку оставь его на том берегу реки Мокша.

Если у тебя есть любовь, по дороге в Липовку оставь её на том берегу реки Мокша.

Лучше всего для тебя по дороге в Липовку оставить себя на том берегу реки Мокша.

Но это вряд ли возможно.

Поэтому отдавай соседям то, что у тебя есть.

Отдавай себя ветру лугов, запаху леса, воде Старицы, высоте неба и тяжести земли.

Отдавай любовь, не требуя ничего взамен.

Отдавай задаром и не думай, что ты найдёшь на том берегу реки Мокша, когда будешь уезжать из Липовки.

406. Вот только сейчас, когда пишу эти строки, я вспоминаю, что и как тогда было. Время, уходя в прошлое, становится флёром, покрывающим нашу память. Острые углы сглаживаются, плохое как бы исчезает, и всё замечательно, поскольку всё прошло, и жизнь докатилась до сегодняшнего дня, и это хорошо, а, значит, и тогда было хорошо. Когда-то давно я слышал, что старение памяти сопровождается особым биохимическим процессом в мозгу человека, из-за чего воспоминания высветляются. Наверное, поэтому я многое в жизни Рустама того времени не помню: картина высветлилась до грунта.

407. Нужно быть китайцем, чтобы в основу своей культуры и самого мировосприятия заложить «Книгу Перемен» и одновременно изобрести проклятие «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!». Расклеивая листовки Мурашёва и потом «активничая» в ДПР, мы с Кадриёй сами готовили эти перемены. Партия Травкина разворачивалась по ходу этих перемен от программного антикоммунизма и выдвижения Ельцина в президенты России к протесту (вместе с коммунистами) против распада СССР, критике реформ Гайдара и переходу в полную оппозицию после расстрела Белого дома. Этот же путь прошли и мы. Это было движение по кругу, мы оказались почти в исходной точке. Как и предписывает «Книга Перемен». Дальнейшая жизнь ДПР проходила уже без нас, и, на мой взгляд, это было то, что «Книга Перемен» называет «переразвитием» – ненужным продолжением того, что продолжения не имеет, поскольку дальше начинается что-то другое.
408. Время перемен – это крутой поворот реки: кого-то выбрасывает на скалы, кто-то тонет, запутавшись в водорослях, кто-то садится на мель, и лишь немногие случайные проносятся по фарватеру с гиканьем, хохотом и восторгом от азарта и риска. Многие теряли работу, уходили в торговлю, бизнес и криминал, разорялись, теряли положение, лицо или жизнь, или спивались по старому русскому обычаю. Многие эмигрировали, чтобы в другой стране делать то же самое: либо мчаться по фарватеру, либо, оказавшись на берегу, проклинать и родину и чужбину, то есть весь мир. Многие, не принимая, не понимая, и не желая понимать никаких перемен, замыкались в коконе прошедшего времени и только ждали, когда это всё закончится, но закончиться могла только их собственная жизнь. Наконец, кто-то, отделавшись лёгким испугом, получал дополнительный социальный опыт и более философское отношение к жизни, терял свои самые наивные и романтические иллюзии и приобретал ностальгию по ним.
409. *Чжан 14. Липовка движется в ветрах перемен по своему Дао-пути.*
Или, может быть, это мир движется, омывая Липовку, как омывают воды песчаный остров?
Где оно, Дао Липовки?
Может быть, в ветряной мельнице без крыльев, в её осевом столбе, вытесанном из цельной сосны?
Или в маленьком домик под соломенной крышей, над которым раскинуло свои ветви огромное дерево?
Или в гнедых конях мордвина Сергея Ивановича, свободно гуляющих в туманах лугов?
Или в улыбке, одновременно и вороватой, и доброй, на тёмном лице дяди Лёши-цыгана?
Или в слабом голосе бабы Любы, моей соседки, турчанки по прабабушке, когда поёт она Липовские песни: и старые русские и жестокие романсы полусоветского времени?

Или в новом предпринимателе Андрее Горохове, приехавшем из Москвы, делающем ошибки по молодости и глупости, но не уезжающем из Липовки?

Где оно, Дао Липовки?

В закатном солнце?

В восходящей луне?

В луговом цветке?

В лесной паутине?

В раковинах перловицы у кромки воды озёр?

Я иду его на дорогах, входящих и выходящих из Липовки, пересекающих некошеные луга, кружащих по сосновому лесу.

Я иду по песчаной дороге.

Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его.

Из Липовки можно уехать, но нельзя не вернуться.

И, пересекая Мокшу, чувствуешь: ты снова на том же Дао-пути.

Этот путь неуловим как лесная тропа – как удержаться на нём?

Этот путь устойчив и колея глубока – как сойти с него?

Этот путь кругл как небо, поэтому называется возвращением.

Этот путь из прямых углов как квадрат земли, поэтому называется уходом.

Он бесконечен и не может быть назван.

Двигаться по нему значит оставаться на месте.

Когда я умру, пусть похоронят меня в роце Липовского погоста, чтобы жёлтые воды времени не отнесли мои души к чужим берегам.

410. Но всё это относится к более старшим поколениям, к людям с уже сложившейся жизнью. Самые молодые, те, что заканчивали учиться в вузе, а ещё лучше, в школе, уже после перелома, воспринимали новый порядок как должное. Собственно, для них никакого перелома и не было, поскольку он совпал по времени с их собственным естественным переломом на стыках детства, отрочества и юности. Они могли даже воспринимать перемены как естественное течение времени, а то, что они заканчивались, тоже казалось естественным, как естественно успокоение времени человека при переходе к зрелости.
411. Больше всего перемены ударили по тому промежуточному поколению молодых людей, которые должны были вступать в жизнь в разгар перемен. Это поколение потерялось, стало потерянным. Они заканчивали учиться и должны были определяться с работой, призванием, мечтами, целями, любовью, семьёй. Со всем тем, что составляет содержание человеческой жизни. Со всем тем, что рушилось на их глазах, потому что только в исторической перспективе перемены – это смена одного содержания на другое, а точнее – то же самое, хотя и в кажущейся другой форме. Внутри же самого времени перемен, перемены – это разрушение, и ничего, кроме разрушения. Мечты, цели,

идеалы и любовь, которые провозглашаются во время перемен, которые в глазах делателей перемен (или, точнее, тех, кто мнит себя таковыми) как раз и оправдывают перемены, на самом-то деле сами рушатся, поскольку оказываются теми наивными и романтическими иллюзиями, которые как раз и должны быть оставлены позади перемен. Перемены – это движение по кругу, в конце которого мир оказывается в исходной точке, где он всегда и пребывает, а изменяется, как выясняется, лишь наше видение мира. Но в середине перемен точка – диаметрально противоположна исходной. И хотя это лишь кажимость, потерянное поколение не достаёт опыта старших, чтобы распознать эту кажимость, и детскости более молодых, чтобы не придавать ей трагического значения.

412. *Чжан 15.* *Что, если Липовка – это только память?*

И путь её – это дорога воспоминаний?

Её настоящее – подобно дневному сну?

Что хранят небо и земля – не знают и сами они.

Что хранят леса, луга и озёра – люди забыли.

Люди больше не рождаются в Липовке, потому что некому их рожать.

Все местные жители – старики и старухи.

Что помнят они?

Они помнят людскую цепь поколений.

Что это были за люди?

Они были робкими, как будто переправлялись через реку зимой; они были осмотрительными, как будто со всех сторон их окружали опасности; они были важными и полны достоинства, как гости; они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были простыми подобно неотделанному дереву; они были пустыми и открытыми, подобно долине; они были непроницаемыми, подобно мутной воде.

Будучи спокойными, они делали жизнь ясной.

Будучи терпеливыми, они делали жизнь спокойной.

Они шли своей дорогой и не желали многого.

Не желая многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового.

413. Волна наркотиков, захлестнувшая страну, ударила именно по этому потерянное поколение. Старшие традиционно предпочитали пить водку, а более молодые ещё не перестали пить молоко, ну, или кока-колу. Я сравниваю время моей молодости со временем Рустама. Стал бы я на его месте, то есть в его возрасте и в его время, мечтать учиться и заниматься математикой? В моё время это было престижно, уважаемо, это гарантировало интересную работу, хорошей заработок, это было на вершине, достигнуть которую было трудно, но возможно, и которая манила. Даже больше: в моё время молодые и вовсе не думали о деньгах

или карьере (это неприлично), пребывая в странном мареве романтического отношения к жизни, воспитанного советской школой, и, как ни странно, имевшего под собой прочное основание в стабильности того, что потом стали называть застоем, и только те, кто был уже далеко не молод, слыша, что «счастье не в деньгах», осторожно добавляли «к сожалению, и в них тоже».

414. А во время Рустама конкурс при поступлении на мехмат МГУ был самый низкий за всю историю университета, если не ошибаюсь. Это стало смешно, глупо и неприлично. Престижными стали профессии юристов, экономистов и политиков, то есть всего того, что было необходимо для криминального бизнеса, а никакого другого не было и не могло быть, несмотря на самые благие желания и похвальные устремления тех, кто начинал своё дело, но вынужден был либо отказаться от него, либо криминализировать его. Уважаемые люди, по-прежнему, назывались авторитетами, только это были уголовные авторитеты. Бандиты и валютные проститутки заняли самые верхние строки социальных рейтингов. И это было гораздо хуже, чем перестрелки на улицах.

415. Рустам был умнее и лучше многих из своего потерянного поколения, но именно поэтому – потерянное. Нужно мне было встретить Кадрию года на три раньше, а потом не ждать два с лишним года, а сразу зачать ребёнка. Или уж рожать сына в тридцать лет. Но мы попали в самую точку, и спустя семнадцать лет Рустам оказался в эпицентре перемен. Мне кажется, он унаследовал от нас с Кадрией слишком много. Но это были наивные и романтические иллюзии, которыми мы и сейчас дорожим, и которые у нас компенсировались жизненным опытом и «правильностью», воспитанной советским временем, а у него – ничем. Так мне сегодня кажется, и я не знаю, верно это или нет.

416. *Чжан 16. Липовский день кругл как шар.*

И ночь – невидимая сторона шара – тоже кругла.

Я нахожусь в центре этого шара и вижу, как скользят по его поверхности вещи, события, люди и звёзды.

Я неподвижен и спокоен, поэтому вижу это.

Движение по кругу называется возвращением.

Где у круга начало?

Можно ли центр круга назвать его истинным началом?

Возвращение к такому началу называется покоем.

Покой называется возвращением к сущности.

Возвращение к сущности называется постоянством.

Современная жизнь имеет большую скорость.

Большая скорость рождает центробежную силу.

Центробежная сила приводит к распрямлению судьбы, к распаду людских общностей, к разбеганию галактик.

Путь человека улетает в никуда и становится невозможным вернуться к началу.

Жизнь Липовки имеет малую скорость.

Малая скорость рождает центростремительную силу.

Центростремительная сила приводит к закруглению судьбы, к единению людских общностей, к схлопыванию космического вещества.

Так рождаются звёзды, и путь человека возвращается к началу.

Сколь велика прелесть малого движения!

В шарообразном коконе Липовки человек претерпевает медленные превращения; медленно превращаясь, человек созревает; созревая, он достигает совершенства; достигая совершенства, становится справедливым.

Это называется состоянием правителя; состояние правителя – это свойство неба; свойство неба – следовать Дао.

Тот, кто следует Дао, вечен и до конца жизни не будет подвергаться опасности.

417. Года три после окончания школы Рустам толком не работал и не учился. Отчасти это было связано с армией: он от неё убегал. В то время было практически невозможно пойти учиться (если только не сразу после школы, когда ещё нет 18 лет) или устроиться на работу без того, чтобы об этом тут же не стало известно в военкомате. Мы с Кадриёй не хотели, чтобы Рустам попал в армию. Я избежал армии, сначала обучаясь в МГУ, а потом работая в институте, получавшем бронь для таких, как я, занятых созданием аппаратного и программного обеспечения вычислительных машин, использовавшихся для космоса и обороны. Конечно, мы хотели, чтобы Рустам продолжал обучение в вузе, и не хотели, чтобы он терял 2-3 года после школы.
418. Но когда Рустам не получил аттестата, и вопрос об институте сам собой отложился, осталась одна, но достаточно веская причина нашей нелюбви к армейской службе: разгар дедовщины. Хотя, может быть, на то время приходился не столько пик этого явления, сколько пик информации о нём. Поток сообщений о мальчиках, убитых или покалеченных в нашей разлагавшейся советской армии: по телеканалам, в газетах, просто на слуху. И это на фоне полной девальвации патриотизма и престижа армейской службы.
419. Конечно, если бы Рустам сам захотел служить, мы бы, попытавшись его отговорить, всё же не стали бы препятствовать. Но он не хотел, он относился к армии так же, как мы. Может быть, было бы лучше, если бы он, хотя бы в пику нам, пошёл в армию, отслужил и вернулся повзрослевшим, пройдя, пусть суровую, но всё же полезную для мужчины школу. Но это – если бы вернулся. Живой и невредимый. А если нет? К дедовщине добавилась реальная угроза оказаться в одной из горячих точек, которые быстро размножались. Только что закончилась советско-афганская война, Советский Союз распадался и чередой пошли

тбилисские и вильнюсские события, Нагорный Карабах, Абхазия, Осетия, и, наконец, чеченская война.

420. Однажды мы даже консультировались с врачом. Может быть, Рустаму всё же пойти в армию – сколько можно бегать? Может быть, там его проблемы разрешатся? И эта новомодная болезнь его поколения, которая называется депрессией, сама пройдет? Но врач сказал коротко: ему туда нельзя. Конечно, это был врач не из медицинской комиссии военкомата.

421. Из письма Рустаму от 30 октября 1990 года от Вороновой Ольги, с которой он познакомился в Липовке: «Привет из Воскресенска. Здравствуй Рустам! Письмо твоё получила, большое спасибо; оно было так неожиданно, да ещё отпечатано на машинке, впервые получила такое письмо. Дела у меня совсем плохие, правда, ездила в Киев на экскурсию, там так тепло, не то что у нас – носа не высунешь. Жизнь обыкновенная, однообразная, сейчас хоть пошли учиться. Да, ты фарцуешь – это не удивительно, у нас тоже центровые ребята фарцуют. Такие махинации – тысячами огребают, они меня так бесят, ужасно, какие-то все противные, а моя подружка с одним загуляла, он ей пообещал на день рождения 1000 роз подарить. А впрочем, что я тебе пишу про это, ведь тебе совсем не интересно... Фарцой занимайся, я надеюсь, что ты не такой, как наши, да я и точно знаю, прибыль конечно хорошая, я даже сама мелкие махинации иногда проворачиваю... Привет Максиму [двоюродному брату Рустама – И.Б.]...»

422. *Чжан 17. На юго-запад от Липовки – деревни Демушкино, Рожково и Ласицы, куда ходит автобус из Сасово.*

Но, как здесь говорят, Липовка находится за двумя реками: Мокшей и Старицей.

По прямой здесь километра три и зимой можно пройти по зимнику.

Летом через Мокшу переправляются по понтонному мосту около Демушкино или на лодке около Ласиц, а дальше – в обход Старицы по лугам.

На северо-запад уходит по лесам и низинам грунтовая дорога до деревни Мыс Доброй Надежды, расположенной на шоссе Сасово-Кадом.

Но эта дорога и летом не всегда проходима.

На северо-восток сосновый лес тянется на десятки километров.

На юго-восток – луга вверх по течению Мокши.

Половину года – весной и осенью – Липовка полностью отрезана от остального мира.

Что означает эта полууединённость, полудоступность, полузаброшенность Липовки?

Только ли неудобства для её жителей и гостей?

Если бы озёра, луга и леса не стояли на страже, Липовка не была бы Липовкой.

Если бы озёра, луга и леса сомкнули кольцо в пространстве и времени, не было бы жителей и гостей, а без них – и самой Липовки.

Озёра, луга и леса стоят на страже у ворот в Липовку, пропуская не в любое время, не в любом месте и не любого человека.

Эти ворота соединяют Липовку с большим миром.

Многие жители смотрят телевизор, слушают радио и даже читают газеты, когда их приносят, и знают о существовании правителей большого мира.

В спокойные времена Липовка в своём полузабытье равнодушна к ним и правители кажутся наилучшими.

Во времена смуты правителей любят, боятся или презирают, и это наихудшие правители.

Хотя Липовка – от мира сего, она движется своим путём.

Дао Липовки дарует сознание всем своим подданным; не стремится облагодетельствовать или наградить их; не стремится внушить им страх; не стремится внушить им трепет.

Оно не требует слепой веры; оно открывается каждому, кто способен видеть.

Этот высший правитель Липовки вдумчив и сдержан, и народ говорит, что он следует естественности.

423. Ничего хорошего в этом беге от армии не было. Я помню своё возвращение из командировки в Канаду. Это было уже в 97-ом году, когда я занимался тестированием, мы получили большой контракт с канадской телекоммуникационной компанией Nortel (тогда она расшифровывалась как Northern Telecom Limited), и жизнь на работе вошла в привычную для меня колею. Прямо из Шереметьева, с чемоданом, обклеенным наклейками нескольких аэропортов по разные стороны Атлантического океана, я подошёл к своей квартире.

424. Дверь оказалась незапертой. Едва я её открыл, как мимо меня быстро прошёл милиционер. Это оказался участковый, искавший Рустама: тогда участковым вменялось в обязанность отлавливать уклонявшихся призывников. Кадрия, конечно, не пустила бы милиционера в квартиру, но в то время у нас жил Вадим Беров. Он по какому-то делу пошёл к моей маме, квартира которой находилась на той же лестничной площадке, и не захлопнул входную дверь. Участковый сначала вошёл к незапертую квартиру, а потом уже Кадрия никак не могла его выставить вон.

425. **Чжан 18.** *Человеколюбие и справедливость, сыновняя почтительность и отцовская любовь, мудрость и преданность, – всё это скрыто внутри Дао-пути и не выпячивается наружу.*

Когда отходят от Дао-пути, суть вещей искажается, качества и свойства преломляются, прямое делается кривым, истинное – ложным.

Поэтому имена указывают не на то, на что они должны указывать, и их приходится брать в кавычки.

Употребление этих имён становится нарочитым и мудрые предпочитают молчать.

Липовка – это место, где проходит Дао-путь, и тот, кто отходит от него, покидает Липовку.

Или, лучше сказать, Липовка покидает человека.

Каждый человек хочет вернуться на правильный путь, но не каждый человек способен идти по нему, не отклоняясь в сторону.

Поэтому люди, побывавшие в Липовке, стремятся вернуться в неё, но мало кто может жить в ней долго.

Местные жители не в счёт – они сами часть Липовки.

426. Несколько слов о Вадиме Берове. Я познакомился с ним в 1990-м году на XXI научной конференции «Общество и государство в Китае» в Институте Востоковедения АН СССР, где делал доклад «Третья дихотомия И-цзина» про обнаруженную мною закономерность в расположении гексаграмм «Книги Перемен» (так называемый, порядок Вэнь-вана). Вадим был родом из Кривого Рога, там у него с мамой имелась квартира. В Москве он обретался у знакомых: то у одних, то у других. Это была (да и есть) интересная, необычная личность. Он считал себя философом, и, действительно, знал в этой области много, хорошо разбирался. Но также увлекался литературой, живописью и музыкой – не как автор, а как критик или искусствовед, а точнее именно что как философ.
427. Одно время Беров жил у своих знакомых недалеко от Савёловского вокзала. Раз в неделю там собирались творческие люди самые разные: литераторы, художники, музыканты, учёные. Вадим называл это «семинарами», даже «маллармеанскими семинарами». Конечно, пили чай, шёл какой-то общий разговор, кто-то читал стихи, играл музыку или показывал картины – всё как обычно. Но главной составляющей вечеров были Беровские монологи по поводу прочитанного, услышанного или увиденного на вечере. Я сам читал свои литературные опусы, развешивал по стенам свои акварели. Кадрия тоже приносила свои работы. Честно говоря, было интересно его слушать, и он находил всегда что-то необычное и нетривиальное в работах других. Позже, в 97-ом году, уже на Войковской, в мастерской Саши Белугина, Вадим пытался воспроизвести формат своих «семинаров». Но там всё складывалось как-то иначе, и после нескольких вечеров Беров исчез, заявив, что мы с Белугиным всё делаем неправильно. А люди продолжали собираться на Войковской, и постепенно это превратилось в Литературный Клуб «Подвал №1», который живёт и поныне, правда, уже в другом месте.
428. **Чжан 19.** *Когда ты едешь в Липовку, оставь мудрствование и учёность на том берегу Мокши, и будешь счастливее во сто крат.*

Когда ты едешь в Липовку, оставь человеколюбие и справедливость на том берегу Мокши, и ты вернёшься к естественным отношениям с людьми: близкими и далёкими.

Когда ты едешь в Липовку, оставь хитрость и алчность на том берегу Мокши, и тебе будут не страшны воры и разбойники.

Эти вещи не нужны в Липовке.

Будь простым и скромным, уменьшай личные желания и освобождайся от страстей.

Лучше всего приехать в Липовку совсем пустым.

Нужно только, чтобы было достаточно еды, чая и вина.

429. После Савёловский Вадим Беров попросил разрешения пожить у нас: временно, пару месяцев. Конечно, вылилось это почти в год. Вадим спал в комнате Рустама, не на кровати, а сидя в кресле. У него было что-то с сердцем, и он считал, что так ему лучше. Рустам не возражал против нового жильца, ему было интересно общаться с необычным человеком. Хотя, наверное, через какое-то время ему всё же надоел посторонний человек в его комнате. Хотя Рустам ничего не говорил, но и не возражал тогда, когда после случая с участковым милиционером я попросил Берова уехать. У Вадима не было московской прописки (или, как сейчас говорят, регистрации), и это становилось рискованным, учитывая Рустамовский «бег от армии».
430. Вадим, наверное, обиделся на меня, и долгие годы мы не общались. Только время от времени он звонил Кадрие, и они беседовали, ведь это я попросил его съехать из нашей квартиры, а не Кадрия. Только на днях я снова увидел Берова: Кадрия пригласила Вадима на мой юбилей, который я праздновал на работе. Он немного выпил, потом немного поклевал носом, потом я его проводил. Ни о чём существенном мы не успели поговорить, а может быть, это было и не нужно.
431. И вот мы сидим с Кадриёй на кухне. Она рассказывает мне о том, как участковый ходил по квартире и искал Рустама. Заглядывал во все комнаты, даже в ванную и туалет. Рустама нигде не было. Кадрия уже удивлялась: где же Рустам, он ведь был в квартире, когда пришёл милиционер. Оказалось, что Рустам всё это время был в туалете. Он догадался оставить дверь незапертой, погасил свет, и стоял там в темноте, прижавшись к стене. Участковый его не заметил. Кадрия рассказывает, я слушаю, и наши лица на фотографии какие-то потухшие. Мы разговариваем, курим и пьём виски «Teacher's». «И чего в нём хорошего? – говорит Кадрия, – Чистой воды самогон, у бабы Любы в Липовке, по-моему, и то лучше». С тех пор я не покупаю больше в duty-free виски «Teacher's».
432. Из поздравительной открытки от Вороновой Ольги из Воскресенска: «Дорогие мальчики Рустам и Максим! Поздравляю вас с Новым годом

1991! Желаю, чтобы в новом году у вас было много успехов. Желаю вам всего, всего самого наилучшего, долгих, долгих лет в жизни!»

433. **Чжан 20.** *Липовка – это страшный обман.*

Разве в этом мире, где знания умножают печали.

В этом мире, где взаимные упования и надежды лишают опоры.

В этом мире, где добро порождает зло.

В этом мире, где люди боятся одиночества, и не могут избегнуть его.

В этом хаотичном мире, где негде установиться порядку.

Разве в этом мире возможна Липовка?

В этом мире все люди предаются веселью, как будто присутствуют на торжественном угощении или празднуют наступление весны.

Только я один еду в Липовку.

Это подобно ребёнку, который не явился в мир.

О! Я еду!

Подобно страннику, навеки утратившему возможность вернуться назад.

В этом мире все люди полны желаний, только я один еду в Липовку.

Я сердце глупого человека.

О, как оно пусто!

Этот мир людей ясен и очевиден, только я один еду в Липовку.

Этот мир людей расписан до мелочей, только я один еду в Липовку.

В этом мире все люди проявляют свои способности и имеют занятия, и только я один еду в Липовку.

Я еду, и разве существует место, где можно остановиться?

В этом мире все люди думают, что Липовка не существует.

Только я один отличаюсь от других тем, что тащу целый рюкзак еды.

434. А в Липовке никаких перемен не было. Вряд ли можно считать существенной переменной переход с водки на спирт: тогда в Москве появилось много «музыкального» спирта: «Mozart», «Royal». Мы с Косачевым изобрели «весенний напиток»: в мае или начале июня бросаешь в спирт несколько молодых светло-зелёных листиков чёрной смородины. Через 15 минут напиток готов: красивого светло-зелёного, «шатртрезного» цвета. Потом ходили по липовским лесам, искали ягоды можжевельника, чтобы делать «джин». Правда, в этом случае настаивать нужно было несколько недель.

435. В августе 90-го года к нам в Липовку приезжали Галя с Мишей. Потом осенью мы ещё раз ездили на пару дней в деревню вместе Галей и дядей Лёней. Выбирались обратно, когда понтонный мост вот-вот должны были разобрать. Вода уже снесла один понтон, ближайший к

Липовскому берегу. Нам пришлось залезть в воду и переправлять через неё вещи на каких-то подвернувшихся досках. Весной следующего года Лёня, Галя и Миша уехали в Израиль. Для них наши перемены закончились и начались совсем другие.

436. Перемены в Липовке происходили только с нашим домом: мы постепенно приводили его в порядок. Клеили обои с Сашей Косачевым, из сосновых палок сколотили этажерки для обуви и инструментов, повесили красные занавески на окна, по которым наш дом легко было найти вечером, когда горел свет в избе. Побелили печку, покрасили потолок. Кадрия занималась огородом, садом, цветами. Я покрыл эмалью лавки, сундук, дверь. Мастерил всякие полочки для книг. Сделал «китайский» абажур: он и сейчас висит над кушеткой, под ним удобно лежать и читать книжку. На абажуре написаны восемь иероглифов:

Здесь дуют ветры восьми направлений	БА ФЭН
Здесь я понял значенье восьми управлений	БА ЧЖЭН
Сам себя назову огородов сматритель	ЮЙ ИНЬ
Сам себя я назначу гаданий правитель	БУ ИНЬ
Пусть друзья дом отшельника същут	ЧУ ШИ
Угощу их изысканной пищей	ЮЙ ШИ
Только детям известно подобное счастье	СЯО ТУН
Только здесь я нашел с этим миром согласье	ДА ТУН

437. **Чжан 21.** *Зачем мне Липовка?*

Чтобы рисовать картины, сочинять стихи и писать тексты.

Если копнуть глубже – чтобы просто жить.

Ещё глубже – чтобы готовиться к смерти.

И, наверное, на самом дне – чтобы рисовать картины, сочинять стихи и писать тексты.

Это непостижимое Дэ Липовки наполняет все вещи, которые окружают меня здесь.

Дэ Липовки рождается на её Дао-пути.

Каждая вещь Липовки движется по своему особенному пути, и в этой особенности сокрыто Дао Липовки.

Это подобно тому, как вещи выходят из розового утреннего тумана следом за восходящим солнцем.

Дао Липовки движет её вещами, но путь его загадочен и непостижим, подобно песчаной дороге в туманах лугов ранним утром месяца августа.

Обернёшься – и не увидишь того, что пройдено.

Посмотришь вперёд – и не увидишь продолжения.

Оглянешься по сторонам – и не поймёшь, где находишься.

Но в этой туманности и неопределённости содержатся образы.

Из этой туманности и неопределённости выступают вещи.

В глубине и темноте тумана скрыты тончайшие частицы.

Сила этих тончайших частиц превосходит всё, что существует в мире.

Это сила рождать и скрывать, рождая – скрывать, и скрывая – рождать.

Скрывать – значит хоронить, хоронить – значит сохранять.

То, что схоронено, способно к новому рождению.

Эта пульсация рождения и смерти подобна клубящемуся туману.

Ты и я – остановимся в пути, снимем рюкзаки, отдохнём, покурим.

Ботинки блестят от тяжёлой росы.

Волосы влажны и будто седые от капель тумана.

Вот – неподвижная трава у обочины дороги.

Вон – смутные очертания деревьев.

За пеленой тумана восходит солнце.

Уже появились комары.

Какая-то птица перелетела над нашими головами из тумана в туман.

С древности и до наших дней не иссякает голос Дао, зовущий в дорогу всю тьму вещей.

Ты спрашиваешь: "Где же могу я увидеть облик его?"

Повсюду.

438. Постепенно мы знакомились с жителями Липовки, и, прежде всего, с нашими ближайшими соседями: бабой Любой и тётёй Дусей. Они часто бывали у нас, сидели за столом и пели дуэтом липовские песни. Тогда ещё был жив муж бабы Любы, дед Гаврила. Иногда поутру мы слышали, как они переругивались по деревенскому обычаю незлобиво и не торопясь. Жили они очень дружно. Дед Гаврила нередко заходил ко мне, обычно, когда я что-нибудь мастерил около дома. Он был глуховат, поэтому только смотрел и ободряюще улыбался, а то и давал какой-нибудь полезный совет. Проходил мимо дома дядя Петя со своим неизменным вопросом: «Ну, как там, в Москве? Что они думают, будет жизнь лучше или как?» Проезжал Коля Хват на телеге, заполненной горячим, только что испечённым хлебом. Приносил только что выловленную рыбу Шурочка-святой (это прозвище он получил то ли от отца, то ли от деда, совершившего пешее паломничество в Саров). Коля Дунин приходил чинить электричество, или так просто. Кулёк забредал, просил выпить. «Ну, хоть одеколону дайте, болею я». Кадрия как-то раз не выдержала, и таки дала ему стопку «Шипра», ничего больше не было. А потом всё волновалась, не отравила ли она его.

439. **Чжан 22.** Слова древних: "Ущербное становится совершенным..." – разве это пустые слова?

Отсутствие рождает напряжение, напряжение рождает силу, сила приводит в движение, и вся тьма вещей приходит к тебе.

Все люди в мире хотят быть молодыми и боятся старости.

Но разве недостаток лет отличается от недостатка богатства, или недостатка славы, или недостатка положения в обществе?

Следуя этому поучению, я еду в Липовку не потому, что Липовка богаче города, а потому, что она беднее; не для того, чтобы получить многое, а для того, чтобы достичь малого; не в стремлении к новому, а в тяге к старому.

Я еду в Липовку за отсутствием.

Пустота – вот, что влечёт в Липовку.

Простор высоты от земли до неба, простор широты лугов, простор глубины лесов.

Привольно раскинулась деревня, привольно стоят дома на её улицах, привольно неразделённое на кубики пространство избы, привольно среди людей без взаимных обязанностей, привольно душе в бездорожье одиночества.

В Липовку едут не для того, чтобы приобрести, а для того, чтобы потерять.

Потерять – значит приобрести свободу; приобрести – значит потерять свободу.

Потерять гораздо труднее, чем приобрести.

Но труднее всего – потерять себя.

Это трудно даже в Липовке.

Чтобы почувствовать лес, нужно в лесу заблудиться, но все люди боятся этого.

Чтобы найти своё Дао, нужно сбиться со всех дорог, которыми идёт человек.

Слова древних: "Ущербное становится совершенным..." – разве это пустые слова?

440. В 93-ем году я начал писать «Категории Липовки» в жанре «философских заметок», а закончил в 94-ом вместе с «Дао Дэ Липовка вэй». Теперь я решил использовать некоторые из этих «заметок» как ещё одну опору в написании этой книги.

441. Из «**Категорий Липовки**»: «Кулёк»: Когда у Кулька запой, он подобен маленькому Хаосу Чжуан-цзы. Днём он двигается по улицам Липовки и каждого встречного спрашивает "нет ли выпить?", не различая мужчина это или женщина, взрослый или ребёнок, первый раз он его видит сегодня или они встречались пять минут назад. Ночной обход деревни он совершает, ориентируясь по свету в окнах домов. Утренний – по интуиции и смутным обрывкам воспоминаний.

"Ёш-ты!" – говорит Кулёк, когда ему отказывают. И незлобиво идёт дальше, повторяя: "Ёш-ты!".

Кулёк, выпивающий стопку одеколona "Шипр". Кулёк, кряхтя и "ёштыя", в раскоряку спускающийся с крыльца. Кулёк в утренней полумгле будто из ниоткуда являющийся на пороге дома, не спросясь

заходящий в избу, крутящийся на месте посреди комнаты и, не солоно хлебавши, уходящий и исчезающий в утренней полумгле.

На выходе из недельного запоя Кулёк, ещё по инерции продолжающий свои обходы деревни, но уже осознающий юмор ситуации, лениво тянет в ответ на вопрос "Ну чего тебе?" – "Боле-е-ю я". И ухмыляется с хитрецей уже-не-запойного, но ещё-не-трезвого мужичка.

Когда однажды Кулёк зашёл в дом трезвым, я не узнал его. И он не узнал ни меня, ни дома: стал рассуждать об обстановке комнаты, об обоях, занавесках и прочем так, будто попал сюда впервые. Трезвый Кулёк потерял весь свой шарм, потерялся и ничем уже не выделялся из череды обычных персонажей деревни. Исчезла та могучая целеустремлённость, которая вела его в пространстве и времени этого мира по удивительной, странной, парадоксальной и безошибочно выбираемой траектории пути.

Кулёк в запое похож на пружину, которая то ли сжата, но готова вот-вот взорваться, то ли уже распрямляется и толкает его существо по его пути, то ли, напротив, сжимается в сосредоточении единственной страсти и единственной цели. "Сердце человека – Пружина," – говорится в "Книге о единении сокрытого" ("Иньфу цзин"). Сердце Кулька жаждет водки. "Пружина находится в глазах." Глаза Кулька неуловимы и мутны. "Никто в Поднебесной не может её увидеть, никто не может познать." Познать сердце Кулька – всё равно что броситься с головой в омут. Пружина Мира, вселяющаяся в запойного Кулька, поражает своей безудержной, неостановимой, тёмной, безразличной, первозданной, хаотической и в то же время тонко отрегулированной силой.

"Ёш-ты!" – говорит Кулёк. Этим "ёш-ты" Кулёк как бы хочет сказать: "О! Я несусь! Кажется нет места, где мог бы остановиться. Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего, кроме одного. Я сердце глупого человека – такое тёмное, такое неясное! Мир людей ясен и очевиден, только я один живу в мире смутном, подобном вечерним сумеркам. Мир людей расписан до мелочей, только я один живу в мире непонятном и загадочном. Все люди пытливы, только я один равнодушен ко всему, кроме одного. Неостановимый, подобно дыханию ветра! Все люди проявляют способность, и только я один похож на глупого и низкого. Только я один отличаюсь от других тем, что вижу основу в водке."

Конечно, так, или почти так, на самом деле говорил Лао-цзы. Но разве кульковское "ёш-ты!" означает что-то иное?

Кулёк в запое подобен маленькому Хаосу Чжуан-цзы, в котором друзья-приятели уже просверлили одну дырку. И в эту дырку Кулёк льёт водку. Он уже не замкнут в себе, он уже несётся, развёртываясь в своём Дао опьянения. Ведь приятели Хаоса – это просто его собутыльники и приходили они к нему, чтобы вместе выпить. Когда будут просверлены

остальные дырки, Хаос умрёт и Кулёк станет обычным трезвым человеком.

А пока маленький ком Кулька катится по деревне Липовка от дома к дому. И глядя вслед ему, мне самому хочется воскликнуть во вдруг возникшем ощущении единосущности меня, Кулька, бабы Любы, Липовки, мира, Хаоса, хочется воскликнуть незлобиво: "Ёш-ты!".

442. *Чжан 23.* *За двумя реками, среди лугов и лесов, между небом и землёй затеряна деревня Липовка.*

Она потеряна и потому сохраняется.

Она сохраняется и потому её можно увидеть.

Кружочек Липовки можно увидеть на карте Рязанской области.

Крыши домов Липовки можно увидеть с высокого холма, на котором стоит деревня Рожково.

В Липовку даже можно приехать и жить там.

Почему так?

Потому что, тот, кто теряет, тождествен потере.

Кто тождествен потере, приобретает потерянное.

Великое Дао – то же, что потеря.

Великое Дэ – то же, что потеря.

Даже ветер в Липовке останавливается к закату дня.

Даже дождь в Липовке уступает место ясной погоде.

Даже мой дом в Липовке когда-нибудь развалится.

Небо и земля полны величия, однако и они не вечны.

Ты спрашиваешь: "Что же мне делать?"

Не спрашивай, и услышишь ответ.

Не делай, и будет сделано.

Если боишься заблудиться в лесу, иди на луг около Чёрного Озера, ложись на землю среди цветов, закрой глаза и попытайся тихо скользнуть в забвенья травы.

443. Потом дед Гаврила умер – дали о себе знать военные ранения, потом умерла тётя Дуся, умер Кулёк, умер Коля Дунин, отравившись самопальным спиртом, умер Шурочка-святой и уже в 2002-м году умерла баба Люба. Этим летом 2008-го года дети увезли больного дядю Петю из Липовки.

444. Баба Люба умерла в начале сентября. В этот год наша яблоня, что с незапамятных времён росла напротив нашего крыльца, была на удивление плодovита. Когда в конце лета мы уехали из деревни, яблоки ещё краснели на ветвях. Потом стали падать в траву. Бабу Любу искали полдня и нашли около яблони. Ей было жалко падающих яблок, и она пришла собирать их в корзину, чтобы сохранить до осени, когда мы приедем за грибами. Она не умерла на земле под яблоней, это было бы неправильно. Её жизнь была цельной и мудрой. Такой же должна была быть и её смерть. Она умерла на третий день, попрощавшись со всеми и

отдав все нужные распоряжения: жестами, поскольку говорить уже не могла. Незадолго до этого она как бы попрощалась и с нами: подарила Кадрие свою самодельную, удивительно красивую юбку из тех времён, когда баба Люба была молодой. Впрочем, юбку она подарила раньше, а в то лето подарила льняное полотенце с накатанным рисунком – красными петухами. И спросила Кадрию: ты на похороны-то ко мне приедешь? Мы приехали в Липовку в сентябре на пару дней, не за грибами, как планировали, а на похороны.

445. *Чжан 24. Если идти к Липовке напрямую, выйдешь к берегу Мокши, где не будет ни моста, ни лодки.*

Если пересечь реку по мосту и дальше идти к Липовке напрямую, выйдешь к берегу Старицы, и нет там никакой переправы.

Чтобы попасть в Липовку, повернись на 90 градусов и иди в сторону.

Идя в сторону, придёшь в Липовку.

Таков закон потерянного существования.

Если ты шёл прямо к цели и достиг её, прими мои соболезнования: только тебе одному это стало казаться целью.

Лучше бы ты оставался на месте и не имел целей, чем обременять себя лишним желанием и бесполезным поведением.

446. Мы поехали на похороны на автомобиле с редким названием, которое я запомнил, – «Святогор». Он принадлежал приятелю Наташи Селиваненко – Сергею Гладких. Нас было четверо: я, Кадрия, Наташа и Серёжа. Липовские дороги в тот год были хорошие, и удалось доехать до самой деревни. Остановились у Наташи, потому что в нашей избе ещё не закончился ремонт, связанный с подъёмом дома, сменой печки, полов и т.п.

447. Погода стояла прекрасная, мы даже смогли искупаться в Старице, сходили на Чёрное озеро, съездили на холмы. Серёжа – буддист, как я понимаю, ламаистского толка. На вершине холма он устроил огненную пуджу. Меня поразило большое количество ценных продуктов, которые сжигались на огне отнюдь не в символических объёмах: топлёное масло, несколько видов круп, мёд, фрукты, разные травы, молоко, вода, вино и т.д. Ветками сосны костёр притушивался, чтобы больше дыма взлетало в небо. Серёжа сидел в ритуальной позе, читал молитвы, мантры, наверное; перед ним лежали тексты на тибетском языке, а вокруг него были разложены разнообразные предметы, необходимые для совершения обряда.

448. «Для местных духов это в диковинку, – сказал Серёжа. – Никто не кормит их, но, похоже, им это нравится». Кадрия всё это время сидела в сторонке и демонстративно читала книжку. С её точки зрения, это было просто смешное язычество. Сергей сказал мне потом: «В следующий раз

лучше проводить обряд без Кадрии, она не принимает его, а мне трудно сосредоточиться».

449. На обратном пути из Липовки в Москву мы чуть не разбились. Ехали ночью, и, не заметив поворота на круговом перекрёстке под Егорьевском, проехали вперёд, то есть на встречную полосу, по которой уже мчался другой автомобиль. Свернули в сторону, машина выскочила на траву, перекрутилась несколько раз вокруг своей оси, вернулась на нужную полосу и уткнулась в ограждение. Слава Богу, пострадала только передняя фара, а люди отделались лёгким испугом.

450. Сергей Гладких владел (наверное, и сейчас владеет) фирмой «Шоколандия», поставляющей на рынок шоколад, какао, глазурь и ингредиенты. Тогда Наташа работала у Серёжи и заодно участвовала в его буддистских делах. В 2005 году ездила на Байкал, где на острове Огой закладывалась большая буддистская Ступа Просветления. Меня попросили сделать веб-сайт «Шоколандии», какое-то время я его поддерживал. Летом 2007-го года Рустам устроился к ним работать курьером, но через месяц с небольшим уволился, не поладив с Сергеем. Сейчас и Наташа там не работает.

451. **Чжан 25.** Люди думают, что звуки этого мира недостаточно гармоничны.

Но проблема в том, что мир упорядочен и гармоничен.

Люди думают, что формы этого мира недостаточно совершенны.

Но проблема в том, что мир завершён и совершенен.

Люди думают, что этому миру чего-то не хватает.

Но проблема в том, что мир переполнен.

Люди думают, что трудно идти вперёд.

Но проблема в том, что почти невозможно повернуть назад.

Вот вещь, что возникла из Хаоса, прежде неба и земли родившаяся.

Она беззвучна!

Она лишена формы!

Она одинока!

Не изменяется, но повсюду действует.

Её можно считать матерью всей тьмы вещей.

Я не знаю её имени.

Вводя обозначение, даю ей имя Дао; описывая словами, называю её Великое.

Великое – потому что возникло из Хаоса.

Раз покинуло Хаос, то находится в бесконечном движении.

В бесконечном движении изначальная простота дифференцируется и становится средством и целью.

Раз появляются средство и цель, бесконечное движение не может достигнуть предела.

*Не достигая предела, Великое возвращается к своему истоку.
Бесконечное движение оказывается кругом.
Велико Дао, велико небо, велика земля, и человек также – велик.
Во Вселенной имеются четыре великих, и человек – это один из них.*

Человек следует земле.

Земля следует небу.

Небо следует Дао.

Дао следует самому себе.

И все возвращаются на круги свои.

Но истинное начало не достигается, потому что находится в центре круга.

Центр круга – это Хаос.

Дао-путь возникает из Хаоса и возвращается в Хаос, поэтому двигается по кругу.

Мир упорядочен и гармоничен, хотя в центре круга нет никакого порядка, и нет никакой гармонии.

Мир завершён и совершенен, хотя в центре круга ничто не завершается и ничто не совершенно.

Мир переполнен, хотя центр круга пуст.

Мир не может остановиться, хотя центр круга стоит на месте.

Я могу думать не как все люди, потому что Липовка находится в центре круга.

В Липовку нельзя попасть напрямую.

Путь в Липовку напоминает спираль.

Вот я перешёл по мосту через Мокишу; вот я прошёл через луга, огибая Старицу; вот я прошёл по улицам деревни; вот я вошёл в свой дом; вот я сажусь за стол.

Даже делаю глоток чая.

Путь завершён?

Но спираль никогда не достигает центра.

Я пью чай и в неподвижности и тишине продолжаю бесконечный путь в Липовку.

452. Из «**Категорий** Липовки»: «Баба Люба»: Может ли живой человек быть "категорией", даже такой странной, как "категория Липовки"?

Не в том смысле, в каком конкретность, факт, вещь, событие не могут быть категориями, понятиями, поскольку категория – это обобщение. Как раз "категории Липовки" – это конкретность, факт, вещь, событие, и они не терпят никакого обобщения, предчувствуя, что обобщение – это всегда выхолащивание, утрата сути, опустошение. Здесь нужно нечто живое, то есть живущее, но тем не менее (вернее: именно поэтому) глубокое, не поверхностное, но протяжённое вглубь – в истину мира.

Сомнения мои другого рода: баба Люба – человек как и я. Моё размышление о ней возможно ли не одновременно как её размышление

обо мне? Невозможен монолог о человеке – возможен лишь диалог с человеком. Это правда, но кажется мне, что так можно сказать в отношении многих вещей: моего дома в Липовке, Чёрного Озера, мельницы без крыльев, двух берёз, глиняной чашки с отбитой ручкой... Если говорить не поверхностно, когда говорение – это просто сотрясение воздуха, вибрация языка и шум сознания, если пытаться искать сути вещи, её существа и смысла, то говорить нужно с вещью. Понимание есть диалог с понимаемым, а вовсе не монологичное препарирование.

То, что пишу я здесь – диалог? Я пытаюсь писать так: мысленный диалог с тем, о чём я пишу или, лучше сказать, *чем* я пишу, с *чем* я пишу.

В таком диалоге моё философствование сталкивается с философствованием бабы Любы. Баба Люба – философ? Я берусь показать, что баба Люба больше философ, даже истинно философ, чем многие из тех, кто считает себя не чуждым этому занятию. Может быть больше философ, чем я, наверное больше. Хотя баба Люба, конечно, не знает, по-видимому, ничего о философии.

Само не-знание бабы Любы тесно связано с её философичностью, хотя и не определяет её. Философия вообще есть род не-знания. Даже историографически философия – это некий центр, от которого отпадало знание в виде частных наук. Когда-то ведь все науки были частью философии, но как только в какой-то такой части появлялось "знание", что и делало её частью, эта часть выделялась и отпадала от философии как наука. Психология – пример сравнительно позднего отпадения. Философия не терпит в себе частей. Философия – это всегда целое, потому что она есть нацеленность на суть мира.

Целостность – следующее качество бабы Любы, делающее её философом. Целостность, цельность и не-знание сами по себе, может быть, следствие обыденности, простоты жизни бабы Любы. Обычная жизнь, проходящая в повседневности, не выходящая за край (предел) и наполняющая собой край (родную сторону), жизнь в деревне Липовка, в деревянном пятистенке на конце улицы, называемой "Куток", жизнь, хотя и связанная с дальними городами сыновьями и дочерьми, внуками и правнуками бабы Любы, но укоренённая именно здесь, хотя и тревожимая вестями с экрана телевизора или мембраны радио, но так, как тревожим лес ветрами, прилетающими издалека, и остающийся неколебимым благодаря корням, глубоко ушедшим в землю, лес, который посадила когда-то баба Люба. Жизнь бабы Любы – не каменная башня (тем более – не башня из слоновой кости), а скорее тростниковая хижина (если позволительно воспользоваться этим японо-китайским образом), продуваемая всеми ветрами-временами. Стойкость этой жизни – не твёрдость древесного ствола, который можно сломать, а гибкость

бамбука (опять Китай!), который ведь есть трава. Неискоренимость этой жизни того же свойства, что неискоренимость травы.

В жизни бабы Любы как будто не было ничего такого, что принято называть "достижением", да и добра особого баба Люба за свою жизнь не нажила. Если, конечно, под "добром" иметь в виду барахло, богатство, недвижимость, деньги, а не *добро*.

Короче говоря, в жизни бабы Любы не было ничего лишнего. Но мы уже знаем, что обыденность есть путь к истинному. Отсутствие лишнего – это отсутствие преград и всего, что мешает разглядеть этот путь. Жизнь бабы Любы своей обыденностью, простотой, я бы сказал, очищенностью (в том числе, от всякой наносности – знаний, философий, достижений, "добра") была и есть обнажённо близка истине мира, открытости бытия. Речь бабы Любы близка – я бы даже сказал, опасно близка – истинному слову, то есть слову по существу, слову-смыслу. Баба Люба очень много чего не знает и не "понимает", не надо говорить с ней о вещах несущественных, о всяких науках, политиках, техниках и прочих вещах, о которых мы так часто говорим, но которые вряд ли понимаем в сути их, а главное, не очень-то и хотим понимать, как бы предчувствуя их необязательность, неважность для сути человеческой жизни. Но в разговоре по существу, по смыслу, разговоре самим смыслами слово бабы Любы всегда точно и существенно. Слово бабы Любы, как и её жизнь, соотносится со словами многих людей, как и с их жизнями, также как слово поэтическое соотносится со словами газетных статей и научной трескотни. Баба Люба – поэт в том изначальном, исконном смысле, в каком поэт – значит философ, то есть человек захваченный истинным бытием и в своей жизни и своём слове не отступающий от живого смысла мира.

После этого случайно ли, что мою соседку по Липовке зовут Любовь Петровна: любовь есть существенная составляющая философии и, может быть, её суть, если вспомнить слова Новалиса, приводимые Хайдеггером в его "Основных понятиях метафизики": "Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома."

453. **Чжан 26.** *Когда пилишь дрова, нужно не напрягать, а расслаблять мышцы, и тогда долго не будешь знать усталости.*

Когда есть грибы, можно целый день бродить по лесу и не почувствовать тяжести корзины.

Разве пройдёшь такой путь по шоссе?

Баба Люба прожила в Липовке долгую жизнь и даже не заметила этого.

Покой есть главное в движении.

Одиночество есть главное в общении.

Неумение есть главное в ремесле.

Сомнение есть главное в вере.

Незнание есть главное в знании.

Люди думают, что прекрасная жизнь – это когда, оглядываясь назад, видишь длинную и широкую дорогу, наполненную множеством вещей.

Такие люди, умирая, плачут, потому что, уходя из жизни, ничего не могут взять с собой.

Но человек – не бульдозер, чтобы оставлять за собой просеку в лесу мира.

Поэтому живи так, будто идёшь через цветущий луг вдоль Чёрного Озера, насвистывая детскую песенку.

454. В начале 90-х мы ходили за молоком на ферму, что располагалась рядом с нашим концом деревни, чуть дальше водонапорной башни. Ферму держали чеченцы: по весне брали в совхозе телят на откорм, а осенью возвращали их обратно. Сначала познакомились с молодым чеченцем Романом, он заходил к нам в гости. Один раз даже был у нас в Москве. Он говорил, что хочет подзаработать денег, купить лес и отвезти его в Чечню, чтобы построить дом. Рассказывал, что одно время был сутенёром в Москве, но потом его обманула одна из девушек, уехала в Питер и увезла все деньги, и он это дело бросил. Пытался «гонять» «Marlboro», чем занималась значительная часть чеченской диаспоры в Москве, но тоже что-то не вышло. Вот не знаю, что тут правда, а что нет. Он говорил: «Вот кто бы подумал, что Роман будет трактористом в рязанской деревне?»
455. Познакомились мы и с женой Романа, и с его братом, Исхаком. А также с мамой братьев, вот забыл, как её звали. Она особенно дружелюбно относилась к Кадрие, от неё мы получали творог и солёный чеченский сыр, который она делала сама, который умеют делать все чеченцы. Давно я не видел Романа. Сейчас чеченцы живут в Демушкино и занимаются лесозаготовками.
456. Как-то раз, когда мы приехали в Липовку в июне, и ещё не было моста через Мокшу, Исхак повёз наших женщин через Мыс Доброй Надежды на своём «газике». Мужчины в машину не помещались и отправились через реку на лодке, налегке. Мы уже давно прибыли в Липовку, сидели в доме, пили чай и водку, а наших женщин всё нет и нет. Мобильники тогда ещё не появились, связи не было, ребята начали волноваться. «Вот какой-то чеченец повёз их, куда повёз? Игорь, ты его хорошо знаешь?» Я их успокаивал. И, когда уже решили было идти пешком на Мыс, подъехал «газик». Оказалось, по дороге застряли в каком-то болоте, Исхак ходил пешком за гусеничным трактором. «Ну, это какой-то джип-сафари!», – кричала Ира, жена брата дяди Лёни, которая ехала в Липовку первый раз. «Да чего вы волнуетесь, – говорила Кадрия, – всё будет нормально». Всё и было нормально.
457. *Чжан 27. Умеющий шагать не оставляет следов.*

Умеющий писать не оставляет текстов.

Умеющий говорить не открывает рта.

Умеющий жить давно умер.

Я выхожу из дома на дорогу, что ведёт мимо заброшенной фермы, доходит до клина соснового леса, в котором когда-то был интернат для послевоенных детей-сирот, а потом, когда сироты выросли и стали взрослыми, – для глухонемых детей.

Интернат, который строился и существовал благодаря энтузиазму его директора, который возил материалы для строительства на телегах.

Интернат, в котором имели работу многие жители Липовки, а некоторые – воспитывались в нём.

Интернат, который был закрыт сасовской партийной начальницей, чтобы меньше было хлопот, под тем предлогом, что родителям далеко ездить к детям в гости.

Интернат, который давно разрушен и только фундаменты зданий выглядывают из травы, темнеет вход в подземный склад, рыжеет кирпичная труба котельной среди зелёных деревьев и густо разросся иван-чай на месте сгоревшего два года назад последнего дома.

Директор интерната уже умер, а партийная начальница ещё жива.

От детей остались только серые как пепел, серые от времени и дождей скворечники на соснах кругом.

Дорога заворачивает влево и входит в сосновые посадки, идёт дальше и сосны становятся всё выше и выше.

Перед большим лесом я сворачиваю влево, а старая дорога продолжает свой путь вперёд, она скользит вдоль Чёрного Озера, мимо разрушенного лесного пчельника, и конечная цель её – деревня Шевали-Майданы – за лугами на том берегу Мокши.

Я сворачиваю влево и эта новая лесная дорога ведёт меня мимо грибных мест, мимо полян с земляникой, всё дальше и дальше, мимо болота с мёртвыми стволами берёз, мимо кустов черники, мимо "ведьминых" кругов лисичек, дальше – к высоким холмам справа.

Это горы Липовки.

Они открываются сразу, неожиданно высокие с простором над ними, с редкими и особенными в своём одиночестве и в своей высоте соснами.

Я поднимаюсь наверх, иду по траве, по хрустящему мху, среди старых пней и кустов вереска.

На самой вершине – далёкие дали синих лесов, близкое солнце, свободный и мягкий ветер, гудение шмеля.

На самой вершине мёртвое дерево, сухое как пепел, одинокое над миром.

Мёртвое дерево – я смотрю и смотрю на него, хотя кругом, но внизу – целые леса живых деревьев.

Здесь понимаю я смысл слов: "Умеющий шагать не оставляет следов. Умеющий жить давно умер."

458. После того, как я написал «Дао Дэ Липовка вэй», Надя Крупп сказала мне, что я ошибся, что директор интерната ещё жив, но, впрочем, это хорошая примета, когда кого-то ещё живого посчитали мёртвым. Я не стал исправлять текст – всё равно когда-нибудь директор умрёт. Когда-нибудь мы все умрём. И кто-нибудь в XXII веке скажет, изменив дату в моём старом хайку:

Все они умерли -
люди, жившие в Российском государстве
в августе 2008 года.

459. В августе 1991-го года мы были в Липовке, когда случилось ГКЧП. В этот день мы как раз провожали в Москву нашу приятельницу, Галю Смирнову. Она была одним из последних людей, связывавших меня с моим самым старым старшим другом, журналистом и сценаристом Петром Николаевичем Коропом, с которым я познакомился, когда мне было 12 лет, в Доме пионеров Бауманского района, где он вёл литературный кружок и создал детскую редакцию журнала «Сентябрь», с которым позже мы провели долгие часы в его прокуренном кабинете, попивая чай, обсуждая мои литературные опусы и разговаривая обо всём на свете, который дал мне совет жениться на Кадрие, потому что она необыкновенная, когда я сказал, что подумываю об этом, который умер от инфаркта в 83-м году, не дожив пары месяцев до своего пятидесятилетия. Но это совсем другая история, может быть, когда-нибудь я её расскажу.

460. У Гали был рак молочной железы, была операция, она вроде бы выздоравливала, лечилась разными травами, но через несколько лет всё равно умерла. Галю должны были довезти до Сасово на машине. Помню, как мы стоим около машины и все вместе слушаем радио, пытаюсь сквозь треск и помехи понять, что происходит. И не опасно ли Гале ехать сейчас в Москву?

461. **Чжан 28.** *Великий порядок свободен от распорядка.*

Когда естественность распадается, она превращается в средство, с помощью которого достигаешь великих возможностей.

Великая возможность – та, которая не используется.

Она не используется, поэтому сохраняется.

Тот, кто способен знать, но не знает, возвращается в состояние новорождённого, и не покидает постоянное Дэ.

Тот, кто умеет делать, но не делает, возвращается к изначальному и не отрывается от постоянного Дэ.

Тот, кто может идти, но остаётся в начале пути, возвращается к естественности и достигает совершенства в постоянном Дэ.

Так происходит потому, что путь – это круг.

Кто двигается по нему, будет разочарован в конце пути.

Кто остаётся на месте, заставляет двигаться сам круг.

Движение относительно, но преимущество имеет тот, кто неподвижен.

Когда люди купаются в водах Старицы, невозможно определить, кто из них добился богатства и славы в мире, а кто безвестен и беден.

Когда люди затерялись в травах и собирают луговую клубнику, невозможно узнать, кто из них достиг знаний и опыта в жизни, а кто наивен и невежествен.

Когда люди разбрелись по лесу в поисках грибов, невозможно увидеть, кто из них счастлив и любим, а кто одинок и несчастен.

Так происходит потому, что Липовка – это центр круга, в котором избавляешься от стремления различать.

462. Через пару дней в порыве «демократического патриотизма» я рисовал позаимствованными у Кадрии масляными красками российский триколор на фасаде своего дома. Прибегает Роман и кричит «Победа!». Потом мы идём к нему домой и вместе с остальными чеченцами смотрим по старенькому телевизору новости. Выступает Ельцин, он нравится Роману. До первой чеченской войны оставалось чуть меньше трёх лет.
463. Тогда же, в августе 91-го года, я подарил Роману маленькую открытку с какой-то арабской вязью, которую мне дал старик-татарин в автобусе по дороге в Елабугу. В автобусе было много таких стариков, они ехали на какой-то мусульманский праздник. Старик говорил какие-то слова, Кадрия перевела: Аллах поможет тебе, или что-то в этом роде, – и сказала, что это ценная открытка. Наверное, там была написана сура из Корана.
464. В Елабугу мы ехали в составе делегации от Демократическая партии России на референдум по независимости Татарстана. Мы работали наблюдателями на избирательных участках. Помню, на наш участок, где сидели мы с Кадриёй, прибежала какая-то журналистка. Она хотела взять у Кадрии интервью: почему татарка выступает против независимости Татарстана? Кадрия пыталась ей что-то объяснить про тесные связи с Россией, про татар в Москве, русских в Казани и т.п. Кажется, та ничего не поняла, или не захотела.
465. Прошло больше десяти лет и, как я слышал, Роман стал не то председателем, не то зам. председателя колхоза в каких-то соседних деревнях. Тогда уже снова стали образовываться колхозы или что-то вроде этого, потому что землю раздали, а что с ней делать, никто не знал: люди привыкли обрабатывать землю сообща. Тогда же снова можно было увидеть распаханые и засеянные поля, пустовавшие несколько лет.

466. Я вот теперь думаю: может быть, не надо было расставаться с открыткой, что дал мне старик-татарин? Может быть, её надо было подарить Рустаму? Сейчас мне кажется, что тогда Рустам сожалел о подаренной открытке, но ничем не упрекнул меня. Или это уже ложная память?

467. *Чжан 29. Современный человек имеет великое стремление управлять всем миром, но я не вижу в том никакой выгоды.*

Мир – это чудесный сосуд, к которому нельзя прикоснуться.

Если кто-нибудь тронет его, то потерпит неудачу.

Если кто-нибудь схватит его, то его потеряет.

Но даже если бы человек завладел всем миром, что бы стал делать он дальше?

Став мерой всех вещей, он только умалил бы великое, уничтожил таинственное, изгнал чудесное, но сам он не стал бы больше.

Не лучше ли стремиться к обратному: чтобы мир обладал мной?

Тогда моя жизнь перестала бы быть прихотливой игрой моих страстей и внешних обстоятельств и вернулась к естественности.

Мой путь перестал бы определяться моим случайным "я" и его случайным окружением и слился с великим Дао.

Я сам перестал бы быть только самим собой и соединился с великим Дэ.

Всякое существо либо пытается уйти от судьбы, либо следует своему пути; либо сопит и всхлипывает, либо дышит полной грудью; либо выбивается из сил, либо смиренно принимает то, что даётся; либо сохраняет себя, либо нет.

Липовка может исчезнуть: либо от нашествия горожан, либо от вымирания местных стариков и старух; либо потому, что туда нет дорог, либо потому, что туда проложат дороги.

Можно ли Липовку спасти?

И не обернётся ли спасение гибелью?

Вот почему я думаю: разве стоит не только Липовка, но и весь мир, хоть одного волоска с моей головы?

468. В начале 90-х годов, когда на работе делать было нечего, у нас с Кадриёй были длинные летние отпуска. Я отгуливал все свои «кандидатские» полтора месяца, а Кадрия уже не работала на заводе и могла отдыхать даже по два месяца. Всё время мы проводили в Липовке. Первые годы я исходил все окрестные луга и леса, писал стихи, рисовал акварели. И, конечно, всегда что-нибудь мастерил для дома. Деревенский дом требует постоянного мелкого ремонта, а тут многое нужно было сделать в первый раз: столик, лавку, забор. Старое крыльцо разваливалось, и мы затеяли делать новое крыльцо, а заодно и крытую веранду, чтобы увеличить площадь для проживания.

469. Строить веранду я нанял Бориса Константиновича из Демушкино. Может быть, физиком он был и хорошим, но плотником и столяром – не

очень. Он сделал нам новые внешние рамы на окна из каких-то тонких реек, которые через несколько лет развалились, сгнили, так что теперь нам снова нужно менять окна в Липовской избе. Он говорил, что конструкция веранды должна быть «летающей». Но когда он захотел настилать пол нестругаными досками, я отказался от его дальнейших услуг.

470. Впрочем, может быть, я был не совсем прав. Долго и нудно я строгал доски на маленьком станочке, который он мне оставил. А потом всё равно покрыл линолеумом хорошо оструганные доски – это были не те толстые широкие половицы, которые лежали в нашей избе, доски немножко «ходили» и сквозь щели проникал холод. Если покрывать линолеумом, то зачем строгать? Получился типичный «принцип бани» из известного анекдота: собрались мужики баню строить и начали спорить: строгать половые доски или нет? Если остругать, то люди будут подскользываться на мокром полу, падать и расшибаться. А если оставить доски нестругаными, у всех на ногах занозы будут. Думали-думали и нашли-таки решение: строгать, но класть струганым вниз.

471. Но это я уже подумал потом. А конструкция веранды так и осталась «летающей».

472. **Чжан 30.** *Липовка ведёт меня по своему Дао-пути, она одаривает меня своим Дэ.*

Липовка служит мне, но делает это не ради меня.

Она с лёгкостью готова оставить меня, ведь она стремится лишь к покою и согласию.

Как бы и мне научиться так относиться к Липовке?

Желания моего сердца – это войска, с помощью которых я могу овладеть многим.

Но войско может обернуться против того, кто его использует.

Где побывала армия, там растут терновник и колючки.

После больших войн наступают голодные годы.

Так не лучше ли распустить солдат по домам?

А если уж воевать, то не стремиться к победе?

А если уж побеждать, то не праздновать победу?

Небо Липовки высоко и без меня.

Земля Липовки широка и без меня.

Воды озёр не для меня хранят чистоту.

Травы лугов не для меня зеленеют.

Деревья лесов не для меня шумят ветвями.

Чтобы вернуться в Липовку, нужно покинуть её.

Чтобы помнить Липовку, нужно забыть её.

Чтобы обрести Липовку, нужно потерять её.

Великий воин не знает даже, с какого конца берутся за меч.

473. Потолок мы делали из больших кусков оргалита, которые привезли из Москвы. Мне помогали Саша Косачев и Рустам. Я разглядываю фотографии. Свежие доски стены веранды, я стою в тёмном проёме двери, рядом на крыльце Саша Косачев смотрит вниз на Рустама. Рустам коротко острижен, на нём белая майка, он стоит внизу, на земле, спиной к фотографу, может быть, что-то держит в руках, потому что голова слегка опущена, но что именно, не видно. Вот Рустам со своим липовским другом Женей Мересьевым держит длинный кусок оргалита. На Рустаме серый в клетку свитер, коричневые вельветовые штаны.
474. Это тот самый Женя Мересьев, который «химик». Последние годы о нём ничего не было слышно, он не приезжал в Липовку. Его дом, в котором тогда собиралась липовская молодёжь, постепенно разваливался и стал непригоден для жилья. Только этим летом 2008-го года я снова услышал о нём. Он женился, у него маленький ребёнок, и Надя Крупп продаёт ему свой дом. Как бежит время.
475. Как бежит время. Опять вспоминаю Рустама и Максима в доме Мересьева, когда то ли Женя, то ли они сами варили себе наркотическое зелье из мака, как оказались в больнице у Юры Игнатова. В те годы в огородах Липовки было много мака. Красивые цветы, Кадрия тоже сажала их у нас за домом. Но вот мак стали обрывать по ночам. Однажды оборвали почти весь мак у Нади Крупп. Она почему-то решила, что это сделал Рустам. Пришла и вывалила на наше крыльцо целую охапку цветов – весь оставшийся у неё мак. И что-то крикнула, вроде «Подавись этим маком!». Рустам говорил, что он здесь не при чём, в этот раз мы почему-то ему поверили. А он, как ни странно, не стал относиться к Надежде Николаевне хуже, хотя, как и все мы (кроме Кадрии, конечно), не горел желанием с ней общаться.
476. После похорон Надя Крупп не поехала с нами на поминки. Не потому, что не хотела, а потому что ей стало плохо в автобусе. Она говорила, что нечем дышать, очень душно, просила открыть окно, и вышла у ближайшей станции метро. Известно, что Надя не переносит дорогу в автомобиле или автобусе – её укачивает. Я не буду напоминать Надежде Николаевне эту историю с маком у нас на крыльце и эту историю с маком в доме Мересьева, которому она продаёт дом. Как бежит время.
477. *Чжан 31. Принято считать, что человек приходит в этот мир с какой-то целью.*

Он стремится к счастью и избегает несчастья; добивается славы или богатства, власти или знаний, любви или успеха; хочет улучшить мир или усовершенствовать себя; строит планы и старается их осуществить.

Принято считать, что у жизни есть смысл, в мире есть ценности, у человека есть предназначение.

Говорят, что жизнь должна быть прожита не зря.

Это значит, что человек приходит в этот мир, будто выводит армию на поле сражения.

Он разворачивает войска, он ведёт их в бой.

Он стремится к победе и избегает поражения.

Он убивает и убивают его.

Он оглядывается назад и видит горы трупов – своих и чужих, и думает: "Жизнь прожита не зря!"

Разве для этого человек приходит в мир?

С какой целью склоняет ива свои ветви до самой воды Старицы?

В чём смысл шороха тростника на Чёрном Озере?

Каково предназначение алой гвоздики в лугах?

О каких ценностях шумит ветер в кроне высокой сосны на вершине холма?

Можно ли считать, что облака в небе над Липовкой проплывают не зря?

478. Я разглядываю фотографии. Рустам в синей полосатой майке с липовскими друзьями на фоне какой-то избы со светло-синими наличниками окон. Рустам на волейбольной площадке. Он хорошо играл в волейбол, любил играть в Липовке, вот только растянул как-то раз связки и после часто носил на запястье повязку из собачьей шерсти. Я это помню, я знаю, где у нас в московской квартире лежит эта повязка.
479. В нашей избе за длинным столом большая компания. Поют липовские песни. Рустам в середине стола, черноволосый, загорелый, в той же синей полосатой майке. На одном снимке он смотрит, как поют хором деревенские бабушки, Вера Евушкина и Лена Камбурова, и немного улыбается. На другом снимке он не улыбается, смотрит прямо в объектив, смотрит на меня, разглядывающего фотографию.
480. Рустам в избе отдыхает на кушетке под «китайским» фонарём. Он читает книгу и курит сигарету. На окне отдёрнута красная занавеска, видна яркая зелень и толстый ствол старой берёзы. На подоконнике глиняный кувшин, в котором уже увядают сине-фиолетовые цветы, что растут у Чёрного Озера. На сундуке рядом с кушеткой пепельница и бензиновая зажигалка «Zippo». Рустам любил такие зажигалки. Теперь я буду её хранить, но не буду пользоваться. Наверное, наложились два снимка, или ещё какой-то оптический эффект, но по всей комнате разбросаны кусочки окна с небом и ветками берёзы. Будто небо плывёт по комнате, как плывёт время.
481. Рустам входит в избу, отдёргивая тюлевую занавеску от комаров и мух. На нём белая майка с яркой рекламой “Kaizer beer” и гавайские шорты. Высокий, загорелый, стройный. Фотограф застал его врасплох, на лице... не могу передать то выражение, что мгновенно осветило его лицо, то выражение, с которым он смотрит на меня, разглядывающего фотографию и заставшего его врасплох.

482. *Чжан 32. Дао существует извечно и не имеет имени.*

Изначально простое, оно кажется бесконечно малым, но Вселенная не может подчинить его себе всей мощью своей сложности.

Рождение мира началось с появления имён.

Язык есть способ существования космоса, государства и человека.

Язык космоса – это бытие, его имена – это сущности и явления.

Язык государства – это ритуал, его имена – это законы и правила.

Язык человека – это мышление, его имена – это чувства и мысли.

Поскольку появились имена, нужно знать их предел.

Знание предела позволяет избежать опасности.

Если мир становится слишком сложным, его имена искажаются и теряют смысл.

Если в государстве слишком много законов и правил, ритуал терпит ущерб и лишается искренности.

Если человек не останавливается в своих чувствах и мыслях, он сбивается с пути и забывает о возвращении.

По Кадомской дороге, возвращаясь из дальнего леса на середине большого луга, когда солнце падало прямо вниз, на сухом песке дороги я встретил медную змейку.

"Каким именем тебя называть?" – спросил я её.

"По каким законам и правилам ты живёшь?" – спросил я её.

"В чём смысл твой и истина твоего бытия?" – спросил я её.

Змея уползла с дороги и скрылась в траве.

Больше её я не видел.

Больше не будет встреч до конца времён.

483. Я разглядываю фотографии. Мы празднуем день рождения Рустама, ему двадцать два года. Он в чёрной рубашке во главе стола, с торжественным и праздничным выражением лица. Смотрит, как Саша Третьяков (тот, который из ДПР) разливает шампанское. Рядом сидят Надя Крупп и Галя Комичева.

484. Галя – художница, приезжала в Липовку с Украины, останавливалась у Веры Евушкиной. Ещё в наш первый с Кадриёй приезд в Липовку в мае 90-го года я обратил внимание на маленький липовский пейзаж пером и тушью, который висел на стене в доме Нади Крупп. Надя пояснила, что это рисунок Гали Комичевой. Когда мы познакомились, Галя показалась мне интересным художником, человеком с непростой судьбой и глубоким пониманием жизни. Она разговаривала медленно, не торопясь, как-то особенно вдумчиво. С ней хотелось обсуждать серьёзные вещи.

485. Однажды мы с ней поссорились, точнее, она на меня обиделась. Дело было в доме у Лены Камбуровой, которая уже купила себе отдельную избу (Вера Евушкина осталась одна), недалеко от нас, на Набережной улице или, по-местному на Выползне. Не помню уже по какому случаю,

но все принесли какие-то подарки. Галя подарила картину, в которой использовался куриный пух. Я так и сказал: «куриная картина». Это была шутка, но Галя решила, что я имел в виду её, что это она «куриный художник», когда говорят, что написал «как курица лапой». Стала что-то говорить о себе и своих достижениях, я пытался пояснить, в чём была моя шутка, но это не помогло. Не нужно было шутить, с ней нужно было всегда говорить серьёзно или не говорить вовсе.

486. Потом я сходил к ней домой, объяснил ещё раз, вроде бы она поняла. Мне захотелось поговорить с ней о Рустаме, просто поделиться тревогами: почему не складывается у него жизнь, что нам делать и т.п. И мы поговорили, но уже и не помню, что Галя мне сказала. Да и что она могла тут сказать, просто мне нужно было поговорить. Галины картины год от года становились всё более тёмными: трагическими и мрачными. Потом она сошла с ума. Больше не появлялась в Липовке, и больше я её не видел.

487. **Чжан 33.** *Тот, кто знает людей, благоразумен.*

Тот, кто знает себя, мудр.

В дальнем лесу, в стороне от дорог есть светлая сосна с пятью искривлёнными стволами.

Тот, кто побеждает людей, силён.

Тот, кто побеждает себя, могуществен.

Осенняя паутина на травах лугов рвётся от малейшего прикосновения.

Тот, кто довольствуется тем, что имеет, лучше всех.

Ветер, летящий над землёй, играет листьями берёзы, но не может остаться и уносится вдаль.

Тот, кто действует с упорством, обладает волей.

Песок дороги увлажняется дождём, нагревается солнцем, поднимается ветром, засыпается снегом.

Тот, кто не теряет свою природу, долговечен.

Каждое утро я люблю утренняя туманом, исчезающим к началу дня.

Тот, кто, умирая, не прекращает быть, обретает вечность.

Как назвать ещё не рождённого?

488. В «Деревенском дневнике» Рустам пишет о Майке и Улле, не поясняя, кто это такие. Я поясню. Это немки: Майка (Maïke Novak) из Восточного Берлина, а Улла (Ulla König) из Западного. Майка актриса, певица, она выучила русский язык, чтобы петь по-русски песни на стихи Марины Цветаевой. С ней познакомилась Вера Евушкина и пригласила в Липовку. Майка купила дом на пересечении нашей улицы Куток и центральной улицы, которую местные называют Посёлок. Она много лет приезжала в деревню: и летом, и зимой. Улла, подруга Майки, журналистка. Сначала она приезжала в Липовку к Майке, а потом купила собственный дом на Посёлке. Теперь Улла тоже приглашала

своих друзей из Германии. Были Инес со своей дочкой Лаурой, которая влюбилась в Лёшу-лесника, научилась пить водку, а потом лечилась в Берлине от алкоголизма, если слухи не врут. Была другая Инес (Ines Agnes Krautwurst), джазовая певица, она выступала на липовском вернисаже 2000-го года, который назывался «Куток» и был устроен во дворе моего дома, что стоит в конце Кутка.

489. В 99-ом году приезжали прелестные люди, артисты Сюзанна (Susanne Schulz, скрипка) и Йохан (Jho Kaufmann, аккордеон). Их прямо из Шереметьева привёз муж моей сестры Саша Белохвостов. Они ехали на «волге», и я встречал их в Демушкино. В то время шли дожди, глину под демушкинской горой размыло, и тяжёлая «волга», конечно же, увязла. Мне удалось поймать грузовик, который направлялся в сторону Липовки. Сюзанна и Йохан со своими вещами, аккордеоном и скрипкой погрузились в кузов, и мы поехали в деревню. Там они устроили прекрасный концерт, собрав в доме Уллы кучу народа: и москвичей и местных жителей, своих соседей. Тогда была придумана и с вдохновением исполнена песенка «Липовка, Липовка ist sehr gut». Потом, на липовском вернисаже, они мило импровизировали на темы моих акварелей из девяти свитков и стихов к ним, которые, впрочем, они вряд ли понимали, потому что из русского языка знали лишь пару-тройку слов.

490. *Чжан 34. Иногда Липовка – это огромные пространства земли и неба, лесов и лугов.*

Больше этого только мечта об этом.

Иногда Липовка – это лишь уголок около устья русской печи, в которой играет огонь, и чашка чая в руке.

Меньше этого только воспоминание об этом.

Дао бесконечно велико.

Дао бесконечно мало.

Между тем и другим располагается вся тьма вещей.

И все они равноудалены от него: бесконечно далеко и бесконечно близко.

491. Если уж говорить про иностранцев, то вот попались фотографии 94-го года – к нам в Липовку на два дня приезжала из Голландии Жанетт Брун. Я познакомился с ней на «маллармеанском семинаре» Вадима Берова на Савёловской. Она хорошо говорила по-русски, и сказала, что уже не первый раз в России. Тогда я спросил: А была ли она в русской глубинке? И не хочет ли на пару дней поехать в рязанскую деревню? Я уезжаю завтра, сказал я. Неожиданно для меня самого она согласилась. У меня уже был билет на поезд в плацкартный вагон. Я купил ей билет в купе, но в поезде она решила поменяться, чтобы ехать вместе. Поменять купе на плацкарт проблемы не составило.

492. Кадрия в то время была уже в Липовке. Она знала, что я приезжаю, но, конечно, не знала, что я буду не один. Опять приходится напоминать, что мобильников тогда не было, и предупредить я не мог. И вот, по рассказу Кадрии, стоят они с Наташей Селиваненко на том берегу Мокши с резиновой лодкой и видят меня и ещё какую-то девушку. Никак они не могли понять, кто же это со мной – ни на одну из знакомых не похожа.
493. Жанетт оказалась очень общительным, милым и непритязательным человеком. Тогда у нас ещё не было веранды, и спали мы в одной комнате, в избе, но это нашу заграничную гостью не смутило. Мы ходили с ней в лес, на холмы, показывали Старицу и Чёрное озеро. Собирали грибы и ягоды. Она научила нас крутить самокрутки: привезла с собой хорошего голландского табаку и бумагу, и нам оставила, когда уезжала. Я учил её разным русским словам, например, названиям ягод, что росли в лесах и лугах Липовки.
494. В общем от этого посещения у нас остались самые приятные воспоминания. За два дня я нарисовал целую серию акварелей, и пару картинок подарил Жанетт. А ещё написал слова, а Наташа сочинила музыку, и получилась песенка с припевом «Ах, Жанетт моя, Жанетт! Ты нас любишь или нет?». Потом мы некоторое время обменивались письмами, Жанетт приглашала нас посетить Голландию, но мы так и не собрались. И вот чего я почему-то не могу вспомнить: был с нами Рустам в то время или нет? Может быть, он был в Москве и работал? Или был в Липовке, но всё время пропадал в компании своих друзей и подружек?
495. *Чжан 35. В Липовку приходят все люди и она не причиняет им вреда.
Она даёт им мир, спокойствие, радость и пищу.
Даже случайный гость найдёт здесь приют.
Музыка Липовки пронизывает воздух и называется тишиной.
Живопись Липовки скрывает пространства и называется туманом.
Поэзия Липовки окутывает небо и землю и обходится без слов.
Дао Липовки пресное и безвкусное.
Оно находится за пределами звуков, красок и слов.*
496. Какое-то время Рустам работал в фирме «Бонтон». Устроила его туда Люда Василенкова, она и сама там тогда работала. Фирму держал её знакомый, армянин. Работал Рустам продавцом в зале, где торговали различной бытовой электроникой. Для этого он одевался в чёрные брюки и серый пиджак в мелкую клеточку. Тот самый, что не пригодился для похорон. Рустам никогда не носил костюмов, впрочем, как и я. Но у него было несколько пиджаков. И этот серый в мелкую клеточку пиджак ещё и сейчас висит в его платяном шкафу. Он будет

там висеть до тех пор, пока мы не соберёмся делать ремонт и менять мебель.

497. Рустам работал в «Бонтоне», пока к нему не стали приставать его московские дружки, подбивая на что-то незаконное, уже и не помню, что. И он почёл за благо уволиться. Через какое-то время Люда рассорилась с владельцем фирмы и тоже ушла оттуда.
498. Из письма Рустама: «ПРИВЕТ ИЗ МОСКВЫ! Здравствуй Оленька! Получил твоё письмо, за которое огромное спасибо. Я даже не думал, что мне так приятно будет получить от тебя ответ. Как у тебя дела? У меня так себе. Сейчас такое время, что постоянно у кого-нибудь все время день рождения или проводы. Прямо такая полоса праздников. Всё это конечно весело, но всё-таки чего-то не хватает. Как у вас в плане музыки, чего слушают, у нас сейчас в моде Нью кидз он зе блок, М.С. хаммер, ну и конечно Депеш Мод. А вообще жизнь пошла совсем невесёлая. Какое-то постоянное ощущение подавленности. Ничего не интересует, единственный интерес - это книги и в какой-то степени музыка. Глупое письмо получается? Но я совсем не мастак писать письма, поэтому пишу, что лезет в голову, в надежде, что тебе это интересно. Ты знаешь, в последнее время я очень соскучился по тебе, мне так тебя не хватает. Очень жалко, что вы не сможете приехать. Я так хотел тебя снова увидеть. Ещё в Липовке, когда я первый раз увидел тебя, ты мне очень понравилась, и до сих пор не выходишь из головы. Впервые встречаю такую девушку как ты».
499. Письмо без даты и подписи, напечатано на машинке, и я не знаю, копия ли это отправленного письма, или оригинал письма неотправленного, не знаю и того, кому оно адресовано. Может быть, Оле Лепуховой, тогда об этом речь ещё впереди. Но почему-то мне кажется, что это письмо написано гораздо раньше, и может быть, другой Оле.
500. *Чжан 36. Чтобы понять Липовку, в неё нужно приехать издалека.
Это подобно смене времён года.
Чтобы ответить на вопрос, почему существует существующее, нужно понять, почему не существует несуществующее.
Это подобно ветряной мельнице без крыльев, в которой лестница наверх разобрана на ступеньки.
Вокруг Липовки нет крепостных стен, и жители её не вооружены.
Как же она защищается?
Липовка подобна туману, который не чувствует ударов.
Она подобна ветру, который не разрубишь мечом.
Она подобна воде, на которую не накинешь петлю.
Она подобна солнечному зайчику, которого не поймашь в клетку.
Как она действует?
Липовка подчиняется и побеждает.*

В этом она подобна женищине.

Она привлекает и заключает в себя.

Чтобы узнать женищину, нужно быть мужчиной.

Как рыба не может покинуть глубину, так я не могу покинуть Липовку.

Так Липовка скрывает своё сокровенное, и показывает всё, что у неё есть.

501. Описывая события этих пяти лет, с 90-го по 95-ый, я пишу почти исключительно о Липовке. Потому ли, что это было самым важным? Потому ли, что это было самым светлым? Я пишу о многих событиях, в которых Рустам прямо не участвовал. Но эта жизнь, даже если она проходила без него, проходила вокруг него. Это как река, омывающая камень, на котором ты сидишь: лишь немногие струи и брызги попадают на тебя, но ты видишь не только эти струи и брызги, ты видишь реку, которая всё течёт и течёт. Наверное, я не напишу что-то ещё, что было важным для Рустама, а для меня прошло незамеченным, или даже то, о чём я не знал и не знаю сейчас. Но здесь ничего не поделаешь: эту книгу пишу я, а не Рустам.
502. Надя Красильникова появилась первый раз в Липовке в июне 91-го года. Она приехала вместе с Кадриёй, Серёжей Гонтаренко, его женой Верой Пономаренко и их дочкой Леной. С Серёжей мы когда-то работали вместе, когда делали программы для суперкомпьютеров. Когда всё стало разваливаться и проекты закрывались, Серёжа, вложивший много сил и надежд в это дело, поссорился с нашим директором и уволился, ушёл работать программистом в Сбербанк. Он и сейчас работает программистом в какой-то финансовой фирме, зарабатывает больше меня, сменил жигули на мерседес, а потом на джип (якобы, чтобы ездить в Липовку). А Вера, с которой Серёжа познакомился на работе, осталась в нашем институте, и сейчас мы сидим с ней в одной комнате.
503. Ехали на старом Серёжином жигулёнке по Рязанскому шоссе через Мыс Доброй Надежды. Я уже был в Липовке и должен был их встретить на Мысу, чтобы показать дорогу. Помня, как в прошлом году я ходил на Мыс, чтобы доехать до Кадома к печникам, я смело пошёл по дороге. И заблудился: дорога вдруг кончилась. Я ринулся туда-сюда, ничего не получается. Вернулся в Липовку, зашёл к «мордвину» Сергею Ивановичу. Он подробно объяснил мне маршрут движения, и я снова отправился в путь. И заблудился окончательно. Потерял дорогу, попал в какой-то мрачный дубовый лес, где тёмная земля почему-то вся была изрыта огромными ямами. Я уже стал обдумывать, как буду ночевать в лесу, но тут сообразил, что можно попробовать сориентироваться по солнцу. Так я и сделал, выбрался из леса, пересёк дренажную канаву и вышел в луга. Я шёл по дороге к деревне, когда увидел на параллельной дороге жёлтый жигулёнок. Оказывается, они уже приехали в Липовку, меня не нашли, им сказали, что я пошёл их встречать на Мыс, вернулись

на Мыс, не нашли меня и там, и теперь возвращались обратно в деревню. Меня увидели, я подошёл к машине и первое, что сказал, «Дайте воды!».

504. *Чжан 37. Если в Липовку приедет деловой человек, он вызовет смех.
Его слова покажутся нелепыми, а жизнь – бессмысленной.
Если в Липовку приедет бездельник, он вызовет жалость.
Его слова покажутся глупыми, а жизнь – скучной.
Перед моим домом растут две берёзы.
Можно ли сказать, что они заняты делом?
Можно ли сказать, что они бездельничают?
Если идти по этому срединному пути, станешь берёзой.
Если пропустить этот путь через сердце, достигнешь состояния творчества.
И тогда на картине, хотя она неподвижна, берёза будет расти.
В музыке, хотя она звучит в закрытой комнате, берёза будет шуметь ветвями.
В поэзии, хотя слова – всего лишь чёрточки на бумаге, берёза откроет своё сердце.
Источник творчества – в простоте безымянного.
Путь творчества проходит в мире.
Он проходит сквозь тьму вещей, но не задевает ни одну из них.
Он движется в мире, но будто стоит на месте в своём истоке.
В простоте безымянного нет места для желаний.
Если нет желаний, творчество ничем не стеснено и обретает свободу.
Обретая свободу, оно приходит к покою.
Приходя к покою, оно останавливает людей и весь мир утихает сам собой.
Это Дао-путь человека Липовки.*

505. В то лето произошла забавная история. Кадрия набирала воду из колонки около нашего дома, когда мимо проезжала какая-то машина, остановилась, из неё вышел человек и сказал: «Кадрия! Что ты делаешь в моей деревне?». Кадрия возразила: «Я тут живу, а вот что ты тут делаешь?» «Ты такая же нахальная, как и была, и улыбка у тебя такая же нахальная», – сказал человек. Им оказался Женя Бесшапов, с которым Кадрия и дядя Лёня учились в одной группе в Институте стали и сплавов. Мир тесен.

506. Жена Бесшапова, Марина Лифшиц, которая училась в той же группе, и на которой он женился ещё в институте, тоже была в Липовке. Как то раз мы ходили в Ласицы за вишней – там был старый заброшенный сад. На обратном пути нас догнала машина и подбросила до Липовки. В машине сидела Марина, Кадрия узнала её, но первая сказала Марина: «Вас не Кадрия зовут? Вы меня не помните?».

507. Мы приглашали их в гости, но они так и не пришли. И вот, когда мы с Серёжей Гонтаренко, Верой и Кадриёй хорошо выпили «музыкального» спирта, пришла нам в голову идея: пойдём в гости к Бесшапову! Идея была дурацкая, но тогда казалась весёлой. И мы пошли. Бесшаповский дом стоял на другом конце нашей улицы, недалеко от дома Нади Крупп. Уже было темно, светили звёзды, мы что-то громко пели и шли. Вера и Кадрия начали уже сомневаться в разумности нашей весёлой идеи, плелись сзади и спрашивали, не вернуться ли нам обратно. Но всех удивила дочка Серёжи и Веры, Лена, тогда ещё совсем маленькая. Обычно тихая и застенчивая, тут она крепко держала меня за руку и вела вперёд – вперёд к Бесшапову!
508. Дома никого не оказалось, только какой-то незнакомый нам человек лежал на кровати. Он сказал, что Женя и Марина куда-то ушли. Так мы ни с чем и вернулись. Прошло несколько лет и Марина умерла весной, мы узнали об этом в Липовке, когда приехали туда в мае. А ещё через несколько лет мы узнали подробности: Марина покончила с собой, выбросившись из окна. Депрессия.
509. Бесшапов ещё бывал в Липовке наездами вместе с сыном. Потом его дом сгорел: Бесшапов ушёл в гости к кому-то, не дождавшись, когда прогорят дрова в печке. Лена Борисенко мне говорила потом: он вроде как знал, что что-то произойдёт, но ему было как будто всё равно. Или это Лене так показалось. Сын Бесшапова и после этого приезжал в Липовку, смотрел на пепелище и говорил, что здесь осталась часть его детства.
510. **Чжан 38.** *Многие люди стремятся быть деятельными, но их действия нарочиты.*
Человек Липовки ничем не занят и его жизнь естественна.
Многие люди стремятся совершать добро, но их намерения нарочиты.
Человек Липовки помогает людям случайно и не замечает этого.
Многие люди стремятся к возвышенному и попирают обыденное.
Они начинают презирать других людей и сердца их переполняются алчностью.
Человек Липовки рождается в обыденном и возвращается в обыденное.
Он понимает, что возвышенное и обыденное – это ян и инь.
Творчество – это ян, но его источник и завершение – в инь.
Преступником называют того, кто нарушает ритуал.
Низким человеком называют того, кто, соблюдая ритуал, не думает о справедливости.
Обычным человеком называют того, кто, стремясь к справедливости, забывает о человеколюбии.
Великодушным человеком называют того, кто, будучи человеколюбивым, лишён Дэ.

Одухотворённым человеком называют того, кто преисполнен Дэ, но утрачивает Дао.

Человек Липовки следует Дао, поэтому он вне категорий.

Он следует Дао и, тем самым, полон Дэ.

Он полон Дэ и, тем самым, человеколюбив.

Он человеколюбив и, тем самым, стремится к справедливости.

Он стремится к справедливости и, тем самым, соблюдает ритуал.

Ведь суть в том, что честность и преданность – далеко не самое главное в жизни, добро – не то, что нужно непременно совершать, творчество – не то, что обязательно рождает смысл.

Главное – чтобы всё было смутным, непредсказуемым.

Для того, кто знает всё наперёд, путь – это то, что уже закончилось, а глупость – это то, что только начинается.

Всё, что обычно ценят люди, – это цветок Дао, начало невежества.

Я тоже люблю собирать цветы в лугах, приносить их домой, ставить в вазы и рисовать.

Но истинный человек Липовки предпочитает собирать землянику, клубнику и малину, чернику, голубику и ежевику, костянику, бруснику и клюкву.

511. Мы с Бесшаповым были из разных липовских компаний, имеются в виду компании москвичей, купивших дома в деревне. Первоначально была одна компания, группировавшаяся вокруг «первопоселенцев»: Веры Евушкиной, Лены Камбуровой и Нади Крупп. Сначала мы тоже присоединились к ним, но потом наша компания обособилась, когда в Липовке появились наши друзья: Надя Красильникова, Саша Третьяков, Семён Шилклопер, Ира Ратафия, Наташа Селиваненко. Но и сейчас эти два круга пересекаются.
512. Другая компания москвичей появилась, когда Надя Крупп пригласила в Липовку некоего Жаркова, как говорят, рассчитывая на то, что он будет возить её саму и её вещи на своём автомобиле, впрочем, может быть, врут, и побуждения Нади были бескорыстными. Так в деревне появились два брата Лепуховы, Алексей и Саша, Лена Борисенко, Онучаки Виктор и Татьяна, Андрей Горохов и Бесшапов. Все они были автомобилистами. Начинали с «жигулей», закончили «нивами» и, кто мог себе позволить, джипами. Езда в Липовку была для них спортом и развлечением. Они с восторгом рассказывали, как преодолевали препятствия на непролазных липовских дорогах, застревали, вытаскивали друг друга, ходили за тракторами, ночевали в машинах и т.п.
513. Так мы и считали: наша компания – пешая, ихняя – автомобильная. Мы ещё смеялись: они даже за грибами в лес или купаться на Старицу на машинах ездят! Кто-то из нашей компании, уже не помню кто,

рассказывал, как где-то на Селигере за общим костром начал говорить про Липовку. Мол, есть такая деревня, а там две компании: наша и другая, мы пешком ходим, а они всё время на автомобилях ездят. Потом выяснилось, что среди слушателей случайно оказались люди из другой, автомобильной компании. Но всё меняется.

514. *Чжан 39. Небо Липовки чисто, и потому не разрушается.
Земля Липовки незыблема, и потому не раскалывается.
Ветер Липовки чуток, и потому не развеивается.
Лука Липовки цветущи, и потому не сохнут.
Леса Липовки густы, и потому не опустошаются.
Родники Липовки прозрачны, и потому озёра не мелеют.
Вся тьма вещей Липовки рождается, и потому не исчезает.
Если это так, то каким становится человек Липовки?
Многие люди хотят быть чистыми и незыблемыми, чуткими и цветущими, густыми и прозрачными.
Они не хотят исчезать.
Человек Липовки ценит то, что вокруг него, и не беспокоится о себе.
Он прост как придорожный камень.*
515. Всё меняется. Первые годы мы ходили пешком не только в лес или на Старицу, но и в саму Липовку от Демушкино, Рожково или Ласицы: с рюкзаками за плечами проходили свои километры под солнцем ли, под дождём ли. То же и обратно, но только ещё и с ограничением по времени: нужно успеть на автобус. Но постепенно друзья стали приезжать к нам на машинах. В Липовке у Красильниковой есть «газик», а у Ратафии – «нива». Если мы едем из Москвы на поезде, от вокзала до Липовки добираемся на машине. Но вот уже который год чаще всего нас с Кадриёй и Рустамом везут из Москвы в Липовку наши гости: Витя Шнитман или Женя Сафонов (с обоими я работаю вместе), или Серёжа Гонтаренко. В этом году уже без Рустама.
516. Даже Фарид приезжал к нам в деревню из Казани на своей старой «ниве». Вместе с ним тогда были его друг Наиль и отец Кадрии, Абдулвалей Фатыхович, дэв-ати. Это было в 2002 году, уже после смерти Иды Шамсеевны. Фарид и Наиль каждый день ходили рыбачить, с ними была Фаридова собака Бася, большая белая лайка. А дэв-ати всё больше обретался дома или около дома, ему уже было за восемьдесят. Как-то раз, когда дома больше никого не было, в избу зашли Лена Камбурова, Вера Евушкина, ещё кто-то. Они пришли с гитарами, наверное, хотели с нами посидеть или, может быть, нас пригласить к себе, уже не помню. Валея Фатыхович лежал на кровати (на двухэтажной, внизу), они подумали, что вот какой-то старичок лежит, наверное, мало что соображает. А он нам потом подробно и с юмором описывал, кто приходил, как были одеты, что говорили и какая у них была музыка.

517. **Чжан 40.** *Дао Липовки движет её вещами.
В городе вещь сильная, а в Липовке – слабая.
В городе вещь равна сама себе, а в Липовке – превращается в свою
противоположность.
Поэтому кажется, что встречаешь её в первый раз.
Смотришь на неё, а она туманится.
Идёшь за ней, а она ускользает.
Пользуешься ею, а она меняется.
В городе вещь – функция, а в Липовке – существо.
Таков же и человек Липовки.
Его бытие не закончено в самом себе, оно рождается в небытии.*
518. Но сейчас я хотел написать не про Бешапова, не про автомобильную компанию, и не про дэв-ати. Я хотел написать про Надю Красильникову, с которой Рустам провёл в Липовке время «Деревенского дневника». Ещё два года она приезжала в деревню и жила вместе с нами в нашей избе. Надя купила дом в 93-м году. Я помогал ей в оформлении сделки, на меня была выписана доверенность. Мы пару раз ездили в Сасово, то есть шли пешком до Ласиц, потом на автобусе. Обрато тоже на автобусе и пешком от Ласиц до Липовки. Стоял август, погода была хорошая. Мы шли через луга, останавливались, отдыхали, разговаривали. Надя потом говорила, когда я вспоминал сложности оформления покупки дома и необходимость ездить в «пыльный Сасово»: «А мне нравились наши путешествия в Сасово, было хорошо». В 94-ом году она приводила дом в порядок, занималась огородом. А в 95-ом осталась вместе со своими близнецами, Филей и Федей, и Рустамом на зиму.
519. **Чжан 41.** *Великий квадрат не имеет углов.
Как достичь равновеликости Небу?
Спроси об этом у человека Липовки.
Может быть, он высок как облака?
Может быть, он широк как луг?
Но так выглядит бетонный небоскрёб, прочно вбитый в
пространство своими углами.
Человек Липовки совсем другой: встретив его, не узнаешь.
Он подобен забытому дню, который сделал жизнь и исчез.
Он подобен остывшему пеплу, для которого горение – уже
пройденная ступень.
Он подобен Чёрному Озеру, которое хорошо тем, что перестало
быть рекой.
Он подобен остановившимся часам, по которым нельзя
определить время.
Он похож на дорогу от Мыса Доброй Надежды в Липовку –
такой же неровный, ветвящийся и теряющийся.*

Он похож на дорогу от Демушкинского моста в Липовку – такой же пустынный и спокойный.

Он похож на дорогу от Ласицкой переправы в Липовку – такой же тихий и неприметный.

Он выглядит как солнце, которое уже зашло за край луга.

Он выглядит как луна, которая ещё не взошла из-за края леса.

Человек Липовки не имеет имени и как бы всё время отсутствует.

Поэтому у него нет углов.

520. В августе 95-го года было очень много белых грибов в лесу. Я тогда написал **«ПЕСНЮ СБОРА БЕЛЫХ ГРИБОВ В ДЕРЕВНЕ ЛИПОВКА В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ НОНЕШНИМ ЛЕТОМ»:**

В нашем большом лесу много белых грибов. И вдоль Бауковой канавы, и вдоль Лепуховой канавы, и в других местах. Вот идёт мадам Лепухова вдоль своей канавы и собирает белые грибы. Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. Дальше идёт, опять видит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. Вот так ходит мадам Лепухова и собирает белые грибы. И Баук тоже ходит, и тоже собирает белые грибы. Он как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. Только мадам Лепухова ходит вдоль своей, Лепуховой, канавы, а Баук ходит вдоль своей, Бауковой, канавы. Баукова канава называется Бауковой, потому что летошным годом мы там Баука один раз встретили. А Лепухова канава называется Лепуховой, потому что нонешним летом мы там два раза мадам Лепухову встречали. Мы как мадам Лепухову встретим в лесу, так друг другу "Доброе утро" говорим, или "Добрый вечер". А потом мадам Лепухова дальше идёт вдоль своей канавы и собирает белые грибы. Вот увидит гриб, присядет и ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт. А как Баука встретим в лесу, так он нам громко кричит "Здорово!" и мы отвечаем. А потом Баук дальше идёт и собирает белые грибы. Увидит гриб, наклонится и ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

Мадам Лепухова собирает белые грибы, и Баук тоже собирает. А грибы всё растут и растут. К тому же мадам Лепухова не все белые грибы собирает, а только те, которые видит. Она как увидит гриб, так ножиком его срезает и в корзинку кладёт. Бывало идёшь вдоль Лепуховой канавы и видишь будто не мадам Лепухова там прошла, а какое-то странное существо. Такие это существо белые следы оставило. Не как у зайца следы – два кружочка спереди, ещё один кружочек, потом ещё один. И не как у лисы, не как у волка. Не так, как кабаны топчутся. И не как лось проходит. А такие следы, будто существо это танцевало какой-то странный танец, да ещё и напевало песенку. Это так срезанные ножки белых грибов в земле торчат. Вот так ходит мадам Лепухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает. И Баук тоже ходит вдоль своей канавы и тоже белые грибы собирает. Он их ножиком срезает и в корзинку

кладёт. Поэтому вдоль Бауковой канавы тоже странное существо танцевало и песенку напевало. Может быть, даже это одно существо танцевало и пело – то вдоль Лепуховой канавы, то вдоль Бауковой канавы. Потому что следы похожие оставило. Вот так ходит мадам Лепухова вдоль Лепуховой канавы и белые грибы собирает. И Баук тоже ходит, но перпендикулярно, потому что так канавы расположены. Поэтому они и не встречаются никогда: мадам Лепухова вдоль своей канавы ходит, а Баук вдоль своей канавы ходит. А интересно, что в деревне Бауковый дом рядом с Лепуховым домом стоит, значит мадам Лепухова и Баук соседями оказываются. Только Баук в своём доме круглый год живёт, а мадам Лепухова только летом приезжает – как на дачу. А в лесу мадам Лепухова и Баук перпендикулярно ходят, потому что каждый вдоль своей канавы белые грибы собирает. Как увидит белый гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. А Баука потому Бауком называют, что он с детства как паук руками размахивает. Пауком человека нехорошо называть, поэтому его Бауком называют. А мадам Лепухову мы так называем, потому что у неё фамилия Лепухова, а сама она из Москвы и в деревню приезжает со своим семейством: и с мужем, и с дочками.

Вот так ходит мадам Лепухова вдоль своей канавы, белые грибы собирает и думает. Она потом придёт домой, грибы замаринует и в стеклянную банку закатает. И Баук тоже ходит и думает. А потом принесёт грибы домой и его Валечка, которая жена Баукова, положит грибы в деревянную бочку – солиться. Баук нальёт в стакашек водки, подцепит на вилку солёный белый гриб, а потом стакашек опрокинет и грибом закусит. И мадам Лепухова тоже может налить в рюмку водочки, на вилку маринованный белый гриб нацепить, а потом рюмку выпить и грибом закусить. Только у мадам Лепуховой так смачно, как у Баука, не получается. Потому что Баук очень просто стакашек опрокидывает, гриб схрумкивает и идёт себе по деревне. А мадам Лепухова любит, чтобы была белая скатерть, и ещё подходящее освещение, и ещё соответствующая музыка, и ещё приятная компания, и ещё нужное настроение. Тогда она рюмочкой чокнется, водку выпьет и грибом закусит. А у Баука такой церемонии не получается, потому что Баук выпить любит и не может ждать, пока всё это вместе соединится: и скатерть, и освещение, и музыка, и компания. А настроение у него всегда есть. Он стакашек опрокидывает, гриб схрумкивает и идёт себе по деревне. А у мадам Лепуховой так смачно не получается. А у Баука так церемонно не получается.

И вот идёт мадам Лепухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает. Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт. И Баук тоже идёт вдоль своей канавы и тоже белые грибы собирает. Как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт. Вот так они идут и белые грибы собирают – которые видят.

А которые не видят – те уже мы идём и собираем. Как увидим гриб, ножиком его срезаем и в корзинку кладём. И дальше идём. А потом уже другие люди идут и тоже белые грибы собирают. А грибы всё растут и растут. На другой день мадам Лепухова опять идёт вдоль своей канавы и белые грибы собирает. Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И Баук опять идёт, но перпендикулярно. Он как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. А уже потом мы идём, а потом другие люди идут. А ещё есть ровная просека, покрытая светлым мхом, которая "Бродвей" называется, потому что по ней все обязательно проходят и белые грибы собирают. Как увидят белый гриб, ножиком его срезают и в корзинку кладут. Поэтому земля там утрамбованной стала – как дорога. А грибы всё растут и растут. И мадам Лепухова заглядывает, от своей канавы отлучаясь. И Баук проходит, со своей канавы домой возвращаясь. Мы тоже любим гулять по "Бродвею" и белые грибы собирать. Грибы всё растут и растут, только большими вырасти уже не успевают, потому что все их ножиками срезают и в корзинки кладут. Поэтому на "Бродвее" грибы маленькие, кругленькие как лосиные катышки по светлому мху раскиданы. Зато рядом с Лепуховой канавой, ежели у самых сосен, да под хвоей и ветками, большие могут вырасти, а то и целое семейство по пять, семь, а то и двенадцать грибов из одного корня. И у Бауковой канавы, если чуть в сторонке, найти можно белый гриб на полкорзинки.

Вот так ходит мадам Лепухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает. Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт. И Баук тоже ходит вдоль своей канавы и белые грибы собирает. Как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт, но перпендикулярно. И мы тоже идём и белые грибы собираем. А солнечные лучи пролетают вдоль сосновых рядов и на землю ложатся: и на белый мох, и на зелёный мох, и на красный мох. А грибы всё растут и растут. Если кто увидит белый гриб, он его ножиком срезает и в корзинку кладёт.

521. **Чжан 42.** *Мир исчез бы, если бы остановился хоть на мгновение.*

Мир существует только потому, что в каждой секунде своего бытия рождается заново.

Творение начинается изнутри и распространяется вовне.

Дао рождает одно. Это Единое. Это Хаос.

Одно рождает два. Это инь и ян. Это тяжёлое и лёгкое, мутное и прозрачное тончайшее.

Два рождает три. Это небо, земля и человек.

Три рождает всю тьму вещей.

Все существа носят в себе инь и ян, наполнены тончайшим и образуют гармонию.

Но это только половина процесса творения, первая триграмма гексаграммы.

Живое движение идёт по кругу.

Вторая половина противоположна первой и называется возвращением.

Все существа ищут свою родину.

Обретя родину, они ищут своих родителей.

Обретя родителей, они ищут свой исток.

Поэтому великое стремится к малому; сложное стремится к простому.

Возвращение можно назвать смертью, но лучше смерть назвать возвращением.

Потому что вторая триграмма, завершаясь, не останавливается и рождает новую гексаграмму.

Человек Липовки – это возвращающийся человек.

Я еду в Липовку, потому что здесь пути возвращения подобны небу и земле, лесам, лугам и озёрам.

Они открыты, прозрачны и чисты.

522. Баук – это муж Валечки, дочка бабы Любы. Помню, как в первое лето он помогал мне найти трубу для печки. Я, говорит, знаю, где труба есть подходящая – на кузню нужно идти. Кузня уже давно не была кузней, крыша полуобвалилась, но труба имелась. Баук на крышу залез, двумя руками трубу обхватил, да и вытащил её. Потом, конечно, сто граммов я ему налил, а может быть, двести, уже не помню.
523. Зато помню, как чуть позже, когда труба уже возвышалась над крышей моего дома, и из неё весело вился дымок топившейся печки, по улице проходил Павел Борисович (все его звали коротко: ПалБорисыч), брат Баука, который числился каким-то деревенским начальником, вроде бригадира на заготовке сена. Он проходил с какими-то людьми и громко говорил. Так, что мне в моём доме слышно было: «А знаю я, откуда труба-то эта. Это с кузни труба утащена». Другой бы беспокоился: раз труба «утащена», придётся штраф платить, или ещё какое наказание будет. Но я бы спокоен, как песчаная дорога, по которой шёл ПалБорисыч: ни дождь, ни солнце не скovyрнут её с земли, потому что она её часть. Мой сосед дядя Петя уже объяснил мне простое правило: «Иди и бери. Тебе же нужно – так иди и бери».
524. В доме у ПалБорисыча и его жены, которую все звали Женечкой, был тогда единственный в деревне телефон – рация. Баук умер, а ПалБорисыч ещё жив, но уже не встаёт с кровати: совсем больной и плохой, как говорят, от пьянства, лежит в памперсах.
525. Мадам Лепухову зовут Тамара – это жена Алексея, старшего из братьев Лепуховых, и мать Ольги. Про Ольгу я пока не могу писать, сначала о чём-нибудь другом.
526. **Чжан 43.** *Смотри: птица летит над крышей дома, ветер обгоняет птицу, луч света обгоняет ветер, мысль человека обгоняет свет.*

Но там, куда она только стремится, её уже ждёт небытие.

Чем слабее и мягче, тем быстрее и дальше летит, тем шире распространяется, тем глубже проникает.

Только отсутствие не участвует в гонке, оно ждёт на финише ещё до старта.

Бытие рождается из небытия и возвращается в него.

Кто живёт на Великой Границе?

Это человек.

Вот почему на самом-то деле Липовки нет.

Человек Липовки отсутствует.

527. Для меня липовская эпоха до «Деревенского дневника» заканчивается не в 95-ом, а в конце лета 94-го года. Я разглядываю фотографии, которые сделал тогда Миша Посниченко. Это был профессиональный фотограф, с которым Кадрия познакомилась в «Сокольниках». Он только что женился, и Кадрия пригласила его пожить у нас в Липовке неделю-другую. У Миши с женой (не помню, как её звали) это был как бы медовый месяц. Мы пересеклись на несколько дней, потом мы уехали, а они остались.
528. Я разглядываю фотографии. Раннее августовское утро, солнце только-только восходит, роса и туман. Мы идём по ласицкой дороге: Саша Косачев, я, Кадрия и Рустам. С рюкзаками за плечами. Нас провожают Миша и увязавшаяся за нами собака бабы Любы, Шурка.
529. Я разглядываю фотографии. Солнце – будто светящаяся щель в туманной стене, плоский луг.
530. Я разглядываю фотографии. Одинокое деревце без листьев, растворившийся горизонт.
531. Я разглядываю фотографии. Широкий дуб на повороте дороги, едва различимая дымка дальних кустов.
532. Я разглядываю фотографии. Дерево с наполовину пожелтевшими листьями, бледные цветы на жёлто-коричневой траве.
533. Я разглядываю фотографии. Шурка обернулась и смотрит, намокшая шерсть, жаль, что вскоре собаку кто-то убьёт, хорошая была собака.
534. Я разглядываю фотографии. Шурка отвернулась, она мышкует.
535. Я разглядываю фотографии. Колечки паутины на согнутых травинках.
536. Я разглядываю фотографии. Рюкзаки на земле, я курю сигарету, Кадрия стоит спиной к фотографу и смотрит на меня.
537. Я разглядываю фотографии. Рожковская переправа, лодка на тросе отчалила, дальнего берега не видно, лодка плывёт в туман, паромщик в белой кепке, жёлтый рюкзак Саши Косачева, Кадрия и я повернулись спиной, укладываем рюкзаки, Рустам стоит, обернувшись, в красной

тёплой футболке, в куртке, в вельветовых штанах, стоит и смотрит, лодка плывёт в туман.

538. Я разглядываю фотографии. Лодка исчезает в тумане, тросы натянуты, на них повисли коричневые пряди водорослей, туман вместо неба, вода и туман сливаются, лодка маленькая, а водоросли большие, почти ничего уже не видно, только тени неясные и отражения теней, лодка исчезает в тумане, исчезает в тумане, в тумане, не...

539. *Чжан 44. Пространство сжимается до угла избы, до конца лавки, до краешка стола.*

Время сжимается до ночного мгновения между двумя тиками часов.

И всё дальше и дольше, дальше и дольше, дальше и дольше тянется и длится твоё неповторимое личное отсутствие.

540. Пришло время «Деревенского дневника». Я и Кадрия уехали в Москву, а Рустам остался с Надей Красильниковой и её близнецами жить в Липовке.

541. Письмо Наде Красильниковой в Липовку с пометкой «для Рустама» из посёлка Максатиха Калининской области от 24 октября 95-го года: «Здравствуй Рустам! Честно говоря, не ожидала от тебя получить такое откровенное и тёплое письмо. Я думала, что ты меня давно уже забыл. Мне очень, очень приятно было читать о том, как ты по мне скучаешь и думаешь обо мне. Мне совсем не наплевать на то, как ты живёшь и чем в данный момент занимаешься. От Любки я слышала, что у тебя возникли какие-то трудности, и ты временно уехал в Липовку. И я рада, что у тебя дела идут на поправку. Насчёт нового года ничего пока обещать не могу, ближе к этому времени я постараюсь тебе сообщить. Ты знаешь, когда Люба приехала из Липовки и начала мне рассказывать, у меня на душе так тоскливо стало. Я очень пожалела, что не смогла вырваться из нашей дыры. Намного лучше было бы, если бы я до конца лета осталась в деревне. Но, увы, я не смогла как ты приехать и просто взять расчёт, я кое-чем обязана человеку, который взял меня на работу. Что тебе ещё написать, даже не знаю! Живу я вроде бы неплохо, только здесь очень скучно. Полдня провожу на работе, а всё остальное время дома с книгой. Конечно, за исключением выходных, когда можно сходить на дискотеку или в ресторан. Ты знаешь, этот месяц, то есть октябрь, полон событий, почти каждый выходной у кого-нибудь из друзей дни рождения. Выпиваю я, конечно, не так, как в Липовке, здесь как-то не располагает к этому, наверное, люди другие. Мне приятно слышать, что ты тоже употребляешь сейчас не так много, как летом. Я очень рада, что ты завязал с наркотиками, мне так хотелось этого. Рустам, извини меня, но я, наверное, пишу какую-то чушь! А насчёт того, как ты ко мне относишься, мы с тобой поговорим, я надеюсь, в новый год. А в письме и правда ничего не

объяснишь! Так что, надеюсь, у нас с тобой будет возможность. Ну вот и всё! Пока! Нежно целую тебя! Алёна».

542. *Чжан 45. Людям нравится прямое, гладкое и блестящее.*

Но великая прямота кажется кривой, великая гладь кажется шершавой, великий блеск кажется тусклым.

Люди любят металл.

Человек Липовки любит дерево.

Он ищет совершенство в изъяне, полноту в пустоте, правду во лжи, мастерство в неумении, ум в глупости, речь в немоте.

По улицам города ходят металлические люди, они входят в двери как ключ в замок, они сидят за столом как вилка в розетке.

Уж лучше я поеду в Липовку, где нет этой хитрой механики, где дерево восхитительно непрочно, где жизнь упоительно несовершенна.

543. Мы приезжали в Липовку осенью и в декабре. И потом – на Новый год. Но это уже описывает сам Рустам. Я разглядываю фотографию. Мы с Рустамом сидим рядом за столом у нас в избе. В руках у нас какие-то бумаги. Уже не помню, что это было. Кажется, я написал ему письмо, но так вышло, что не отправил его по почте, а привёз с собой. А может быть, это я читаю начало «Деревенского дневника» и что-то говорю Рустаму о своих впечатлениях от прочитанного. Помню, я уговаривал его не бросать писать и продолжать дневник, наверное, советы какие-то давал.

544. Рустам в красной рубашке, за ним – красные занавески на окне. Волосы чёрные, лицо кажется немного осунувшимся, как бывает при взрослении. На лице – полуулыбка. Он хорошо выглядит. Перед нами чашки с чёрным чаем. На краешке окна виден снег, лежащий на наружном переплёте, и чёрные ветви нашей яблони в темнеющей белизне вечеряющего неба.

545. Я разглядываю фотографию. Я разглядывал её много раз. И ещё буду разглядывать много раз. Здесь мы вместе, так не всегда бывало в жизни: или он где-то гуляет, или я чем-то занят. Почему не хватает времени просто посидеть и поговорить? Неважно о чём. Или не времени, а чего? Жизни? Души? Сердца? Ума, в конце концов, хотя ум-то как раз и не нужен для этого. Да и говорить было необязательно. Просто посидеть. Смерть делает невозможными такие простые вещи, на которые жизнь и внимания-то не обращает, только смерть придаёт им значение и смысл – тем, что делает их невозможными. Посидеть рядом – так притягательно просто, и так невыносимо невозможно.

546. *Чжан 46. В Липовке я познаю вкус собственности.*

У меня есть мой дом, мой огород, мои две берёзы, моя яблоня, мой забор, мой двор, заросший травой.

Когда я увидел, что это моё, я понял, что большего мне не надо.

То, что у человека есть, защищает его.

*Стремление к большому губит его.
Что может человек назвать своим?
Очень немного – или – весь мир.
Когда своим называешь чужое, сам становишься чужим.
У каждого человека есть граница.*

Пока он находится в её пределах, он сохраняется, и вещи интимно близки ему.

Выходя за пределы, человек может добиться славы, или обрести богатство, или достичь высокого положения.

Но почти всегда при этом вещи становятся агрессивными, а человек теряет себя.

547. Письмо Наде Красильниковой в Липовку с пометкой «для Рустама» из посёлка Максатиха Калининской области от 13 декабря 95-го года: «Привет Рустам! Получила твоё очередное письмо, большое спасибо за него. Жизнь моя протекает спокойно без каких-либо происшествий. Всё так же занимаюсь торговлей. Рустам, у меня не получится приехать на новый год, но, конечно, очень бы хотелось. Если ребята с Рязани приедут, привет им огромный от нас с Любкой и Женькой передавай. Я уже так соскучилась по Липовке, очень хочется попасть летом туда. Я представляю, как тебе там скучно бывает, наверное, я бы не смогла долго прожить там. Тем более, если бы жила до этого в городе. Надеюсь, что новый год ты отметишь хорошо, напиши обязательно мне об этом. Ты знаешь, Евгения моя, кажется, собирается замуж весной выходить. Представляешь, вперёд меня выйдет, а говорят в народе, что если младшая сестра старшей дорогу перейдёт, значит не быть той замужем. Ну, это, конечно, ерунда всё! Любе я передала привет от Макса [Максима, двоюродного брата Рустама – И.Б.], она тоже передаёт большущий привет, и пусть сильно не страдает. В следующее лето ещё увидимся. Даже не знаю, что тебе ещё написать, у нас тут жизнь скучна и однообразна. Вот скоро, то есть 23 декабря, буду на свадьбе гулять у своей подруги. Рустам, извини за почерк, совсем разучилась писать, да ещё, наверное, делаю кучу ошибок, но ты меня простишь за это. Ты знаешь, я бы хотела побольше узнать о тебе, например, чем ты занимался, как только окончил школу. Ты мне напишешь немного о своей жизни, а потом я тебе напишу, что только спросишь. Мне, например, понравилось, как ты мне рассказывал о том, как ты с родителями путешествовал на байдарках. К сожалению, у меня такого путешествия не было. Может, ты мне ещё что-нибудь поведаешь интересного из своей жизни. Мне было бы очень интересно почитать! Ну вот, пожалуй, и всё, что хотела написать. Жду ответа! Нежно целую! Алёна».

548. **Чжан 47.** *Чтобы обрести весь мир и не потерять себя – не выходи со двора.*

Люди ездят по всему свету, они посещают другие города и страны, знакомятся с множеством людей, они видят горные пики и ширь морей, они летят по воздуху и мчатся по автомагистралям.

Они включают телевизор и за полчаса огибают земной шар.

Они снимают телефонную трубку и разговаривают с человеком из другого дня.

Они садятся к компьютеру и информация вываливается с экрана, сама собой раскладываясь по рубрикам, распластываясь по таблицам, выстраиваясь по структурам, упорядочиваясь по иерархиям.

Люди читают множество книг и, если что-то непонятно, они берут новую книгу.

Все люди находятся в постоянном движении и не могут остановиться даже на мгновение.

Что они ищут?

Чего они добиваются?

От чего бегут?

Информационный человек подобен бегущей цепочке нулей и единиц.

Он подобен квадратному ящику с красными и зелёными лампочками и рядами функциональных клавиш.

Он подобен тому, кто днём и ночью ткёт металлическую паутину.

Он сам подобен металлической паутине, сотканной другими квадратными ящиками.

С помощью телевизора, телефона и компьютера человек хочет познать мир, не выходя из комнаты.

Но что это за мир?

Информационный мир подобен миру эйдосов по другую сторону реальности.

Чем же плоха реальность?

Поэтому получается, что чем больше человек узнаёт, тем меньше он знает; чем дальше идёт, тем ближе оказывается; чем большего добивается, тем меньшее может назвать своим.

В конце концов у него не остаётся даже его самого.

Вот почему я еду в Липовку, где нет телевизора, нет телефона, нет компьютера, где плохие дороги и нет мостов через реки.

Где нет ничего, что могло бы помешать разглядеть цветок тысячелистника, что растёт на середине луга.

Вот этот самый цветок!

Чтобы увидеть мир, достаточно разглядеть один цветок.

Но это почти невозможно.

549. Вместе с нами на Новый год приехала Ира Ратафия с мужем Сашей и собакой – большим чёрным ньюфаундлендом. Я хочу рассказать о Ире Ратафии. Это довольно длинная и запутанная история, полная необычных поворотов, которую я сам вряд ли сумел бы придумать, а,

услышав, счёл бы выдумкой, но которая, тем не менее, происходила на наших глазах, преимущественно, в Липовке. Эта история теперь стала одной из легенд деревни, а началась как раз с того Нового года. Но сначала – предыстория.

550. Мы познакомились с Ирой в 89-ом году на каком-то митинге около кинотеатра «Ереван». Это была (да и есть) довольно крупная женщина, высокая. Но на митинге она выглядела как-то потерянно, хотя и была видна издалека. Стояла одна и держала в руках плакатик, агитируя не то за что-то, не то против чего-то. Мы же прибыли целой компанией: я, Кадрия, Саша Третьяков, Семён Шилклопер, ещё кто-то. Кажется, это были времена «Демократической России». Потом мы вместе оказались в ДПР, вместе участвовали в избирательных кампаниях, партийных собраниях и т.п.

551. Ира, как и Саша Третьяков, жила рядом с нами – в Лианозово. Мы постепенно сдружились, познакомились с её мужем – Сашей – большим добродушным увальнем. Они были таксистами, потом уволились и получили от таксопарка машину (конечно, далеко не новую), чтобы заниматься частным извозом. Когда Лена Камбурова искала себе водителя, мы порекомендовали Иру Ратафию. Несколько лет Ира работала на Камбурову, но потом, после смерти Саши, у них что-то разладилось. Я думаю, из-за чисто шофёрской любви Ратафии к солёным анекдотам и шуткам, которые разрушали поэтическо-романтическую атмосферу вокруг Лены, создаваемую усилиями её окружения. Мне такое приземление нравится (человек не бесполой ангел, а поэзия не бесплотна), но это нравится не всем.

552. **Чжан 48.** *Осуществляя Учение, что ни день, прибавляют.*

Осуществляя Дао, что ни день, убавляют.

Так происходит потому, что первое – это движение развёртывания и мироустроения, второе – это движение свёртывания и возвращения.

Чтобы вернуться к самому началу, нужно забыть о возвращении.

Так восстанавливается состояние неосуществления.

В состоянии неосуществления отсутствует неосуществлённое.

Поэтому:

Если в нуле сокрыты все числа, стоит ли бесконечно перечислять их одно за другим?

Если в белом сокрыты все цвета, стоит ли портить зрение пестротой мира?

Если в тишине сокрыты все звуки, стоит ли портить слух шумом мира?

Если в недеянии сокрыты все действия, стоит ли заниматься делами?

Проблема в том, что ноль – это не кружок на бумаге, белое – это не белила, тишина – это не глухота, недеяние – это не безделье.

Небытие – это не отсутствие бытия, а, напротив, его возможность.

Поэтому Липовка – это не анти-город, а его корень.

В цветке тысячелистника – вся тьма превращений этого мира.

553. В Липовке мы вместе праздновали сначала 30 декабря, день рождения Майки (Рустам пишет в «Деревенском дневнике»: «сегодня у Майки день рождения, а я не пошёл, вот дурак»), а потом и сам Новый год. В нашу компанию влился Коля Панин, наверное, его привёл Рустам, который познакомился с ним раньше. У Коли в деревне жили родители (уже умерли), он вернулся к ним после развода с женой.
554. И вот не знаю, как уж оно там получилось, только у Иры Ратафии и Коли Панина завертелся любовный роман. Саша, конечно, всё это видел, очень переживал и норовил немедленно уехать из Липовки вместе с собакой. Он вышел в ночь и метель, я еле догнал его где-то среди сугробов на улицах деревни, долго объяснял, что сейчас он никак не сможет вернуться в Москву, и самое лучшее – подождать до утра. Уговорил, конечно.
555. А в Москве, не прошло и пары месяцев, как Саша умер. Он умер от сердечного приступа, когда, подменяя Иру, вёз кого-то по поручению Лены Камбуровой. Он умер прямо за рулём. Машина врезалась в дерево, но не сильно, потому что нога его была на педали тормоза. Говорили, что Саша умер мгновенно, ещё до того, как машина врезалась в дерево, но успел нажать на тормоз. Он успел нажать на тормоз, но сам умер.
556. Мы были на поминках, Лена Камбурова тоже была. Нам с Кадриёй было очень жаль Сашу, он был на редкость добрым и добродушным человеком. Не знаю, что чувствовала Ира Ратафия, но, похоже, с неё – как с гуся вода. Это не значит, что она такая жестокая, или бессердечная, или злая. Просто она такая. Или такой кажется.
557. А ещё через месяц Ира сдаёт квартиру в Москве большой армянской семье и уезжает в Липовку жить с Колей Паниным. У них появляется свой дом, напротив дома родителей Коли, рядом с домом Веры Евушкиной.
558. **Чжан 49.** *Человек Липовки не имеет постоянного сердца.
В этой пустоте свободно появляются и свободно исчезают сердца всех людей.
Будто клубится туман в свете раннего утра.
Ты спрашиваешь: "Что есть истина?".
И я спрашиваю, и верю всему, что говорят мне люди.
И тому, что не говорят, я тоже верю.
Ты спрашиваешь: "Что есть добро?".
Всё, что делают мне люди, это добро.
И то, что не делают, – тоже добро.
Ты спрашиваешь: "Что есть красота?".*

Я оглядываюсь вокруг – всё это красота.

И то, что я не вижу, – тоже красота.

Человек Липовки подобен центру широкого луга, через который летят ветра всех восьми направлений.

Он подобен перекрёстку дорог, через который идёт и тот, кто идёт налево, и тот, кто идёт направо, и тот, кто стремится вперёд, и тот, кто возвращается назад.

Все, кто приходит в мой дом в Липовке, – хорошие люди.

Все садятся за стол, я всем наливаю чай.

Каждый человек говорит своё.

Я слушаю его.

Каждый человек просит своё.

Я даю ему.

Я провожаю звезду и встречаю восход.

Я провожаю закат и встречаю луну.

Я такой же человек, как и все: я говорю, я делаю, я радуюсь, я огорчаюсь, я злюсь, я успокаиваюсь, я бодрствую, я сплю, я вижу сны.

Но в Липовке во мне открывается внутреннее пространство свирели и ветер свободно входит в него.

559. Письмо Наде Красильниковой в Липовку с пометкой «для Рустама» из посёлка Максатиха Калининской области от 31 января 96-го года: «Здравствуй Рустам! Извини за то, что запоздала с ответом на твоё письмо. Если честно, то долго думала над твоими вопросами. И до сих пор так ничего и не смогла определить для себя. Мы с тобой слишком долго не виделись, на таком далёком расстоянии очень трудно что-то определить. Ты должен меня понять и поэтому не будешь на меня обижаться. Если бы ты жил сейчас в Москве, всё стало бы намного легче. Ещё неизвестно, сможем мы с тобой увидеться летом или нет. Для меня было большой неожиданностью, когда ты написал мне, что любишь меня. Если бы я это узнала до своего отъезда, то всё было бы намного проще. Могу только сказать одно, что я не жалею о времени, которое провела с тобой. Ну, а теперь напишу немного о себе. Недавно, то есть 29 января, была в Москве по делам. Всё так же занимаюсь бизнесом. Кстати, мне было очень интересно почитать про твою жизнь. Только ты меня немного огорчил, я, если честно, то думала, что ты где-нибудь учился. А ты, оказывается, можно наверное сказать, дурака валял. Но я, конечно, не имею никакого права осуждать тебя. Извини меня, я просто высказала своё мнение. Да и в городе жизнь совсем другая, не то что у нас в посёлке. Зато, когда к нам приезжают городские, они говорят, что попали в какой-то другой мир. Ну, это наподобие Липовки. Только у нас развлечений побольше и, естественно, народу. Например, на массовом гулянии в Новый год было так много народу, что я очень удивилась. Откуда только к нам не приезжают, даже не перечислишь. Насчёт Нового года и рождества могу сказать только одно: провела нормально. Ничего особенного не

происходило, не то что у вас. В компании, с которой я отмечала, все напились, как обычно это происходит у нас в посёлке и никаких программ не было. Мне, Рустам, тоже было очень жаль, что я не смогла попасть к вам. Спасибо огромное за пожелание, мне оно очень понравилось. Люба передаёт тебе огромный привет, и Женька тоже. Теперь Любаха, наверное, не сможет летом приехать в деревню, потому что у неё есть парень, вряд ли он её отпустит. Хотя, может, я её и уговорю. Уж очень хочется опять отдохнуть в Липовке! Ты только Максиму насчёт Любы ничего не говори, потому что он, наверное, расстроится. Ну вот, вроде бы, и всё, что я хотела тебе написать. Пока! Целую! Алёна».

560. *Чжан 50. Рождение – это выход, смерть – это вход.*

Трое из десяти – люди рождения. Это дети.

Трое из десяти – люди смерти. Это старики.

Ещё трое из десяти – это те, кто рождает других людей.

Почему так?

Потому что извечен круг.

Только старое дитя думает в наивности своей, будто земля смерти – это Липовский погост, а вся остальная земля – это земля жизни.

Десятый человек, он идёт по дороге, насвистывая песенку.

Нет на нём живого места, которое можно было бы убить.

Нет на нём мёртвого места, которое можно было бы похоронить.

Юный старец лёгок как осенняя пушинка.

В чём причина?

Из-за отсутствия в нём земли смерти.

В Липовке так хорошо, что люди не боятся жизни с самого рождения и не умирают до самой смерти.

561. Кто такой Коля Панин? Об этом лучше всего написано у Рустама: «Панин всё долдонил о своей несчастной любви, пока не надоел нам до смерти». Но я всё же добавлю несколько слов, которые написал в то же время.

562. «Коля Панин сравнивает себя с перекалённым кирпичом. Жёсткий до звона, он не способен держать тепло, и печь, как и жизнь, становится стылой. Холод в душе Коли Панина образовался пятнадцать лет назад, когда они с женой разошлись. Не способен Коля Панин ничего забыть. И ничему научиться. И жизнь не способна его согнуть.

Нужна Коле Панину любовь, а не просто женщина. Вот сейчас он надеется, что нашёл её. Трезво ли он смотрит на жизнь? Или он неисправимый романтик? Или любовь ему нужна независимо от ответа?

Коля Панин, конечно, псих. В приступе ярости он может убить человека. Напившись, будет палить в воздух из самодельного пистолета. Или

сидеть в кустах и кричать: "Не подходи – я вооружён!" Только очень нежная душа входит в столь жёсткие отношения с миром.

Никому не поклоняется Коля Панин и ни от кого не требует поклонения. Почти невозможно общаться с одиноким волком. Его настырные разборки с собственной жизнью утомляют до одури. И можно понять возмущение людей, у каждого из которых свои проблемы, подчас не менее сложные и тяжёлые, чем у Коли Панина. Но никто из них не способен воспринимать жизнь столь безжалостно, ни на минуту не давая себе отдыха отстранения в душе от собственной жизни.

Вот и получается, что прекрасный человек Коля Панин – совершенно несносен. Не знаю ни одного злого человека, чья злость могла бы сравниться со злостью Коли Панина – удивительно доброго и чуткого на добро человека.

Из какого материала должен быть сделан человек, чтобы острые углы его натуры не сглаживались, а лишь заострялись в потоке жизни? Сколь тихим и ясным должно быть сердце человека, чтобы из него вырывались столь мощные протуберанцы ярости? И зачем только Бог создаёт столь мягкие души, чтобы жизнь перекаливала их до жёсткого звона?

Может быть, это увещевание нам, окружающим Колю Панина, пугающимся его бешенства и тянущимся к его честности, пугающимся его жёсткости и тянущимся к его хрупкости, пугающимся его злой раздражительности и тянущимся к его мягкой доброте, пугающимся и тянущимся, пугающимся и тянущимся?...

Кирпич ты, Коля Панин!

Перекалённый кирпич».

563. *Чжан 51. Я иду по улицам Липовки.*

Вот соломенная крыша дома.

Вот огромное дерево, у подножья которого серый разваленный сруб.

Вот журавль колодца.

Вот мельница без крыльев.

Вот стоит телега с соломенной подстилкой.

Вот идут овцы и козы.

Вот дядя Лёша выходит из дома.

Вот Кулёк бредёт вдоль забора.

Вот сидит на крыльце баба Люба.

Вот плывут облака по небу.

Вот ветер скользит по земле.

Вот я сам приостановился в пути.

Кто порождает все эти вещи?

Дао Липовки.

Кто вскармливает все эти вещи, возвращает их, воспитывает, совершенствует, защищает, ухаживает за ними и поддерживает их?

Дэ Липовки.

Значит ли это, что вещи подобны марионеткам, за нити которых дёргает кто-то невидимый?

Нет, это не так!

Каждая вещь Липовки существует сама по себе, она рождает сама себя, она идёт своим собственным путём и достигает своего собственного предела.

Вещь Липовки самоестественна и её "таковость" внутри неё самой.

Ею никто не обладает, над ней никто не главенствует, ею никто не повелевает.

Это и значит: Дао рождает вещи, Дэ вскармливает их.

Дао действует, не действуя; Дэ наличествует, отсутствуя.

564. Как все таксисты (неважно, что бывшие), Ира Ратафия любила (да и сейчас любит) выпить и могла (да и сейчас может) принять гораздо больше средней нормы, что, впрочем, отчасти объясняется её немаленьким весом. Она любила говорить, что знает меру, хотя эта мера и немаленькая, но тот, кто так говорит, только говорит, а сам любит свободу больше, чем ограничения, даже такие разумные, как мера. В связи с этим вспоминается один эпизод из липовской жизни, это было уже после «Деревенского дневника».
565. Когда Саша Третьяков купил дом в Липовке, он решил привезти кое-какую мебель и другие вещи из Москвы. Мы тоже что-то отправляли вместе с ним, в том числе, бочку для воды. В то время Саша Третьяков с Семёном Шилклопером организовали маленькую фирму по продаже электролита; кстати, фирма располагалась в бывшем офисе Северного отделения Московской организации Демократической партии России, председателем которого в своё время был Семён, а Третьяков, как и мы с Кадриёй, входил в Правление. Вот в этих бочках электролит и перевозили.
566. Третьяков по случаю приобрёл старенький грузовик, но сам водить не умел, и попросил поехать в Липовку Сашу Белохвостова, мужа моей сестры. Погрузили вещи и поехали. К ним присоединилась Наташа Селиваненко, которая везла вещи в свой только что купленный дом. В деревню прибыли рано утром и остановились в нашем доме, где тогда жили Кадрия и Рустам. Вечером оба Саши и Кадрия должны были возвращаться в Москву.
567. В тот же день, естественно, собрались гости, в том числе Ира Ратафия и Коля Панин. Выпили. И, видимо, Ира всё же перебрала: она уснула на кушетке около печки, и разбудить её никак не удавалось. Коля Панин бегал вокруг неё и, разве что, не кудахтал. Периодически он ударялся о

нашу двухэтажную кровать, на которой внизу перед дальней дорогой спал Третьяков. Третьков вскакивал, стучался головой о сетку верхней кровати, спрашивал «Что, пора ехать?», и, услышав, что ещё рано, падал обратно и опять засыпал. Третьяков хорошо выпил, поэтому мог спать в этом бедламе. А нашему Саше так и не удалось прикорнуть хоть на часок. Он сидел за столом в углу избы, пил чай и держался за живот от хохота.

568. Смешно, конечно, но как-то Иру всё же нужно было отправить домой. Можно было бы оставить до утра, да только Панин никак не унимался, всё бегал, ударялся о кровать, причитал и требовал вернуть жену в их дом. Сам же ничего сделать не мог: не та у него была весовая категория, чтобы Иру поднять. Положение спас Рустам. Он залез на чердак, достал оттуда хранившуюся там туристическую кровать и поставил её рядом с кушеткой. Ну, потом Рустам и Наташа перевалили Ратафию на кровать, подняли на кровати, как на носилках, и потащили к машине, несколько раз роняли, Панин бегал вокруг, снова поднимали, Панин кричал: «Давайте-давайте!», опять роняли, Панин кудахтал, опять поднимали, Панин кричал «Вы молодцы! Ещё немного!», кое-как донесли и выгрузили.

569. Я много раз рассказывал эту историю как очевидец событий, но Кадрия поправляла: «Что ты говоришь, тебя же там не было, ты в Москве оставался, а в Липовке были только мы с Рустамом. Потом Рустам с Наташей вдвоём остались, он ещё помогал ей кирпичи для печки чистить. Это мы тебе всё рассказали». И я неизменно удивлялся своей ложной памяти.

570. *Чжан 52. Уехать в Липовку – это немножко умереть.*

Неизвестно, как и почему был зачат мир.

Вся тьма вещей рождена из лоно творения.

Человек – одна из тьмы вещей.

Может быть, страх мешает мне постигнуть Великое Инь, из которого я рождён?

Что боюсь я увидеть в смутной мгле непостижимого перехода от небытия к бытию?

Человек – дитя творения.

Пытаясь забыть об этом, я распахиваю отверстия своих страстей и поглощаюсь потоками своих дел.

Это значит, что я боюсь узнать, для чего появился на свет.

Страх рождения становится страхом смерти – ведь это один страх.

Умирание есть возвращение в лоно творения.

Разве умирают не тем же путём, что рождаются?

Неизвестно, что и как заканчивается на том конце перехода.

Но Великий Круг должен быть замкнут.

Чтобы быть готовым к этому, не отвергай малые круги бытия.

Возвращение в Липовку – это замыкание малого круга.

Дождь ли идёт и стекает по ветвям берёзы, солнце ли выглянет, бросит свой луч на белую стенку печи, баба Люба придёт с миской молодой картошки, или Кулёк постучится в окно, просит сто граммов водки, чай наливаю в глиняную кружку, три морковки несус с огорода для супа, цветы луговые поставлю в кувшин, подброшу поленья в печь, книгу читаю, прилягу усталый, сплю, вижу сны.

Что бы в Липовке ни происходило, это хорошо.

В Липовке так хорошо, как будто я уже существую, но ещё не рождён, или ещё существую, но уже умер.

571. И так, жили Ира и Коля в Липовке, и вроде бы всё у них было хорошо. Но тут случился ещё один поворот. В то время Рустам уже вернулся в Москву, а Надя оставалась в деревне. Тогда она подружилась с Лёшей-лесником. Они вместе плели замечательные корзинки из ивняка, да и не только корзинки. Во многих домах деревни, в том числе и у нас, висят сплетённые Надей абажуры. Лёша сделал нам пару двухведёрных кошёлков и корзинку-рюкзак. Были ещё всякие тарелочки, подставочки, подстаканники и т.п. Жаль, что оба они забросили это занятие.

572. И вот как-то пошли Надя с Лёшей к Ире на день рождения. И зачем-то понадобилось леснику зайти в избу первым, да и затеять разговор о долге, который не то Ира, не то Коля не отдали Наде в срок. Слово за слово, начали Коля с Лёшей ругаться, а потом и драться. Видимо, к тому времени они уже выпили. А надо сказать, что рука у лесника тяжёлая, и Коле крепко досталось, к тому же он драться не умел. Зато дури было много. И вот тогда выхватил Коля свой самодельный пистолет, о котором я написал выше, и Рустам писал в «Деревенском дневнике», да и пульнул в Лёшу, в лучших (или худших) традициях жестокого романа.

573. И было бы смешно, если бы Коля промахнулся. Но он не промахнулся. Только уже дома у Нади Лёша почувствовал, что дело плохо: пуля пробила лёгкое. Поехали в Сасово. Лёша провалялся в больнице что-то около месяца, но всё обошлось. А вот с Паниным вышло не так хорошо. Его судили. А судья – женщина – попалась такая, что решила подвести этот случай под какую-то очередную кампанию, и дала Коле срок по максимуму – больше, чем просил прокурор.

574. **Чжан 53.** *Большая дорога совершенно ровна.*

Жизнь в Липовке совершенно проста.

Почему люди любят узкие тропинки больших городов?

Если бы я владел знанием!

Я слышал, что есть люди, которые идут по большой дороге и живут простой жизнью.

Я слышал о таких людях, но не встречал ни одного.

Больше всего люди любят одеваться в цветные шелка, носить на поясе острый меч, пить и есть до изнеможения, обретать и накапливать драгоценные вещи.

Посмотри программу новостей, открой газету, оглянись вокруг.

Вот роскошные офисы, а вот голодные люди.

Вот речи властителей, а вот молчание простых людей.

Вот блеск звёзд, а вот мрак неизвестности.

Разве это не воровство и разбой?

Всем известно, что богатства надо поделить поровну.

Разве это не насилие и убийство?

Всем известно, что люди должны быть свободны и один не выше другого.

Разве это не бахвальство и зазнайство?

Всем известно, что один человек не может быть лучше другого человека.

Всем это известно, но достичь этого невозможно!

Большая дорога совершенно пустынна.

575. В тюрьме Коля Панин заболел туберкулёзом. После возвращения его осматривал Юра Игнатов, который сказал: «Если хочешь жить, ложись в больницу, а потом ещё санаторий нужен будет». Но Коля Панин, вдохнув свободного липовского воздуха, не захотел уже покидать деревню. «Меня вылечит лес, – говорил он, – я наберу ягод, травок всяких и вылечусь, меня воздух чистый вылечит».
576. Но ничего не вышло. Когда осенью 2000-го года мы приехали в Липовку, нам предложили съездить на тракторе с прицепом на болота – собирать клюкву. С нами поехал и Коля Панин. «Клюква, – говорил он, – мне поможет». Но только ничего он уже не смог собрать: кое-как походил около болота, посидел на кочке, потом Надя Красильникова довела его обратно до трактора, он еле-еле взобрался на прицеп, курил и кашлял. Через месяц Коля Панин умер.
577. А через небольшое время у Иры Ратафии поселился другой Коля, по прозвищу «Моряк» или «Утконос», о котором Рустам тоже писал в «Деревенском дневнике». Утконос и сейчас живёт с Ирой.
578. И вот как хотите относитесь к Ире Ратафии. Кто-то скажет, что она «чёрная вдова»: все её мужики умирали один за другим. Кто-то скажет, что с каждым разом её мужчины всё хуже и хуже: от милого Саши, который всего лишь любил выпить, как все, до Коли-моряка, который уже законченный алкоголик, и которого некоторые обзывают коротко: «чмо». Но что-то меня останавливает так относиться к Ире Ратафии и её мужчинам.
579. Ну, сама Ира не так проста. Она писала, и пишет до сих пор, стихи, причём весьма неплохие, некоторые очень хорошие. Саша мне просто нравился. Каким бы дураком ни был Коля Панин, вспоминаю его с

жалостью и сожалением. И каким бы «чмо» ни был Коля-моряк, он относился и относится ко мне по-доброму, он вообще не злой, а что спивается – так кто ж на Руси не спивается? Только тот, кто просто не успевает сделать это до смерти. Или кто слишком плох для этого.

580. Я читаю «Деревенский дневник»: «Сегодня уезжают Майка с Уллой. Я пошёл попрощаться с ними. По дороге встретил «Утконоса». Майка сфотографировала нас с ним на прощание, и тут подъехали сани с Хватом, и Майка с Уллой уехали. Майка – до весны, а Улла – до лета». Я разглядываю эту фотографию, я вглядываюсь в неё. Рустам и Коля стоят рядом: в шапках-ушанках, в телогрейках, оба улыбаются – и губами, и глазами, а за ними – заснеженная деревня, бело-голубое небо и белые берёзы с густой паутиной тонких безлиственных ветвей. Нет, не могу я плохо относиться к Коле-Утконосу, я почти люблю его, каким бы «чмо» он ни был.

581. Вообще деревня учит не судить, а любить людей такими, какие они есть. В городе это невозможно. А в Липовке у нас за одним столом сидят Надя Красильникова, Ира Ратафия, Лёша-лесник и Коля-моряк.

582. **Чжан 54.** *Моя Липовка начинается в "красном" углу избы, на конце лавки, у краешка стола.*

Там помещается только один человек.

Он прислоняется спиной к рисовой сололке, прикрепленной к стене, и пьёт чай.

Следующий круг – большой стол, вокруг которого на двух длинных лавках сидят люди: моя семья и наши гости.

Круг побольше – пространство избы с печкой, кроватями, сундуком, китайским фонариком у книжной полки.

Ещё один круг – дом целиком под общей крышей с сенями, клетью, чердаком, мостом, верандой и крыльцом.

Ещё круг – моя земля, огороженная забором, с клумбами цветов, с двумя берёзами, вишнями, калиной, яблоней, огородом, туалетом, малиной, крапивой, бурьяном и уже за изгородью – картофельным полем, заросшим травой и жёлтыми цветами.

Ещё круг – деревня с её улицами, домами, колодцами, мельницей без крыльев, садами, огородами, овцами, козами, коровами, лошадьми, собаками и людьми.

Ещё круг – Липовский погост, заброшенная ферма, кузница, пекарня, Старица, Чёрное Озеро, бесчисленные ручьи и пруды, широкие луга, леса сосновые, дубовые, берёзовые, пересечённые дорогами и тропинками.

Ещё круг – река Мокша, деревни Демушкино, Рожково, Ласицы, Шевали-Майданы, Мыс Доброй Надежды, шоссе от Ласицы до Сасово, от Сасово до Кадома.

Ещё круг – Рязанская область, Россия, Земля, весь мир.

Когда я тихо сижу в своём углу, мне кажется, я что-то воспринимаю от ушедших людей.

От своего старинного друга, с которым я скоро сравняюсь в летах.

От своей бабушки, которая так любила лес, грибы, ягоды.

От прежнего хозяина дома, бондаря, которого я никогда не видел и которого баба Люба называла "старик-горюн".

То, что воспринимается от ушедших людей, называется Дэ.

То, что распространяется подобно кругам на воде, называется Дэ.

От высокой древности до этого часа стекается ко мне, от меня до пределов мира растекается.

Моё место на границе времени и пространства.

Я должен быть спокойным и прозрачным, чтобы не создавать запруды движению потока.

583. Письмо Наде Красильниковой в Липовку с пометкой «для Рустама» из посёлка Максатиха Калининской области от 15 февраля 96-го года: «Здравствуй Рустам! Сразу хочу начать с того, чтобы ты на меня не обижался за то, что я тебе напишу обо всём, что ты хотел так сильно узнать. Знаешь, я не буду тебе лгать и притворяться, зачем мучить человека и давать лишнюю надежду. Рустам, ты очень милый, добрый, спокойный, я к тебе отношусь очень хорошо. Но, извини, я тебя не люблю так, как ты меня. Мне очень не хотелось писать эти слова, но ты сам захотел, чтобы между нами не было никаких недомолвок. Понимаешь, мне с тобой было очень хорошо, спокойно. Я ни о чём не думала, а просто отдыхала. Я думала, что мы с тобой будем друзьями, но ошиблась, когда получила письмо от тебя, где ты пишешь, что ты любишь меня. Если честно, то я была очень шокирована, потому что в деревне ты себя не проявлял никак, и я думала, что ты ко мне относишься по-дружески, не больше. Но видишь, как всё обернулось, я к тебе так же отношусь, как и летом, а у тебя всё намного серьёзнее. Рустам, давай будем с тобой друзьями! И не обижайся на меня за такие слова, ты сам хотел услышать правду, может, у нас с тобой что-нибудь и получится. Надо дождаться лета и потом всё обсудить. По письмам трудно что-то решить, для меня, например. Ну вот, вроде бы, и всё, что я хотела по этому поводу написать. Теперь напишу немного о себе и своей жизни. По-прежнему занимаюсь бизнесом, в свободное время хожу на дискотеки, иногда посещаю ресторан. Вот и все развлечения, правда, иногда хожу на дни рождения. А так, в основном, сижу дома, читаю книги, слушаю музыку разную. Кстати, и нашу совковую тоже приходится слушать, т.к. Женин жених помешан на ней. Вот и приходится вместе с ним слушать. Кстати, Женька летом собирается замуж выйти. Не знаю, приедет ли она в Липовку с мужем или без него; конечно, вряд ли он её одну отпустит. Надо будет подать идею насчёт медового месяца, чтобы отдохнули в деревне. Насчёт Любки ничего теперь не знаю,

поедет она или нет со своим парнишкой. Сам подумай, зачем хвосты за собой везти, все хвосты обрубаем. Как у вас там погода, весны ещё не ощущаете, хотя рановато ещё. Как же вы там будете жить, когда лёд растает? У нас тут по-прежнему температура колеблется от -20°C до -10°C . Ну, что тебе ещё интересного написать, даже не знаю. Женька передаёт тебе большой привет. Вот ещё что, ты пишешь, чтобы я тебе выслала фотографию, так ведь у тебя должны быть фотки наши ещё с лета. Я тебе выслала бы, конечно, но у меня, к сожалению, нет. Мне будет очень приятно, если ты мне вышлешь свою. Рустам, ещё раз прошу, не обижайся на меня! Ну, вот на этом я и заканчиваю. Пока! Если захочешь, то пиши! Алёна».

584. *Чжан 55. Хотя совершенное Дэ наполняет весь мир, оно распределено в нём неравномерно.*

В Липовке оно подходит к самой поверхности.

Его можно впитывать кожей, вдыхать с воздухом, вбирать с солнечным светом днём, с лунным светом ночью.

Приезжая в Липовку, я становлюсь подобным новорождённому.

Здесь нет ядовитых змей, только ужьи скользят в траве около Старицы и Чёрного Озера.

Здесь нет свирепых зверей, только зайцы петляют по лесу и своими тропами ходят лоси.

Здесь нет хищных птиц, только утки кружат над лугами или сорока перелетит с огорода на огород.

Из моих костей уходит жёсткость, из мышц – напряжение.

Сердце становится мягким, а дух – чутким.

Чтобы достичь этого состояния, люди отгораживаются от мира глухой стеной и уходят внутрь себя в асанах, пранаямах и медитациях.

В Липовке, наоборот, все отверстия открываются, завесы падают и мир вливает в меня свой покой.

Наверное, таким был мир в изначальной целостности до разделения на мужское и женское.

Все мои души в Липовке кричат с утра до вечера и не охрипнут.

Мои руки работают трудную работу и не болят.

Мои ноги без усталости ходят по всем дорогам в лесах и лугах.

Липовка совершенно гармонична.

Её постоянство – как небо над головой.

Её мудрость – как земля под ногами.

Как вода наполняет озёра, радость наполняет жизнь.

Уезжаешь из Липовки – будто погибаешь раньше времени.

585. Я возвращаюсь ко времени «Деревенского дневника». В конце февраля 96-го года я приехал к Рустаму в Липовку на несколько дней. Об этих днях у него ничего не написано в дневнике. Но сохранились фотографии, которые я разглядываю. Большинство из них было сделано

на прогулке по Чёрному озеру. Мы шли вдвоём: я – на лыжах, Рустам – пешком.

586. Рустам в тёмно-жёлтых вельветовых штанах, в сером свитере, в телогрейке и тёмно-коричневой шапке-ушанке. Стоит на дороге, засыпанной снегом, и улыбается мне. Сидит у полыньи Чёрного озера в обнимку с собакой Булькой, прислонившись спиной к стволам деревьев, и смотрит куда-то вдаль, а может быть, внутрь себя. На широком снежном просторе под веткой свисающей с шишками стоит и смотрит на меня, не улыбаясь, задумчиво. Эта серия фотографий как-то особенно дорога мне, потому ли, что мы вместе, хотя и на несколько дней, потому ли, что уже как бы предчувствуется мой отъезд и расставание, потому ли, что нет никого вокруг и одни мы в целом снежном свете, потому ли, что я так долго вглядывался в эти снимки, когда оформлял «Деревенский дневник», потому ли, что...

587. Почему-то время «Деревенского дневника» кажется мне каким-то особенным. Будто из потока единого времени выпала вдруг капля липовской зимы 96-го года, да и застыла вне потока, тихо вращаясь, а по её зеркальной поверхности перемещаются мгновения, отражённые на снимках. И будут они так вращаться до окончания времён. А я буду вглядываться до самой своей смерти, а если смерть не конец, то и дальше и дольше до окончания вечности.

588. **Чжан 56.** *Тот, кто знает, не говорит.*

Тот, кто говорит, не знает.

Выйду к берегу Чёрного Озера.

Найду в кустах припрятанную лодку-долблёнку.

Выплыву на середину воды.

Очень чуткая лодка – чтобы не перевернуться, нужно сидеть неподвижно, ничего не желать, ни к чему не стремиться, не пытаться доплыть, не пробовать грести, отказаться от страстей, освободиться от суетливости, избавиться от целей, отбросить мысли, потерять чувства, забыть своё сердце.

И тогда лодка-долблёнка – лёгкая как пушинка – сама скользнёт вдоль Озера, расступятся жёлтые кубышки и белые кувшинки, шелохнётся тростник, отразятся деревья в воде.

Лодка замрёт на середине Озера.

Только так и можно поймать рыбу в чёрной прозрачности чистой воды.

Чёрное Озеро и я.

Друг другу не родственники.

Друг другу не чужие.

Друг от друга не ждём выгоды.

Друг другу не причиняем вред.

Друг друга не возвышаем.

Друг друга не унижаем.

*Рыба плывёт в глубине, шевеля плавниками.
Я не ловлю рыбу. Рыба не ловит меня.
Чёрное Озеро черным-черно.
Лодка-долблёнка подобна белой пушинке травы.*

589. Из письма Рустаму от 28 февраля 1996 года от Лены, внучки Валечки «Бауковой», правнучки бабы Любы: «...Извини ради бога, что не ответила сразу на письмо. У меня было и есть очень много проблем. Но ведь лучше поздно, чем никогда. Мне было очень приятно получить от тебя весточку, да тем более с фотографией. Большое тебе спасибо. Это был глоток «липовского воздуха»... Ну чем тебя порадовать - даже не знаю. Похвалиться нечем. Жизнь как в сказке: чем дальше, тем страшнее. Приехала из Липовки - поступила в институт (политехнический), но это не моя стихия. Даже первую сессию не стала сдавать, бросила, т.к. заболел Алёшка. Лежала с ним в больнице... Прошу только, не читай письмо всем подряд, у меня так плохо на душе, и своими проблемами хочу поделиться только с тобой. По-моему мы неплохо понимали друг друга как друзья, хотя толком ни ты, ни я ничего друг о друге не знаем. Не очень весёлое получается письмо, но значит такова и моя жизнь... Сейчас не могу найти себе работу, а работать надо бы, да и дома сидеть надоело. Но мне как всегда не везёт. Такие «красивые» и без высшего образования плюс без конкретной профессии нигде не нужны. Так что вся я в делах и заботах. Лето вспоминаю - беззаботное было время, да ещё детские годы. Мне тут недавно 20 лет стукнуло, а чего я добилась в жизни? Одна радость - сын. Вот я всё о себе, да о себе. Ну, а как ты? Разобрался со своими трудностями? Ты пиши всё, что у тебя на душе (если хочешь, конечно). Дальше меня это никуда не пойдёт. Да и ты не говори моей бабке, что я пишу тебе, а то она обидится, я ведь ей ещё ни одного письма не написала. Стыдно конечно, но опять же не хочется расстраивать её...»
590. Из письма Рустаму от 6 марта 1996 года из Лианозово: «Привет Бишкек! С огромным приветом из Москвы пишет тебе Сергей! Вот решил написать пару строк про свою «босятскую» жизнь. В данный момент у меня государственные экзамены, и в пятницу вынесет мне постановление Государственная Экзаменационная Комиссия, а потом дипломный проект. Major сейчас план не курит (почти!!!?), он занимается боксом. Пьёт энергетические напитки (порошки) для bodybuilding от фирмы Weider. Одну баночку я себе тоже купил, чтобы вскачнуть немного «бицуху». Андрей работает и торчит. Мы больше не вмазываемся, уже полгода. Зато чуть не подсели на heroin. Героин, Бишкек, - ЗЛО».
591. *Чжан 57. "Страна управляется справедливостью. Посредством недеяния овладевают всем миром."*
*"Что за чушь!" – сказал Город, и я поехал в Липовку.
Как много в мире сырых и убогих.
Как много беспорядков и смуты.*

*Как много в мире странных явлений.
Как много воров и разбойников.
С древних времён люди стали гораздо более умными, знающими,
умелыми и искусными.
Только деревья, трава и цветы, похоже, ничуть не изменились.
"Люди стали такими умными!" – сказала мне трава на лугу
Липовки.
"Люди теперь так много знают!" – сказали мне сосны в лесу
Липовки.
"Люди научились делать такие изощрённые вещи!" – сказала мне
вода Старицы.
"Всё идёт к тому, что скоро на земле наступит всеобщее
благоденствие и все люди будут счастливы." – сказала мне пыль дороги.
Ветер пронёсся над Липовкой и унёс все слова в облака.*

592. Последняя, незаконченная, запись в «Деревенском дневнике» сделана 10 апреля 1996 года. Для меня, да, думаю, и для Рустама, время его «зимования» в Липовке закончилось в начале мая, когда приехали мы с Кадриёй, да не одни, а в составе группы из 11 человек с моей работы вместе с нашей канадской менеджершей. Со стороны Nortel`я наш проект опекали, прежде всего, два человека и оба, по странному стечению обстоятельств, китайцы. Это Спенсер Ченг, крупный специалист в области computer science, занимавший высшую неадминистративную должность архитектора системы. Он был родом с Тайваня, и это он стал основным инициатором и вдохновителем нашего проекта, это он нашёл наш институт в России несколько лет назад и предложил заключить контракт с Nortel`ем. И его подопечная Хелен Вонг, совсем молодая девушка, которая стала менеджером нашего проекта. Она была родом с острова Маврикий, где жили её родители и родственники, и никогда не была в материковом Китае. Мы прозвали её Еленой Маврикиевной. Когда она приехала в Москву, мы предложили ей съездить в рязанскую деревню ради экзотики и того, что по английски называется team-building – «выстраивание группы (команды)», а по-русски соответствует поговорке: «ничто так не спаивает коллектив, как коллективный выезд загород».
593. Мы ехали на поезде, в купейных вагонах. Но для Хелен и это было экзотикой – вагоны, в которых можно спать. На западе принято ездить на поездах недолго, а если долго, то лучше лететь самолётом. Так она, по-моему, и не спала всю ночь. Потом автобус – от Сасово до Рожково. Спустились с Рожковской горы и подошли к Мокше. На том берегу реки нас уже ждал Рустам. Тогда около Рожково была большая лодка на тросе и переправились мы довольно быстро. Погода стояла солнечная, тёплая, мы шли по дорожке, петляющей по лугам и вдоль речки Панинки от Мокши до Старицы.

594. На Старице была резиновая лодка, Рустам сел за вёсла, и долблётка, которой управлял Утконос. Коля, конечно, был уже немного выпивший, а долблётка – весьма неустойчивой, норовившей перевернуться при каждом неосторожном движении. Хелен сидела в долблётке, так вцепившись руками в борта лодки, что пальцы у неё побелели.
595. Прибыв на место, мы, конечно, первым делом сели за стол. Я разглядываю фотографию. За длинным столом, уставленном закусками и выпивкой, тесно сидят люди, не только приезжие, но и Рустам с парой своих друзей. Один из них, как оказалось, фельдшер, потом сумел вынуть кость, застрявшую в горле жены Лёши Демакова, аспиранта с моей работы (сейчас он уже кандидат наук, и у него другая жена). Я разглядываю фотографию. Около окна сидят рядом Хелен и баба Люба, а между ними – большой букет распустившихся ландышей.
596. Мы гуляли по окрестным лугам и лесам, ребята сложили поленицу дров, наколотых накануне Колей-Утконосом, изготовили стол, который мы используем до сих пор. А ещё проводили научные совещания, расположившись на траве около забора моего дома. Погода в начале мая неустойчивая, и на фотографиях ребята то загорают на солнце, голые по пояс, то кутаются в ватники, которых у нас тогда было много.
597. **Чжан 58.** *"Когда реформы осуществляют, они не идут. Когда о них забывают, перемены происходят."* – так сказала мне чёрная гусеница на зелёной ветке ивы.
- И попросила отойти подальше, собираясь превратиться в куколку.*
- Я сидел на берегу Старицы и смотрел, как день превращается в ночь, свет - в темноту, тепло - в холод, ветер - в тишину.*
- Куколка чёрной гусеницы похожа на осколок бесчувственного камня, она совершенно не может ползать.*
- Но как иначе войти в превращение и стать красной бабочкой и полететь в синее небо, когда снова наступит утро?*
- Человек потерял своё солнце в глубокой древности.*
- Счастье и несчастье, добро и зло не имеют постоянства.*
- Кто знает их границы?*
- Кто может разделить их?*
- В деревушке земной души человека квадрат земли не разделяет, его грани не режут, его углы не колют, его свет не слепит.*
598. Со Спенсером и Хелен мы до сих пор поддерживаем связь, мне приятно вспоминать, как мы вместе работали, как я подарил Спенсеру пару своих «китайских» картин тушью в его первый приезд в Москву в 1994-ом году, как мы были в гостях у Спенсера и его жены Джоселин, и несколько раз у Хелен, как они учили нас играть в маджонг, как они были у нас в гостях в Москве. В Липовке у нас хранится подарок от Хелен – два деревянных бочонка для соли и перца, сделанные на острове

Маврикий и так хорошо подходящие к деревенской избе в рязанской глуши.

599. Кстати, Хелен подарила мне ещё и маджонг: я как-то спрашивал её, нельзя ли где-нибудь купить эту игру, в то время в Москве она не продавалась. Мы заразили этой игрой всю Липовку, а Рустам – ещё и своих московских друзей. Теперь и у Нади Красильниковой в деревне есть свой собственный маджонг. В Липовке особенно приятно было сидеть за столом, пить чай, строить «китайскую стену», выкладывать яркие кости на стол, держать их в руках – они приятны на ощупь. Игра довольно азартная, засиживались за полночь, и в особо напряжённые моменты принимали «допинг» – маленькую дозу вина или водки, от чего становилось и теплее и веселее. Рустам хорошо играл в маджонг, но теперь уже мы с ним не сразимся за одним столом.

600. Думаю, как раз в мае закончилось деревенское отшельничество Рустама, а может быть, оно кончилось ещё раньше, когда в апреле приехали в Липовку его друзья. Дальше было лето и возвращение из Липовки ближе к осени.

601. **Чжан 59.** *Иметь глубокий корень и прочный ствол.*

Идти путём длинной жизни и долгого видения.

Чтобы достичь этого, нужно быть бережливым и воздерживаться от растрачивания.

Это подобно устройству русской печи, около устья которой я сижу, отдыхая, и изредка бросаю поленья в глубину огня.

Русская печь топится долго, много дров я бросаю в неё, яркое пламя полыхает внутри, а кирпичи – всё ещё холодные.

Прежде чем отдавать тепло, она долгое время копит его в себе.

И только к утру кирпичи прогреваются, на лежанке становится даже жарко.

Зато тепло от печи согревает избу долго-долго, равномерно исходя от её стен.

Кто ярко вспыхивает, быстро сгорает, превращаясь в холодный пепел.

Помаленьку, без лишней спешки копи в себе силу Дэ.

И тогда не будет непреодолимого.

И тогда не будет предела.

И тогда расширишь до границ мира.

Накопление рождает распространение.

Поглощение рождает рассеивание.

Покой рождает движение.

Материнское инь рождает ян.

602. Письмо Наде Красильниковой в Липовку с пометкой «для Рустама» из посёлка Максатиха Калининской области от 19 мая 96-го года: «Здравствуй Рустам! Извини за то, что так долго не отвечала на твоё

письмо, просто очень занята была последнее время, особенно перед праздниками. Рустам, я постараюсь летом приехать хотя бы на 2 недели, если поеду, то только в конце лета, потому что в начале лета Женя хочет выходить замуж. Знаешь, мне кажется, что ты многого от меня требуешь, я не могу тебе так с ходу ответить на твои вопросы. Я думаю, что мы с тобой это выясним тогда, когда я приеду. Хотелось бы иметь фотку твою, мне всё равно, один ты на ней будешь или с кем-то ещё. Насчёт твоего вопроса про мою любовь к другому человеку, то могу тебе сказать со всей откровенностью, что у меня нет такого человека. Я ещё не встретила пока такого человека, ну, а так друзей у меня много, с которыми я общаюсь. Я думаю, что в этом ничего страшного нет, их у всех девчонок хватает, так что я не исключение. У меня даже были случаи, когда мне предлагали замужество, но я отказываюсь, потому что без любви не смогу жить с человеком. Все мои знакомые удивляются, почему это я ещё замуж не вышла. Ещё знаешь, в чём дело, в том, что у меня очень тяжёлый характер. Про таких, как я, говорят «люди настроения». А оно у меня меняется очень часто, даже слишком часто, да ещё я же родилась под знаком Весов. Я постоянно всё взвешиваю и поэтому мне очень тяжело что-то выбрать или сделать выбор. Из-за моего характера очень многие люди страдают, но я не могу ничего с собой поделать. Так что имей это ввиду. Может, конечно, это тебе не очень интересно. Ну, а так вроде бы жизнь продолжается, живу вроде бы не плохо. Вот и весна, наконец, пришла, на улице становится теплее, солнце светит намного больше и греет тоже. Ну, вот, пожалуй, и всё, что хотела написать. Пока! Целую! Алёна».

603. *Чжан 60.* Жизнь человека подобна приготовлению блюда из мелкой рыбы.

Дао-путь – это путь спокойствия и осторожности.

Небесные и земные духи встречаются здесь и не смешиваются.

Поскольку не смешиваются, они не вредят людям.

Нужно, чтобы и человек не вредил людям.

Небесная душа человека хунь и земная душа человека по не должны вступать в отношения взаимного уничтожения.

Тогда человек не будет вредить сам себе.

В Липовке небесное мягко опускается на землю, а земное выявляет свою небесную сущность.

Дороги в Липовке будто плывут над землёй, но не поднимаются выше верхушек деревьев.

Дома в Липовке росли в землю, а крышами упираются в небо.

Человек Липовки будто только что снял повязки с обожжённого тела и воспринимает мир молодой кожей.

Отнесись к нему со спокойствием и осторожностью.

604. Летом 95-го и 96-го годов мы особенно подружились с семейством Семёна Шилклопера: его женой Наташей Шляпниковой и сыном Ромой.

Они купили себе дом в Липовке одновременно с Сашей Третьяковым. Помню, Наташа рассказывала, как они ходили вместе с Третьяковым и смотрели два предлагавшихся на продажу дома, оба на Посёлке, недалеко друг от друга: один каменный, а другой деревянный, рядом с ПалБорисычем. Наташе очень понравился деревянный дом: светлые, крепкие брёвна будто светились. Но приоритет был у Третьякова: мы его первого привезли в Липовку. И Наташа всё думала: хоть бы он выбрал каменный дом, хоть бы он выбрал каменный дом. И Третьяков выбрал каменный – ему просто лень было заниматься домом, а бревенчатая изба, какой бы хорошей она ни была, требовала постоянной заботы и всякого мелкого ремонта.

605. Кстати, об этом каменном доме, единственном в деревне, рассказывают такую историю. Хозяином его был местный председатель, которого не любили в деревне. Он был безжалостен, мог за «колоски» упрятать человека в тюрьму, выдав властям, кажется, именно он способствовал разрушению деревенской церкви (раньше Липовка была селом). Однажды деревенские так осерчали на председателя, что сожгли его дом. Тогда он заставил их построить ему новый дом, каменный. А через некоторое время он в этом доме повесился, почему, уже никто не помнит, но говорят, вроде как совесть замучила.
606. Шилклоперы приходили к нам в гости всем семейством, включая двух своих пуделей: коричневого и чёрного. Первого звали Чарсик, он появился у них давно ещё щенком. Второго звали Гудвин, он был приبلудный – просто пристал к ним в Москве, когда Наташа выгуливала Чарсика, да так и остался у них. Они души не чаяли в своих пуделях, а те этим пользовались и были довольно-таки невоспитанны. Когда они влетали в нашу избу, наша кошка Бася пробегала по стене и столу, и выпрыгивала в окно, а за ней выпрыгивали и пуделя. Хозяйева их за это вроде как журили, точнее пыталась журить Наташа, тогда как Семён просто весело хохотал.
607. Вообще Семён был, да, наверное, и остался большим ребёнком, которому нужен уход и надзор со стороны женщины. Наташа рассказывала, как они встретились. К ней в гости пришло много друзей, а среди них оказался незнакомый ей молодой человек, которого звали Семёном. Наташа нажарила картошки и стала её раздавать, попросив каждого остановить её, когда будет положено уже достаточно. Все так и делали, но когда очередь дошла до Семёна, случилось непредвиденное: Наташа накладывала ему картошки, а он молчал, она ещё накладывала, а он продолжал молчать. Наташу охватил ужас: картошки теперь не хватало на всех, а Семён упорно молчал. Он так и не сказал «хватит», просто тарелка переполнилась. Так они и познакомились. В этой истории – весь Семён, и вся Наташа.
608. *Чжан 61. Ручей стремится к реке, река поглощает ручей.*

*Потому что река находится ниже ручья.
Река стремится к морю, море поглощает реку.
Потому что море находится ниже реки.
Ученик приходит к Учителю и служит ему.
Но истинное служение осуществляет Учитель, передавая
Ученику своё знание.
Ученик находится ниже Учителя.
Но цель учения – сделать Ученика выше Учителя.
В споре каждый стремится доказать свою правоту и победить
противника.
Но истинной победы достигает тот, кто терпит поражение и
признаёт правоту другого.
Ведь после спора он становится больше, чем был до этого.
Большинство людей старается приехать в Липовку на машине.
Это быстрее, удобнее и легче.
Но истинный путь в Липовку может быть пройден только
пешком.
Люди стремятся быть наверху и не хотят оказаться внизу.
Они стремятся к победам и избегают поражений.
Они стремятся к независимости и не любят служить другим.
Это значит, что они хотят по своему жизненному пути
проехать на машине.
Я не знаю, куда они так торопятся?
Почему они не хотят идти по мокрой траве, подставив лицо –
солнцу, грудь – ветру, ладони – головкам цветов?
Похоже на то, что богатство, слава и высокое положение
даются людям из сострадания к их ущербности.
Благородный муж избегает этих трёх вещей.
Великому полагается быть внизу.*

609. Несколько лет подряд мы приезжали в Липовку вместе с Шилклоперами встречать Новый год. Наташа была нашей Снегурочкой, а Семён – Дедом Морозом, тем более, что белая борода у него настоящая. Потом они затеяли строить дом под Москвой. Готовую бетонную коробку купили задёшево, но так много нужно было ещё сделать, и это так дорого стоило. Наташа брала сверхурочную работу, она была инженером, специалистом по сантехнике или что-то в этом роде. Наверное, она просто надорвалась. Помню Наташа Селиваненко рассказывала: «Звоню я Наташе, говорю, мы вот в Липовку собираемся ехать, а та отвечает: А мне по барабану. – Может быть, и вы поедете с нами? – А мне по барабану». Наташа умерла внезапно от сердечного приступа в 2003-м году.
610. Разглядываю фотографии. Липовский вернисаж 2003-го года во дворе дома Лены Камбуровой. Накрыты столы, много народу, на стенах и заборах развешаны фотографии Ирины Лаврецовой из Петербурга –

подруги Лены, с которой они долгие годы проводили вместе липовские дни. За столом сидит Семён, что-то ест, но вид у него – никакой. Его пытается утешить Крупа: «Что же поделывать теперь. Крепись, дружок». Это слово «дружок», наверное, было в устах Надежды Николаевны каким-то особым, я никогда ни раньше, ни позже не слышал его от неё. Я спрашиваю Семёна «ну, как?», и он отвечает «плохо, совсем плохо». Больше Семён в Липовку не приезжал. Только сын его Рома продолжает бывать каждое лето, чтобы повидаться со своим другом Лёшей-лесником. Семён говорит: «Дети, конечно, воспринимают смерть матери не так остро, как муж – смерть жены. Это естественно».

611. Через несколько лет Семён уже пытался найти себе женщину, и мы поддерживали его в этом: он был совсем не приспособлен жить один. Первый опыт оказался неудачным. Молодая женщина, с которой он приехал к нам домой в Москве, тоже на Новый год, всё время разговаривала сразу по двум мобильникам, а Семён не выглядел ухоженным. Никакого сравнения с Наташей она не выдерживала. Зато вторая попытка оказалась удачной: женщина, более близкая к его возрасту, чем-то даже напоминала Наташу. Мы встречались с ней на вечерах Клуба «Подвал №1». Только в Липовку они не приезжают.

612. *Чжан 62. Дао-путь защищает и поддерживает всех людей одинаково: и хороших, и плохих; и добрых, и недобрых; и следующих пути, и не следующих пути.*

Человеку трудно достичь этого.

В Липовке это почти удаётся.

Кто-то украл тыкву с моего огорода: может быть, Кулёк, может быть, дядя Лёша, может быть, "Святой", может быть, кто-нибудь ещё.

Я немного подумал и простил его.

Коля Хват напился вина и пропал.

Прибежала его жена Нюра и кричала на меня благим матом.

Она думала, что это я напоил её мужа.

Я немного подумал и не стал обижаться на Нюру.

Липовка – всего лишь деревня.

Здесь не приходится выбирать соседей.

Тот, кто пытается это делать, рано или поздно покидает Липовку.

В Липовке начинаешь понимать: нехорошо не любить всех людей одинаково, нехорошо выбирать себе друзей, нехорошо сближаться с добрыми людьми и покидать недобрых людей.

Говорят, что в древности Дао ценилось дорого.

В то время люди не преследовали целей и прощали друг друга.

613. В то лето 96-го года Семён Шилклопер привёз в Липовку старую байдарку, которую ему кто-то подарил. Собирать он её не умел, и за дело взялся я. На фотографии Семён символически «разбивает» о борт

лодки бутылку водки, рядом я, Наташа и, конечно, Чарсик, уже выхватывающий из её рук какую-то закуску, а за нами – вода Старицы.

614. В то лето в Липовке гостили моя сестра Ирина с мужем Сашей Белохвостовым. Были и обе мои племянницы: Ира и Катя. Они остановились всей семьёй в доме Третьякова. Я разглядываю фотографию. Веранда наша уже построена, только стёкла в окна ещё не вставлены. Из одного окна выглядывают Кадрия и Ира (маленькая), из другого – машет рукой Катя. И все немного жмурятся от света клонящегося к западу солнца.
615. Мы с Катей обследовали на байдарке всю Старицу. Почти всю: ещё один рукав я увидел на следующий год, а самый последний, самый дальний и, может быть, самый таинственный, кусочек – в мае этого, 2008-го года. Мы с Катей фотографировали Старицу и её берега. Передо мной разложен целый веер этих снимков: земля, вода и небо. Почему-то Рустам не катался с нами на байдарке, а ведь он любил и умел плавать на ней. Или он был уже в Москве, или просто проводил всё время с липовскими друзьями и подружками. Я не помню.
616. Потом Ирина с Сашей тоже купили избу в деревне где-то на севере от Москвы, тоже далеко, но с асфальтом, подходящим к дому, без наших непролазных липовских дорог. Как-то до сих пор мы так и не побывали у них в гостях, хотя они нас звали. Даже мама моя, когда ещё немного выходила за пределы квартиры, поехала с ними и даже купалась в водохранилище, которое подходит близко к дому. А мы так и не собрались. Может быть, мы с Кадриёй ещё съездим к ним, но Рустам уже нет.
617. **Чжан 63.** *Строя планы, старайся не строить планы.
Делай так, как будто не делаешь.
Пробуя на вкус, не думай о том, что считается вкусным.
На ненависть лучше всего отвечать добром.
Есть лёгкие дела, и есть трудные дела.
Есть малые вещи, и есть большие вещи.
Когда я приехал в Липовку, молоток не хотел забивать гвозди,
лопата не хотела копать землю, кисть не хотела красить потолок.
Как я преодолел это?
Липовка научила меня спокойствию.
Я стал делать только лёгкие дела.
Когда лёгких дел было сделано много, оказалось, что сделано и
трудное дело.
Я стал делать только малые вещи.
Когда малых вещей было сделано много, оказалось, что сделана и
большая вещь.
Соседи сказали: "Глаза боятся, а руки делают".*

Самое главное: к лёгкому делу отнесись как к очень трудному, на малую вещь смотри как на очень большую.

Теперь в моём доме в Липовке можно жить.

С огорода можно носить овощи и зелень.

Пройти путь нетрудно, ведь ноги сами двигаются.

Просто не мешай им – и всё.

Наслаждайся покоем.

618. Если не ошибаюсь, в августе 96-го года состоялся первый липовский вернисаж. Он проходил на веранде и около веранды в доме Лены Борисенко на Выползне. Инициатором был Саша Белугин, который гостил тогда у меня в Липовке. Лена вывесила свои фотографии, а я, Саша и Наташа Селиваненко разместили свои акварели. Ещё были детские рисунки, а после вернисажа – детский спектакль, который организовала Лена.
619. Это стало традицией – каждое лето я устраивал такие вернисажи в Липовке: у Лены Борисенко, в моём доме и в доме Наташи Селиваненко. За правило я взял выставлять только те картины и читать только те стихи, которые были созданы в деревне тем же летом. Так у меня образовались циклы липовских картин и липовских стихов. Некоторые тексты создавались как развёрнутые надписи к акварелям, а некоторые картины – как иллюстрации к стихам. Например, так появился цикл хайку и рисунков тушью «Хайку-Липовка-1998-Лето». Я тогда написал:
620. «В деревне Липовка, что затерялась среди лугов и лесов на границе Рязанской области и Мордовии, этим летом я сочинял свои хайку. Потом нарисовал к ним картинки и наклеил на перфорированную бумагу для принтеров. Получилось четыре свитка. Я повесил их на стене веранды, прикрыл сверху чистой бумагой и скрепил стеблями травы. Несколько раз собирались люди на моей веранде: и отдыхающие горожане, и местные жители. Я немножко рассказывал о японских и русских хайку. А потом вынимал стебли травы один за другим, открывая картинки и читая стихи. Теперь, уже в Москве, я сделал из этих свитков WEB-страничку. Может быть, вы что-то увидите *здесь*, может быть, вы что-то *увидите* здесь, может быть, вы *что-то* увидите здесь, может быть, *вы* что-то увидите здесь».
621. Когда Белугин бывал у меня в гостях, мы устраивали вернисажи вместе, он тоже выставлял свои работы. Это стало как бы летним вариантом вечеров Клуба «Подвал №1». Осенью мы воспроизводили в Москве липовский вернисаж на одном из вечеров Клуба. Вот странно: мы с Сашей всегда воспринимали липовские вернисажи как «ответвление» Клуба, а теперь, уточняя даты, я вижу, что это «ответвление» возникло на год раньше самого Клуба. Так что, наверное, у Клуба два корня: «маллармеанские семинары» Вадима Берова и липовские вернисажи.

622. В Москве Саша работал с детьми – учил их рисовать. И в Липовке он собирал соседских детей, занимался с ними, и потом на вернисаже мы показывали не только свои, но и детские рисунки. Помню, как Настя Матеу выставила восемь своих акварелей, которые всем очень понравились, к тому же Саша, говоря о её работах, сумел найти нужные слова, которые были не просто приятны, но, наверное, стимулировали творчество. Осенью в Москве Настя приезжала с папой Володей на вечер Клуба «Подвал №1» и снова показывала свои картины. А потом, мне рассказывали, Настя продолжала рисовать, участвовала в каком-то детском конкурсе и заняла призовое место.

623. Володя Матеу говорил мне о моих липовских хайку: «Если бы это была испанская поэзия, я бы с тобой поспорил». Дело в том, что Володя – сын «испанского ребёнка»: во время войны в Испании многие дети испанских коммунистов были вывезены в СССР. У Володи есть брат Алик, который живёт в Испании. В 2008-м году он приезжал в Липовку, но я его не застал, а Таня, жена Володи, рассказывала: «Липовка ему очень понравилась, вот только к комарам нашим он оказался совсем не приспособлен. Когда уезжал, всего его ноги были покрыты красными пятнами от укусов, будто крапивница». Так на очередном нашем вернисаже появились две картинка карандашом «Липовские очерки об Испании» и две ответные картинка «Липовские очерки о Липовке» «неизвестного липовского художника», которым, как я подозреваю, была сама Таня Матеу. Этим же летом у меня гостил Владимир Борисович Микушевич, который, как оказалось, в своё время переводил с испанского стихи отца Володи, Матеу Хулио Мартинеса. Вот так теснота мира наглядно проявляется в деревне Липовка.

624. *Чжан 64. Начальная трудность.*

Путешествие в Липовку начинается с одного шага.

Как распознать росток желания и не дать заглушить его сорняками дел?

Чтобы сердце твоё не объела смута, начни путь в Липовку, когда ещё ясен день и нет дождей.

Движение начинается внутри.

Ты ещё в городе: листаешь утреннюю газету, или отвечаешь на телефонный звонок, или сидишь в вагоне метро.

И вдруг понимаешь: ты уже в пути.

Бегство и Великая мощь.

И вот ты в Липовке.

Кто действует – потерпит неудачу.

Кто старается удержать – потеряет.

Но ты убежал.

В Липовке незачем действовать.

В Липовке нечем владеть.

Ты идёшь сквозь утренний туман, ты поднимаешься вместе с солнечным лучом, тыходишь в лес и твои мысли смешиваются с мыслями деревьев, ты идёшь по луку и шёпот цветов проникает в тебя, тыходишь в воду Старицы и вода смывает старое, тыходишь на высокий берег и, подставив грудь ветру, возвращаешься домой.

На закате дня, глядя вслед умирающему солнцу, тыощущаешь великую мощь в центре своего тела и лёгкое покалывание в кончиках пальцев.

Ещё не конец.

Путь завершается возвращением.

Отнесись к нему с той же осторожностью, что к началу пути.

Ты возвращаешься на дорогу, по которой идёт большинство людей.

Теперь ты можешь действовать, потому что Липовка – внутри тебя, и твоё действие будет лишь следовать естественности вещей и событий.

Свет падает сквозь стекло окна на страницу газеты.

Это другой луч, но его послало всё то же солнце.

И ты понимаешь, сидя в вагоне метро, что это

Ещё не конец.

625. На первых вернисажах публики было немного: участники, их друзья и соседи. В 98-ом году, на «хайку», все они поместились на нашей веранде. Но постепенно о вернисажах узнавала вся деревня, приглашённые приводили с собой других людей, те просили приглашать их в следующий раз. Так что последние годы перед вернисажем мы обходим (или объезжаем на машине) всю деревню и раздаём заранее отпечатанные или написанные вручную приглашения. Теперь народу собирается много: и местные жители и приезжие, на удивление много приходит детей. Последние годы я несколько раз уже хотел было отказаться от проведения вернисажей. Всё же это отнимает много времени и сил, а когда приезжаешь в Липовку всего на две недели, хочется просто отдохнуть. Ну, грибы пособирать, погулять по лугам и лесам, покупаться, пообщаться с друзьями, может быть, даже порисовать немножко, но только не устраивать массовые мероприятия. Да и всё должно иметь свой конец. Но пока не получается – первое, что меня спрашивают по приезду в деревню, когда вернисаж будет?
626. Лучшее всего вернисажи проходили в доме Наташи Селиваненко, которая и сама была непременным их участником. В её избе достаточно просторно (за счёт отсутствия лишней мебели), много места на стенах, которые мы занавешивали чёрной материей. Эта материя – вообще-то «укрывной материал» для грядок, я её позаимствовал у Кадрии. К тому же около дома Наташи прекрасная полянка с видом на закат с одной стороны, и на деревенский погост – с другой. На этой полянке хорошо проводить вторую часть вечера. Только последний вернисаж 2008-го

года пришлось устраивать около моего дома, потому что изба Наташи стала разваливаться, и она боялась, что дом не выдержит большого наплыва народа.

627. Формат вернисажа обычно такой. Сначала собираются гости, рассматривают картины, вывешенные на стенах (или на заборе, если дело происходило на улице), фотографируют, общаются. Для деревни это ведь повод встретиться и пообщаться, но просто так собрать столь большое количество людей невозможно – нужен какой-то ритуал, и вот таким ритуалом стали наши вернисажи.
628. Начинается «официальная» часть. Ведущий, обычно им бывает Саша Белугин, рассказывает о теме вернисажа и представляет участников. Художники рассказывают о своих работах, читаются стихи, поются песни. Для развлечения публики мы устраиваем разные конкурсы. Например, был конкурс на самый художественный гриб – не изображение, а гриб настоящий, в тот же день или накануне сорванный в ближайшем липовском лесу. Разумеется, раздаются символические призы. На «грибном конкурсе» это были немецкие пряники в форме большого сердца – их привезла Улла, но они уже засохли и стали твёрдыми, и меня попросили расписать пряники акварельными красками. На фотографиях видно, что награждённые были очень довольны.
629. Потом все вываливаются на улицу (если дело происходило в избе). Здесь уже стоят столы с закуской и выпивкой. Последние годы мы радикально решили проблему того и другого: устраиваем конкурс кулинаров, так что стало не просто вдоволь еды и напитков, но можно ещё и продегустировать разнообразные блюда, приготовленные гостями, старающимися сделать что-нибудь особенно интересное, вкусное и необычное. На полянке гости сидят, стоят, лежат. Действие продолжается: ещё читаются стихи, но больше поются песни. На завалинке усаживаются самые певучие липовские бабушки и приезжие. Появляется гитара, а то и гармонь. Заканчиваем, когда уже стемнело. Тогда участники вернисажа и самые близкие их друзья собираются более тесной компанией, обычно у нас на крыльце. Пьём, закусываем и поём песни до самой ночи.

630. **Чжан 65.** *Дао – это не знание, а незнание.*

Стремление к знанию подобно стремлению к комфорту во время путешествия.

Но истинный путь проходит в труднодоступных местах, под открытым небом, навстречу дождю и ветру.

Не доверяй знанию – оно создаёт иллюзию понимания и лишает человека чуткости восприятия и мудрости осознания жизни.

Тот, кто следует знанию, целиком подчиняется его командам.

Тот, кто следует Дао, прислушивается к велениям своего сердца.

*Трудно управлять народом, когда у него много знаний.
Вовсе не требуется управлять народом, когда он следует Дао.
Знание посленебесно.*

Оно иерархично, оно стремится наполнить, оно раскрывает, оно делает мир ясным, а человека – твёрдым, оно подобно лучу прожектора на вышке.

Дао прежденебесно.

Оно хаотично, оно стремится опустошить, оно скрывает, оно делает мир смутным, а человека – мягким, оно подобно побегу в ночной темноте.

Знание – это сущность всех существ, но приводит их к смерти.

Дао противоположно всем существам, но приводит их к жизни.

Только в Великом Пределе знание исчезает, возвращаясь к Беспредельности Дао.

Я встречался со многими людьми знания.

Это впечатляет.

В конце концов я уехал в Липовку, чтобы встретиться с бабой Любой.

631. Я пишу о липовских вернисажах, потому что они составляли заметную часть нашей деревенской жизни. Хотя Рустам в этом не участвовал, предпочитая проводить время с липовскими друзьями и подружками. Как-то не было у него интереса к художественному творчеству. Впрочем, если не считать наших с Кадриёй эпизодических попыток рисовать в туристических походах, я ведь начал серьёзно заниматься акварелью только на волне увлечения Китаем, когда мне было уже тридцать пять лет. А Кадрия приступила к масляной живописи ещё позже, уже после темперных экспериментов у Вити Николаева в 87-ом году. Рустам не дожил до тридцати пяти лет.
632. Оглядываясь на свою жизнь, я думаю, как много того, до чего он не дожил. И хотя последние годы не оставляли оптимистических надежд, и казалось, что неустроенность личной жизни, отсутствие работы, призвания, стремлений, водка, наркотики и депрессия, порождённая всем этим и порождающая всё это, вообще бесконечная череда неудач и неприятностей, какая-то чёрная полоса его жизни, которая, казалось, закрывала свет, и ничего хорошего не предчувствовалось в будущем, всё же нам не дано предугадать, что будет, что может быть. А теперь я могут говорить лишь, что могло бы быть. Смерть переводит будущее время в сослагательное наклонение.
633. **Чжан 66.** *Плывут облака по воде Старицы.
Дожди уходят в землю, становится твёрдым песок дорог.
Падает снег на великую ширь снежных полей.
Копятся талые воды, на лодке плыву по поднявшейся речке
Панинке до самой пекарни у края Липовки.
Если хочешь подняться вверх – иди вниз.*

Если хочешь оказаться впереди – оглядывайся назад.

Если не будешь бороться – станешь непобедимым.

Разве осень выше лета?

Разве зима впереди осени?

Разве весна борется с зимой?

В круговороте вещей никто никому не в тягость, и никто никому не вредит.

634. Летом 96-го года Рустаму исполнилось двадцать три года. Ему оставалось жить одиннадцать лет. Я разглядываю липовские фотографии Рустама из «Зелёного альбома». Это был его альбом, отдельный от наших общих альбомов, в который он отбирал фотографии по своему усмотрению. Там нет подписей и дат, но порядок более-менее хронологический. Снимки сделаны в разных липовских домах, где собиралась молодёжь, в том числе и в нашей избе, а ещё на природе: около Старицы, в лесу, во дворах деревни. Рядом с ним его друзья и подружки, о многих из них он пишет в «Деревенском дневнике». Они пьют, закусывают, курят, целуются, танцуют, дурачатся, спят вповалку. У него было много друзей, слишком много. Его любили, и он тоже хотел любить.
635. Одна фотография отличается: Рустам стоит на коньке крыши на фоне синего неба, по которому плывут белые облака. Он развёл руки в стороны то ли для равновесия, то ли в попытке обнять небо, то ли просто дурачится, сложив пальцы, будто указывая на что-то мне невидимое, или знаком “V” – «виктория», победа. Кажется, что ветер развеивает его широкие штаны, его свободную рубашку навывпуск, его длинные густые волосы. Красивая фотография, единственная в своём роде. Он стоит на коньке крыше, а за ним только небо.
636. Дальше идут фотографии с Ольгой, много фотографий. Наверное, тогда больше всего ему хотелось любви. Не помню, когда – в 96-ом или на год раньше, наверное, в мечтах о такой любви, в предчувствии, в поиске, он пишет в письме Кадрие: «Кажется, я влюбился во взрослую женщину». Это была Лена Борисенко, много старше его. Конечно, то была мимолётная влюблённость, возникшая скорее от самого желания любить, тогда же и прошедшая. То же самое, я думаю, было и с Алёной из Максатихи – Рустам её полюбил как бы заочно, скучая в Липовке в одиночестве.
637. Я уже должен писать про Ольгу. Но я оттягиваю этот момент, как могу, описывая всякие липовские истории, Иру Ратафию, Колю Панина, Утконоса, визит Хелен Вонг, маджонг, путешествие с Катей по Старице на байдарке, Наташу и Семёна Шилклопер, вернисажи, Володю и Настю Матеу, Лену Борисенко, Алёну из Максатихи, Рустама на коньке крыши.
638. В ноябре мы с Кадриёй праздновали нашу серебряную свадьбу. На фотографиях Саша Белугин и Вадим Беров, Вера Евушкина, Люда

Василенкова и её друг Виктор, Ира Ратафия и Коля Панин, Наташа Селиваненко и Саша Третьяков. Нет только Рустама. То ли он не попал на снимки, то ли ушёл куда-то, посидев с нами немного, скорее всего, ушёл к Ольге, говорит Кадрья.

639. Пора писать про Ольгу.

640. **Чжан 67.** *Я гулял по ту сторону Чёрного Озера.*

Возвращаясь лугами, попал я в особое место, где травы склонились, где ветер исчез, сияло небо, тишина царила, приблизился одинокий дуб, приподняли головки дикой гвоздики цветы, два белых облака остановились над головой.

Это был перекрёсток Пути.

Великий Путь ни на что не похож.

Так тонок, что не ухватишь рукой!

Осенняя паутинка проплыла у моего лица.

Глазами сердца увидел я три драгоценности силы Дэ.

Первая называется "просто люби людей".

Вторая называется "держись середины".

Третья называется "не стремись быть впереди других".

Кто из людей способен ограничиться этим?

Тот, кто просто любит людей, мужеством превосходит самого храброго воина.

Тот, кто держится середины, способен расширяться до границ мира.

Тот, кто не стремится быть впереди других, увлекает за собой всех людей.

Только в алом тумане гвоздик, только в тени одинокого дуба, только под белым облаком ещё хранится эта простая истина.

Кто из людей способен ограничиться этим?

Порыв ветра унёс паутинку.

Вдали послышались голоса и лай собаки.

641. Я буду рассказывать историю любви Рустама и Ольги. Они познакомились в Липовке, наверное, раньше, но полюбили друг друга летом 96-го года. Липовский дом родителей Оли, Алексея и Тамары Лепуховых, находится на той же улице, что и наш дом, на Кутке, но подальше, рядом с домом Валечки «Бауковой»: «значит мадам Лепухова и Баук соседями оказываются».

642. Я буду рассказывать историю любви, историю несбывшихся надежд, разрушенной мечты и обманутых ожиданий. Точнее, за меня эту историю расскажут их письма друг другу, я только попытаюсь добавить свои комментарии и пояснения. Я начну с первых шести писем, имеющихся в моём распоряжении. Если эти письма не произведут на вас впечатления, хоть отчасти схожего с тем, которое они произвели на меня, значит вам не нужно читать и мой текст, может быть, вы вообще

зря открыли эту книгу и напрасно потратили время, читая или перелистывая её до этого места.

643. Два письма, написанных в один день: Ольга – Рустаму и Рустам – Ольге. После лета 96-го года Рустам уехал в Казань, наверное, это было связано с бегством от армии.

644. Ольга – Рустаму, 30 августа 1996-го года:

Дорогой мой Рустам!

Как здорово, что у меня есть возможность написать тебе! Сейчас утро, ты, наверное, уже приехал в Казань, а у нас в Беляево ещё все спят. Не смогла написать тебе вчера, но я молодец – до самой ночи не проронила ни одной слезинки. Надеюсь, ты тоже себя не так уж плохо чувствуешь.

Сергею деньги отдала, он был просто счастлив. Вчера поехал ночевать к Никите, сегодня утром возьмёт билет и уедет домой. Знаешь, что он сказал мне на прощанье? «Быть добру». И тебе просил передать тоже. Так что, все уехали. Конечно, я не совсем одна, но после Липовки мне тошно общаться с ними со всеми. Остались только камушки да чётки.

Читала вчера эту книгу [книга о магии – И.Б.]. Не знаю, что ты почувствовал, какую «тёмную энергию», но я просто не могла её понять. То есть, мне нужно было перечитывать каждый абзац по два раза, чтобы не терять нить повествования. А вообще-то, я вчера ничего не понимала ни в чём.

Переписала себе «Уход в иной мир». Если хочешь, напиши мне, и я перепишу тебе такие записи. Кстати, я придумала, по какой системе мы будем переписываться. Эти два письма придут скорее всего, одновременно. Так вот, ты на это письмо не отвечай, а ответь на следующее. А я получу твоё и сразу напишу ответ. Так и станем делать в дальнейшем. Понял?

Да, ещё одно. Максим (твой брат) говорит, что на одной из плёнок, снятых в Липовке, присутствуют кадры со вмазкой. Что будем делать? Ладно, через пару дней это будет известно точно, пока же не будем паниковать.

Я тебя люблю. Просто об этом трудно писать, нельзя выразить словами, что я чувствую. А раз так, зачем зря марать бумагу. Извини за почерк, у меня дрожат руки. Всё будет хорошо, только верь в это и жди. Главное, что мы любим друг друга, и пока хоть у одного из нас хватит сил, не стоит отчаиваться. У нас куча вариантов:

- а) что ты найдёшь здесь работу,
 - б) что я переведусь в Казанский институт и найду там работу,
 - в) что я что-нибудь наколдую по этой ловкой книге о магии,
 - г) что мы оба всё бросим и убежим от всех куда-нибудь,,
- (и т.п.).

Рустам, обязательно напиши мне обо всём, что с тобой происходит, все мысли, все впечатления. Мне всё интересно знать. Но на это письмо не отвечай, жди следующего. И помни: я люблю тебя, только тебя, и всегда любила. Не грусти. Целую.

Ольга.

P.S. Как ты думаешь, твои камушки можно крутить как чётки? Не удивляйся, если я скоро научусь. Люблю тебя. Оляна.

645. Рустам – Ольге, 30 августа 1996-го года:

Любовь моя, моё счастье, здравствуй!

Оленька, радость моя, как я и обещал, сразу по приезде пишу тебе это письмо. Вернее, пытаюсь писать, так как слов у меня просто нет. Что я могу сказать тебе, кроме того, что я умираю без тебя. Я люблю тебя, я люблю тебя, я не могу жить без тебя. Мне очень трудно писать, хочется обнять, поцеловать тебя, увидеть твои глаза. У меня просто дрожат руки, и вообще я сейчас начну плакать, как последний идиот. Я всю ночь не спал, всё думал о тебе, вспоминал разные ситуации, когда мы были вместе. Ольга, я тебя люблю, я люблю тебя так, как никого ещё не любил, я схожу с ума. Буквально через несколько часов после отъезда поезда я понял, что скоро вернусь, что не смогу без тебя.

Ладно, попытаюсь остановить этот поток признаний. Доехал нормально. В Казани сегодня грандиозный праздник – день независимости республики. Это нечто грандиозное. Везде флаги, транспаранты, концертные площадки. Народу уйма. Правда, я хоть и погулял по городу, мне до всего этого было мало дела. Я как сомнамбула ходил среди всего этого веселья, слушал Ника Кейва и думал только о тебе. Даже не знаю, что ещё написать тебе. Дяди моего сейчас нет, и вернётся только в воскресенье (загружен работой). Сейчас закончу писать и сяду смотреть «Скользящие», купил сегодня 9 и 10 части. Что-то я всё о себе да о себе; ну, а как ты там? Как живёшь, как дела? Всё ли у тебя хорошо, любовь моя? Чем занимаешься? Как дела в институте? Напиши, уехал ли Сергей, и, если уехал, то когда? Как там ребята, чем занимаются? Передавай им всем привет и мои самые наилучшие пожелания. Вот сейчас пишу, а сам думаю, чем ты занята, что делаешь. Я люблю тебя. Я не могу передать, как я люблю тебя.

Милая моя, моя звёздочка, как мне одиноко без тебя, но ничего, всё будет хорошо. Я обещаю!

Заканчиваю своё письмо. Извини, что оно такое короткое, просто не могу больше писать.

До свидания. Люблю, целую, скучаю.

Рустам.

646. *Чжан 68. Жизнь есть искусство управления людьми.*

Тот, кто говорит, что живёт сам по себе и предоставляет другим свободу поступать также, по-видимому, вынашивает наиболее коварные планы.

Но истинный воин не воинствен, умеющий сражаться не жесток, побеждающий врага не нападает.

Это называется Дэ, избегающее борьбы.

Это сила в управлении людьми.

Дождь не борется с жарой.

Просто сгущаются тучи и потоки воды устремляются на землю.

Солнце не борется с водой.

Просто тучи рассеиваются и лучи согревают землю.

Липовка не борется с городом.

Просто здесь тихо и воздух чистый.

647. Ещё два письма Рустаму от Ольги, написанных в начале сентября. Наверное, в это время Рустам тоже писал Оле, но у меня нет этих писем. Их нет и у Ольги, я спрашивал. Их вообще теперь нет. Я думаю, Оля уничтожила их, когда они расстались навсегда. Я не могу её за это винить, как бы мне ни хотелось увидеть те письма, ещё хотя бы пару строк, написанных рукою сына.

648. Ольга – Рустаму, 6 сентября 1996-го года:

Дорогой мой Рустам!

Я ещё не получила твоё письмо, но у меня нет больше терпения, чтобы его дожидаться. Я теперь буду писать тебе независимо от получения твоих писем (если они будут), тогда, когда становится совсем невыносимо.

Спокойствие моё внезапно ушло куда-то, вместо него напала тоска и подавленность. Мне очень плохо без тебя, любимый мой. Я даже не могла себе представить, как трудно мне будет жить вдали от тебя. Воспоминания с каждым днём становятся всё неотвязнее, всё больше захватывают меня, всё глубже проникают в душу. Чаще всего вспоминаю, конечно, Липовку. Она для меня - гарантия нашего с тобой благополучия, символ близости и тепла, простоты и доверия в отношениях. Какие-то сцены из нашей тамошней жизни особенно отчётливо видятся мне, какие-то смутно вспоминаются во сне. Помнишь, как мы пошли к колодцу знакомиться с соседскими девушками? Это было так весело - незло подкалывать друг друга, притворяться возмущёнными! А помнишь, как ходили за ежевикой? У меня ещё не прошли царапины...

Совсем грустно и одиноко становится, когда слушаешь музыку. Особенно, Ника Кейва. Знаю, что ты тоже его слушаешь. И может так случиться, что мы будем одновременно слушать одно и то же, как будто мы вместе.

Когда ты обнимал меня и говорил, что любишь, я была счастлива и уверена, что всё будет хорошо. Но дни идут, и с каждым днём моя

уверенность тает. Я начинаю сомневаться в тебе и в любви вообще. А ведь прошло всего восемь дней. (Или целых восемь дней?)

Что бы я ни делала, я всё время думаю о тебе. Просто не могу не думать. Я так скучаю по тебе, единственный мой! Мне так хочется быть с тобой, хочется позвонить и сказать: «Приезжай, любовь моя, приезжай скорее, или я умру!» Но нельзя, нельзя. Я должна говорить: «Не спеши, осмотришь, устроишь свою жизнь, а потом уже думай обо мне».

Иногда меня злость берёт на судьбу: почему всё так по-дурацки сложилось? Я уже замучила всех: первый мой вопрос, когда я прихожу домой - «А писем нет?» Ответ же всегда один. И ты не звонишь...

Вечером, приходя домой, я долго сижу в темноте на кровати, зажав твои камни в ладонях. И пока они согреваются, я мечтаю о более счастливой жизни и строю планы на будущее. (Напиши мне, как себе представляешь свою жизнь.)

Ну вот, опять в горле ком. Мне кажется всё время, что я что-то упустила, не всё сделала или сказала. Кажется, что зря потратила лето. Помнишь, ты хотел вернуть время назад? Теперь я тоже этого хочу, хотя и не знаю, что конкретно я бы изменила. Но знаю одно: я не отошла бы от тебя ни на шаг, не обидела бы тебя ни словом, ни жестом, запретила бы силой тебе пить и не подпустила бы ни к одной девчонке. Вот тогда-то ты был бы только мой!

Впрочем, я больше всего на свете хочу, чтобы ты был счастлив. Хорошо, если со мной, а если нет - что ж?... Живу одной мыслью: ты приедешь на мой день рождения. Только, если не будет получаться, ты скажи мне заранее, я тогда уеду в деревню. Но не разочаровывай меня, пожалуйста. Я ведь очень тебя люблю, ты знаешь это. Ну, всё, счастливо. Частичка моей души отправится с этим письмом в долгий путь. (Боже, как ты далеко от меня, Рустам!) Нежно целую тебя.

Твоя Оляна.

649. Ольга – Рустаму, 9 сентября 1996-го года:

Здравствуй, единственный мой!

Только что получила твоё письмо и теперь прыгаю по квартире с ним и смеюсь. Вот на минутку присела и решила сразу же писать ответ.

Рустам, я тебя люблю! Ты, только ты мне нужен! Я так скучаю по тебе, просто погибаю без тебя! Я люблю тебя, всегда любила и всю жизнь буду любить.

Кажется, сейчас я расплачусь. Так хочется бросить всё и найти тебя, где бы ты ни был. Мне почему-то сегодня весь день мерещишься ты, я всё время встречаю похожих на тебя людей, вздрагиваю, оборачиваюсь - в общем, веду себя как полная идиотка. Это не смешно, это паранойя!

Почему ты не звонишь? Я каждый вечер жду чего-то, сама не знаю чего. Но подпрыгиваю от каждого звонка.

Не знаю даже, что ещё написать. В институте всё хорошо, коллектив чисто женский, весёлые профессора, интересные лекции. Только очень невесело возвращаться одной после занятий. Хочется, чтобы тебя кто-то где-то ждал. А мне спешить некуда. А в остальном всё ничего. Нашла себе работу в маминной фирме. Пока что интересно.

А как ты там без меня? Не знаю, почему, но я последнее время за тебя беспокоюсь.

Пиши мне почаще, а лучше звони. Кстати, в твоём письме полно ошибок, я так и знала. Но не меняйся, делай больше ошибок, я тебя люблю таким.

Ну, вот, поговорила с тобой по телефону, стало полегче. Как я хочу, чтобы ты приехал! Хочу обнять тебя, поцеловать и сказать: «Ты у меня один, единственный, любимый мой, мой родной! Я люблю тебя больше всего на свете. Ты мой самый дорогой человек».

Ну, всё, больше сказать нечего. Я люблю тебя. Не забывай меня. Да, и если будешь выпивать с друзьями, подними тост за тех, кто не с нами, но думает о нас. Это о Серёге. И ещё один за российскую почту – самую быструю в мире. И скажи: «Быть добру!»

До свидания. Люблю, целую, скучаю.

Ольга.

650. **Чжан 69.** *Липовка мягка и податлива.*

Люди едут на поезде, потом на автобусе, переправляются через Моцшу, идут по лугам.

Река становится рубежом для них.

Ветер лугов освежает их.

Травы лугов принижают их.

Одинокие дубы дарят им своё одиночество.

Вода Старицы дарит им свою тишину.

Дальнего леса вершины дарят им свою даль.

Облака над головой дарят им своё мгновение.

Цветы и кузнечики под ногами окончательно сбивают их с толку.

На этом долгом пути у людей остаются только добрые намерения.

Жизнь – это война и мир.

Тот, кто отвергает войну, нарушает равновесие и приводит мир к состоянию всеобщей войны.

Истинный путь вносит мир в войну, а не войну в мир.

Принцип пути: "Не смея быть хозяином, поступай как гость. Не смея продвинуться вперёд на вершок, отступай на аршин назад".

Это называется двигаться, не шевелясь, наносить удар, не поднимая руки, отбрасывать, не противясь, одерживать победу без боя.

Так поступает Липовка.

Искусство войны в том, чтобы подставить другую щеку.

*Рано или поздно противник отобьёт себе ладонь.
Побеждает тот, кто делает это с сожалением.*

651. Ещё два письма, написанных в один день: Рустам – Ольге и Ольга – Рустаму.

652. Рустам – Ольге, 14 сентября 1996-го года:

Здравствуй милая моя Оленька!

Получил от тебя письмо, за которое огромное тебе спасибо. Ты не можешь себе представить, как я был счастлив, читая строки, написанные твоей рукой. Я хочу сказать тебе, что сейчас твои письма – это единственное, что доставляет мне радость. Хотел написать, что у меня всё нормально, но не буду обманывать ни тебя, ни себя. Не хочется казаться слабым, но мне сейчас очень плохо и одиноко без тебя.

Я люблю тебя. Я люблю тебя с каждым днём всё сильнее и сильнее, если это вообще возможно. Мне очень тебя не хватает. Со мной такого ещё никогда не было. Я не знаю, как смогу дальше жить без тебя. Иногда, когда я начинаю задумываться об этом, мне становится страшно. Мне начинает казаться, что ты разлюбишь меня, что забудешь и найдёшь кого-нибудь другого. Извини, я наверное пишу глупости, но просто вдали от тебя мне всё начинает казаться в чёрном свете. Когда я начинаю думать, что ты можешь быть с кем-то, мне хочется немедленно всё бросить, приехать к тебе и услышать, что ты всё ещё меня любишь. Дорогая, милая моя, нет таких слов, чтобы описать мои чувства к тебе. Знай, никто и никогда не любил тебя так, как люблю тебя я.

Недавно разговаривал по телефону с матерью, она пообещала придумать что-нибудь с работой, так что вполне вероятно в начале октября я буду уже в Москве и смогу увидеть тебя. Кстати, мама сказала, что практически уже договорилась насчёт жилья. Просто в Казани я жить не могу. Здесь у меня никого нет, кроме родственников. К тому же сейчас нет никакого дела, и это меня окончательно убивает. Будь я хоть чем-то занят, то, может быть, смог бы хоть как-то, хоть немного отвлечься от мыслей о тебе. При нынешнем же положении я просто постепенно схожу с ума. Я не могу ни о чём думать, кроме тебя. Иногда мне кажется, что вот сейчас раздастся звонок в дверь, я открою и на пороге будешь стоять ты, но, к сожалению, это только пустые мечты. Хотел ещё раз написать, что люблю тебя, но понял, что это абсолютно не передаёт тех чувств, которые я испытываю. Оленька, радость моя! Напиши, как ты живёшь. Все мысли, все чувства, пиши обо всём. Какие у тебя отношения в семье, какие дела у вас в тусовке. Кстати, передавай ребятам большой привет.

Да, вот ещё что: скажи своей сестре, что я очень бы хотел, чтобы она написала мне пару строк. Я буду ей очень признателен. Не знаю, что ещё написать тебе. Нахожусь словно в какой-то прострации. Всё время вспоминаю Липовку и дни, проведённые там вместе. Сейчас мне кажется, что все эти годы, которые мы встречались в Липовке, да и в Москве тоже,

все эти дни, часы, минуты мы могли бы провести гораздо лучше, но я тут же думаю, что впереди у нас всё самое прекрасное. Я верю в это, и ты тоже должна верить, ведь мы любим друг друга, а это главное. Не грусти и помни: всё будет хорошо.

Я люблю тебя!

Целую!

Рустам.

P.S. Обязательно посмотри фильм "На игле".

Люблю тебя.

653. Ольга – Рустаму, 14 сентября 1996-го года:

Здравствуй, мой любимый!

Что-то письма идут слишком долго. Ожидание изматывает. Слава Богу, что я могу писать тебе хоть каждый день, от этого легче. Не стану рассказывать тебе, как я люблю тебя, как печалюсь и как жду. Ты сам всё это знаешь. Я надеюсь, что у тебя всё это ощущается так же остро, как у меня.

Расскажу тебе о жизни вообще, не касаясь личных переживаний. В принципе, всё у нас нормально: Запря ссорится с Матвеевой, Конст дарит Верке подарки, а мы с Пуфом ведём длинные и скучные разговоры. Вчера написала письмо Сергею. Интересно, ответит ли он мне. У нас уже неделю идут дожди, и очень холодно. Я, как всегда, заболела с первыми холодами и поправлюсь теперь только весной. Это нормальное явление. Прочитала уже пол-книги, почти всё поняла, многое получается. Скоро наколдую чего-нибудь нужное (например, тебя). Слепила новые чётки, неплохо получилось. В отличие от тебя я много пью, но в Беляево по-другому и нельзя, ты знаешь. Столик наш сломали, теперь сидим в Коньково, но ограниченным числом людей. Наверное, тебе всё это неинтересно.

Знаешь, я последние дни очень за тебя беспокоюсь, не знаю почему. Ты мне снишься каждую ночь, и я весь день о тебе думаю. Еду домой из института, например, и представляю, что вот выйду из метро на Беляево, а там ты меня ждёшь. Опять ты мне мерещишься, не знаю, куда деваться. А волнуюсь я потому, что у меня плохое предчувствие, и уже несколько дней болит сердце, а это дурной признак. Утром просыпаюсь и хватаюсь за телефон – узнать, всё ли в порядке с тобой. Но в последний момент останавливаюсь – вдруг ты подумаешь, что я свихнулась, если звоню каждое утро? Впрочем, это скоро так и будет, по-моему. Ты – моя навязчивая идея. Ночью не могу заснуть, всё вспоминаю, как мы с тобой в деревне жили: к Наде за продуктами бегали, массаж друг другу делали, к Лене в гости ходили. И всё время жду письма или звонка. А на улице дождь, и в душе у меня дождь и серое небо. Ты так нужен мне сейчас! Да и всегда, но сейчас особенно. Посещают бредовые идеи: а не сорваться ли на выходные к тебе? Я себя утешаю: ничего, всё будет хорошо, скоро мы

будем вместе. А кто-то внутри меня спрашивает, ехидно так: «Когда?! Не строй иллюзий, он тебя забыл». А я приказываю ему заткнуться. А он опять... Вообще, вопрос: «Когда?» для меня сейчас основной.

Знаешь, я всё время представляю тебя разным. Вот сегодня утром вспомнила, каким ты был в тот день, когда мы познакомились. А сейчас у меня перед глазами вокзал и твой последний взгляд. Очень больно вспоминать о прошедшем счастье, но от воспоминаний никуда не деться.

Ты, наверное, чувствуешь, когда я обращаюсь к тебе (а письма для меня своеобразная форма разговора с тобой, мой монолог). Опять ты позвонил. Я опять не успела сказать тебе что-то очень важное, самое главное. Но ты обещал перезвонить вечером, тогда я тебе во всём признаюсь. (И опять о чём-то не смогу сказать.) Я так люблю тебя, мой милый. Желание быть с тобой становится уже просто невыносимым. Я люблю тебя, Рустам. Я не могу без тебя. Я погибаю, потому что тебя нет рядом. Я схожу с ума от того, что не могу обнять тебя и увидеть твою улыбку. Когда ты приедешь ко мне, я не отойду от тебя ни на шаг, где бы ты ни был. Я так люблю тебя!

Ну, вот, обещала не рассказывать тебе о своих чувствах, а сама... Заканчиваю это письмо, на глазах слёзы, в корле ком. Главное, чтобы ты помнил, что Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, Рустам, и очень жду. Крепко целую тебя (1000 раз).

Твоя любимая.

654. *Чжан 70.* Слова о Дао легко понять.

Дао-путь легко осуществить.

Но люди не могут понять и не могут осуществлять.

В словах – уходящая в смутную высь череда моих предков.

В делах – уходящие в туманную ширь круги моих современников.

В человеке есть два человека.

Один прячется.

Другой всегда на виду.

Один не имеет имени.

У другого много имён.

Один как ребёнок, который ещё не рождён.

Другой проживает жизнь и движется к смерти.

Одному десять тысяч лет.

Другой едва появился на свет.

Когда я сажусь на ступеньку крыльца, и моя кожа чувствует прохладу утра, и мои глаза видят поднимающееся солнце, маленький человек внутри меня радуется и громко смеётся.

Когда приходится уезжать из Липовки, потому что зовут дела и невыполненные обязательства, маленький человек внутри меня злится и дерётся кулаками.

От этого становится больно.

Может, и вправду нужно одевать грубую шерсть на голое тело, а за пазухой носить драгоценную яшму?

655. Я уже прожил достаточно долго, чтобы понять: любовь даёт человеку такую опору в жизни и наполняет жизнь таким смыслом, которые не может ему дать ничто другое. Конечно, в жизни нужны ещё и работа, призвание, вера, если она у вас есть, нужны дети, и многое другое, но любовь делает нечто особенное, что нельзя подменить ничем другим. В любви человек теряет себя, чтобы обрести себя, его сердце болит и потому живёт, любовь – единственный способ разделить одиночество на двоих, превращая его из основы смерти в основу жизни, любовь отождествляет жизнь и смерть. Тот, кто верит в Бога или не верит в Бога, может понимать любовь как слияние сердец, предвещающее слияние с Богом или слияние с миром после смерти или до рождения. «Я умираю без тебя» означает «я умираю в тебе – я оживаю в тебе». Любовь подобна рождению, она вызывает такой же восторг и такой же ужас, и крик «я люблю тебя» подобен первому крику новорождённого.
656. Но любовь, рождающаяся всегда внезапно, даже если она имела длинную предысторию, взрывающаяся подобно сверхновой звезде, – любовь требует продолжения. Она строит планы, рождает надежды и ожидания и требует их осуществления. Как начало новой жизни, любовь требует самой этой жизни, любовь растворяется в новой жизни, и человек может говорить: «это было до, а это было после». Но если жизнь не возникает, любовь умирает, умирает в мучениях, и человек умирает вместе с ней, он становится другим, но остаётся всё тем же, как если бы у птицы в полёте отрезало крылья, и она продолжает лететь, но этот полёт – падение.
657. В жизни человека может быть только одна любовь. Если её не было, не было и жизни. Если было несколько любовей, значит не было ни одной. Сколько бы человек ни обманывал сам себя, в глубине души всегда и рано или поздно в сознании он понимает, что любовь была только одна, а всё остальное, что было до, – только мечта о любви, и всё остальное, чтобы было после, если любовь умерла, – только попытка оживить то, что умерло. Я знаю, что кто-то не согласится со мной и скажет, что любил несколько раз, но это (если он не врёт самому себе) означает лишь, что было несколько жизней: человек умирал, оставаясь жить, потому что две любви не могут поместиться в одном сердце, и, значит, было два разных сердца.
658. Я понял, что люблю Кадрию, за месяц до, а поженились мы через месяц после того, как мне исполнилось 23 года. В 96-ом году Рустаму исполнилось 23 года. Я думаю, его любовь к Ольге и была той единственной, которая может называться любовью. Теперь я понимаю это, а тогда не понимал. Не знаю, понял ли это Рустам позже, много позже? Думаю, что понял, и это было плохо для него.

659. У меня есть ещё пять писем Рустаму от Ольги и одно письмо Ольге от Рустама, написанные позже. Сначала я пытался выстроить порядок писем (не все они датированы) и хронологию событий, но в какой-то момент отказался от этой затеи. Я мог бы попросить Ольгу приехать, я усадил бы её на кухне, налил чаю, а сам взял бумагу и ручку. Я буду спрашивать и записывать ответы, она будет нервно курить и о чём-то всё равно не скажет. Я не стану этого делать, потому что в этом «деле» не будет показаний другой стороны – Рустама.
660. Эта история, эта любовь, эта жизнь скрыты от меня за туманной пеленой. За пеленой неизвестности – о чём-то не знал я тогда, о чём-то не знаю сейчас, о чём-то не узнаю никогда. За пеленой жизни – собственная жизнь заслоняет от меня жизнь Рустама, сколько угодно могу я кричать, что Рустам и его любовь были тогда важнее всех событий моей жизни, казавшихся такими значимыми, а теперь я уж и не вспомню их, только крик мой гложет в пустоте, и не дожидаться мне ответного эха, нет эха. За пеленой памяти – эта сука не желает хранить плохое, будто сумасшедший маляр высветляет прошлое до некрашеного грунта. За пеленой слёз – моё глупое сердце ничего больше не может, только биться в стеклянное окно смерти, как воробей – глупейшая из птиц. За этой туманной пеленой лишь угадываются очертания, тени, движения и голоса, из этого тумана вдруг выступают лицо Рустама, лицо Ольги, лица обоих, их руки, обнимающие друг друга, их глаза, что смотрят друг на друга, а кажется, что на меня, – застывшие, как на фотографиях из «Зелёного альбома».
661. *Чжан 71. Уловленное боковым зрением, не увидишь прямо.
 Смутное чувство не поддаётся осознанию.
 Внутренний голос не запишешь на диктофон.
 Темноту не разглядишь при свете лампы.
 Внезапное просветление – что познаёшь в нём?
 Истина существует.
 Её знают деревья. Попробуй спроси у них.
 Её знает трава. Попробуй спроси у неё.
 Её знает облако. Попробуй спроси у него.
 Только человек ничего не знает.
 А то, что люди называют знанием, – всего лишь пёстрая одежда,
 под которой всё одно и то же, всё одно и то же голое тело.
 Болеть своей болезнью – значит быть здоровым.
 Только в Липовке я не беспокоюсь ни о чём, потому что устал
 беспокоиться.
 Здесь я чувствую себя совершенно здоровым.*
662. Ольга – Рустаму в Липовку, 6-7 января, предположительно, 97-го года:
 Здравствуй, мой любимый!
 Не знаю, когда ты получишь это письмо, и получишь ли вообще.
 Сейчас ночь с 6 на 7 января, 23:55, почти Рождество. И встречаю я этот

праздник без тебя. Ты сейчас далеко, очень далеко от меня, и я почти физически ощущаю это расстояние. Я сижу на кухне, пью чай с лимоном, я одна в квартире - все ушли в гости. А у меня нет сил веселиться, целый день не могла заставить себя встать с постели, и только к вечеру смогла выйти из дома к Пуфу за фотографиями. Теперь смотрю на них и думаю о тебе. Прошёл Новый год, а мне всё кажется, что я многого тебе не сказала, что должна была сказать. Прежде всего, хочу попросить у тебя прощения. Теперь, когда у меня было время всё взвесить и обдумать, я сознаю, что была не права во многом, если не во всём. Прости меня. За то, что пыталась ограничить тебя в чём-то, навязать своё мнение, что часто злилась и грубила. Наверное, я в большей степени виновата во всех наших проблемах, чем ты. Но ты тоже должен меня понять, вернее не должен, а просто я прошу тебя: пойми! Мне всё время кажется, что я тебя теоряю, что я отодвигаюсь для тебя на второй план, в то время как ты для меня - главное, ты важнее всего на свете. Под тебя я подстраиваю свою жизнь, а не наоборот. Может быть, я веду себя как эгоистка и собственница, но видеть, как все твои мысли заняты другой женщиной, водкой или друзьями, как для меня просто не остаётся ни места, ни времени, - это всё равно, что в сердце нож. Все мои упрёки, ревность, слёзы, злость - это от неуверенности в себе, в прочности нашей любви. Я ведь не смогу без тебя. Даже сейчас я места себе не нахожу, хотя не видела тебя всего 1 день. Любовь моя, я так соскучилась по тебе, приезжай скорее! Я просто схожу с ума без тебя. Прости меня за всё и приезжай. Я знаю, ты получишь это письмо, только когда приедешь в Москву, но мне кажется, что если я напишу о том, как я жду тебя, как люблю и скучаю, ты обязательно услышишь меня даже через такое расстояние, а услышав, приедешь поскорее. Моё место в жизни рядом с тобой, и нигде больше. Ну, вот, пока писала, настала полночь. С Рождеством тебя, Рустам, мой любимый! Я хочу в новом году забыть про все мелкие неурядицы, все ссоры и оставить только самое главное. А самое важное - это наша с тобой любовь. Я верю, что никто и никогда не разлучит нас. Засыпая сегодня, я мысленно перенесусь в Липовку, тихо войду в твой дом, присяду на краешек кровати и пожелаю тебе спокойной ночи. Осторожно поцелую тебя, чтобы не разбудить, и так же тихо и незаметно выйду. А потом ты будешь сниться мне всю ночь, потому что я очень люблю тебя.

Крепко целую, Олянка.

P.S. Когда мы ехали в Москву, на замёрзшем стекле машины я написала три слова: «Я ЛЮБЛЮ РУСТАМА». И это правда.

663. *Чжан 72. Что происходит, когда народ перестаёт бояться силы и власти?*

Народ сам становится сильным?

Или приходит ещё большая власть?

Тот, кто сверх меры притесняет людей, получит ответный удар.

*Тот, кто сверх меры освобождает людей, будет разочарован.
Не презирайте народ – он мудрее вас.
Он идёт срединным путём.*

Тот, кто слишком любит свободу и независимость, подобен лёгкому облаку – ветер уносит его и развеивает прежде, чем оно созреет для дождя.

Корень человека ему не принадлежит – он в том, что человека порождает.

Даже дерево засыхает, если корни его обрубить.

Разве у человека нет семьи и друзей?

Разве человека родили не отец и мать?

Разве у человека нет земли родной ему?

Разве человек – не человек?

Люди Липовки: баба Люба и тётя Дуся, дядя Петя и баба Маня, Кулёк, Лёша-цыган, Святой, Коля Хват и его жена Нюра.

Они не лишают себя удовольствия жить легко и без забот, наслаждаясь жизнью.

Каждый из них понимает это по-своему.

Но никому из них не приходит в голову перестать быть человеком.

Тот, кто разучился смотреть на небо со страхом, на землю – с радостью, на людей – с любовью, погиб преждевременно.

664. В своём письме от 14 сентября Рустам упоминает: «мама сказала, что практически уже договорилась насчёт жилья». Я об этом уже писал: «Договорились с нашей знакомой (ещё по Студии «Сокольники»), она согласилась сдавать комнату в Беляево. Но ничего из этого не вышло: чуть ли не в первый же день он собрал у себя кучу друзей, они выпили, что-то там не то разбили, не то сломали, уже не помню. Потом ещё что-то такое пару раз, и нас попросили забрать Рустама. А он как будто и не расстроился, как будто не очень-то хотел жить один. Сначала согласился, но внутренней потребности не было. Почему?».
665. Может быть, и была потребность: ведь Оля жила совсем рядом в том же Беляево. Почему же не смог он совладать с собой, ограничить себя, чтобы быть рядом с ней? «Водка и друзья», – так пишет Оля. Он никому не мог отказать, и если к нему приходили в гости, он всех пускал, предлагали выпить – он пил. Ему хотелось, чтобы всё было хорошо, а всё получалось плохо. Они оба пили, хотя Ольга, наверное, не так, как Рустам. Но было кое-что много хуже – наркотики. Я как-то услышал про Ольгу: «она и не собирается от них отказываться».
666. А друзья... Группа этих друзей осенью 96-го стала работать на компанию «Формоза». Продавали компьютеры. Каким-то боком в этом участвовал и Рустам. И вот они влезли в неприятную историю с противозаконными махинациями. Было заведено уголовное дело. И хотя

Рустам, если и был в этом замешан, то косвенно, через своих друзей, ему посоветовали на время скрыться из Москвы. И он поехал в Казань.

667. **Чжан 73.** *Сеть природы редка, но ничего не пропускает.
Небесное Дао увидишь в цветах Липовки.
Вот на обочине песчаной дороги синий-синий цветок цикория.
Проходишь мимо, будто проплываешь над землёй, какой была она
30.000 лун назад.
Вот по краю луга сине-зелёные шары перекасти-поля.
Ветер катит их по земле, один за другим, словно туманные луны
по поверхности времени.
Вот у берега Чёрного Озера голубые влажные ирисы.
Вглядываешься в изгибы распахнувшихся лепестков, будто видишь
древний танец водяного дракона в сиянии полной луны.
Вот в глубокой тени весеннего леса одинокий цветок фиолетовый
сон-травы.
В забвении стоишь рядом с ним долго-долго, пока все 30.000
лун не вернутся назад.
Кто знает причины того, что Небо не воинственно?
Объяснить это трудно и совершенномуудрому.
Внутри бесстрашен и глубок – как падающая пустота пропасти.
Внешне робок и тих – как безымянный цветок, затерянный в
высокой траве.
Такой будет жить долго.*

668. Я разглядываю две фотографии. Думаю, они сделаны в один день в вагоне поезда Москва-Казань, когда Оля вместе с нами провожала Рустама. Они сидят с двух сторон от столика. Они сфотографировали друг друга и на фотографиях смотрят друг на друга, а кажется, что они смотрят на меня, разглядывающего фотографии. Мне становится неудобно, потому что в их глазах читается любовь, но предназначается она не мне. Ещё два письма, написанных в один день: Рустам – Ольге и Ольга – Рустаму.

669. Рустам – Ольге, 28 февраля 1997-го года:

Здравствуй, любовь моя!

Милая, любимая моя Оляночка, я скоро приеду обратно к тебе. Я просто умираю без тебя. Не думал, что мне будет так тяжело, даже не тяжело, а просто невыносимо. Я люблю тебя больше жизни, больше всего на свете. Каждую минуту я думаю только о тебе. Перебираю в памяти всё, что было между нами за последнее время. Постоянно гляжу на фотографии и сердце моё просто разрывается. Всё напоминает мне о тебе: будь то зажигалка (помнишь, как мы её покупали мне после Третьяковской галереи) или плейер, который так долго был у тебя. Я люблю тебя, люблю и не могу больше жить вдали от тебя. Знаешь, когда на вокзале я смотрел на тебя через стекло вагона, то думал, что не

выдержу, плюну на всё и выпрыгну к тебе. Не знаю, что удержало меня от этого шага, но сейчас я глубоко сожалею, что не сделал его. Девочка моя, я даже не знаю, о чём писать тебе, кроме того, как сильно я люблю тебя, но на бумаге всё это не может выразить глубины моих чувств. Господи, пишу какую-то банальную чушь, но ничего на ум не приходит, я сейчас словно в шоке, ничего не соображаю. Маленькая моя звёздочка, девочка моя, моя Оляночка, ты просто знай: я люблю тебя больше всего на свете. Всё будет хорошо, любовь моя. Верь и жди меня.

Ну, что ещё. Доехал нормально, только бухал всю ночь. В Казани всё хорошо, только меня здесь ничего не волнует. Я думаю только о тебе. Напиши, как там ты, всё ли у тебя в порядке, как ребята. Я очень, очень, очень люблю тебя !!!

Рустам

P.S. Каждый вечер я целую твоё колечко и мысленно переносюсь к тебе.

670. Ольга – Рустаму, 28 февраля 1997-го года:

Здравствуй, любимый!

Извини, что не написала раньше, было очень много проблем. Это, конечно, меня не оправдывает, но так уж получилось. Сейчас утро, моему, четверг, солнца нет, идёт сильный дождь. Ну, ладно, сначала напишу о новостях.

Сегодня вечером я должна получить наши фотографии, может быть, их немного. Приезжал лесник, вчера весь вечер общались с ним. Кстати, Ирина опять пристаёт к нему на глазах у Пуфа. Посмотрим, что будет, когда он завтра приедет. Много общаюсь с Марекком, говорим обо всём, я узнала много нового о жирной твари по имени Пуф, в частности. Я, видимо, опять разобью ему морду, а Макс (твой брат) пусть ставит его на деньги. Он, оказывается, нас подставлял на каждом шагу. Теперь мы похочем. Только, кажется, я не о том пишу...

Что написать тебе? О том, что я очень люблю тебя, ты и сам знаешь. Любимый мой, мне так одиноко без тебя! Дома ко мне никто не пристаёт с вопросами, боятся задеть рану, а мне от этого не легче. Отец разрешил мне ехать к тебе, только не сейчас. Мне многие и сейчас завидуют: ни у кого никогда не было такой любви, как у нас. Только эта любовь поможет нам пережить всё это. Я почти поверила в то, что всё будет хорошо. Но, чёрт возьми, мне так плохо без тебя! Пишу, а у самой слёзы на глазах. Первый раз плачу, с самого твоего отъезда ходила спокойная, как танк. Одна у меня надежда: недели через две я к тебе приеду. Если бы не эта мысль, я бы, наверное, умерла или сошла с ума. По утрам (а я прихожу в четыре-пять утра домой) я ложусь в постель, закрываю глаза и мечтаю о нашей встрече. Только от этого и легче. Вообще, мысли о тебе не оставляют меня ни на секунду. Внешне это никак не проявляется, но это так. Всё, что я ни делаю, я делаю с мыслью о тебе, с любовью к тебе,

Рустам. Знаешь, мне уже (или «ещё»?) не больно, почти не больно, я счастлива, что я тебя люблю, и ты меня тоже. Я знаю, что где-то там, очень далеко, человек, которого я люблю, тоже не спит и думает обо мне. Мы пока не можем быть вместе, но ведь это ненадолго. Хотя для меня и день разлуки – это уже трагедия. Что ещё сказать тебе? Я люблю тебя, Рустам, я не могу нормально жить без тебя, я просто медленно умираю одна. Но я знаю, что лучше нам на время расстаться, ведь так безопаснее для нас обоих и для многих других. Давай потерпим чуть-чуть, зато потом уже ни за что не расстанемся. Ведь правда?

Только что слышала, как звонит телефон. Звонок междугородний. Связи не получилось. А вдруг это был ты? Теперь сижу и молюсь: ну, перезвони, я дома, я жду, ну позвони ещё раз! Я потеряла номер твоего телефона. Целыми днями жду твоего звонка или письма. Не забывай меня; пожалуйста, напиши мне поскорее. Помни, я очень люблю тебя, и в разлуке моя любовь только становится крепче и сильнее. Не грусти, мой единственный, до свиданья, любовь моя, моё счастье. Крепко целую тебя, Рустам.

Твоя Олянка.

671. Я сильно засомневался в правильности датировки писем (даты были только в почтовых штемпелях на конвертах, а не в самих письмах), когда прочитал в письме Оли от 28 февраля: «идёт сильный дождь». Дождь в феврале? Но заглянул в интернет: действительно, про погоду 28 февраля 1997 года написано: «ливневые дожди».
672. Эти письма полны любовью и они полны страха: за мечту, рождённую любовью, за надежды, которые могут развеяться, за планы, которые могут не осуществиться, за любовь, которая может умереть. Так и случилось, но они не могли знать тогда, они так хотели быть вместе, так надеялись на будущую жизнь, так ждали её, так мечтали...
673. Я думаю, в конце концов это поняли и их родители. Мы никогда не дружили с Лепуховыми, мы были из разных компаний: они – из «автомобильной», мы – из «пешей». В связи с политическими событиями начала 90-ых можно даже сказать, что мы были по разные стороны «баррикад». Мы с Кадриёй агитировали за Мурашёва, участвовали в движении ДемРоссия, вступили в ДПР, мы были против совесткой власти, против КПСС и против КГБ. А их, точнее, Алексея Лепухова так же, как и его брата, как Борисенко, Онучаков, и многих из их компании, называли «кэгэбэшниками». Многие из них действительно работали в КГБ или под его крышей долгие годы, хотя, конечно, не в политическом управлении, но теперь уже занимались чем-то другим, хотя, наверно, кто-то из них не рвал старые связи, и все – не забывали этой службы, не отрешивались от того, что делали, не жалели о прожитых годах, хотя бы потому, что это были лучшие годы их жизни. То были лучшие годы для всего нашего поколения, независимо от того,

что мы делали, просто потому, что это было главное время нашей жизни: время молодости и зрелости.

674. Конечно, теперь уже вместе с молодостью с нас осыпалась шелуха политических и идеологических убеждений (или того, что мы принимали за убеждения). Две компании давно уже перемешались, перераспределились и, фактически, есть одна большая компания москвичей в Липовке, просто кто-то с кем-то дружит, а кто-то нет, кто-то кому-то нравится или нет, да и это всё течёт и меняется, как и полагается в переменах жизни. Мы тесно общаемся в деревне с Леной и Сашей Борисенко, Лена была завсегдатаем нашего с Белугиным клуба «Подвал №1» (давно только что-то она не появлялась у нас последнее время с видеокамерой в руке). Виктор и Таня Онучаки стали нашими хорошими друзьями, и друзьями наших друзей.
675. В связи с этим не могу не рассказать одну забавную историю. Виктор в своё время занимался продажей оружия, которое Советский Союз поставлял разным дружественным нам странам. Он побывал во многих местах: в Африке, в Европе, даже в Китае. Вот про Китай он любит рассказывать историю о том, как он «брал Муданьцзян» – он был там на каких-то переговорах в составе советской делегации. Особенно красочно он описывает, как китайский повар готовил еду. Для них, как особо важных гостей, был приглашён специальный повар, видимо, знаток своего дела, который демонстрировал гостям все тонкости китайской кухни. В середине процесса к повару прибежал какой-то китаец, держа в руках ботинок с полуоторванной подошвой. Они стали громко и горячо что-то обсуждать, передавая ботинок из рук в руки и щупая пальцами подошву. Потом тот китаец убежал и ботинок унёс, а повар, даже не подумав вымыть руки, как ни в чём ни бывало продолжил приготовление сложных китайских блюд. Кроме Виктора, остальные члены делегации были женщинами, и он видит, что тем стало как-то не очень хорошо. А отказываться от еды по тем временам было не только верхом неприличия, но и могло спровоцировать международный скандал. Он говорит им: «Спокойно! Всё в порядке. Вот я разливаю водку, для начала по сто граммов. Не отказывайтесь, знаю я, что вы водку не пьёте, но надо выпить, пейте как лекарство, и всё будет хорошо».
676. Эта байка очень не нравилась Лене Камбуровой, да и меня, как любителя Китая, поначалу немного коробила. Но потом я ближе познакомился с Онучаком и понял, что в его рассказе нет ничего оскорбительного, и это никак не принижает великие китайские культуру, цивилизацию и народ. Просто забавный случай, который мог произойти где угодно и когда угодно. Кстати, сама Камбунова как-то пела на посиделках у Наташи Селиваненко песенку про «горсточку риса», которую тоже можно было бы считать оскорбительной, хотя она тоже всего лишь смешная песенка.

677. Мы долгое время думали, что город «Муданьцзян» Виктор просто придумал, по каким-то причинам не называя настоящего его названия, а может быть, просто для смеха: уж больно неприлично это слово звучит для русского слуха. И только этой осенью, в 2008 году, когда мы с Кадриёй собирались в Китай, я, изучая карту, вдруг увидел на ней город Муданьцзян на северо-востоке страны. Самое удивительное произошло на 4-ый день нашего пребывания в Китае, когда мы уезжали из Пекина в Сиань. Нам дали сопровождающую на всё время поездки по Китаю от Пекина до Шанхая. Она была, конечно, китаянка, но нам представилась выбранным ею самой именем Наташа (почему-то это имя особенно популярно среди китайских гидов, у нас было три Наташи). Когда же спросили, откуда она родом, Наташа сказала: «Ну, вы, конечно, не знаете, есть такой город на северо-востоке, он называется Муданьцзян».
678. Был у нас шанс познакомиться более тесно и с родителями Оли. И мы и они уже знали тогда, что наши дети любят друг друга и хотят быть вместе. И вот как-то в Липовке идём мы с Кадриёй по Выползню, и нас обгоняет машина. Мы не обратили бы внимания, но машина остановилась, из неё вышел Алексей Лепухов и направился к нам, Тамара осталась около машины. Оказалось, они приглашают нас на вечерний костёр, который их компания собирается устраивать вечером. Но тот вечер был у нас чем-то занят, и мы не пошли. Я теперь жалею об этом, больше повода не представилось. Мне кажется: вдруг бы история повернулась иначе, если бы мы тогда пошли на костёр, поговорили с ними, нашли общий язык, подумали о том, как быть с нашими детьми, может быть, помочь им, и т.д. Конечно, вряд ли. На самом деле, от родителей в таких делах мало что зависит, но всё же, всё же... Сейчас мне кажется, что это был шанс, хотя иллюзорный. Потом уже ничего нельзя было сделать – когда и для Рустама и для Ольги встал серьёзный вопрос о наркотиках.
679. **Чжан 74.** *Есть Великий Мастер, извечно ведающий смертью и забирающий жизнь.*
Тот, кто пытается заменить его, хватаясь за его топор,
повредит себе руку!
Но люди так устроены, что снова и снова находят тех, кто
пытается заменить Великого Мастера.
Лучше бы они брали пример с водорослей, цветов и деревьев,
которые не обращают внимания на Великого Мастера.
Выйди к кромке воды Чёрного Озера.
Присядь на траву посередине луга.
Зайди в чащу леса.
Как называется то, что ты видишь?
Живые водоросли? Мёртвые водоросли?
Живые цветы? Мёртвые цветы?
Живые деревья? Мёртвые деревья?

Люди любят убивать, но не любят мёртвых.

Они не хотят жить вместе.

Живые отодвигают мёртвых как можно дальше от себя, скрываются от них за стенами городов, и не хотят о них ничего знать.

Но это значит, что люди отодвигают самих себя, скрываются от самих себя, и не хотят ничего знать о самих себе.

Даже в Липовке отдельно дома и улицы – для живых, деревенский погост – для мёртвых.

Но здесь они существуют хотя бы рядом друг с другом.

680. Передо мной пять писем в одном конверте от друзей Рустама. Они написаны 1-го марта 97-го года.

681. Привет Биш!

Живи и надейся на лучшее, это возможно, дела наши потихоньку идут на поправку. Мы смогли свернуть оперативную работу ОЭП (отдел экономических преступлений). Не обращай внимания на почерк и текст, я в данный момент в жопу под винтом, а Ольга (Алексеевна) варит мне скучный. Бишкек, если тебе чего надо, пиши, поможем. Есть возможность, что ты сможешь вернуться в Москву. Так что держись, в душе я с тобой, как встретимся, замутим (за твой счёт) - шутка!

До встречи.

P.S. За Ольгу не беспокойся, она под моим зорким наблюдением и сильным крылышком.

Лелик Марков.

2³⁰ минут.

682. Почтенный Рустам!

Я очень сильно надеюсь, что тебе будет приятно знать, что твой друг Никитон не забыл тебя, и даже любит (как друга).

Нам очень хотелось сделать тебе приятно, написав пару слов от каждого. (Извини за почерк, но, как ты знаешь, винт [рисунок винта – И.Б.] + ге-ин = полный улёт.)

Так что я сейчас на [рисунок качелей – И.Б.] качелях.

Я надеюсь, что тебе доступны мои иллюстрации, шутка (как всегда, чёрная и идиотская).

Я очень хочу тебя увидеть (и не только я). Сегодня 1^е марта, 3 часа ночи (к чему я это?).

Напоминаю тебе, что 9го марта мне исполнится 16 лет. Так что я прошу тебя выпить за моё здоровье 9го марта, если, конечно, оно (письмо) придёт до этого числа. А если не придёт - выпей тогда, когда получишь мои чувства, изложенные на этом куске бумаги (круто я сказал, а?).

Рустик, мы все тебя очень любим, уважаем, помним и ждём!

С большой любовью от твоего друга Никитона.

P.S. Ещё раз прости за размазню (причину знаешь).

683. Привет Рустам!

Это я, Пух. Надеюсь, что когда ты будешь читать это письмо, у тебя будет хорошее настроение, а если нет, то когда ты его прочитаешь, оно у тебя улучшится. У нас у всех пока что дела нормально, чего и тебе желаю. Очень жалею, что не увидел тебя перед отъездом. Хотел приехать в Липовку, но не сложилось. У меня отобрали права, как ты уже, наверное, догадался, за жуткое пьянство за рулём. Конечно же, это плохо, но что делать. Ну да ладно, хватит о грустном. Все ребята после случившегося очень сильно сплотились, каждый помогает друг другу. Постоянно вспоминаем тебя. И хотя ты далеко, мысленно ты постоянно с нами.

Понимаю, как тебе тяжело, поверь мне, так надо. Прикладываем все силы, чтобы всё уладить. Не отчаивайся, надеюсь, скоро всё будет нормально. Я помирился с Ириной. Когда я трезвый, я сам над собой смеюсь. Но это, правда, бывает редко, обычно после посещения мест не столь отдалённых. Сейчас у нас 4 часа ночи. Недавно приехала Ольга. Привезла новый фильм. Сейчас они его включили, будем смотреть. Будет время, опять напишу.

Пока!

☺Скучное письмо!

P.S. Лучше бы ты мне никогда не рассказывал про чёсики. Они меня сводят с ума.

684. Привет, Рустамчик-наркоманчик,

Возьми скорее свой баянчик.

Мы занюхаем все героин,

Как было на «формозе», блин.

Ведь были годы боевые,

И мы формозою шальные,

Сгорели враз в беде-печали.

Осталось только дунуть шмали,

Всадить по вене героина,

И поджидать своей кончины.

Ты далеко в своей Казани,

Мы в жопе, Макс - в тюрьме, не с нами,

Томится, [неразборчиво И.Б.] орёл,

Что за собою всех провёл.

Ты там вдохнул свободы дух,

А нам найти бы 40 штук.

Да избежать бы всем инфаркта.

Пришла расплата с миллиардом.

Григорий Сухой.

685. Привет Рустам!

Как твои дела? Как тебе там живётся? У меня всё хорошо. Потихоньку учусь, пытаюсь не загнуться. Хотя мозги уже атрофировались. Но это

ничего, нормальная ситуация. Ты не скучай там и не вздумай пока приезжать. Все передают тебе большой привет.

Ну всё, пока!

13:10.

Валя.

Сейчас уже мы сидим у Марека. Мы с Алёной (она напишет тебе) ждём с нетерпением. Сейчас всё закончится, и приезжай к нам.

686. Привет Рустам. Жаль, что тебе пришлось уехать, но скоро всё будет хорошо, и ты вернёшься в Москву. Мы все тебя очень ждём.

Алёна

687. **Чжан 75.** *Когда власти слишком стремятся к благополучию, они становятся деятельными.*

Когда власти деятельны, они берут слишком много налогов.

Когда берётся слишком много налогов, народ голодает.

Когда народ голодает, им трудно управлять.

Когда народом трудно управлять, он вымирает.

И всё из-за того, что люди стремятся к благополучию жизни.

Особенно плохо это для правителей.

В Липовке жить труднее, чем в городе.

Поэтому можно считать, что я еду в Липовку умирать.

Пренебрегая своей жизнью, я вдруг обретаю жизнь.

Это и значит по-настоящему ценить жизнь.

Но разве в наше время кто-нибудь может следовать этому?

Разве я могу остаться в Липовке навсегда?

Наше время устроено так, что все люди живут за счёт своей жизни.

Так что получается, что они вовсе и не живут.

Люди утратили искусство жить за счёт отсутствия жизни.

Это значит, что они утратили основу жизни.

Разве основа жизни заключается в любви, семье, славе, карьере, бизнесе, богатстве, творчестве, исполнении долга?

Основа жизни – в отсутствии всего этого.

Только благодаря отсутствию жизнь наполняется десятью тысячами вещей, событий и дел.

688. Так его друзья и жили: «вмазывали», «торчали», «улетали»... Для меня удивительно лишь то, что при этом они где-то учились, как-то работали, у кого-то была машина и он научился её водить, женились и выходили замуж, рожали детей, разводились, то есть жили как и все остальные люди. Конечно, для кого-то наркотики сумели стать лишь эпизодом в жизни, кто-то прибегал к ним от случая к случаю, а кто-то умер от передозировки, но таких не поминали вслух, по крайней мере, при мне.

689. А Рустам... Что ж Рустам? Если он что-то делал, то отдавался этому целиком. Потому и не удерживался подолгу на многих работах, что это

было не его. Он так и не нашёл своего места в жизни, а на чужих местах жить не мог. Как там сказано про тех, кто носит имя «Рустам»? Это люди, которые хорошо делают только то дело, которое им по душе. Чтобы достичь в жизни каких-то высот, им нужно тщательно выбирать сферу приложения своих сил: они не из тех, кто готов заниматься чем угодно, – это мужчины, которые, напомним, хорошо делают только любимое дело! Другьям же у него нет счёту, общительность его не знает границ.

690. Вот Рустам приезжает домой из Беляево, приезжает на такси, и я иду расплатиться с водителем. Мы спрашиваем: что случилось? То ли всё ещё под кайфом, то ли в порыве откровенности, в редком желании поделиться с родителями ощущениями, потрясшими его, он говорит: «Это ЛСД». И встряхивает головой и опускает голову. У нас не находится слов, хотя, конечно, мы что-то говорим, какие-то банальности.
691. Врач-психиатр, к которому Кадрие удалось отвести Рустама, говорит: «Ваш сын не наркоман и не алкоголик. Его проблема – это депрессия, и наркотики он принимает как своего рода лекарство от этой болезни». Может быть, так и было, только наркотики убивают человека независимо от того, наркоман он или только «лечится». Нужно было положить Рустама в клинику, может быть, там ему как-то помогли бы. Мы много раз обсуждаем это с Кадриёй, да что толку: он не хочет, его не удаётся уговорить, а без его согласия ничего нельзя. Я видел много людей, которые признавались в том, что больны депрессией. Почему-то их особенно много среди поэтов, а может быть, просто заметнее. Они лечились, каждый год по месяцу лежали в больнице, да и потом глотали лекарства. Наверное, это помогало, как-то продлевало жизнь. Но Рустам не хотел такой жизни.
692. Я пытался что-то придумать, найти помощь, советовался с кем ни попадя. Даже со своей школьной учительницей, которую как-то навестил. Она уже стала директором школы, мы сидели в её кабинете, наверное, было заметно, что я чем-то удручён, она спросила в чём дело, и я рассказал про сына, зная, что ничем она мне не поможет, но всё же она была моей наставницей, хотя и много лет назад, а вдруг... И она сказала: «Ты же понимаешь, я всего лишь на шесть лет старше тебя».
693. Мой друг, с которым мы сидели в этой школе на одной парте, вместе учились на мехмате МГУ, который даже ездил со мной и Кадриёй в наш «медовый полумесяц» (то есть на две недели), отложенный после свадьбы до лета, к моей бабушке в Ригу (другой полумесяц мы провели на острове под Казанью), который, кстати, работал в КГБ, распределившись туда после университета, чтобы не попасть в армию, мой друг мне посоветовал обратиться к альтернативным методам. «Я не знаю, как ты к этим оккультным делам относишься, можно верить или

не верить, я вот не знаю, верю или не верю, – сказал он, – но вдруг поможет? Мне вот как будто помогает немного». И я пошёл вместе с ним, потом ходил ещё, один и вместе с Кадриёй.

694. Они (там были мужчина и женщина) попросили фотографию Рустама, смотрели на неё, зажигали какие-то свечи, водили руками, ещё чего-то такое, изредка задавали вопросы, но так и не просили привести самого Рустама, хотя я предлагал, сказали, не нужно. Я показывал им ту самую фотографию, сделанную Олей в вагоне поезда Москва-Казань. Женщина меня спросила: «Он пишет стихи?» И, когда я ответил, что нет, разве что я пишу, сказала: «А со мной он разговаривает стихами». Шарлатанство, конечно, но, наверное, полезное, потому что даёт надежду, которая нужна даже в том случае, когда она ложная.

695. *Чжан 76. Человек, появляясь на свет, нежен и слаб, а когда умирает – твёрд и крепок.*

Все живые существа, деревья и травы, когда рождаются, податливы и мягки, а когда умирают, становятся сухими и ломкими.

Твёрдое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить.

Город – твёрдый и крепкий, а Липовка – мягкая и слабая.

Почему же Город процветает, а Липовка – всего лишь заброшенная деревушка, куда даже нет приличной дороги?

И для чего же я еду в Липовку?

Может быть, мир перевернулся, и теперь рождающийся крепок как сталь и остр как стекло, а умирающий мягок как трава и нежен как цветок?

А может быть, люди всё перепутали и называют жизнь – смертью, а смерть – жизнью?

Они и в самом деле думают, что могущественное войско побеждает, топором рубят траву, цветы кладут в гроб, уступающего сбрасывают в пропасть, слабого – в придорожную канаву, а нежное – это то, что тает во рту, когда его едят.

696. Ольга – Рустаму, 1 марта 1997-го года:

Дорогой мой Рустам!

Вот уже третий день пошёл, как я тебя не вижу. Знаю, что мне следует быть более терпеливой, но ничего не могу с собой сделать. Очень скучаю по тебе, и остаётся только писать длинные письма. Прошу тебя, пиши мне тоже почаще, не каждый день, конечно, но отвечай на все мои письма, пожалуйста. А я постараюсь хоть как-то поддержать тебя своими посланиями. Здесь в Москве стало очень тоскливо и грустно без тебя. Целый день идёт дождь, и я чувствую себя очень одинокой. Сейчас день, все разъехались по делам, я тоже скоро поеду к Максиму, но пока я сижу дома совсем одна, и на душе у меня очень паршиво. Как ты там живёшь без меня? Чем занимаешься, о чём думаешь? Пиши мне обо всём, что связано

с тобой, мне всё это интересно. Кстати, все передают тебе приветы, постоянно спрашивают меня о тебе. А что я могу ответить? Сегодня договорюсь с Максом о поездке в Казань. Это единственная светлая мысль в моей голове за много дней. Я стараюсь держаться, не хмурюсь, не плачу на людях. Иногда мне даже почти весело. Но остальные гораздо счастливее меня, и я начинаю им завидовать. Костик с Веркой сейчас ведут такой же образ жизни, как мы с тобой в наше самое счастливое время: всё время неразлучны, ходят в музеи, гуляют по городу. И когда они рассказывают обо всём этом, я вспоминаю нас, день за днём, все мелочи, каждое твоё слово, каждый взгляд. Я так люблю тебя, Рустам! Две половинки нельзя разделять, они гибнут друг без друга. Но я знаю, что когда-нибудь мы снова будем вместе, и мы будем ещё счастливее, ещё ближе друг другу. Моя половинка, я умираю без тебя! Я всё время думаю: за что? почему? Мы ведь так ждали этой весны, строили планы, мечтали! А теперь придётся всю весну провести в разлуке... Ну, почти всю, я же всё равно скоро приеду к тебе. Я просто не смогу по-другому, не выдержу. Мне уже приходится очень напрягать волю, чтобы не сломаться и не сорваться к тебе сию же минуту. Как бы я хотела, чтобы ты был где-нибудь поближе, подступнее. Иногда желание обнять тебя, поцеловать, взглянуть в твои глаза становится просто невыносимым. Даже если бы я хотела, я бы не смогла заменить тебя кем-то другим. Я слишком люблю тебя, тебя одного. Зато ты мне нужен как воздух. И вся моя тоска-печаль складывается в три слова: Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ! И очень скучаю.

Ну, вот, а на улице весна, и ничего с этим не поделаешь. Только не разлюби меня, только не предавай, только помни о своей девочке, которая всю жизнь любит только тебя одного, для которой ты - всё!

Ну, кажется, всё. Страшно доверять бумаге все эти признания, хочется поговорить с тобой. Но нельзя...

Всё равно я жду звонка или письма. Всё время жду. Не скучай, не грусти. Звони, пиши почаще и обо всём, не забывай. Привет от всех. Люблю тебя. Целую.

Оляночка

697. **Чжан 77.** *Весна – рождение, лето – зрелость, осень – старость, зима – смерть.*

Если бы весна стремилась к лучшему и не уступала лету, почки не превратились бы в цветы, деревья не выросли, и земля стала бы большим пустырём.

Если бы лето стремилось к лучшему и не уступало осени, цветы не дали бы плодов, дожди не пришли, и земля стала бы знойной пустыней.

Если бы осень стремилась к лучшему и не уступала зиме, мёртвые остались бы не погребёнными, вода разлилась повсюду, и земля стала бы гниющим болотом.

Если бы зима стремилась к лучшему и не уступала весне, снега не растаяли бы, холод не сменился теплом, и земля стала бы мёртвым куском льда.

Только глубоководные рыбы ищут, где глубже.

Поэтому у них выпученные глаза и ужасный вид.

Почему люди стремятся к лучшему, и не уступают друг другу?

То, чего стало много, они ещё увеличивают.

То, чего осталось мало, они ещё уменьшают.

Кто может отказаться от лишнего?

Кто может дать нуждающемуся?

Люди давно уже не следуют небесному Дао.

Небесное Дао напоминает натягивание лука.

Когда понижается его верхняя часть, поднимается нижняя.

Если у кого нет денег на дорогу в Липовку, я могу одолжить.

А если кто глядит свысока на заброшенную деревишку, в которой люди живут не в каменных особняках, а в старых бревенчатых избах, – на таких людей я только смотрю снизу вверх.

Когда они будут падать, может быть, Липовка покажется им не самым жёстким местом для приземления.

698. 8 марта, уже не помню, какого года, да это и не важно. Звонок в дверь. Ольга стоит, Рустам лежит на пороге, ребята его принесли, но уже убежали. Передозировка. Я делаю искусственное дыхание, дышу ему в рот, нажимаю на грудную клетку. Кажется, он дышит. Переносим его на кровать. Вызываем скорую. Ему делают укол. Врач бьёт его по щекам: «Дыши, – говорит, – дыши давай, не забывай дышать». Мы платим деньги, чтобы его не регистрировали как наркомана. Его увозят в больницу. Мы едем туда вместе с Ольгой.
699. Возвращаемся к нам домой. Гости уже разошлись, у нас были гости, праздновали 8 марта. Троём сидим на кухне и пьём водку. Они обе, Кадрия и Ольга, режут, я держусь. Что-то говорят друг другу, о чём-то просят прощения.
700. На следующий день навешаем Рустама. У него уже всё в порядке, он выходит к нам из какой-то двери и идёт по коридору, длинному, облезлому, будто дело происходит не в больнице, а в каком-то подвале какого-то заброшенного завода. Даже улыбается, успокаивает нас: «Всё в порядке уже, промывание сделали, я ещё пару дней побуду и домой приеду». Лучше бы он не улыбался, лучше бы ему было страшно, как страшно нам.
701. В тот день, 8 марта, у нас в гостях был Вадик Максаков. Когда-то мы работали вместе. Он немного старше меня и уже был в ИТМиВТ, когда я пришёл туда после университета. Мы работали вместе и во времена АС-6 и проекта «Аполлон-Союз». Помню забавный случай в Центре управления полётом в подмосковном Калининграде. Мы тогда часто

засиживались до поздна, или оставались на ночь, и для нас вызывали такси и развозили по домам. Но как-то такси отменили, не помню уже, почему. Вадик настроил свою программу, которая выдавал справки баллистикам, так, что на любой запрос она отвечала: «Такси не будет – справок не будет». Кажется, там было даже написано не «такси», а «таксей» – для смачности. Конечно, так Вадик мог сделать лишь потому, что наша система была дублирующей, не основной. Но такси всё-таки появились.

702. Мы работали вместе и позже, в НИИ «Дельта», куда перешли большим коллективом вместе с академиком Мельниковым делать суперкомпьютер, и в Институте проблем кибернетики, и в теперешнем Институте системного программирования, директором которого тогда стал и остаётся сегодня Виктор Иванников. В своё время Вадик был очень дружен с Виктором, но потом они рассорились, и Вадик уволился. Он был программистом, что называется, от Бога, но чистым практиком – теория его совсем не привлекала, он считал это лишним словоблудием. А начинались времена, когда системы уже не создавались «на коленке» где-нибудь «в гараже», они требовали систематической работы больших коллективов и опирались на теорию, которую нужно было знать, изучать появлявшиеся статьи, двигаться дальше и т.п. Это всё Вадик не любил. Я думаю, он был очень обижен на Иванникова, но тот был, как директор института, конечно, прав, хотя мне очень жаль, что они не смогли договориться, найти какую-то форму участия Вадика в нашей общей работе. Не получилось.
703. Но одной из главных причин увольнения было то, что Вадик пил. Во всяком случае, по версии директора, который считал, что это уже мешает работе. Вадик всегда любил выпить, но со временем стал пить больше. Мы были дружны семьями. Тогда у него была жена Галя и сын Илья. Мы часто бывали у них в гостях, и всегда на столе появлялась бадья пива или бутылка водки. Это с Галей Кадрия и Лёня упились молдавским вином в деревне, куда они отправились по рекомендации отца дяди Лёни. Тем не менее, Вадик защитил кандидатскую. Помню, поехали с защиты к нему домой, у него ещё гостил друг дяди Лёни из Калараша, пили молдавский коньячный спирт, а Галя надела на шею табличку «жена кандидата».
704. Это пьянство Гале надоело. Или просто она встретила другого человека. Они разошлись, у Гали появился другой муж, Илья ушёл жить к матери, а Вадик женился на Лене, с которой Галя вместе работала. Лена и Вадик переехали на другую квартиру, мы были на их новоселье, помогали перевозить вещи. Они тоже пили. Даже при переезде были с утра не трезвы. Потом становилось всё хуже и хуже. Я помню, как мне позвонила Лена и просила приехать: Вадику плохо. У меня тогда дома был Саша Белугин, мы поехали вместе, ему было почти по пути. Взяли такси и приехали. Вадик сидел в кресле, в углу, и пытался глупо

улыбнуться. Заставили Лену вызвать скорую, а она нас заставила, пока едет скорая, сходить за бутылкой – «ему очень нужно». Я принёс водки, она сначала налила полстакана себе – «мне тоже нужно, я нервничаю», а потом дала Вадику.

705. У Лены был сын Миша, они жили втроём. Летом 98-го они приехали к нам в Липовку. Мы вместе катались на байдарке по Старице, исследовали тот её рукав, где не были мы с моей племянницей Катей. Потом они оставались в деревне, когда мы уже уехали. Лена и Вадик продолжали пить и там, хотя вроде бы приехали, чтобы попытаться избавиться от этого. Надя Красильникова рассказывала. Пришёл к ней Вадик, ну, она и угостила его своей вишнёвой наливочкой. Он сначала выпил, а потом сказал: «Вообще-то, я приехал в Липовку лечиться от алкоголизма». Оставшись одни, они стали пить больше, нам говорили, что они ходили по деревне и меняли нашу тушёнку на самогон.
706. Первой умерла Лена. Миша позвонил Вадику на работу: «Папа, я убил маму». Лене стало плохо, её бросило в жар, и она просила сына полить её холодной водой. Он это сделал, но она всё равно умерла. Конечно, это не он убил маму, а водка. На похоронах Вадик всё причитал: «Какая же она была красивая! Какая красивая!».
707. Потом Вадик вроде бы бросил пить, говорил: «Мне нельзя сейчас, нужно Мишу на ноги поставить». Мы были у него в гостях, он не пил. Потом были ещё, он уже позволил себе немного. Потом – больше. И тоже умер, не дождавшись, когда сын из подростка превратится в юношу. Ещё при Лене нам показывали тексты, которые сочинял Миша, печатая на машинке. У него определённо были способности. Я подарил ему свой компьютер, когда менял его на более новый. После смерти Вадика, мы просили Мишу звонить нам, приглашали в Липовку летом. Но он так и не позвонил. Я спрашивал о нём у его брата, у Ильи, тот ответил, что пока всё нормально. Но что уж там было нормально, что было дальше, я не знаю.
708. На поминках, которые устроили на работе у Вадика, я произносил тост «за светлого человека». Он действительно был таким: умным, добрым. Эта история, история о том, как два замечательных, интересных, красивых человека загубили свою жизнь, проходила на глазах у Рустама, хотя, конечно, всех подробностей он, наверное, не знал. Но главное ему было известно, это могло бы стать ему примером, уроком... Ага, и чтобы счастье всем, даром – чего уж проще...
709. **Чжан 78.** *Идут дожди над Липовкой.
Мокрая трава, свежий воздух, блестит кора берёз.
На влажных ступенях крыльца стою.
Можно ли в законе о выборах написать: " Кто принял на себя всю
грязь государства, становится его главой. Кто принял на себя все
несчастья страны, становится её правителем".*

Человек на 90% состоит из воды, а хочет быть твёрдым, как камень.

Вода – это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но её невозможно сжать.

Она точит камень.

Тот, кто, подобно воде, не боится смешаться с грязью мира, может войти в Великий Круговорот.

Вода стремится вниз и уходит под землю.

Но чистые родники рожают её снова.

Вода бежит ручьями, наполняет озёра.

По солнечным лучам поднимается в небо.

Плывут облака над землёй.

Идут дожди над Липовкой.

Течение жизни неприметно, в нём нет ничего грандиозного.

Но тот, кто строит запруды, дожждётся великого потопа.

Того, кто роет каналы, люди будут помнить долго.

Великое Дао не строит запруд и не роет каналов.

Оно само есть течение жизни.

710. Ольга – Рустаму. Письмо не датировано, в конверте без почтового штемпеля. Наверное, Оля передала его Рустаму из рук в руки.

711. На конверте написано: «Письмо моему любимому, моему милому мальчишке, без которого я не представляю свою жизнь. Самому прекрасному парню на свете. Я люблю тебя».

712. Текст письма:

Привет! (Здравствуй, мой любимый)

Трудно писать тебе письма, когда знаешь, что пройдёт несколько часов, и я услышу твой голос, а то и увижу тебя совсем рядом с собой. И тогда кажется, что это совершенно бессмысленное действие. Но у него есть лишь одно оправдание: существуют вещи, которые не скажешь в глаза и даже по телефону.

Трудно мне с тобой. Очень трудно. Ты как капризный ребёнок хочешь, чтобы всё было только хорошо и всё сразу. А в жизни так не бывает. И мне остаётся либо пытаться оградить тебя от проблем, либо решать их самой, либо пытаться переубедить тебя. Я всё-таки предпочитаю второе+третье (больше, конечно, третье). Вот так мы и живём. И что мне с тобой делать? В общем, трудно...

Но вернёмся к теме. Писать буду только то, что не могу сказать. По разным причинам: мне либо стыдно, либо страшно, либо слишком обидно. Короче, всё настолько плохое, что не хочется говорить тебе лично. Ты уж извини, но, наверное, ты должен это знать. Итак, начнём.

1. Я не хочу, чтобы ты пил. И я устала с тобой бороться. Последний раз попробую тебя убедить. Пить ты не умеешь, своего предела ты не знаешь, поэтому если пьёшь, то напиваешься до свинского состояния.

Мне, естественно, это неприятно, мне просто противно общаться (в любых формах) со скотиной. Это отвращение сильнее меня, ничего не могу с собой поделаться. Ещё мне стыдно за тебя перед моими друзьями. Когда они над тобой смеются (а они частенько это делают), они как бы смеются надо мной. Меня, понятно, это бесит. Ещё твоя мать уверена, что если ты со мной, то ведёшь себя паинькой. Не хотелось бы разубеждать её. Я как бы взяла на себя ответственность за твоё поведение, и я, по-моему, уже не справляюсь с поставленной задачей. Мне перед ней стыдно. Неужели ты не можешь, хотя бы ради меня, отказаться от «зелёного змия»? Если я ещё не уговорила тебя, то можешь считать это моим капризом, а ещё лучше – необходимым условием нашего счастья. Учти, у меня уже кончается терпение.

2. Я ужасно ревную. К Ирине. Знаю, что глупо, но это не оставляет меня ни на секунду, мешает мне быть счастливой. Сейчас прошло уже много дней, и я вспоминаю только одно: что ты не знал, кого выбрать – её или меня. Это значит, что моя победа – это чудо, случайность, минутный твой порыв. Это всё равно, как если бы ты просто бросил жребий на монетке (а, может, ты так и сделал?!). У меня нет перед ней никаких преимуществ, моё положение очень шатко, в любой момент я могу тебя потерять. Так я на всю ситуацию и смотрю. Страх тоже убивает меня. У меня тысяча вопросов, которые я никогда тебе не задам. Я только знаю, что ты лгал мне тогда, перед отъездом в Казань, и что зачем-то ты поддерживаешь с ней связь. У меня только одно объяснение: ты не хочешь её терять. Выход тоже один: поговорить с ней. Но я очень боюсь того, что она мне скажет. Если у вас с ней что-то есть (или будет), я этого не переживу.

Ну, вот, я что-то не то пишу. Ты ведь ждёшь совсем другого письма. Подожди, сейчас напишу другое, хорошее. А это, наверное, не отдам тебе. Только ты не обижайся, я пишу то, что думаю. Это всё то, что меня так мучает днём и ночью. Не хочу что-то скрывать от тебя. Ты не бросай меня, пожалуйста, я этого не переживу. Если что-то случится с тобой или мы расстанемся, меня просто не станет. Нет, я не покончу с собой, я буду существовать, но самой меня, моей души, моей воли не станет. Я люблю тебя, Рустам, ты не представляешь, как я люблю тебя! Извини за ошибки, руки дрожат. Только верь мне.

Ольга

713. *Чжан 79. Летят ветра над Липовкой.*

Новая трава, белые облака, трепещет зелень берёз.

На чистых ступенях крыльца стою.

В Больших Переменах трудно удержаться и не измениться самому.

Люди думают, что если всех повернуть туда, куда дует ветер, наступит великое согласие.

*Но ведь обязательно останутся затаённые обиды.
Как можно назвать это истинным благом?
Человек жив, пока дышит.
У каждого человека своё дыхание.
Когда дыхания многих людей соединяются вместе, поднимается
большой ветер.
Поначалу это кажется вдохновляющим.
Потом – утомительным.
И под конец – страшным.
Но большой ветер не продержится весь день.
У каждого человека своё дыхание.
Тот, кто остаётся самим собой, не порицает других людей.
Обладающий Дэ думает о том, что должен.
Лишённый Дэ думает о том, что должны ему.
Небесный Ветер относится ко всем одинаково.
Он просто летит над Липовкой.*

714. Иногда у меня возникает отвращение к книге, которую я пишу, мне хочется бросить её. Тогда я пишу по инерции, или откладываю на несколько дней. Иногда мне хочется сделать так, как хотела сделать Ольга с последним письмом: написать, но не показывать. Но она всё же показала, раз я нашёл письмо в бумагах Рустама. Лучше бы я написал что-нибудь более художественное, лучше фантастическое, дав волю фантазии и поддавшись иллюзии памяти, рисуя красивые картинки на приятно осветлённом фоне. Зачем я пишу эту книгу? Может быть, я хочу кого-то чему-то научить? Я знаю: кто-то из тех, кто читает эти строки, сами принимают наркотики или глушат себя водкой. Может быть, кто-то и сейчас под кайфом. Но у меня и в мыслях нет отговаривать их от этого дела. Что значат слова, если смерть друзей и близких ничего не значит? Зачем я пишу эту книгу?
715. В 97-ом году Рустам поступил в Московский Гуманитарный институт им. Е.Р.Дашковой на факультет журналистики. Но не проучился там и полгода. Я разглядываю фотографию в студенческом билете. У Рустама длинные густые волосы, падающие на плечи, чёрная водолазка и серый в мелкую клеточку пиджак, тот самый, что он носил, когда работал продавцом в фирме «Бонтон».
716. Весной 98-го года к нам в Лианозово приезжала Тамара Лепухова. Она хотела, чтобы Рустам и Ольга больше не встречались. У нас шёл ремонт, мы сидели на кухне и разговаривали. О чём мы могли договориться? Мы всё понимали и ни на чём не настаивали. Если они не могли наладить свою жизнь вместе, может быть, смогут наладить свои жизни порознь? А может быть, и нет. Конечно, речь не шла о том, чтобы что-то запретить. Эта встреча была как бы вместо той, несостоявшейся встречи в Липовке, но только тогда мы могли бы обсуждать перспективы совместной жизни Рустама и Ольги, а теперь – печальные итоги и

близящийся конец. Именно Тамара дала координаты врача-психиатра, к которому Кадрия ездила с Рустамом, и который сказал: «Ваш сын не наркоман и не алкоголик. У него депрессия, он принимает наркотики или алкоголь как лекарство».

717. Письмо Кадрие от Нади Красильниковой, начало июля 98-го года:

Здравствуй Кадрия.

Выполняя твоё желание, посылаю к тебе вашего блудного сына. Очень прошу не ругать его слишком сильно. Вёл он себя в Липовке вполне сносно. Даже поработал: у Зиночки сено таскал. Он пребывает в состоянии тоски и депрессии. Воспитательные беседы я с ним проводила, и его возвращение - результат. Он будет у вас просить поехать в Липовку снова (если не будет работы). У него случилось обострение любви к Ольге, и он хочет быть с ней. По этой же причине он и смотался сюда. В доме порядок. Он там практически не бывал. Ночевал у Лёхи. С Лёхой новые проблемы, Рустам тебе расскажет. Отношения с Ольгой объяснились психотерапией.

Спасибо за клубнику. Мы её все регулярно потребляли.

Забор сделают в ближайшее время.

Жду вас в Липовке. Поздравляю Кадрию с юбилеем. Целую всех.

Пока. Надя.

P.S. Грибы положите в холодильник, а потом отдайте Юле.

718. **Чжан 80.** *Светит солнце над Липовкой.*

Густая трава, синяя даль, поднимаются стволы берёз.

На тёплых ступенях крыльца стою.

Что за странные слова говорил древний мудрец?

"Пусть государство будет маленьким, а население редким. Если имеются различные инструменты и приспособления, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко от своих мест. Если имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма".

Для чего же тогда люди упорно трудились столько веков?

Они построили огромные города и наполнили их десятью тысячами инструментов и приспособлений.

Они путешествуют по всему миру, из города в город, используя корабли, поезда, автомобили и самолёты.

Воины всех стран совершенствуются в своём искусстве, а когда надо, успешно стреляют друг в друга.

Люди изучают иностранные языки, факсы и телексы летят во все концы света, компьютеры окутывают своей сетью всю землю.

Зачем я внимаю словам древнего глупца?

Зачем я еду в Липовку?

Почему пища здесь кажется вкуснее, одежда удобнее, жилище приятнее, а жизнь радостнее?

Отчего это?

Светит солнце над Липовкой.

В солнечном тумане праздного лета густая трава, синяя даль, поднимаются стволы берёз.

За забором тётя Дуся пропалывает грядки на огороде.

Через дорогу баба Люба с вёдрами идёт за водой.

Коля Хват везёт на телеге свежий хлеб с пекарни.

Дяди Петин тузик подбежал к крыльцу, машет хвостом.

"Пусть соседние государства глядят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга".

"Что за чушь!" - думаю я, беспечно садясь на ступени и почёсывая Тузику белое брюшко.

Солнечный зайчик пляшет на стене веранды.

719. Разглядываю фотографии с празднования 50-летия Кадрии. Вот мы сидим за праздничным столом и чокаемся фужерами с шампанским. Вот все смотрят слайд-шоу, которое я сделал из множества фотографий Кадрии. Это было первое слайд-шоу, которое я сделал, и, наверное, самое лучшее. Кадрия даже поцеловала меня при всех, чего никогда не делала. Много снимков с танцами. Рустам любил танцевать, у него хорошо получалось. Вот он танцует быстрый танец с Кадриёй, вот – медленный танец с Людой Василенковой. Вот он сидит, улыбаясь, полюбив мою маму, свою бабушку, бабу Лиду. А вот Кадрия на кухне разговаривает с Сашей Третьяковым. Она почти плачет, это из-за Рустама, из-за неустроенности его жизни. Вот на кухне позируют четверо: я, Кадрия, Рустам и Юля Шкаровская.
720. Юля – вторая жена Валеры Красильниковой. Первый раз мы её видели очень давно, мельком, в Ларинском посёлке в Лианозово, когда Валера ещё был жив. Впрочем, ещё до этого я видел одну масляную работу Валеры: картина была почти абстрактная, но всё-таки в ней угадывались округлые очертания женского тела. «Это Юля», – сказал Валера. Потом вместе с нами приезжала в Липовку её дочь Зося. Последние годы мы подружились, встречались с ней и её детьми, Зосей и Гошей в Липовке, куда они приезжали в гости к Наде, и в Клубе «Подвал №1» в Москве.
721. Юля заболела в 2001 году, первое недомогания она почувствовала, когда была в нашем доме в Липовке, перед самым отъездом в Москву. У неё обнаружили рак. Долго лечили. Летом 2002 года она снова приехала в деревню и остановилась в доме у Нади. Когда первый раз я зашёл в дом, я не узнал Юлю. Она всегда была очень полной, с круглыми румяными щеками и полными, словно целующими, губами, с тёмными волосами. А тут меня встретила какая-то высохшая старушка, с узким лицом и бледными прядями жидких волос.

722. Юля приехала в Липовку умирать. Её похоронили на деревенском погосте, у левого края. Каждый раз, когда мы идём за грибами, мы проходим мимо кладбища, и за изгородью я вижу сквозь листву деревьев большой деревянный крест, на котором написано одно слово: «Юлька». Так захотели её дети, они говорили, что мама любила веселье и не любила плакать, и на поминках должно быть весело. На следующий день намечался липовский вернисаж, я уже думал, что было бы уместнее его отменить или отложить, но все сказали: не надо. Мы просто помянули Юлю при открытии вернисажа.
723. Я разглядываю фотографию с юбилея Кадрии. Справа от стола сидит Кадрия и стою я, слева – сидит Юля и стоит Рустам. Справа – живые, слева – мёртвые.
724. В том же году справляли и мой юбилей. Снова на снимках много танцев. Вот Рустам танцует медленный танец с Ниной Косачевой. Его глаза прикрыты, она смотрит на него чуть сверху, наверное, из-за каблучков она оказалась выше его, и слегка улыбается.
725. Нина много раз приезжала к нам в Липовку: и вместе с Сашей и одна, особенно последние годы одна. С Рустамом они часто общались: обсуждали прочитанные книги, Нина давала ему послушать какие-то записи и спрашивала его мнение, о чём-то они разговаривали, но я не знаю, о чём. Что-то у них было общее, хотя что? Нина окончила мехмат МГУ вместе со мной и Сашей Косачевым, но её всегда, а последние годы особенно, интересовали вещи далёкие от математики: поэзия, литература, кино, музыка. Хотя почему далёкие? Её математический ум не останавливался на границе наук, а забавлялся далеко за их пределами, играя парадоксами. Может быть, это притягивало Рустама, а может быть то, что Нина что-то видела и понимала в его собственной душе.
726. Эта родственность душ казалась странной, учитывая разность в возрасте, образовании, социальном и семейном положении. А может быть и не странной: у обоих была депрессия. Только у Рустама – глухая, «лечившаяся» водкой и наркотиками, а у Нины – с выходом в маниакальные фазы, когда её переполняли бодрость, энергия и безумные идеи, и она ложилась в клинику. Только умерла Нина не от этого, а от рака лёгких. А ещё они оба по-доброму относились к людям. Теперь их обоих нет в живых.
727. Потом был Новый год в Липовке вместе с Максимами – нашим и Юшмановым, когда лепили драконов и крепости из снега, заготавливали дрова, играли в маджонг и собирали пазл. Большой пазл по литографии Эшера: две руки, рисующие друг друга. Потом ещё одно лето в Липовке. День рождения Иры, двоюродной сестры Рустама. На разных фотографиях Рустам разный, где-то смеётся, где-то серьёзен, где-то спокоен, но везде в глубине его глаз будто таится боль. Или мне это уже кажется.

728. **Чжан 81.** *Падают снег над Липовкой.*

Запорошена трава, пустое небо, заснежены ветви берёз.

На обледенелых ступенях крыльца стою.

Слов изящных где красота?

Споров жарких где острота?

Умных знаний где откровение?

В доказательствах нет ошибки – её совершить невозможно.

Встаю на лыжи, иду через снежное поле и ветер, через нетронутый тихий лес, спускаюсь на ровную гладь белого-белого Чёрного Озера.

Дерева рисуют небо, кусты замирают в снегу, сухого тростника шелестят бумажные деньги.

Что накопил я?

Что отдал другим?

В деянии без борьбы нет победителей.

Не тратьте слов – я согласен.

Падают снег над Липовкой.

Лыжня заворачивает к дому.

729. Насколько я могу судить, Рустам и Оля окончательно расстались весной 2000-го года, когда в жизни Рустама появилась Света, когда сказала, что ждёт ребёнка. А Оля стала жить у приятеля Рустама, с которым они совсем недавно дружили, с которым вместе ездили в Липовку, у Максима Юшманова. Это было странно, даже очень странно: Максим жил (и сейчас живёт) в соседнем подъезде нашего дома. Что чувствовал Рустам, когда встречал Ольгу около дома, около магазина или на улице в Лианозово? Он ничего не говорил, молчал.

730. Оля и Максим прожили вместе несколько лет, всё у них вроде бы было хорошо. Но Рустам как-то сказал Кадрие: «Ты ошибаешься, мама. Я тоже думал, что всё хорошо, но всё совсем не так хорошо, как кажется». Потом они расстались.

731. На поминки Оля приехала не одна, а со своим женихом. Его никто не знал. Поминки проходили в столовой моего института, в полуподвале, потому что народу было много, и в нашей квартире все не помещались. Я тогда вывесил на стенде много фотографий Рустама и положил на стол стопку отпечатанных на принтере экземпляров «Деревенского дневника». Оля взяла несколько снимков, «Деревенский дневник» и просила меня дать ей другие отсканированные фотографии Рустама, особенно, из «Зелёного альбома», где было много снимков их обоих и их друзей. Я отсканировал все фотографии, и скоро Оля должна приехать, чтобы забрать компакт-диск.

732. Ольга – Рустаму. Поздравительная открытка, на которой изображена лежащая жирафа с длинной шеей поперёк рельсов и крупная надпись «Без тебя мне не жить»:

С днём рождения, Рустамка!
Будь счастлив, любимый!
Олянка.
22.07.99. Липовка

733. Из «Категорий Липовки»:

Лыжная прогулка. По Чёрному озеру, ставшему белым, по краю соснового леса, по лесной дороге между рядами присыпанных снегом сосен. Восхищение красотой природы. Но в конце прогулки потянуло домой – в тепло, на диван, за стол поесть, к печке погреться. Может быть, наибольшее восхищение вызывает красота мест, где человек жить не может? Животные понимают ли красоту? Может быть, красивым в природе кажется то, что человек покинул? Красота – это покинутость человеком? Красота – это ностальгия по тому, что человек покинул: леса, луга, озёра, реки, горы. Красота – это ностальгия по оставленному дому?

734. «Дао Дэ Липовка вэй» закончилась, последний, 81-ый чжан. Рустам ещё приезжал в деревню, но там его уже больше ничто не радовало. Он пытался включить Свету в Липовский мир, но из этого ничего не вышло. Они приезжали в деревню вдвоём, без нас. Баба Люба говорила мне потом: «Ваша Света мне не понравилась». После того единственного раза Света никогда больше не была в Липовке. Только много позже по нашему приглашению в нашем липовском доме гостили Светины родители с внучкой. Им у нас не очень понравилось: комары закусали Вику. Потом они купили дом в деревне в Липецкой области, где шоссе подходит к самой калитке, и где комаров совсем нет.

735. Я разглядываю фотографии Светы. По конституции она похожа на Ольгу, тонкая, даже тощая, Рустам не любил толстых. Лицо более удлинённое, чем у Ольги. Волосы тоже светлые, впрочем, она красилась, так что точно не знаю. Почему-то больше фотографий Светы, Рустама и Светы вместе, Рустама, Светы и Вики в нашем альбоме, чем в зелёном альбоме Рустама. То ли он считал, что это уже общие семейные фотографии, то ли ещё по какой причине не отобрал их в свой альбом, не знаю.

736. Они познакомились, наверное, в начале 2000-го года. Через неделю после того, как они сошлись, Света сказала, что беременна. Мы с Кадриёй узнали об этом, конечно, гораздо позже. Они познакомились во дворе нашего дома, где обычно проходили, да и сейчас проходят, тусовки молодёжи. Там они проводили время вместе с друзьями. Там же пили. Света не употребляла наркотики, почти не пила водки, но зато было пиво, иногда в чрезмерных количествах. А может быть, дело вовсе не в пиве, а в её душевном складе. Хотя Рустам больше не употреблял наркотики (или мы не знали), нам не нравилось, что он не работает, не учится, пьёт, и Света составляет ему в этом компанию. Мы долго

привыкали к Ольге, и теперь нам казалось, что Ольга была лучше, чем Света. Рустам как-то сказал: «Ольга была умная, мне теперь не найти такую же». Света была, как бы это сказать, слишком проста для Рустама, и слишком не контролировала себя, когда выпивала много пива.

737. Я вспоминаю один эпизод. Я хотел бы его забыть, это один из тех немногих эпизодов в моей жизни, которые я хотел бы изменить, если бы, как говорил Рустам Ольге, мог повернуть время назад. Такие эпизоды, которые хотелось бы изменить, а, поскольку это невозможно, то забыть, как раз и помнятся лучше всего. Здесь память-сука ничего не желает высветлять.
738. Кадрия уехала в Казань, одна, дэв-ани была уже больна. Рустам всё время проводил во дворе со Светой и друзьями, приходил поздно и пьяный. Я злился, ругался, да бестолку. Вот и в тот раз он пришёл поздно, выпивши (правда, немного), вместе со Светой. Я не хотел её пускать, не хотел, чтобы они продолжали пить. Я пытался не пустить её в квартиру (в нашу жизнь?), но она уже напилась пива. Мы почти дрались, я схватил её за волосы. Потом, позже, с ужасом обнаружил клочок рыжих волос на полу, но, к счастью для моей совести, это оказалась всего-навсего шерсть из воротника её куртки. Я не пустил Свету и велел Рустаму идти в свою комнату спать. Сам я без сил рухнул на кровать, сердце бешено колотилось, и мне вдруг показалось, что ещё немного, и я умру, что такие сцены не для моего возраста, не для моего характера, вообще не для меня. И Кадрии не было, и что же Рустам делает... А Рустам всё-таки потихоньку открыл дверь, впустил Свету, чтобы она осталась до утра. У меня уже не было сил сопротивляться. Потом, много позже, я подумал, что Рустам впустил её в дом так же, как когда-то привёл домой бомжиху: ему было её очень жалко. А мне тогда не было жалко, стало жалко потом, стало жалко Свету, Рустама, их обоих, Кадрию, Светиных родителей, нас всех вместе...
739. В апреле Рустам таки попался ментам во дворе нашего дома. Его хотели забрать в армию, но медкомиссия отправила его на обследование в психушку. В армию его не отправили, а, впрочем, ему ведь уже было 26 лет, через три месяца должно было исполниться 27, сроки призыва проходили. Стало проще найти работу. Наташа Селиваненко устроила Рустама курьером в турфирму, где работала тогда сама. Эта работа ему нравилась, им были довольны. Наташа потом говорила: такие курьеры редко попадают, когда на него не «находило», он мог сделать за день очень много, больше, чем кто-либо другой, и все жалели, когда он ушёл. Наверное, потому и ушёл, что «находило»: прогуливал, пьянствовал с друзьями. Потом уже он пытался найти такую же работу, но время бежит, всё меняется, и то, что было так просто вчера, сегодня уже почти невозможно. Теперь Кадрия тоже работает в турфирме, и тоже курьером (ей надоело сидеть дома). Ей уже пора уходить, она устаёт, сказывается

возраст, пора отдыхать. Но дома пусто, а на работе она бежит по Москве, встречается с людьми.

740. Летом 2000-го года я написал стихотворение, как мне теперь кажется, прощаясь с Липовкой, по крайней мере, с Липовкой Рустама и Ольги, с Липовкой «Дао Дэ Ли По вэй». Оно называется «Аквопил», что значит «Липовка», если читать задом наперед. Здесь много таких слов, написанных задом наперед, они выделены курсивом, из-за этого стихотворение имеет неожиданную интонацию «классического перевода».

На склоне лет я посетил
Тебя, чудесный *Аквопил!*
С пустых высот *Оникшумеда*
Иду вдоль тракторного следа
В долину славного *Ашкома*
К листам гремящего парома.
Под величавым *Асебенем*
Акалбо кружат белой пеной.
Просторны и широкоскулы
Лежат зеленые *Агулы*.
И пахнет поцелуем девы
Дыханье вольное *Ретева*.
В тенистой роще слева *Натс*,
А справа - воды *Ациратс*.
И тянет вдаль слепая сила
К далеким крышам *Аквопила*.
Там *Ацинълем* стоит без крыл
У края *Пурковых* хором.
Акчакодов железный взмыл
И рядом с ним мой старый дом.
К нему плывет песок *Котука*.
Иду, вдыхая цвет и звуки.
Вот *Ялок Тавх* везет нам хлеб.
Рукой махнул ядяд *Ятеп*.
А вот и цветик мой *Китюл* -
Ну, здравствуй, мой *абаб Абюл!*
Я поднимаюсь на *Оцьлырк*,
Вот *Аднарев*, вот мой *Инес*.
Здесь сухо - не течет *Ашырк*.
В окно я вижу дальний лес.
Я заварю получше *Йач* -
Пусть будет крепок и горяч.
А может, выпьем *Ногомас?*

Никто ведь не осудит нас.
Давненько, право, я не пил -
Все ждал тебя, мой Аквопил.
Садись сюда, абаб Абюл, -
Вот хочешь лавка, хочешь стул.
Мы вспомним тех, кто не забыт,
И будем слушать Анишит.

741. В октябре мы с Кадриёй первый раз поехали отдыхать за границу. Кадрия вообще первый раз, а я до этого был только в командировках в Канаде и США. Мы поехали в Израиль. Дядя Лёня и Галя давно нас звали, и вот мы, наконец, смогли и решились. Рустам остался в Москве со Светой. Мы уже примирились с ней, нам казалось, что Рустам будет под присмотром. Отчасти так оно и было тогда. Света ждала ребёнка, это как-то удерживало её от пива и гулянок. Вика родилась, когда мы были в Израиле. Мы с Кадриёй, Галей и дядей Лёней бегали по базарам Тель-Авива и Беер-Шевы, покупали подарки новорождённой.
742. Рустам не собирался жениться на Свете, но признал ребёнка своим, это было оформлено официально. Может быть, он сомневался, что ребёнок его, или был уверен, что не его, но для него это было не важно. Может быть, он жалел Свету, может быть, жалел ребёнка, может быть, жалел себя, хотел семьи и покоя. А может быть, просто плыл по течению. Рустам не любил Свету, во всяком случае, не любил её так, как когда-то, вроде бы совсем недавно, любил Ольгу, или продолжал любить... Он не любил, но жалел Свету, и, хотя по крови русским Рустам был на три восьмых, это было очень по-русски: жалеет – значит, любит.
743. Мы познакомились с родителями Светы – Таней и Сергеем. Они жили совсем рядом с нами, в двух минутах ходьбы. Это были простые люди, в отличие от родителей Ольги, они нам понравились. Рустам ушёл жить к ним. На фотографиях он и Света вместе с дочкой. Рустам держит Вику на руках, кормит её из соски, купает в ванной. На лице у него улыбка, почти идиотически счастливая, почти счастливая, почти...
744. На Новый год мы с Кадриёй поехали в Липовку без Рустама, он остался со Светой, с её родителями и со своей дочкой. С нами были Ира Ратафия и Дима Авалиани, он очень хотел побывать в нашей деревне. Зима была снежная, в Рожково мы погрузили на сани вещи, посадили Диму и Иру, а сами пошли пешком налегке. Уже наступила ночь, когда мы подошли к своему дому. Авалиани не было. Я начал беспокоиться и чуть было не пошёл его искать, как сани подъехали. Оказывается, сначала отправились к Ире, она выгрузила свои вещи и сама выгрузилась, а Диму повезли к нам. Но Дима не знал, где наш дом, он был первый раз в Липовке, да и ночь уже стояла. Не знал, куда ехать, и возница. Авалиани ехал в санях и кричал: «Игорь! Игорь!». Он тоже перепугался. Но кое-как добрались.

745. Потом всё было хорошо. Праздновали Новый год, с Дедом Морозом и Снегурочкой (Наташа ещё была жива), лепили снежную бабу с носом-морковкой, ходили в гости к Лене Камбуровой, точнее, вместе с Леной – к Лёшке-леснику, её соседу. Авалиани расписал своими листовертнями всё, что нашёл в нашей избе: бумажные тарелки, бутылки, кувшины, просто листки бумаги. Через три года Дима трагически погиб в Москве под колёсами машины, а эти его листовертни всё так же украшают нашу избу, и мы показываем их всем нашим гостям. Я разглядываю фотографию, на которой Дима Авалиани сидит в липовской избе на лавке под новогодней ёлкой и улыбается.
746. Я разглядываю фотографии Рустама, Светы и Вики. Вот снимок, который мог бы стать семейным: Рустам и Света сидят на кровати, оба широко улыбаются, Рустам держит на руках Вику. Как же нам хотелось, чтобы у них всё получилось. Пусть Света не такая умная, пусть слишком пристрастна к пиву, пусть мало подходит Рустаму, пусть и любви-то особой нет, да хрен бы с ним, лишь бы получилась семья, получилась жизнь, ребёнок – хороший повод, да и причина, чтобы держаться вместе, образумиться. Стерпиться – слюбиться, так ведь говорят недаром.
747. Но вот не знаю, хотела ли Света этого ребёнка, или просто по дурости бабьей думала таким способом удержать Рустама, хотя и тут не очень понятно, а нужен ли ей был Рустам, или нужен был хоть кто-нибудь, за кого она могла бы уцепиться в жизни. У неё была склонность к суициду, Рустам нам потом рассказывал, как сам однажды спасал её, когда она пыталась вскрыть себе вены. А Рустам... что ж, Рустам не мог успокоиться, наверное, честно пытался, но, думается мне, продолжал любить Ольгу или вспоминать эту любовь, что со временем ведь одно и то же. Он не хотел умирать, он хотел жить, но его куда-то всё время тянуло, он всё хотел что-то найти, или кого-то. Хотел идти и не мог сделать ни шагу. «Стерпиться – слюбиться» – это не про него. Он мог любить сильно, но только если любил, он не мог себя уговорить любить, мог жалеть и из жалости делать многое себе во вред, но был лёгким как пушинка на ветру перемен.
748. Рустам ушёл жить к Свете, но, конечно, приходил иногда домой. Потом стал приходить чаще. Потом больше бывал дома, чем там. Потом вернулся совсем, чтобы лишь изредка бывать у Светы. Семья не получалась, всё разваливалось. Они были вместе, хоть как-то вместе, наверное, больше года, но меньше двух лет. Света познакомилась с Никитой – «Никитом», приятелем Рустама по Липовке, а потом и по Беляеву. Они поженились, и Света уехала к Никите, в его квартиру в Беляево. Рустам сказал: «Я вообще-то очень рад за Свету. Хорошо, что они поженились, у неё есть теперь муж, семья».
749. На этот раз мы отдыхали с Кадриёй в Испании, вместе с дядей Лёней и Галей, а ещё Аллой Крейниной из Израиля и нашими друзьями из

Москвы: Витей Шнитманом, с которым я вместе работаю, и его женой Таней. Рустам остался дома. Мы много раз говорили ему: оформи себе заграничный паспорт, будем вместе отдыхать в тёплых странах, ты же работаешь в турфирме, тебе это так легко сделать. Он вроде бы соглашался, но ничего не делал. Неужели ему не хотелось повидать мир? Или он просто не хотел ехать с папой и мамой? Но паспорт-то мог бы себе сделать, мы бы не возражали, если бы он поехал без нас, или, может быть, он не считал себя вправе отдыхать на наши деньги (всё же заграничная поездка дороговата), не знаю, теперь я могу только гадать, он ничего не говорил и ничего не делал.

750. В наших поездках мы почти каждый день звонили Рустаму по телефону, он сам просил нас об этом, чтобы ему было не так скучно. В этот раз мы попросили приглядывать за Рустамом нашу старую подругу, Люду Василенкову. Рустаму нравилось звать её по имени-отчеству: Людмила Васильевна, но на «ты». Он знал её с детства. Я познакомился с Людой раньше, чем с Кадриёй. Это были ещё времена «Чайного Клуба», который мы организовали в конце 60-х – начале 70-х с Петром Николаевичем Коропом. Мы собирались по разным квартирам и пили чай. И, конечно, разговаривали, обсуждали всё подряд, было и что-то литературное. А ещё был Устав Чайного Клуба, членство разных уровней, ритуалы и чайные традиции, даже флаг, который и сейчас висит в коридоре нашей квартиры. И был чай. Конечно, такого разнообразия чаёв, как сегодня, тогда и в помине не было, но мы что-то искали, находили, сравнивали. И пили чай.
751. Мы познакомились с Людой на квартире у Игоря Маева, приятного человека и собеседника, меломана, библиофила, любителя женщин и т.п. История знакомства Игоря и Люды уходит так далеко в прошлое, что я мог только догадываться, почему их связывают такие тёплые отношения, почему Люда была рядом с Маевым на протяжении всех его любовниц, жён и болезней вплоть до самой его смерти.
752. Впрочем, сколько помню, Люда всегда была рядом и с нашей семьёй. Мы были знакомы с её родителями, с её младшим братом Сашей, с её мужем Гиви, с её последним близким другом Виктором. И на наших глазах они умирали один за другим, так что теперь Люда совсем одна. Она сама сказала как-то Кадрие, что ближе нас у неё никого не осталось. Смерть Виктора Люда переживала особенно тяжело, потому что эта смерть была последней, и потому что их связывало очень многое. Виктор был физиком-теоретиком, кстати, одним из немногих, кто сдал теоретический минимум Ландау (таких за всё время набралось чуть больше 40 человек). А ещё Виктор был заядлым яхтсменом, капитаном яхты, принадлежавшей Институту теоретической физики, в котором он работал, и Люда была непременным членом яхтенной команды (и остаётся теперь, уже после Виктора). На яхте мы и познакомились с

Виктором, когда Люда пригласила меня и Кадрию прокатиться по Пироговскому водохранилищу к Бухте Радости.

753. Рустама и Люду всегда связывали какие-то особые отношения. Часто, когда ему было плохо, он шёл не домой, к папе и маме, и даже не к друзьям-собутыльникам, а ехал в гости к Люде. Что-то ей рассказывал, на что-то жаловался, плакал в жилетку, иногда оставался на ночь. Люда говорила, что хорошо чувствует Рустама. Порой, когда мы не находили себе места, беспокоясь, почему Рустама нет дома, где он и что с ним, она спокойно заявляла: не волнуйтесь, на этот раз всё в порядке, я это чувствую. Вот только когда он умер, она ничего не сказала.
754. Когда мы были в Испании, Люда говорила по телефону: вы не волнуйтесь, кое-что произошло, но с Рустамом всё в порядке, просто ему морально плохо; когда приедете, не ругайте его, даже если он окажется выпивши. Как выяснилось по возвращении, выпивши он был уже неделю. Тогда он потерял работу. Но мы его не ругали, потому что причина была. Умерла Света – она выбросилась из окна квартиры в Беляево. Что-то говорили про Никиту: он таскал у неё деньги, они ругались из-за этого. Она пошла в другую комнату и выбросилась из окна.
755. Рустам сильно переживал. Казалось, на его пьяном лице написан один вопрос: «Почему?». Почему так хреново устроена жизнь? Почему все они умирают? Почему нет у них счастья? Почему, почему, почему... У них, у них, у них... У него самого, у Рустама. И даже не вопрос, уже не вопрос, безрадостная констатация, обречённое понимание. Лучше бы он был поглупее, наш сын, поглубе кожей и попроще сердцем, может быть, тогда сложилась бы жизнь и была бы она дольше...
756. Я разглядываю фотографию Светы из нашего альбома (не из зелёного). Она сидит на стуле, поджав одну ногу под себя, а другую, согнув в колене, обхватила руками. Ноги почти целиком открыты, обтянуты колготками. Длинные рыжие волосы, вытянутое лицо, взгляд издалека. Она выглядит сексуально и обречённо.
757. Как-то раз Таня, мать Светы, сказала нам: «Она мне приснилась. И во сне говорит: у меня всё хорошо, только тут скучно. Но это ничего, скоро все они будут вместе со мной». Этот сон и эти слова Таня вспоминает при каждой нашей встрече. Пять человек уже умерли. Последняя – девушка, кажется, Настя, которая работала в одном из ближайших магазинов, умерла в 32 года от сердечной недостаточности.
758. «Скоро все они будут вместе со мной». Света имела в виду своих подруг, друзей, любовников. Но она не имела в виду свою дочь, Вику. Она её вообще не имела в виду, иначе не выбросилась бы из окна. Наверное, ребёнок ещё во чреве матери чувствует: нужен он или нет. Вика оказалась не нужна никому, кроме своих бабушки и дедушки, Тани и Сергея. Не сразу, но ещё при жизни Рустама, выяснилось: у Вики

аутизм. Она до сих пор не разговаривает, ходит в специальный сад-интернат, хотя должна была бы уже ходить в школу. Как будто мало было Рустаму истории с Ольгой, смерти Светы. Ещё и Вика.

759. Сначала она ритмично тыкалась головой в подушку, пока не засыпала. Теперь она столь же ритмично и быстро перелистывает страницы журналов и книг. Это называют ритуальным поведением: она будет повторять одинаковые действия вновь и вновь, и вновь, пытаясь... что? Кто-то считает, что это способ понять окружающий мир, как-то упорядочить то, что ребёнок видит вокруг себя, сделать линейным нелинейное. Она смотрит искоса и не смотрит в глаза. Считается, что аутичные дети не улыбаются, но Вика улыбается, улыбается почти всегда, но эта улыбка будто приклеенная. Она резвая девочка, быстро передвигается по квартире, но непонятно с какой целью, зачем. Хлопает бабушку по спине, хлопает сильно, и никак не удаётся остановить её. Но это только с бабушкой, с дедушкой, гостей она будто не замечает.
760. У аутичных детей всё «будто». Они будто не слышат, когда к ним обращаются, и иногда родители думают, что у ребёнка что-то со слухом, но у него всё в порядке со слухом, он прекрасно слышит, но не реагирует, ему это неинтересно, не нужно, он это игнорирует. Ребёнок не разговаривает, но это тоже «будто»: просто не хочет. Как в том анекдоте про мальчика, который первый раз заговорил в двенадцать лет и сказал: «Прошу прощения, но каша пересолена». Когда все удивились, что он умеет говорить, и спросили, что же он раньше молчал, мальчик резонно ответил: «А раньше всё было в порядке».
761. Цитирую по интернету, из многих источников, без ссылок – не обессудьте (в том числе, <http://logoburg.com> – они просят всегда на них ссылаться). Эту болезнь (если это болезнь – есть и другие точки зрения) впервые описали в начале 40-х годов прошлого столетия два врача: американский психиатр Лео Каннер (Leo Kanner) и австрийский педиатр Ханс Аспергер (Hans Asperger). Поразительное совпадение: ни один из этих ученых не знал о работе другого и, тем не менее, оба назвали открытое заболевание одним и тем же словом. Слово аутизм происходит от греческого αὐτός – «сам», и означает – погружение в себя. Название подходящее: первое, что замечают окружающие, – ребёнок всячески избегает социальных контактов.
762. С тех пор количество диагнозов «аутизм» неуклонно растёт. Только в США по разным оценкам от 400 000 до 1 500 000 аутистов, и число зарегистрированных случаев ежегодно увеличивается на 10-17 процентов. По данным «National Autistic Society» аутизмом страдает каждый сотый житель Соединённого Королевства. Цифры были бы ещё более угрожающие, но поначалу, а кое-где и сейчас, врачи предпочитали разные другие диагнозы, вплоть до шизофрении. Кроме того, в России ребёнка до трёх лет не признают аутичным, какие бы симптомы у него

не были. Аутизм выявляется во всех социальных классах и во всех частях света. Это уже носит характер скрытой эпидемии. Учёный и финансист Джеймс Саймонс потратил более 30 млн. долларов США на изучение этой проблемы. По инициативе Государства Катар, Генеральная Ассамблея ООН 18 декабря 2007 (резолюция № A/RES/62/139) установила «Всемирный день распространения информации о проблеме аутизма»; этот день предполагается отмечать ежегодно, начиная со 2 апреля 2008 года. В этот день в Махачкале состоялся митинг, посвящённый этой проблеме. Его организовали родители детей-аутистов при поддержке студентов Дагестанского педагогического университета. Они хотели сказать, что аутистам нужно внимание и профессиональная помощь, тогда они могут стать полноценными членами общества.

763. Назвать вам причины аутизма? Пожалуйста, на выбор: тяжёлые металлы, дожди, бытовая химия, электромагнитные излучения, телевизор, генетика – 6 генов, ответственных за нарушение функционирования системы зеркальных нейронов головного мозга, отравление ртутью, стресс матери на 24-28-ой неделе беременности, осложнения при родах, распространение компьютеров, условия жизни и нелюбовь к ребёнку. Впрочем, последнее считается устаревшим. Но список не полон. Швейцарские учёные говорят о «перегрузке» мозга, который у аутистов воспринимает, чувствует и запоминает слишком большое количество информации. Согласно медицинским наблюдениям, у всех аутистов прослеживается аномальный рост мозга. Хотя при рождении мозг ребёнка имеет абсолютно нормальные размеры, в годы первых проявлений болезни он уже на 10% больше мозга его сверстников. Ещё одно объяснение аутизма – задержка в развитии по «теории разума»: ребенок не может развить теорию о том, что люди, включая и его самого, обладают разумом. Таким образом, он не может представить мысли или предвидеть поведение других людей. В том числе, надо понимать, и свои собственные мысли и своё собственное поведение?
764. Нетрудно заметить, что одна часть этих «причин» никакие не причины, а попытка определить саму болезнь, объяснить симптомы, другая – вроде бы причины, но непонятно, причины чего, то есть как и что изменяется в организме ребёнка. Короче говоря, причины аутизма неизвестны. И неизвестно, почему число аутистов столь стремительно растёт именно сейчас, в XXI веке. Может быть, это «эффект переписи»: «Сколько человек жило в вашей деревне до такого-то года? – Согласно переписи, никого не было. – Как никого, деревня-то старая! – Так ведь раньше переписи не было». А может быть, что-то совсем другое.
765. Ещё более разнообразны и многочисленны предлагаемые методы лечения. Но если их подытожить, результат получается один: аутизм – это не болезнь, от которой можно вылечить. Лишь в малом проценте

случаев дети с точно установленным диагнозом аутизма могут в дальнейшем жить самостоятельно, и лишь 1–2 из 100 становятся полноценными членами общества. Более половины детей, страдающих аутизмом, нуждаются в уходе в условиях стационара; у значительной части больных после многих лет, проведенных в больнице, развиваются признаки хронической шизофрении. У 25–30% больных со временем появляется эпилепсия. Большинство остаются инвалидами на всю жизнь.

766. Но есть и альтернативный взгляд на проблему: аутизм – вообще не болезнь, и лечить его не надо. Не знаю, чем объяснить эту точку зрения: отчаянием? релятивизмом: что есть норма? что есть здоровье? или желанием во всём видеть проявление чего-то фантастического, мистического, божественного или инопланетного?
767. У Ли Кэрролла была процветающая студия звукозаписи в Калифорнии. Дух по имени Крайон вошёл в его жизнь внезапно и объявил, что Ли ещё до своего воплощения на Земле согласился быть его «рупором». Правда, для того чтобы Кэрролл поверил в это, Крайону пришлось «дать ему промеж глаз». Так или иначе, с 1988 года Ли Кэрролл записывает послания от Крайона и проводит сеансы «живого» ченнелинга по всему миру. Из этих текстов уже сложилось 11 книг и множество аудио- и видеокассет и фильмов на DVD. В мае 2008 года Ли Кэрролл посетил со своими лекциями и семинарами Москву и Петербург. Для тех, кто не знает, *ченнелинг* (channelling) – контактёрство, «передача по каналу» – организация устойчивого канала связи с высшими существами, которые испытывают к людям любовь и стремятся им помочь. Это могут быть инопланетяне, древние боги, души умерших, ангелы, эльфы, элементали (стихийные духи), духи планет и звёзд, дельфины, Махатмы, Вознесённые Владыки, Команда Аштара, Сананда, плеядеанцы и т.п. Впрочем, многие считают, что никакие это не высшие существа, а вовсе даже агенты дьявола, бесы и прочее «астральное отребье».
768. Итак, 50 000 лет назад некие существа из созвездия Плеяд посетили Землю, чего-то тут сделали, и из 17 видов людей остался один, наш с вами, вид. Лемурийцы обладали квантовым сознанием, благодаря духовным семенам, посеянным в слоях ихних ДНК, и это сохранялось вплоть до Атлантиды. Лемурийцы знали о Солнечной системе, о ДНК и о том, как работает физика. Правда, они не пользовались нашими научными методами и инструментами, поскольку им вполне достаточно было интуитивного знания, получаемого непосредственно из окружающего мира благодаря квантовой ДНК, квантовому сознанию и всё такое прочее. Потом это всё как-то утратилось. Мы подобны жителям Флатландии – двумерного мира листа бумаги, придуманного Эдвином Эбботтом; хотя у нас есть и третье измерение, но мы о нём даже не подозреваем. А ещё мы цветные, но видим себя в ущербном

чёрно-белом варианте. И прочее, прочее... – всё в том же весёлом и безудержном духе. Завидую людям без комплексов.

769. Похоже, аутизм действительно становится болезнью (или явлением?) XXI века, коль скоро дух Крайон счёл нужным поговорить о нём через свой «рупор», Ли Кэрролла, 26 сентября 2008 года в городе Лавлэнд, Штат Колорадо.
770. *Благословенен тот, у кого аутизм и кто пришёл на эту Землю, чтобы показать вам, каким образом выглядит будущий этап развития Человека! Они проводят свою жизнь, пытаясь постичь линейность, и это приносит им разочарование. Благословенен человек с необыкновенными способностями, считаемый умственно отсталым, на которого смотрит Земля и называет «психически неустойчивым». Потому что люди, которые так поступают, не могут увидеть то, что они не понимают. Человек, у которого аутизм, способен подняться над тем «листом бумаги» и существовать в цвете! Многие из людей, у которых аутизм, способны делать то, для чего вами используются калькуляторы на ваших рабочих столах, знали ли вы это? А им не нужен калькулятор! Дайте им задачу – двузначное число умножить на трёхзначное. А теперь смотрите, как быстро они дают вам ответ. Это потому что они не линейны! Спросите их, каким днём недели будет 13 августа в 2012 году, и они скажут вам, и им не нужен календарь. Вы могли бы спросить: «Какого же рода ум способен на это?» Я скажу вам: нелинейный, без тех «стен» в мозгу, которые есть у вас.*
771. *Вы когда-либо задумывались об этом? Барьеры отброшены. Можете вы представить себе разочарование этого Человека? Вот он, в чёрно-белом мире, в то время как он сам обладает цветом. Не только это: вы хотите, чтобы он двигался по прямой линии, в то время как ему привычно движение во всех направлениях одновременно. То, что происходит, дорогие мои, это то, что очень, очень медленно линейность Человеческого ума начинает снижаться. В отличие от людей с аутизмом, это будет происходить способами, которые будут всё ещё сбалансированными и понятными для вас. Другими словами, вы будете способны входить и выходить из квантового мышления в любое время, когда пожелаете, чтобы жить в рамках линейного, трехмерного существования, обладая квантовым сознанием. Это станет возвращением к той форме сознания, которой обладали Лемурийцы, но с мудростью веков, накопленной вами. Это не произойдёт быстро, но первопроходцы этого процесса уже находятся здесь.*
772. *Многие из читающих это серьёзно озабочены аутизмом. Вы желаете знать, почему рождается так много людей с аутизмом. Вы говорите, что это больше чем совпадение, что их неожиданно стало так много! Сегодня рождается больше детей с аутизмом, чем это когда-либо*

было на этой планете. Люди суеются, желая узнать что не так. Это химический состав пищи? Наверно, это должны быть прививки! Некоторые говорят, без каких-либо доказательств: «Да, в этом дело – это должно быть из-за прививок». Вы хватаетесь почти за всё, чтобы объяснить загадку того, почему появляется так много людей с аутизмом. И всё же совсем немногие люди, если таковые вообще есть, сказали, взглянув на эту загадку: «Может быть, мы эволюционируем, и это первая волна того, что нам предстоит увидеть?» Не психически неустойчивые, а нелинейно мыслящие! В этом ведь дело. Вы наблюдаете форму эволюции, а называете это странным и необычным.

773. Это просто те, кто приходит раньше срока с активированной квантовой ДНК. Эти ранние первопроходцы обладают ДНК, которая активирована неконтролируемым образом, и, таким образом, для того чтобы узнать, как всё это освоить, необходимо обучение. Вот чем они занимаются, и каждое поколение незаурядных людей, считающихся умственно отсталыми, будет всё лучше с этим справляться, постигая: что линейно, а что нет. Понаблюдайте за тем, как ребёнок с аутизмом проходит через то, что ему необходимо сделать (с аутизмом в его тяжелейшей форме). Он настолько нелинеен, что невероятное разочарование у него связано даже с попыткой сделать линейным Человеческий голос, когда вы разговариваете с ним. Они будут повторять одинаковые действия вновь и вновь, и вновь, пытаясь сделать линейным нелинейное. Стены линейности отсутствуют в их мозгу, и им приходится учиться строить те из них, которые им требуются. Люди воспринимают их как проблему, а они – это не проблема. Это форма одарённых детей, которые помогают этой планете развиваться. Благословенны те, кто приходит на Землю в качестве новой волны сознания, чтобы показать вам, что грядёт. Они создают условия для нового вида Человека. Потому что эта «квантовость» будет развиваться сбалансированным образом, при котором у многих будут «аутические таланты» в том, в чём они захотят, и линейные способности, когда они захотят этого. Вот на что способен человеческий ум – быть квантовым – когда человек желает этого. Это возвращение к тому, что было дано вам давным-давно.

774. Я нашёл этот текст на сайте Ольги Власовой, матери сына-аутиста, среди многих других текстов: программ, методик, учебных пособий, рекомендаций, сведений о лекарственных препаратах, полезных адресах, где могут оказать реальную помощь, советах по организации летнего отдыха детей-аутистов, по обучению детей и родителей, законодательных актах, психологических тестов для родителей, 11 способов «справиться с унынием», ссылок на журналы и книги о детском аутизме.

775. Стив и Барбара Ротер путешествуют по миру и проводят семинары по обретению силы для Целителей и Работников Света, основываясь на информации, получаемой от Группы «Апостолы Света». Супруги Ротер побывали во многих странах мира и пять раз приглашались в ООН (в Вене и Нью-Йорке). Они основали общественную организацию «Lightworker» (Работник Света), делаясь с людьми уникальными знаниями и своими огромными сердцами и любовью. Они говорят о том, что идёт некая *перемонтировка* человека и человечества, используя такой несколько странный в подобных текстах технический термин. И они, чутко реагируя на конъюнктуру, не обошли вниманием проблему аутизма.
776. *Поскольку вы развиваетесь, и начинают развёртываться некие события, одним из самых важных является новое понимание многомерности. Вы становитесь многомерными существами, и то, что люди классифицируют как болезни, будет понято. Конкретно это относится к аутизму. Мы определяем аутиста как многомерную личность, живущую в двух мирах. В большинстве случаев дети-аутисты не могут найти свой путь в мире, в котором вы знаете их как аутистов. По сути, они могут существовать больше в другом мире, чем в том, который вы называете своей жизнью. Это очень расстраивающий опыт для души. Но с его помощью можно многого достичь. Это не болезнь и не что-то «не правильное». Поняв красоту аутизма, вы можете узнать, какой это огромный дар многомерности. Самая большая проблема в том, что личность с аутизмом переживает разочарование, а временами испытывает и гнев. К ним приходит так много информации, что они не могут полностью её интерпретировать.*
777. *У людей, не страдающих аутизмом, имеются фильтры, позволяющие видеть и ощущать информацию и вибрации только в пределах вашей реальности. У аутистов такие фильтры убраны, и им очень трудно усвоить всю информацию и видеть вещи такими, какими видите их вы. Мы говорим: это начинает меняться. Благодаря пространственному сдвигу и открытию многомерности в результате перемонтирования, вы начнете находить преобразующие инструменты (мы называем их инструментами перевода), которые помогут переводить общения с людьми из других измерений. Со временем это раскроет больше тайн о состоянии аутизма. Понаблюдайте за этим. И вновь, эти инструменты будут названы иначе, чем мы только что описали, ибо они придут из несуществующих наук. Новые инструменты для понимания аутизма на горизонте.*
778. *Некоторые из них долго были здесь, но все ещё не поняты,... человек, работающий с ребёнком-аутистом каждый день, надевает кристалл, ибо знает, что ребёнок не может говорить с ним, но может разговаривать с кристаллом. Ребёнок-аутист может разговаривать с кристаллом потому, что кристалл – прибор для перевода. Кристалл*

может существовать во многих измерениях, и может полностью достигать их измерения, так же, как и вашего. Пожалуйста, знайте: не все кристаллы можно использовать для понимания ребенка-аутиста, для этой цели можно использовать только кристаллы с правильной вибрацией. Это напоминает о том, что большинство детей-аутистов могут общаться с некоторыми животными, и особенно с теми, которые мы знаем как многомерные, например, с дельфинами. Дельфина невозможно держать дома как домашнее животное, поэтому именно вы должны общаться с ребенком-аутистом. Но поймите: уже существуют приборы для перевода. Сейчас в этой роли будут использоваться и другие формы. Одни формы будут объектами, другие – живыми многомерными формами жизни. Третьи будут новой биологией, и мы говорим: совсем скоро появятся новые одарённые дети, которые помогут перевести и понять дар аутизма.

779. Я не смог отказать себе в удовольствии обширно процитировать всю эту галиматю, потому что в ней что-то есть. Конечно, не то, что говорят эти авторы (что они думают, я не знаю). А нечто, что происходит от неустроенности жизни, неудовлетворённости ею, что кажется выходом из безвыходных ситуаций. Ведь каждый из нас знает, что он сам, а тогда и любой другой человек, – гораздо больше, чем кажется. Что трагедия человека в том, что он больше самого себя, неизмеримо больше. В принципе, так и рождаются религии: от отчаяния. Хотя не всякое отчаяние рождает религию, чаще всего – ересь и шарлатанство. Но в одном они правы: если не 1, а 99 из 100 рождающихся детей будет аутичным, мир изменится. Вот только высшие существа здесь, скорее всего, не при чём. Равно как и Бог, как бы нам этого ни хотелось.
780. Как обычно, после того, как появился термин «аутизм», он стал применяться в гораздо более широком смысле, чем это представлялось его авторам, Лео Каннеру и Хансу Аспергеру, и проецироваться в прошлое.
781. Действительный член РАО и РАЕН, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой психологии развития Московского педагогического государственного университета, автор более 400 печатных трудов, изданных в России и за рубежом, имеющая патенты и более 50 изданий книг на языках мира, Валерия Мухина написала две работы, посвящённые аутизму. Она пишет: *Мы считаем правильным рассматривать аутизм не только в контексте психического заболевания или в контексте экстраординарных, выходящих из ряда вон экстремальных обстоятельств, но и как феномен нормального онтогенеза человека. В последнем случае аутизм – это форма приспособления в субъективно усложнённых условиях. В контексте нашего подхода мы будем рассматривать аутизм как феномен, сопутствующий и содействующий нормальному онтогенетическому развитию. В этом*

смысле термин «аутизм» ввел Э. Блейлер в 1911 году для обозначения состояний ухода из внешнего мира и преобладания внутренней жизни, построенной на аффективных переживаниях человека. *Для нормального человека свойственно психологическое обособление, выражающееся в стремлении к «уходу» от контактов в реальной жизни, в желании «бежать».*

782. На помощь Валерия Мухина призывает Фёдора Михайловича Достоевского, который, будучи истинным психологом, выявил тип людей со «слабым сердцем», спасающихся от непереносимых условий бытия уходом в мир своего воображения, грёз. И далее она цитирует. *Но какое-то тёмное ощущение, от которого слегка заныла и волнуется грудь его, какое-то новое желание соблазнительно щекочет и раздражает его фантазию и незаметно сзывает целый рой новых признаков... Воображение его снова настроено, возбуждено, и вдруг опять новый мир, новая очаровательная жизнь блеснула перед ним в блестящей своей перспективе. Новый сон – новое счастье! Новый приём утончённого, сладострастного яда! О, что ему в нашей действительной жизни!.. Вы спросите, может быть, о чём он мечтает?.. да обо всём... о роли поэта, сначала непризнанного, а потом увенчатого; о дружбе с Гофманом...*
783. В письме к брату Фёдор Михайлович рассуждает: *Видишь ли, чем больше в нас самих духа и внутреннего содержания, тем краше наш угол и жизнь. Конечно, страшен диссонанс, страшно неравновесие, которое представляет нам общество. В не должно быть уравновешено с внутренним. Иначе, с отсутствием внешних явлений, внутреннее возьмёт слишком опасный верх. Нервы и фантазия займут очень много места в существе. Всякое внешнее явление с непривычки кажется колоссальным и пугает как-то. Начинаешь бояться жизни.*
784. По Мухиной, Ф.М. Достоевский считает, что «паралич мечтательности» – «одна из болезней века». Надо понимать, XIX века. *Неужели же вы думаете, что я бы мог жить, если бы не мечтал. Да я бы застрелился, если б не это. Вот я пришёл, лёг и намечтал... Он – он спился, он не вынес. Я – мечтатель, я выношу. Я бы вынес.* И Мухина заключает: грёзы, мечта, аутизм – во многом способы приспособления к сосуществованию с реальной действительностью.
785. Вот за это я и не люблю Достоевского: за «психологию». Он напоминает мне анатома, вскрывающего тело для того, чтобы изучить строение человеческого организма. Вещь необходимая и полезная для того, чтобы научиться лечить, но вскрытие само по себе – нечто противоположное лечению. Я далёк от мысли, что литература должна «лечить», но уж, по крайней мере, не «вскрывать». Достоевский «вскрывает» души, но душа, будучи «вскрытой», исчезает, и остаются одни «аффекты». Метод, применимый к изучению (хотя литература разве изучает?) вещей,

выглядит, по меньшей мере, странным в отношении человека. Парадокс, но более всего «вскрыть» человека стремятся как раз те культуры, которые основаны на религиозном тезисе о «богоподобии» человека, так что по сути они стремятся «вскрыть Бога». Буддисты равнодушны к анализу психических переживаний, призывая избавиться от них всех скопом, без разбору. Это только западным «искателям истины» буддизм представляется глубоко психологическим учением на том основании, что он объявляет мир иллюзией. На самом деле буддизм апеллирует к тому в человеческой душе, что лежит гораздо глубже психики, глубже сознания и глубже «я», тем самым, отрицая это «я» как последнюю иллюзию, а вовсе не пытаюсь его «понять».

786. И всё же, наверное, правы те, кто считает аутизм не только (хотя вряд ли, не столько) болезнью. Об этом говорят странные факты. У 80 % аутистов коэффициент интеллекта выше среднего, нередко даже на уровне гениев. Таких детей обычно интересуют лишь три сферы деятельности (Ли Кэрролл называет их нелинейными): рисование, музыка, конструирование. В компании «Майкрософт», по неофициальным данным, число аутистов среди сотрудников составляет от 5 до 20%. Ещё больше их среди хакеров. Выдающимися способностями обладают 10% аутистов, тогда как среди обычных людей этот показатель меньше 1%. С другой стороны, если одни аутисты легко справляются со сложнейшими математическими вычислениями, могут по памяти воспроизвести услышанную мелодию и с точностью до мельчайших нюансов скопировать Рембрандта, то другие, которых около 50%, по своему умственному развитию приближаются к олигофренам. Причины подобного разделения, а также необычных способностей оставшихся 50% науке неизвестны.
787. Может быть, действительно, *аутичные* дети более *аутентично* воспринимают наш мир? И основная задача – помочь им адаптироваться в социальной среде, найти им «нишу»?
788. Проецируя исследования аутизма в прошлое, некоторые люди обнаруживают там немало знаменитых аутистов. Самые заметные из называемых: Исаак Ньютон и Альберт Эйнштейн, Гоголь и Микеланджело, Ван Гог и Агата Кристи, Моцарт и Пушкин, и даже Карл Маркс (?). Например, у Ньютона присутствовали характерные для аутистов признаки: увлечённость работой вплоть до забывчивости о еде, затруднение в быту и общении, чтение лекций перед пустой аудиторией. Эйнштейн ребёнком держался вне сверстников, до 7 лет повторял одни и те же предложения, затем с трудом учился в школе и политехническом институте. Работы по специальной теории относительности, принёсшие ему мировую известность, он написал только во время работы чиновником в патентном бюро, не имеющем отношения к науке.

789. Пределом расширительного толкования аутизма можно считать перенесение этого термина с отдельного человека на целые народы и культуры. Вот прочитал, что выраженно аутистичны китайская и японская культуры, в отличие от, например, демонстративно-истероидной американской. Российская культура характеризуется специалистами как психастеничная. И именно в этом одна из причин нашей извечной тяги к Востоку – психастеников привлекает цельность и загадочность аутистов.
790. В центре множества художественных произведений лежит феномен аутизма, и, как правило, в них герои-аутисты имеют гениальные способности. Оставим в стороне Достоевского и вообще классику, но вот кино, самое массовое из искусств. В фильме «Меркурий в опасности» девятилетний мальчик, страдающий аутизмом, сумел вскрыть новый, «не поддающийся дешифровке», правительственный код, причём он это сделал с такой легкостью, с какой обычные дети читают книгу. Аутист Дональд, главный герой фильма Петтера Несса «Без ума от любви» (Mozart and the Whale), имеет феноменальную способность ловко обращаться с самыми сложными числами и пытается найти непредсказуемую формулу любви.
791. Американец Ким Пик страдает аутизмом, но при этом обладает незаурядными талантами, позволившими ему заявить о себе как о серьёзном учёном сразу в нескольких научных областях – математике, истории, литературе, физике. Киму уже 53 года, но его интеллектуальный уровень повышается, способности мозга не угасают, а, наоборот, прогрессируют. Сегодня Ким может запомнить и обработать гораздо больший объем информации, чем раньше: целые телефонные книги объёмом в несколько тысяч страниц; в его памяти хранится содержание порядка девяти тысяч книг. При этом он не может самостоятельно совершать элементарные действия: не может одеться, найти какую-либо вещь в своём доме.
792. Но знаменитым Ким Пик стал как прототип героя Дастина Хоффмана в фильме «Человек дождя». После этого фильма больных аутизмом нередко называют людьми дождя. Вот уж и не знаю, не этот ли фильм подтолкнул учёных искать в дождливой погоде одну из причин аутизма? 13 лет назад я написал миниатюру «Уходящий в дождь».
793. Дождь.
Может быть даже это дождь других времён и других стран.
В каких мирах странствует Уходящий в дождь?
Нужно ли удивляться, когда увидишь его у порога дома твоего?
Он будет сидеть у огня.
Он будет молчать.
Он будет пить чай.

И снова уйдёт в дождь.

От острова к острову – в океане дождя.

Дорогу пространства можно одолеть с помощью ног,
или с помощью колеса, или с помощью крыльев.

По дороге времени бродит память.

На дороге души человеческой – дождь, дождь.

Из страны в страну, из века в век, из сердца в сердце.

Уходящий в дождь затягивает пояс,
поднимает воротник плаща и уходит в дождь.

Бумажный зонтик.

Тяжёлый посох.

И что-то ещё – не поддающееся прочтению.

794. Всё это очень хорошо, романтично, поэтично, фантастично, увлекательно, обнадёживающе и т.п. Но лишь до тех пор, пока я не вижу, как Вика тыкается головой в подушку: снова и снова, и снова. Не шелохнётся, когда к ней обращаются. И не издаёт ни звука. Кадрия говорит, что у её начальника по работе в дизайнерской конторе (это ещё до турфирмы) тоже была дочь-аутист, и она тоже не разговаривала, но потом заговорила, сразу длинными и сложными периодами речи, да так, что трудно её остановить. Верить ли всем этим рассказам? Или верить статистике: лишь 1–2 из 100 аутистов становятся полноценными членами общества, большинство остаются инвалидами на всю жизнь. Есть три вида лжи: простая ложь, бессовестная ложь и статистика.
795. Все мы в той или иной степени больны аутизмом. Все мы ищем способы убежать от мира. Рустам – в водке, наркотиках, книгах, музыке, я – в Китае, поэзии и математике, в тех же книгах (впрочем, и в водке тоже). И только полный кретин никуда не бежит и всем доволен. Личность начинается с ухода в себя. Люди не потому социальны, что они разумны, а потому, что они недостаточно разумны. Только Бог, если этот вселенский Солярис существует, разумен в полной мере. Солипсизм – не тупик, а естественный и неизбежный вывод философии. Вернуться не потому, что тебя «отвлекли», а потому что ты дошёл до самого дна и, пробив дно, замкнул круг, перемены сменились на противоположные и крайности сошлись. Только у Бога нет дна, и Он не может вернуться. Или человек тоже? Зачем ты «отвлёк» Рустама, Бог?
796. И есть ли разница между детьми-аутистами и «аутистами-наоборот»? В России их называли «детьми света», в Британии – «детьми миллениума», во Франции – и вовсе «тефлоновыми детьми», имея в виду, что к таким детишкам современные понятия и требования «не прилипают». Но сейчас о них чаще всего говорят, как о «детях индиго», якобы под цвет их необычной ауры. Самой известной из них была Ника Турбина, на полтора года младше Рустама, которая в 4 года писала

очень взрослые и глубокие, философские стихи, в 9 лет выпустила свой первый сборник, получила на поэтическом фестивале в Венеции престижную премию «Золотой лев», познакомилась со знаменитыми поэтами, была прославлена, была забыта, не научилась жить одна, сменила несколько мужей, увлеклась алкоголем, несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством, побывала в психушке и погибла, выпав (или выбросившись?) из окна 11 мая 2002 года в возрасте 27 лет.

797. Света, конечно, не относилась к «детям индиго», но тоже выбросилась из окна в 2002 году, когда Вике ещё не исполнилось два года. Числа я не помню, спрашивать у её родителей стесняюсь, а в интернете можно найти информацию только о Нике Турбиной. Это несправедливо, потому что человек, любой человек, столь важен сам по себе, столь необходим для устойчивости Вселенной, что различия между людьми несущественны.
798. Тогда мы с Кадриёй были в Испании, а через год, по какому-то необъяснимому совпадению, снова оказались за границей – это была наша вторая поездка в Израиль – и снова смерть. Умер Вале́й Фатыхович, дэва-ати. Мы еле успели на похороны. На полночи заехали домой, взяли Рустама и обратно в аэропорт, на первый самолёт до Казани, рано утром. Сначала были в мечети, точнее, во дворе мечети, потому что покойников нельзя заносить в дом Аллаха. Дэв-ати, завёрнутый в саван, по мусульманскому обычаю без гроба, лежал на асфальте, к нему вышел мулла и быстро прочитал молитву, или что там положено. Похоронили рядом с дэв-ани, на старом, тесном кладбище, поехали домой. Всем заправлял Фарид. Нам с Рустамом дали тубетейки, мы сидим с мужчинами за столом, они что-то говорят по-татарски, я не понимаю, только слежу, когда нужно подносить к лицу руки, сложенные лодочкой, и будто умываться.
799. Что происходит, когда люди собираются на похороны? Традиция мудро не различает радость и горе, праздник и траур. Так же садятся за стол, так же пьют, закусывают, разговаривают. Потому ли так происходит, что смерть стирает только будущее, и не трогает прошлого? Человек – это, прежде всего, память, и память остаётся. Ты помнишь, Рустам? – спрашиваю я.
800. Я разглядываю фотографии последних лет. Новый, 2004-ый, год мы поехали встречать в Казань к Фариду: я, Кадрия, Рустам и Люда (которая Людмила Васильевна). Гуляли по зимнему казанскому кремлю, фотографировались у башни Сеюмбеки, которую Рустам упоминает в «Деревенском дневнике», у почти построенной новой мечети Кул Шариф. Потом ездили за город, в международный туристический лагерь «Волга». Мы отправились в лес на лыжах, а Рустам решил пройтись вдоль Волги дальше по шоссе, в сторону Боровое-Матюшино. Туда, где на острове когда-то была дача дэв-ати, дэв-ани и Фариды, где Рустам

отдыхал много лет подряд. Где у ребят были «местечки», курение тайком, вечерние костры, первые поцелуи, где дружили, ссорились, влюблялись, разлучались. На острове на Волге. На острове во времени. Где всегда было солнечно, даже когда шёл дождь. Была зима и снег покрывал воды реки.

801. Вернулись мы одновременно, потом сауна, ужин и возвращение в Казань. На фотографиях Рустам сидит около старого, но, как ни странно, действующего патефона. Позирует под головой кабана, прибитой к стене, мы все под ней позировали. А здесь сфотографирован после сауны вместе с дочкой сколько-то-юродной сестры Кадрии, получается, со своей сестрой, не знаю уж какой по счёту «-юродности», – оба завёрнуты в простыни и улыбаются. Впрочем, на всех этих снимках Рустам улыбается.
802. Липовские фотографии. Одни сделаны в мае, когда по большому разливу нас перевозил от Рожково до Липовки и обратно Саша Ворожейкин, теперешний муж Нади Красильниковой. По большой воде быстро бежит жёлтый катер, пересекает широкую Мокшу, быстро мелькают кусты и деревья по берегам узкой Панинки, приближается берег Старицы, уже видны крыши домов. Рустам брал с собой приятеля, Никиту. Того самого Никиту, мужа Светы. Это было уже после Светы.
803. Саша Ворожейкин появился в Липовке вместе с Юлей, второй женой Надиного отца, Валеры Красильникова. Юля давно дружила с первой Сашинной женой, тоже Надей. Саша был другом Юли, и когда-то любовником. С женой он развёлся, а с Надей Красильниковой они обвенчались в Сасовском храме. Теперь вместе живут в Липовке, и в гости к ним приезжают дети: и Надины, и Сашины. Деревенские дали ему не то обидную, не то жалостливую, но меткую кличку «Полторы ноги». Саша в детстве переболел полиомиелитом, он передвигается с трудом, опираясь на палку. Но зато хорошо водит машину, кроме старенького Сашиного москвича, у них теперь есть (ещё более старый) газик, на котором они разъезжают по деревне, в лес, купаться на Старицу, встречают и провожают гостей. Саша даже подрабатывает деревенским извозом, и с Лёшей-лесником у них вялотекущая конкуренция.
804. Раньше Надя и Саша ещё ссорились, почему-то на религиозной почве, хотя оба православные, а может быть, именно поэтому, или то был лишь повод, и Саша напивался, садился за руль и вместе с Колей-моряком катался по деревне, приезжал к нам, забыв в машине палку, на коленках, но проворно и быстро, добирался до крыльца, опасно раскачиваясь, сидел на перилах, что-то говорил, пил чай и водку... Последние годы они оба не пьют, только немного пива или вина, курить бросили. На фотографиях Саша и Надя всегда получаются очень хорошо, они оба на удивление фотогеничны. А может быть, это от счастья?

805. Я разглядываю фотографии. Здесь Рустам на липовском вернисаже. Вот мы сидим с ним рядом на завалинке, но видны только наши лица, и ещё сзади – старые серые брёвна избы Наташи Селиваненко. Почему-то мы смотрим в разные стороны. Я улыбаюсь непонятно чему, Рустам задумчив. А вот здесь же Рустам рядом с Онучаками. Те уже всю поют песни, а Рустам так же задумчиво смотрит в объектив, в красной кепке, рубашке в клетку с короткими рукавами, с отключённым плеером на шее, касается пальцами левой руки подбородка, на пальце одно из его любимых колец. Вот я нашёл это колечко, пошёл в комнату Рустама и нашёл его в маленькой коробочке, где хранятся всякие мелочи. Простое белое колечко, наверное, даже не серебряное, со звёздочкой. Не то ли это колечко, подаренное Ольгой, которое он целовал 28 февраля 1997-го года? Или это другое, а то похоронено вместе с ним, под землёй, в гробу?
806. Вот мы в гостях у Тани и Вити Онучак. Большая компания, сидим во дворе за длинным столом. Шашлык, водка, песни, чай. Мы все трое рядом: Кадрия, я и Рустам на самом краю лавки. В той же красной кепке, в той же рубашке в крупную клетку с короткими рукавами, а поверх неё – плотная джинсовая рубашка с длинными рукавами: вечереет, прохлада и комары. На одной фотографии Рустам даже смеётся, с другой стороны стола что-то смешное говорит ему Саша Косачев. Вот Саша стоит за нами, положив нам с Кадрией руки на плечи, он поёт что-то очень весёлое, а Рустам сидит грустный. И ещё большой, белый в свете вспышки, комар попал в объектив над его головой. У Саши недавно умерла жена, Нина.
807. У нас было много близких людей, друзей и просто знакомых. Память (эта сука!) не желает различать живых и мёртвых, и кажется, что все они вместе с нами. Но когда я вспоминаю длинный перечень поминальных имён... Пётр, Нина, Виктор, ещё Виктор, Марфа, Саша, Аня, Борис, ещё Борис, Юля, Валера, Лена, ещё Лена, Вадик, Ида, Дима, Сима, Евгений, Александра, Абдулвалей, Люба, Шурик, Наташа, Миша, Михаил, Таня, Сева, Марина, Гиви, Тамара, Игорь, ещё Игорь, Валентина, Павел, ещё Лена, Ахмет, Витольд, ещё Нина, ещё Нина, ещё Нина, Толя, Коля, ещё Марина, ещё Коля, Полина, третий Коля, Дуся, Гаврила, Галя, Марк, Василий, Шурочка, Маша, ещё Саша, Зоя, Юра, Юрий, ещё Юрий, Владимир, ещё Владимир, ещё Аня, Володя, ещё Володя, ещё Наташа, и ещё Саша, Андрей, ещё Андрей, Света...
808. Рустам.
809. Рай – это амнезия?
810. Если Бог есть, а смерть не конец, то нет и причин для печали, лишь лёгкое недоумение по поводу вычурности этой конструкции: рождение-жизнь-смерть-вечность. И трагедия – фарс, это такая пьеса, которую играют на круглой арене наряженные в чудные одежды актёры на

котурнах, играют для развлечения публики, жующей попкорн, запивая кока-колой. А если Бога нет, и после смерти пусто, то трагедии тоже нет – лишь бесконечная печаль. Но для меня, в моём прогрессирующем солипсизме, Рустам есть – без всяких причин, и тут ничего не изменит ни помощь Бога, ни противодействие небытия. Рустам умер – это значит: он совершил нечто важное, что у меня пока не получилось.

811. Я возвращаюсь домой с работы и иногда всё ещё пытаюсь нащупать в сумке разогнутую скрепку. Если Рустам выпил, он мог уснуть и не услышит звонка в дверь. У нас была старая дурацкая дверь, которая закрывалась изнутри на ключ. И если ключ не вынуть из замочной скважины, то снаружи не откроешь. Уходя с работы, звоню домой и, если Рустам дома, говорю ему: вынь ключ из двери. Он говорит «да», но иногда всё равно забывает, засыпает и не слышит звонка. Он крепко спит, когда выпьет. Тогда приходится стоять под дверью, долго звонить, потом пытаться разогнутой скрепкой протолкнуть ключ. Иногда это получается, иногда Рустам всё же просыпается. Один раз чуть было не вызвали спасателей, но обошлось – Рустам проснулся через полчаса. Один раз Кадрия не приехала ко мне в Липовку, потому что целый час не могла попасть домой, и время ушло, приехала на следующий день.
812. Мы уже собрались сменить дверь, но не успели. Когда Рустам умер, дверь была открыта. Потом поставили новую дверь, теперь ключ не торчит в замочной скважине. Мы с Кадриёй выбросили наши разогнутые скрепки. И то, что я пытаюсь иногда нащупать скрепку в своей сумке, – всего лишь фантомная боль в ампутированной части жизни.
813. У нас хорошая новая дверь, а я с глупым сожалением вспоминаю нашу старую дверь, как вспоминаю многие вещи, которые были, а теперь их нет. Мы меняем окна в квартире, сегодня был замерщик. Потом будем делать ремонт. Потом будем покупать новую мебель: шкафы для одежды, шкафы для книг. Всё это мы давно собирались. Когда мы выбросим платяной шкаф Рустама, два его книжных шкафа – это ещё из того самого, немецкого набора детской мебели, двухэтажная кровать от которого стоит в нашей избе в Липовке – когда сменим обои в его комнате, перестелим пол – что тогда останется от него? Его мелочи – колечки, коробочка, в которой хранится книжечка с микроскопическим Кораном, зажигалка «Zippo», шерстяная повязка на запястье, три цепочки, кассеты и диски с музыкой, деревянный ящик с письмами, ракушка, круглая коробочка с мелкими камешками, записные книжки, рукопись «Деревенского дневника» – всё это в новых шкафах приживётся ли? Со временем приживётся, точнее, наоборот: новые шкафы приживутся среди вещей, которые старше их. И тогда я буду с глупым сожалением вспоминать старую немецкую детскую мебель. И поеду в Липовку, чтобы потрогать двухэтажную кровать.

814. Фарид женится в 2005 году, когда ему уже за пятьдесят. Наверное, он считал, что не мог себе этого позволить, пока были живы дэв-ани и дэв-ати, за которыми ему приходилось ухаживать. Его жену зовут Райхана. Свадьба в кафе. Рустам танцует с дочкой Райханы, Дианой. После свадьбы мы быстро вернулись в Москву, а на следующий Новый, 2006-ой, год снова поехали в Казань. Фарид и Райхана купили дом в деревне, километров за двести от города. Это была давняя мечта Фариды. В деревне Рустам, в основном, читал книжки. Мы планировали: нужно будет троём приехать в деревню к Фариду и Райхане летом, когда тепло, можно купаться в Вятке, ходить в лес по грибы, в луга по ягоды. Так мы и не собрались до сих пор, в этом году Фарид даже обиделся на нас. Но мы ещё приедем, только уже вдвоём.
815. По дороге в деревню мы гостили у матери Райханы. Она живёт в городе Кукмор, что по-татарски произносится как Кукмара. Говорят, что это означает «два марийца»? Что за марийцы, почему их двое, действительно ли таково значение имени города, я не знаю. Мы ели домашний пирог: огромный, круглый, с картошкой и мясом, с поджаристой корочкой, особенно вкусной. Мать Райханы за стол не садилась, да и вообще за столом были только гости и мужчины. Мы выпили.
816. Там же мы были с Кадриёй после смерти Рустама. Было устроено что-то вроде поминок. Сначала за столом сидели мужчины, а приглашённый дед читал что-то из Корана, что-то рассказывал, спрашивал. Мне дали тубетейку, я сижу с мужчинами за столом, они что-то говорят по-татарски, я не понимаю, только слежу, когда нужно подносить к лицу руки, сложенные лодочкой, и будто умываться. Потом мужчин выгнали в соседнюю комнату, и за столом сидели женщины, и Кадрия вместе с ними. Женщины сидели дольше.
817. Весь мир не стоит слезинки ребёнка потому, что мир вообще ничего не стоит. Но слезинка ребёнка легка, как пушинка: дети плачут, чтобы через секунду смеяться. Слеза взрослого человека тяжела, потому что взрослые не плачут. Если бы Рустам был жив, то, узнав о своей смерти, он бы заплакал. Как плачу я.
818. Когда после смерти мы были в Казани, мы не зашли к Муслим-абы. Кадрия не хотела, чтобы её жалели. А я всё вспоминал остров на Волге, домик Муслим-абы, опасную бритву, которой он первый раз бреет Рустика наголо. Рустик с большой бритой головой и долгим взглядом, похожий не то на маленького Будду, не то на уголовного пахана. Рядом с ним дедушка – дэв-ати, похожий на старого еврея.
819. Разбирая старые письма, я нашёл пожелтевший лист бумаги, сложенный много раз. Внутри – квадратик, заполненный тонкими, тёмными, шелковистыми волосами. Это волосы Рустика, когда его остриг Муслим-абы в возрасте одного года. Мне страшно прикасаться к этим

- волосам: Рустам где-то там, на Перепечинском кладбище, под землёй, а его волосы – вот они, здесь. Он умер, а волосы живые.
820. Мир, из которого человек рождается и в который он умирает, – это один и тот же мир? Тогда зачем?
821. Теорема Гёделя о полноте: если мир сложнее арифметики, то, чтобы быть целостным, он должен быть противоречив: быть и не быть.
822. Математическое присутствие Бога.
823. Которого нет.
824. Последние годы Рустам больше всего общался со своими дворовыми приятелями. Одного звали Игорь по прозвищу Лось, другого – Саша по прозвищу Скин. Лось порой действительно похож на лося, а Скин, наверное, от «скинхед», хотя ничего такого в нём, по-моему, не было. Они не употребляли наркотиков, они пили. Незадолго до Рустам с ними поссорился. Кадрия сказала: ну и ладно, что ты за них цепляешься, за алкоголиков? Мама, – ответил Рустам, – у меня же никого больше не осталось, друзей. Уж какие есть. Потом они помирились. Эти двое – единственные из его друзей, кто приходил к нам после. Я встречаю их во дворе, и они говорят: Давайте как-нибудь съездим вместе на кладбище, выпьем водки, вспомним. Мы можем машину найти. Видимо, пока не нашли.
825. Сегодня, 9 октября 2008 года, заходил Саша Скин, просил дать ему водки выпить. Что-то мне, говорит, плохо, глючит меня. Я его спрашиваю: А хуже тебе не будет? Нет, говорит, выпью и спать завалюсь. Всё же побоялся давать ему целую бутылку, отлил, оставил граммов 200. Он говорит: жена от меня ушла. А Кадрия говорит: ну, ушла и ушла, не умерла же. Нет, говорит, не умерла. Кадрия говорит: как ушла, так и вернётся. Он говорит: вернётся если, то уже не ко мне. Кадрия говорит: да и ты ещё не умер, другую найдёшь. Он говорит: не знаю. Ну, вы звоните нам. Наверное, слышите нас – поём мы во дворе поздно вечером, когда выпьем. Слышим, говорю.
826. Запомнил я: ещё один друг Рустамов заходил, ещё со школьной скамьи, Андрей Фокин. Сказал, что в ДТП попал, попросил тысячу рублей в долг и ушёл, больше не приходил.
827. Значки, аккуратно сложенные в деревянную коробочку: Псков, Суздаль, Владимир. Два «Юных туриста СССР» и «Турист СССР». Ещё четыре значка: Нальчик, Голубое озеро, Аджария, Батуми. Волны гор бьются прибоем о скалы перевала Гезевцек. Рустам снимает ботинки. Я стою и смотрю. Навечно. Навезде. Всегда на перевале Гезевцек. Везде 22 августа 1988 года. Рустам снимает ботинки. Я стою и смотрю.
828. И ничего не вижу. Вода какая-то. Наверное, дождь. Снега нет, слишком тепло в декабре. Если и дальше будет так же тепло, трудно будет пройти к могиле на Перепечинском кладбище, грязи много будет.

829. Я разглядываю фотографии. В июне 2007 года, за полгода, мы поехали в Липовку большой компанией на двух машинах. Были в гостях у Лены и Саши Борисенко. Они показывали фильм о своём путешествии в Липовку по Кадомским лесам и болотам весной. Саша купил настоящий внедорожник, со шнорхелем, чтобы можно было вволю покурлесить в грязи и воде. Рустам на снимке даже привстал с дивана, чтобы лучше видеть. А вот с Людой (Людмилой Васильевной) они рассматривают фотографии в альбоме.
830. Но самый интересный снимок я сделал случайно, когда мы ещё только шли в гости. Мы шли по деревне, растянувшись, дурачились (уже немного выпили), и несли плакатик «Мы идём». Рустам в соломенной шляпе, красной рубашке и мягкой чёрной куртке с опущенным капюшоном. На ушах наушники плеера. Он полуобернулся назад, улыбается, губы сложены немного трубочкой как на старой фотографии из похода по ТВДЖ, где он стоит на большом валуне с сосновой дубинкой в руке, будто смеётся на наши дурачества, у глаз мелкие морщинки от улыбки. А за ним – песчаная дорога среди ещё повесенному яркой зелени травы, и дальше – маленькие домики деревни среди кустов и деревьев, и дальше – облака в синем небе. Рустам уходит туда.
831. Теперь каждый раз, идя по этой дороге, я буду проходить сквозь Рустама. Он всё ещё стоит там, полуобернувшись, будто ждёт чего-то. Он всё ещё уходит. И не может уйти.
832. Нужна была фотография на памятник. Но эта не годится: соломенная шляпа, наушники на ушах, да и улыбка неподходящая. Выбрали другую – из мая 2007 года. Мы собираемся в Израиль, третий раз. Рустам опять остаётся, так и не сделал себе загранпаспорт. Рустам и Кадрия сидят на кухне. Кадрия смотрит на меня чуть устало. Листок бумаги со списком неотложных дел. Вьётся дымок сигареты. На двух фотографиях Рустам улыбается, а на третьей – нет, а кажется, что улыбается – чуть-чуть. И в глазах его я читаю всё, что в нём было хорошего. А самое хорошее в нём было – его отношение к миру, ко всем, к друзьям, подругам, к Оле, Свете, Вике, ко всем людям, к бомжихе, к котёнку, собаке, свои ли они, чужие ли, к Кадрие, ко мне. И кажется мне, что Рустам относился ко мне лучше, чем я к нему. Потому что я от него чего-то хотел, а он меня просто любил.
833. Теперь на граните памятника над могилой Рустама будет его лицо из мая 2007 года. На обратной стороне тоже можно что-нибудь вырезать. Некоторые изображают целые пейзажи, с деревьями, церквушками и т.п., у кого-то нарисован автомобиль с деталями, у кого-то – дом. Сначала мы ничего не хотели, но потом подумали: когда идёшь к могиле, будешь видеть только обратную сторону памятника, и когда уходишь, обернувшись, тоже увидишь только обратную сторону. И мы

выбрали лаконичный рисунок, белым по чёрному граниту: дерево, без листьев, лишь с парой голых ветвей, склонённое к камню. Рядом с деревом деревце, рядом с камнем камень поменьше. Это с одного моего рисунка. Кадрия сказала: возьми какую-нибудь свою картину, Рустаму они нравились. О чём я думал, когда рисовал ту акварельку? В ней есть печаль, но разве чувствовал я, что это печаль по Рустаму? Никогда больше не напишу я подобных картин, или буду писать только их одних, мне не дано знать.

834. Скоро закончу я писать книгу эту. Как бы тяжело не было писать её, я боюсь заканчивать. Будто, пока пишу, Рустам ещё здесь, стоит лишь позвать из соседней комнаты, лишь обернуться, чтобы увидеть его в кресле перед телевизором, в наушниках, которые он надел, чтобы не мешать мне писать книгу эту. Я растянул прощание на год в наивной надежде, что будет легче, что время лечит, но времени наплевать на меня. От болезни смерти лечит лишь смерть. Но я буду жить ещё какое-то время, чтобы Рустам жил вместе со мной это время. Что будет потом, не знаю.
835. Я заканчиваю книгу, и кто-то скажет: она написана, чтобы вывести смерть как закономерный итог жизни. Глупость какая! Если бы смерть была итогом жизни, если бы у смерти были какие-то особые причины, то одни люди умирали бы, а другие, у которых этих особых причин нет, жили вечно. Но люди умирают все, потому что смертны, и жизнь здесь совсем не при чём. Бумага тоже не вечна, но живёт много дольше; это непонятно и несправедливо, но это причина написания книги. Глупая причина: книга не заменит Рустама, не заменит его жизнь, лишь отчётливее констатирует смерть. Написанное бесконечно меньше того, что схоронено в моей душе, а этот слепок в моей душе бесконечно меньше того, кто его оставил. Мне кажется, Рустам знал, сколь бесконечен человек, и как ничтожна в сравнении с этим человеческая жизнь, и чувствовал, как это печально. Где-то в глубине его сердца, там, где рождалась любовь к жизни, рождалась и печаль, это было одно: любовь-печаль. Книга написана без причины и цели: так же, как рождаются, как умирают люди. Теперь, «где б души не витали»...
836. Осенью 2007 года наша кошка Туся, которая появилась у нас, чтобы не чувствовать пустоту после того, как пропала Бася, родила четверых котят. Одного пристроил Рустам своим друзьям, второго взяли по объявлению в интернете. Третьего взяла последняя подружка Рустама, её звали Рита, уже после. Четвёртый, любимец Рустама, оставался у нас дольше всех, мы даже дали ему имя – Мишка. В мае мы привезли его в Липовку. Деревня утопала в цветущих вишнях, яблонях, грушах и черёмухе – всё одновременно. Мишку взяла Вера Евушкина, она сказала: я хочу котёнка, которого любил Рустам. Теперь он уже вырос в большого, пушистого, доброго кота.

837. Кошка Туся пережила Рустама. Котёнок Мишка пережил Рустама.
838. Хочется кому-нибудь дать в морду. Кто-нибудь скажет: жизнь описали пустую, не было достижений... А я дам в морду.
839. Но ведь это я сам говорил Рустаму: Рустам, что ты делаешь со своей жизнью. Нельзя так. Найди себе женщину хорошую, создай семью. Найди дело своё. Жизнь ведь пустая у тебя, и она уходит. Нужны достижения...
840. Теперь моя жизнь пустая.
841. В задницу достижения.
842. Кадрия мудрая. Она не отчаивается. Только тихо плачет, когда я не вижу.
843. На день рождения наши друзья подарили Кадрие домашний кинотеатр. Я поставил диск Joan Baez. Этот диск я купил по просьбе Кадрии в Америке, хотя молодые продавцы не знали, кто такая Joan Baez. Я поставил Joan Baez. Я не подумал. Кадрия стояла у окна, слушала и тихо плакала. Они оба любили песни Joan Baez.
844. И ещё: Кадрия больше не покупает блинчики.
845. За месяц до написал стихотворение:

Я теперь не пишу о смерти,
Я теперь не пишу о любви.
Я пишу о дожде за дверью,
Я пишу о Луне в окне.

Смерть в моём поселилась доме:
Пьёт моё пиво
И смотрит мой телевизор.
А любовь за моей спиной
Положила мне руки на плечи,
Что-то шепчет мне тихо в ухо.

Я бы вышел за дверь,
Но там дождь, дождь...
Я бы выбил окно,
Но там ночь, ночь...

846. Почему я это написал? Почему написал за месяц до? Что-то чувствовал? Ни хрена я не чувствовал – всё время чувствовал.
847. Через два месяца после написал хайку:
- Зимой умереть,
Чтобы в разгаре лета
Падал снег, снег, снег...
848. Сегодня опять зима, но бессмысленно-бесснежная:

Бесснежная зима.
Зелёная трава ждёт снега. Снега ждут деревья.
Недвижимые ветви, лишившиеся крыльев,
не чувят ветер. Ветер уныл и однозвучен.
Я был научен
не любить
зимы бесснежной неочарованье.
Когда не радости - хотя бы сострадания -
душа в природе не находит.
Как медленно переставляет ноги
старик, бредущий вымершей дорогой.
И будущего снега весёлая поземка
и неуместна,
и не весела.

849. Я закрываю альбом фотографий – кончились фотографии.
850. Сегодня не иду на работу. Сегодня заканчиваю книгу. Иду в парк, прогуляться, продышаться.
851. Рустам с дивана поднялся, он телевизор смотрел, на меня посмотрел, сказал «счастливо». Он всегда говорит «счастливо». Сказал «счастливо», он ведь не собирался.
852. 13 лет назад Рустам написал в этот день: Утром, только затопив печь и сев попить кофе, услышал стук в дверь.
853. ...лодка исчезает в тумане, исчезает в тумане, в тумане, не...
854. Рустам, ты меня слышишь? Руста-а-м! — Сейчас, пап, только наушники сниму. — Ты что там, в наушниках сидишь? — Ну да, тут все спать завалились, а мне что-то не хочется, вот решил музыку послушать. — Как ты там? — Нормально всё, только по вас с мамой скучаю. — Тебя не обижают? — Папа, ты чего говоришь-то? Кто меня обидеть может: я ведь тут самый главный. — Как это самый главный? — Ну, это ведь мой мир, понимаешь? — А есть и другие? — Нет, ну я не знаю, как объяснить. Мир вроде бы один, только для меня он мой. Это не объяснишь так просто. — Тебе хорошо? — Нормально. — Что значит нормально? Это ведь не хорошо и не плохо. — Вот так и есть. — А лучше может быть? — Папа, ты понимаешь, тут ведь как: если что-то может быть, так оно уже есть. — Ты скажи, если нам с мамой что-то сделать нужно... — Вообще-то есть одна просьба. — Говори, мы постараемся. — Меня Скин просил один диск записать. Я записал, а отдать не успел. Он там в шкафу должен быть, на полке, только не в общем ряду, а отдельно лежит, с такой синей наклейкой. Скин, наверное, стесняется спросить, так если вы его увидите, скажите, что он может забрать диск, я всё записал. — А тебе самому-то ничего не нужно? — ...связь обрывается.

855. Папа? — Рустам, это ты? — Да, слушай, у меня времени нет. Вы в Липовку на Новый год собираетесь? — Хотелось бы, но не знаю, как получится. — Папа, если поедете, можете на двухэтажку сходить? — Можем, конечно, а зачем? — В моей комнате на полке коробочка стоит, там камешки всякие, которые с Белой привезены. Вы возьмите круглый камешек, а на Старице в воду бросьте. — Так ведь Старица замёрзла уже, нам Надя Красильникова сказала. — Вот чёрт! Ну, может лунку проделать можно. — Да зачем это? — Папа, ты прям какой-то странный! Как я тебе объясню, если сам не знаю. — Не знаешь? — Ну, не то чтобы не знаю, просто не понимаю, а когда понимаю, то выходит, что не знаю. — Я не понимаю. — Я тоже. — А куда ты торопишься? — Да я не тороплюсь. — Ты же сказал, что у тебя времени нет. — Так здесь его вообще нет. — *...связь обрывается.*
856. Папа, расскажи, какая у вас там погода. Наверное, снегу навалило? — Если бы! Зима совсем бесснежная. Деревья голые, трава зелёная. А температура уже минус десять. Противно. В Липовке тоже снега нет, а там и минус шестнадцать доходит. — Здорово! — Чего ж хорошего? — Ты, папа, не понимаешь. Это так здорово, когда погода есть. — А там нет? — Здесь ничего нет. — Ты же говорил, что люди какие-то есть, даже спят они, ещё ты музыку слушал в наушниках. — Это всё правильно, только понимаешь папа: ничего этого нет. Я вот могу музыку слушать, только её нет, музыки-то. — *...связь обрывается.*
857. Рустам, ты вспоминаешь что-нибудь? Меня, маму, бабу Лиду, Фариду, Липовку, перевал Гезе-вцек, остров на Волге... — Папа, чтобы вспоминать, нужно быть живым, когда что-то забывается, а потом вспоминается. А здесь ничего не забывается, поэтому я ничего не могу вспомнить. — Тебе плохо? — Папа, очень хочется живым быть. Но это только пока я говорю с тобой. — А в остальное время? — Так ведь нет времени. Когда не говорю с тобой, меня вроде нет. Не знаю, как объяснить. — Рустам, мы очень скучаем. — Папа *...связь обрывается.*
858. Папа, вы там с мамой не болеете? — Почему ты спрашиваешь? — Да так что-то, вот подумал. Вы не болейте, ладно? — Раньше ты не спрашивал. — Да нет, папа, спрашивал, только ты не слышал. — *...связь обрывается.*
859. Рустам, а Бог есть? — Папа, ты разве веришь в Бога? — Так, может быть, я ошибаюсь. — Ошибку совершить невозможно. — Это ты у Курта Воннегута вычитал, в «Колыбели для кошки». — Ну и что? Почему не повторить за умным человеком. — Так есть или нет? — Папа, если бы всё было так просто, ты бы уже знал. — А ты знаешь? — Нет, конечно. — Как же так? Разве там это не ясно? — Папа, нет никакого там, понимаешь? Всё только здесь. — Рустам, а ты сам-то как же? — Довольно странные ощущения, иногда приятные, иногда грустно становится. Понимаешь, здесь меня нет, но я был, а оттуда это не

- различно. Вроде как это ничего не значит. Бессмыслица какая-то. — Я думал, там ты всё поймёшь. — Папа, это я здесь всё понимал, как выяснилось. Только теперь забыл. — Значит, и я должен всё понимать? — Нет, папа, ты не должен, понимаешь, ты ещё не вспомнил, ты же не умер. — *...связь обрывается.*
860. Папа! Папа, ты меня слышишь? — Рустам? О Господи! Рустам, ты меня разбудил, сейчас четыре утра. — Прости, папа, у меня часов нет, я их дома забыл. — Я твои часы пробовал носить, но они тяжёлые для меня. Да и отвык я часы носить. Они в ящике моего стола лежат. — Папа, я тебе наврал про Бога. — Он есть? — Не в этом дело. Просто над всякой душой есть хранитель. — Это из 86-ой суры, я вчера вечером Коран листал. — А я так и не прочитал, пробовал, но скучно стало, только полистал немного. — Кто же твой хранитель? — Я думаю, это вы с мамой, вы ведь у меня всегда были. Вы меня любите. — Ты говорил это здесь. — Папа, а ничего другого ведь нет. — *...связь обрывается.*
861. Рустам? — Папа, ты делаешь мне больно. — Рустик, я просто плачу. — Не плачь, папа, мне от этого больно. — Я постараюсь. Вот, уже не плачу. — Папа, ты плачь, больно – это хорошо, понимаешь, это лучше, чем ничего. Только ты так плачь, чтобы не плакать, чтобы тебе не было плохо. Ты вроде как плачешь, а сам не расстраиваешься, понимаешь? — *...связь обрывается.*
862. Рустам, ты не жалеешь о своей жизни? Если бы изменить... — Нельзя, папа, понимаешь, не потому нельзя, что невозможно, а потому, что не нужно. Как бы объяснить? Вроде как бессмыслица получится. Вот ты сам говорил: где время, там нет сослагательного наклонения. А где времени нет, там все варианты есть. — Но если бы было по-другому... — И по-другому тоже было. Когда вы с мамой умерли, я вас похоронил, а потом ещё долго прожил. Скучал по вам очень, а потом уже сам умер. У меня семья была, детей много, внуков застал. — Рустам, это всё фантазии, не было ведь ничего этого. — Откуда ты знаешь, папа? — Ты ещё мне про параллельные миры будешь рассказывать! Не верю я во всё это. У человека только одна жизнь, и если он прожил её как-то не так, это трагедия. — Папа, прожитая жизнь всегда трагедия, любая жизнь, если она уже прожита. — Ты говоришь моими словами. — От тебя научился. — *...связь обрывается.*
863. Рустик, это опять я. Прошлый раз мы вроде как поругались, во всяком случае, поспорили. Ты меня не убедил, понимаешь, с этим невозможно смириться, ты умер таким молодым. — Папа, когда ты смиришься, меня не станет. Во всяком случае, для тебя. — Я не смирюсь. — Но ты, папа, всё равно не расстраивайся. Помнишь, я тебе про варианты говорил? Они все вместе сливаются, так что и вариантов-то никаких нет, есть просто я. А чтобы как-то назвать меня, есть та жизнь, которая была здесь. Понимаешь, этого больше, чем достаточно. — Но тогда

получается, что всё тщетно, всё суета сует. — Да нет, папа, так не выходит, потому что жизнь прожить нужно, а если на всё рукой махнуть, то как же прожить её? — А те, кто махнул рукой, с ними-то что? — Папа, таких нет. — А как же Света, она из окна выбросилась. А другие? — Света не думала, что умрёт. — Как это? — Ну, я неточно выразился. Она просто так жить не хотела, она по-другому хотела. Понимаешь, хотеть жить по-другому и хотеть умереть – это ведь разные вещи. — Что же она тогда не попыталась жить по-другому? — Она и попыталась, думала, выбросится из окна и жизнь другая будет. — Бред какой-то. — Ну да, они все, которые из окон выбрасываются, сумасшедшие. Но их пожалеть можно. — Я теперь тоже жалею. — Папа, передай тётке Тане и дяде Сергею привет от Светы, ладно? — *...связь обрывается.*

864. Папа? — Да, Рустик, я тебя слушаю. Я теперь тебя всегда слушаю. Ты хочешь мне что-то сказать? — Да нет, папа, просто хотел твой голос услышать. — Мне говорить? Я не знаю, что сказать. — Тогда почитай что-нибудь. У тебя какая книга сейчас на столе? — Вот Библия лежит. — Открой наугад и пальцем в страницу ткни. — Вот открыл, это псалтирь получился, 108-ой псалом, восьмой стих. — Ну, читай... Папа, ты чего молчишь? — Не нравится мне этот стих. — Папа, ты не бойся, мне ведь там ничего уже не страшно. — *...связь обрывается.*

865. Рустам? — Я здесь. — Хотел тебя спросить: ты там кого-нибудь видел? — Ты опять про Бога? — Нет, я имел в виду дэв-ати, дэв-ани, ещё кого-нибудь, ну ты понимаешь, кто уже умер? — Папа, я их здесь видел. — А там? — Ты мне не поверишь. — Говори уже. — Понимаешь, тут всё и все есть, и тут ничего и никого нет. — Я тебе верю. Кажется, я и сам так думал. Но ведь мы с тобой разговариваем. — А мы с тобой разговариваем? — *...связь обрывается.*

866. Папа? — Рустик, ты меня напугал. — Прости, сейчас что, опять ночь? — Нет, ты меня прошлый раз напугал, когда спросил «А мы с тобой разговариваем?» — Да ладно, папа, шуток что ли не понимаешь? — Хороши шутки! Может, я головой заболел, с ума схожу? — Ну, папа, если так думать, тогда здоровые только мёртвые. — А они здоровые? — Папа, это тоже шутка. — А-а... У тебя сегодня весёлое настроение. — *...связь обрывается.*

867. Рустам? Ты почему про Вику не спрашиваешь? — Папа, я боюсь спрашивать. — А говорил, что тебе там ничего не страшно. — Так это там, а когда я с тобой разговариваю, я здесь. — Не пойму я, как это происходит? — А это происходит? — Ты опять шутишь? — Папа, я тебя просто люблю. — *...связь обрывается.*

868. Папа? — Да. — Мне мама сказала, ты книгу пишешь? — Ты с мамой разговаривал? — Конечно, я всё время с ней разговариваю, как с тобой. Жаль только, всем вместе нельзя поговорить. — А почему нельзя? —

Папа, ты же знаешь: я ведь не по телефону с тобой говорю. — Ну да, это, наверное, что-то вроде мобильной астральной связи? Когда голос в голове слышится? — Вот именно. И здесь спикерфон не предусмотрен. — Ну, ладно. А что мама говорила? О чём вы с ней беседуете? — Да так, обо всём. Она тоже про Бога спрашивала, про дэв-ани с дэв-ати. Ругала меня. — Как ругала? — Ну, не то, чтобы ругала, а просто жаловалась, что вот, мол, я умер, жизнь свою загубил, а мне так много было дано, голова у меня хорошая была, а ничего не получилось, и так далее. — И что же ты ответил? — Папа, а ты разве не знаешь ответа? — Кажется, догадываюсь. Ты сказал, что здесь это уже не имеет значения, а там и вовсе не в том дело. — Да, что-то вроде этого. Хотя, конечно, обидно. — Ага! Всё-таки, обидно. А меня уверял, будто тебе с этакой космической высоты уже не различить, какая хорошая жизнь, какая плохая. — Папа, не придирайся. Обидно, что жизнь кончилась, какая бы она ни была. — *...связь обрывается.*

869. Папа? — Да. — Ты мне про книгу ничего не сказал. — А что говорить? Почему-то мне кажется, что ты уже всё знаешь. — Вообще-то, да. Я просто хотел сказать, ну, ты, папа, не ругай меня очень сильно, пожалуйста, за то, что я умер. — Рустик, я *...связь обрывается.*

870. Рустик! Мне иногда грустно становится и чудится, что ты в маленькой комнате на кровати лежишь, книжку читаешь. — Ну да, я иногда так делаю, когда грустно становится. — Я иду в маленькую комнату, а тебя там нет. — Значит, тебе чудится, что меня нет. — И то чудится, и это чудится. А что же на самом деле? — То, что грустно становится. — Хочешь сказать, что мир — это мои ощущения? Или твои? — Это солипсизм называется. — Рустам, ты разве это слово знаешь? Или опять моими словами говоришь? — Ты просто не спрашивал никогда, знаю я или нет. — Не спрашивал. А сейчас спрошу: так как насчёт ощущений? — Я, папа, тут понял, что реальность — это как отражение в зеркале. Если слева смотришь, то видишь то, что справа; если справа смотришь, то видишь то, что слева. — А если прямо смотришь, то себя можно увидеть. — Папа, ты и так всё знаешь. Только себя увидишь перевернутого: сердце-то справа. — Но что-то ведь в зеркале отражается. Может быть, это реальностью называть? — А как узнать, что в зеркале отражается, видим-то мы только зеркало. Ещё бывает, что зеркало кривое. Помнишь, мы с тобой в комнате смеха были? — Ты тогда совсем маленький был, неужели помнишь? — Папа, я теперь опять маленький. — Не понимаю. — Ну как тебе объяснить, я вроде как и маленький и взрослый, одновременно всё. — Перевал Гезе-вцек? — А ещё остров на Волге. — Ногу ошпарил на Угре? — А ещё свинкой болею в Казани. — В Симеизе в жёлтом костюмчике? — Меня дэв-аника пеленает. — *...связь обрывается.*

871. Рустик! Мы тут скоро ремонт делать будем. Вещи твои все оставим. Только шкафы старые из твоей комнаты выбросить придётся, мебель

поменяем. Это ничего? — Папа, вам ещё нужно дверь поменять входную, она плохая. — Да мы уже поменяли. А недавно нам окна новые поставили. — Здорово! Хотелось бы посмотреть. — Ты разве оттуда не видишь? — Хотелось бы по-настоящему посмотреть, ну, ты понимаешь, папа? — Ты всё-таки умер. — Да ...связь обрывается.

872. Папа? — Да, Рустик. — Как ты думаешь, меня скоро забудут? — Мы с мамой тебя никогда не забудем, ты же знаешь. — А когда вы умрёте? — Ольга молодая ещё, она дольше проживёт. Она тебя тоже помнить будет. Ещё друзья твои. — А потом? — Может быть, Вика? Она, конечно, ещё совсем маленькая была. Таня и Сергей будут ей рассказывать о тебе и о Свете. — Думаешь, она что-то поймёт? Она ведь не такая, как все. — Откуда нам знать, Рустик? Может быть, она лучше всех понимает. — Всё-таки жалко. — Нас всех когда-нибудь забудут. — Некоторых людей долго помнят. Ну там, Александра Македонского, Конфуция, Шекспира... — Это не их помнят, а только их дела или их слова. — Ты, папа, стихи писал, может быть, их будут помнить. — У тебя теперь есть «Деревенский дневник». — Папа, это же я просто так написал, разве это интересно кому-нибудь. — Люди читают, я видел в интернете: многие читают. Потом я вот эту книгу напишу, это о тебе книга. — Наверное... Только тогда получится, что я останусь в твоей книге. А меня самого, каким я был, живым, помнить уже не будут. Как отражение. — Рустик, тебе плохо? — Сейчас, когда говорю с тобой, плохо, папа. А вообще никак. — ...связь обрывается.

873. Рустам? — Да, папа. Я знаю, что ты хочешь спросить. — Ты мои мысли читаешь? — Ну, когда мы разговариваем, мы же языками не шевелим. — Так что ты ответишь, если знаешь вопрос? — Нет, папа, тут не ад, и не рай. И не католическое чистилище. И не подготовка к реинкарнации. — А что же? — Вообще-то я говорил уже: ничего. Только, понимаешь, это не такое ничего, которое было бы, если бы меня никогда не было, если бы никаких людей никогда не было. Тут какое-то другое ничего. — Тени во тьме? — Тьмы тоже нет. Некоторые думают, что это сплошной свет, но так только кажется, потому что тьмы нет. — Ты ощущаешь чьё-то присутствие? — Ты хотел спросить, божественное присутствие? Нет, тогда я чувствовал бы что-то постороннее. А я ничего постороннего не чувствую. Как если бы я сам был Богом. — Рустик, но тогда... — Нет, папа, никакого всеведения и никакого всемогущества нет, только всепечаль. — ...связь обрывается.

874. Рустик, я хочу понять: ты умер таким молодым. Теперь у тебя истинный возраст? — Да, только мне несколько лет, потому что времени нет. — Истинный взгляд? — Только я ничего не вижу. — Истина? — Как будто меня обманули, или я кого-то обманул, или сам себя обманул. — ...связь обрывается.

875. Папа? — Я тоже догадываюсь, что ты хочешь спросить: зачем человек живёт? — Ты знаешь? — Когда ты жил, я знал. Только я не знал, что знаю. — А теперь? — Теперь я спрашиваю, зачем человек жил? — Папа, это нельзя спрашивать. — Почему? — Потому что бессмыслица получается. Вместо того, чтобы спрашивать о человеке, мы спрашиваем о том, что после него осталось. — А что остаётся после человека? — Ничего не остаётся. — Но это не такое ничего, как если бы человека никогда не было? — Не такое. Но всё равно ничего. — Так зачем человек живёт? — *...связь обрывается.*
876. Рустам, ты не договорил. — Папа, у вас снег выпал? — Да, немного, правда, но земля уже белая. — Папа, если бы меня не было, снег бы по-другому лежал, правда? — Правда. — И ветер по-другому бы дул? — Правда. — И ветви у деревьев чуть иначе перекрещивались? — Правда, Рустик. — *(смеётся)* — *...связь обрывается.*
877. Папа? Тебя долго не было. — Я посуду мыл. Сковородку долго очищать пришлось. — Раньше я тоже посуду мыл. — Ну, сковородки ты не любил очищать. — Это я ошибался. — Ты хочешь сказать... — Ну да, папа, вот смотри. Раз ты посуду моешь, значит, кто-то из неё ел. Мама ужин приготовила. А для этого она в магазин ходила, продукты покупала. А продукты за деньги продают. Вы с мамой работаете, чтобы деньги заработать. В метро ездите, с разными людьми общаетесь. Потом к нам гости приходят. — Людмила Васильевна была. — Вы, наверное, обсуждали, как в Липовку на Новый год поедете. — Обсуждали. — Значит, уже Липовка. А там тоже люди живут. — И ещё Старица, лес, луга, Мокша. — Ну да, папа, и небо, и облака, и звёзды. Мы с тобой, конечно, упростили всё: как будто сказку придумали для маленьких детей. Но ведь правда: так весь мир и выстраивается. Совсем недалеко до самой дальней звёзды. — *...связь обрывается.*
878. Рустик, я ещё пепельницу сполоснул. Хочу сказать: этого мало. — Папа, ты очень много куришь. — Не отвлекайся, Рустам. Книгу писать не легко, знаешь ли. — Папа, это тебе мало, а мне уже бесконечно много. — Прости, Рустик, я не то хотел сказать. — Это ты меня прости. Я понимаю: человеку нужно что-то очень большое. — Бесконечно большое. — Ты спрашиваешь, зачем мир существует? — Зачем всё вообще? — Папа, мы тут с Богом беседовали. Он тоже грустный был. — С Богом? — Папа, не придирайся, это просто такой оборот речи. — А... — Знаешь, папа, ты не грусти, пожалуйста. Ну, не всё время. И маме скажи, чтобы не горевала сильно. Когда вы смеётесь, Богу тоже весело. — *...связь обрывается.*
879. Рустам, мы завтра на кладбище едем. Год будет. — Папа, я не знаю, что сказать. — Рустик, что там, на кладбище? Там, под землёй, наверное, уже кости видны, рубашка твоя чёрная истлела, бусинки с цепочки рассыпались, в книжечке с Кораном бумага расплзается... — Папа, я не

знаю, что сказать. — Кто там под землёй? Это ты? — Папа, я не знаю, что сказать. — Рустик, мне кажется, зачем-то это всё нужно: на кладбище приехать, цветы положить, выпить водку в память о тебе, налить тебе рюмку и поставить на могилу. — Папа, будет грустно. — Но тебе это нужно? — Когда вы с мамой будете плакать, я тоже буду плакать. Спасибо, папа. — Я так и думал, что нужно. Не знаю, зачем, какой в этом смысл, но так нужно. — Папа, я был как ты: не любил печалиться и всё время печалился. — *...связь обрывается.*

880. Папа? — Я здесь. — Завтра у вас гости будут? — Конечно, Рустик, соберёмся, тебя будем вспоминать. — Расскажи, кто придёт. — Ты же, наверное, и так знаешь. — Ты всё равно Расскажи, я хочу послушать. — Ну, Люда будет, Людмила Васильевна. Она с утра будет, с нами на кладбище поедет. — А как вы поедете? — Нас Наташка обещала отвезти. Так что мы у могилы четвером будем. Вечером она тоже придёт. — А ещё? — Ещё Саша Белугин, Саша Косачев, все, кто тебя давно знал. Потом Таня с Сергеем хотели придти, конечно, без Вики. Ещё Маша. — Какая Маша? — Ты её совсем немного видел, она недавно появилась, но как-то подружилась с нами, на сорок дней она тоже была. Маша дизайнер, она обещала нам проект обустройства комнат нарисовать, сначала твоей комнаты, когда мы будем там ремонт делать и мебель покупать. — Это здорово, красиво будет. Больше никого? — Может быть, Игорь Калинович с Ирой приедут. Но это неточно, у них вчера дочка из Англии прилетела, они сегодня рождество празднуют по западному календарю. — Скина с Лосём не звали? — Рустам, мы решили, что если они хотят придти, пусть сами приходят. А специально звать – не звали. То же и с Ольгой. — Ну, и правильно, папа. Мне-то рюмочку нальёте? — Так ты и там выпиваешь? — Папа, это шутка. — Невесёлая шутка. — Ты просто не привык, папа. — *...связь обрывается.*

881. Рустам? — Папа? — Я не знаю, что ещё писать в книге. — Ну, я же не могу тебе советовать. — А ты всё-таки посоветуй. — Напиши так: «Жил-был мальчик Рустик. А потом его не стало. Но солнце всё равно светило, и дождик капал». — Сейчас зима. — Тогда напиши: «и снег падал на землю». — *...связь обрывается.*

882. Рустам, а если без шуток? — Папа, это не шутка. Ведь так всё и было? — *...связь обрывается.*

883. Рустам? — Папа? — Мама очень переживает. — Она книгу прочла? — Да. Говорит, мы теперь стали старые и никому не нужные. — Вы же ещё не старые. — Старые, старые. И мы совсем одни. И Люда вот тоже совсем одна. — Папа, обними маму за меня. Пусть она не горюет. Там не так уж страшно. — А здесь становится страшно. — *...связь обрывается.*

884. Рустам, мы тебя увидим, когда умрём? — *...связь обрывается.*

885. Папа, это ничего, что я умер? Всё равно ведь потом будет погода прекрасная, весна, и всё тип-топ. — ...связь обрывается.

886. Рустам? — Папа, тут такое дело, даже не знаю, как сказать... — Тебе пора? — Я вообще-то и так задержался. — Да куда ж ты спешишь, когда времени нет. — Папа, у тебя-то оно есть. — Мама? — Я с ней уже прощаюсь. — Но потом? Иногда? Это возможно? — Папа, ты и сам знаешь, что возможно всё. — Рустик? — ...связь обрывается.

887. Папа? — ...связь обрывается.

888. Рустам? Рустик? Руська? — ...абонент недоступен, недоступен, недоступен.

P.S. Уже после того, как я написал последнюю фразу книги, мы с Кадрией разбирали старые папки с бумагами и нашли пару страничек из тетради в клеточку, исписанных рукой Рустама и помеченных датой "19 апреля 1987 года". Я подумал, что это как раз то, что имел в виду Рустам (или не Рустам?), когда говорил (или не говорил?): «Напиши так: Жил-был мальчик Рустик».

Рустам БУРДОНОВ

НАГРУДНЫЙ КАРМАН ЖЁЛТОЙ РУБАШКИ В КЛЕТКУ

Я лежу на кровати. Кончается воскресенье, и завтра надо будет идти в школу. А за окном мразь, снег идёт, как будто зима, а сырость прямо до костей пробирает. Грустно. Хочется спать. Я переворачиваюсь на другой бок и вдруг слышу: где-то рядом что-то позвякивает. Это в моём кармане звенят ключи. Я вынимаю их: они красивые, на синей пластмассовой цепочке висит металлический карабин, а на другом конце - ключ от моей квартиры, он немножко погнут, но это не страшно - он прекрасно открывает дверь. А когда я иду в школу, я пристёгиваю карабин к джинсам и кладу ключи в карман, а кусок цепочки свисает из кармана. Иногда я возьму их и начинаю раскручивать, и цепочка со свистом режет воздух. Мама говорит, что эта цепочка от косметического сундучка. Очень может быть. Я кладу цепочку обратно в карман, и вдруг слышу какой-то шелест. Думаю: может рубль в кармане со сдачи остался, или записка какая - и то и другое иногда бывает у меня в кармане, но рубль в конце концов оказывается в кружке (в шкафу у нас есть кружка для денег), а записка выбрасывается. Но нет, это не записка и не рубль, это фантик от конфеты "Чебурашка". Уж не знаю, где я её съел, но должно быть было очень вкусно. Вообще-то я не очень-то уж сладкоежка, то ли дело Генка - тот может целую банку варенья зараз умолотить и хоть бы что. Но у нас есть ещё больший любитель сладкого - это Пушок. Например, я пью чай и достаю сахар из шкафчика, так тот по звуку узнаёт, что я достаю сахар, и бежит ко мне. Он за

кусочек сахара готов даже послужить немножко, но больше всего он, как и положено добросовестной собаке, любит косточку. И когда он грызёт её под кроватью, к нему лучше не подходи - может и укусить.

А ещё у меня в кармане лежит много крошек. Да-да, не удивляйтесь: крошки от белого хлеба. Откуда они? - спросите вы. Очень просто: в школе почему-то очень хочется есть, вот мы и бегаем в столовую, и набираем хлеба. Рассовываем его по карманам, а потом ходим и щипаем его. Вот хлеб-то мы съедаем, а крошки остаются. И почему-то в школе нам хочется именно белый хлеб, и не по 16, не по II или там 18 копеек, а именно по 23 копейки - тёплый, вкусно пахнущий. Кто бы мог подумать, что в школе так хочется есть. Мне так хочется есть только в школе и в походе. А так наберёшь хлебешка и ходи жуй. Правда, хлеб нам не всегда дают, но мы не унываем и бегаем тогда в булочную.

Да, чего только не бывает у меня в карманах - с ума можно сойти! Иногда попадаются разные огрызки, значки, клёпки, и много другого разного барахла!!!